

В. И. КРАСОВ. СТИХОТВОРЕНИЯ

В. И. КРАСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

W104 - O gusto nro; no my suavia

1821

1877

Н. НЕКРАСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1938 — Ленинград

Подбор иллюстраций Э. Ф. Голлербаха
Переплет, титул и форзац работы П. П. Григорьянца

Редактор Р. Филиппова. Худож.-редактор Н. Полозов. Технич. редактор Н. Родченко. Корректора А. Сасова и И. Кносе. Сдано в набор 11/1 1938 г. Подписано к печати 27/VI 1938 г. Д-7. Лениздат № 189. Тираж 25.000 экз. Лениздат № 1990. Заказ № 18. Формат бумаги $80 \times 108^{1/16}$. Объем $69^{3/4}$ п. л. ($67^{1/2}$ п. л. + 9 вкладок). У.-а. л. 48,41. А. л. 59,73. (257,792 тип. зн. в 16 ум. л.). Бум. л. $17^{7/16}$. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Форзац отпечатан в типографии ЛОССХ. Ул. Герцена, 38. Трехцветки отпечатаны в типографии «Ленинградская Правда», Социалистическая ул., 14.

Цена 9 р. Переплет 2 р.

1877
 1821
 56.

Алек. Некрасов

ЖИЗНЬ НЕКРАСОВА

Николай Алексеевич Некрасов родился 4 декабря 1821 года (по новому стилю) в местечке Юзвине Подольской губернии.

Его отец, Алексей Сергеевич, был офицером и помещиком. Вскоре после рождения сына он вышел в отставку майором и поселился в своем родовом Ярославском имении Грешневце, где жизнь его потекла, как у всякого тогдашнего помещика средней руки: он рыскал за волками и зайцами, пьянствовал, играл в карты, судился с соседями и каждую неделю порол крепостных.

Жена его, Елена Андреевна, жила у него в доме как чужая. Эта мечтательная голубоглазая женщина читала французские и польские книжки, играла на рояле, хорошо пела, и, конечно, не могла быть счастлива в супружестве с уездным дикарем. Она была по отцу украинка, получила хорошее воспитание и смолodu привыкла вращаться в более культурной среде. Муж оскорблял ее на каждом шагу. Однажды он ввел к себе в дом свою крепостную любовницу и потребовал, чтобы Елена Андреевна угождала ее. Елена Андреевна отказалась. Он побил ее в присутствии сына.

Мальчик на всю жизнь запомнил, как страдала эта одинокая женщина. Часто уходила она в сад, звала к себе сына, обнимала его и плакала. Впоследствии он не раз воспевал эти слезы. Такие его стихи, как «Родина», «Мать», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю», являются единственными в русской литературе сыновними гимнами матери. Отца же в своих стихах он называл «угрюмым невеждой», «деспотом», «губителем», «палачом». Образ отца навсегда остался в поэзии Некрасова как образ жестокого самодура-помещика.

С жестокостями крепостного права ребенка пришлось познакомиться рано. Его отец служил одно время исправником: разъезжая по округу, он нередко брал мальчика с собою, и тот присутствовал при телесных наказаниях крестьян. Столь же мрачны были его впечатления от Волги, которая протекала вблизи. Еще ребенком он хорошо познакомился с беспроеветной жизнью бурлаков и однажды, услышав, как один из них, замученный лямкой, сказал, что ему хотелось бы до утра умереть, был так потрясен этими простыми словами, что возненавидел свою любимую реку —

И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

А. С. Некрасов, отец поэта.

Но, конечно, эти образы человеческих мук, окружавшие его с колыбели, вошли в его сознание гораздо позднее.

Чему мог научить его отец? Играть в карты? Стрелять глухарей? К десятилетнему возрасту из мальчика вышел умелый картежник и меткий стрелок. Однажды поздней осенью случилось ему подстрелить на озере дикую утку. Озеро кое-где было затянато льдом. Собака, испугавшись холодной воды, заупрямилась. Десятилетний охотник, забыв обо всем, кинулся в ледяную воду, поплыл за уткой и добыл ее. Такой это был настойчивый и необузданный мальчик. Еще ребенком, услышав от няни, будто по ночам в саду гуляют черти, он в ту же ночь встал с постели и пошел в темный сад — на единоборство с чертями. Ему было страшно до обморока, но он не вернулся домой, пока не обошел все кусты и деревья.

Эта упрямая настойчивость была его отличительным свойством. Обучаясь верховой

езде, он то и дело падал с лошади, и был такой день, когда он упал восемнадцать раз подряд, но в конце концов добился своего: сделался хорошим наездником.

Добиться своего какой угодно ценой — это стало для него с детства законом.

Не мудрено, что при такой пылкой натуре он сделался страстным игроком и охотником. До старости ходил он на медведя. За волками, лисицами, тетеревами и зайцами он охотился из года в год всю жизнь.

На одиннадцатом году Некрасов был отдан отцом в ярославскую гимназию. Преподавание в этой гимназии не могло удовлетворить способного, любознательного мальчика, он учился плохо и лениво. Отец неохотно платил за его обучение, ссорился с его учителями. Не выдержав экзамена при переходе из пятого класса в шестой, мальчик был оставлен второгодником, но зато приистрастился к чтению, что принесло ему больше пользы, чем занятия в гимназии.

Особенно большое впечатление произвела на него романтическая трагедия Олина «Корсер» (переделка поэмы Байрона).

Наряду с «Корсером» мальчика очаровала запрещенная ода Пушкина «Вольность», где тоже говорится о смерти тирана:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

По утверждению Некрасова, эта ода оказала влияние на все его творчество.

Недаром он вспоминал и на старости лет:

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина, название ей — «Свобода»...

Отец решил отправить его в Петербург учиться в Дворянском полку. Юноше эта поездка пришлась по душе, так как он уже несколько лет тайно писал стихи и мечтал напечатать их в столичных журналах. Стихи были — о покойниках, ведьмах, привидениях, ангелах смерти, о разных жутких и таинственных вещах, которые были в моде у тогдашних читателей.

Как и все очень молодые поэты, он, сам того не замечая, подражал каждому прочитанному автору: и Ломоносову, и Жуковскому, и Полежаеву, и Мицкевичу, но

охотнее всего — Бенедиктову, величайшему «фразеру» тридцатых годов, кумиру тогдашней провинции. Кроме того, он написал целый роман, на который тоже возлагали большие надежды.

В 1838 году семнадцатилетний Некрасов приехал в столицу с рукописью романа, с тетрадью стихов, но почти без копейки денег. Нелегко дался ему эти первые шаги в литературе. Он часто голодал, не имел пристанища, целую зиму ходил без пальто, спал в ночлежных приютах, а между тем никто не мешал ему обеспечить себе легкую и беззаботную жизнь: стоило только выполнить волю отца и поступить в военное училище. Отец высылал бы ему ежемесячно небольшое пособие, и карьера молодого человека была бы устроена раз навсегда. Но его влекла к себе литература, и ради нее он обрек себя на полуголодную жизнь. Вместо того чтобы поступить в полк, он — кажется, по желанию матери — поступил в университет вольнослушателем. Впоследствии он с болью вспоминал свои первые годы в столице: лишь такой настойчивый, несокрушимый человек, как он, мог вынести эту мучительную борьбу с нищетой. Некоторые его стихотворения были напечатаны в разных журналах, но за них почти ничего не платили. Роман так и не удалось напечатать.

В 1840 году он с помощью друзей выпустил книжку своих полудетских стихиков, под заглавием «Мечты и Звук». Книжка не имела успеха. Она была не хуже и не лучше множества других подобных книжек, которые печатались тогда в огромном количестве: то же «фразерство», те же приемы обветшалой романтики, уже переставшие производить впечатление; но если вспомнить, что написана она провинциальным семнадцатилетним подростком, вдали от какой бы то ни было культурной среды, придется признать ее незаурядным явлением, потому что порою в динамике ее ритмов и в сильном лирическом тоне сказывался подлинный темперамент поэта.

II

Неуспех этой книги не только не обескуражил Некрасова, по словно придал ему

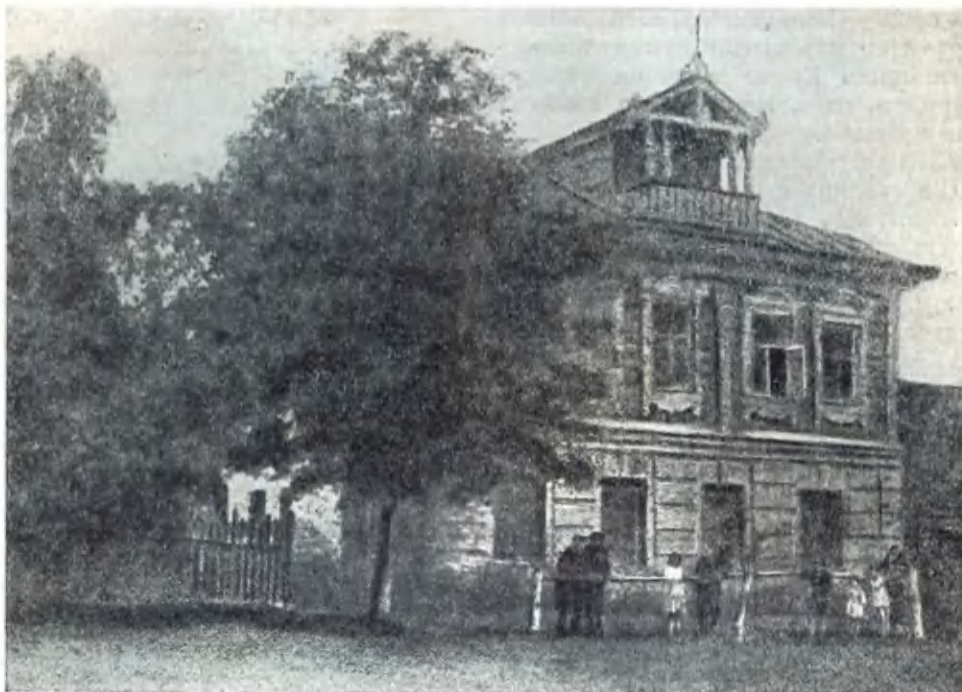
А. А. Буткевич, сестра Некрасова.

новые силы. Вскоре вместо напыщенных и мрачных стихов он стал писать стихи юмористические и здесь сразу обнаружил немалый талант.

Замечательно, что первые же строки своей юмористики он направил против себя самого.

Высмеивая свое пылкое «фразерство», он написал ряд пародий на свои собственные «Мечты и Звук» и вообще на тот напыщенный стиль, которым до той поры увлекался и который полновластно дарил в тогдашней журнальной поэзии. Этими автопародиями он боролся с самим собою, убивал в себе пристрастие к романтической позе и фразе.

Тогда же обнаружилось в нем страстное влечение к труду. Этот полумальчик, вышедший из праздной среды, оказался гениальным работником. В 1840 и 1841 годах он написал столько водевилей, статей, сказок,

Бывшая музыкантская в с. Грешневе.

Фотография. 1927.

стихотворений, рассказов, рецензий, что другому писателю хватило бы на целую жизнь. Вот краткий перечень написанного им в эти два года:

Повести и рассказы: «Макар Осипович Случайный», «Без вести пропавший пиита», «Невида», «Двадцать пять рублей», «Ростовщик», «Капитан Кук», «Карета», «Жизнь Александры Ивановны», «Опытная женщина», «Несчастливцев в любви, или Чудесные любовные похождения русского Графозо».

Театральные пьесы (наполовину в стихах): «Великодушный поступок», «Федя и Володя», «Юность Ломоносова», «Утро в редакции», «Шла в мешке не утаишь», «Феоклест Онуфриевич Боб», «Актер», «Дедушкины попугаи», «Вот что значит влюбиться в актрису».

Стихи: «Провинциальный подьячий в Петербурге», «Мелодия», «Офелия», «Скорбь и слезы», «Песня Франчески», «Баллада Ангелики», «Баба-Яга», «Сказка о царевне Ясносвете», — несколько тысяч стихов.

А сколько напечатано им в те же два

года газетно-журнальных статей! Положительно нельзя себе представить, когда он ел, когда спал. Не разгибал спины, днем и ночью испускал он десятки страниц своим горячим, стремительным почерком. Недаром перед смертью он сказал про эти свои подлудетские годы:

«Уму непостижимо, сколько я работал! Господи, сколько я работал!»

И количество этой работы с каждым годом росло. Мало кому известно, что в 1844—1845 годах Некрасов печатал стихи и стихи под десятком псевдонимов: Иружинин, Бухалов, Иван Бородавкин, Афанасий Пахоменко, Стукотинин, Назар Вымочкин, Ник-Нек и др., то есть буквально писал за десятерых в десять рук. В его лице в русскую литературу вошел один из величайших героев труда.

Даже любовные стихи написаны у него от лица утомленного труженика, который

...натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,

МЕЧТЫ и ЗВУКИ.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. Н.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЕВРОПАЛИЦАНОВА.

1840.

Обложка первого сборника стихотворений Некрасова «Мечты и Звуки».

ищет и находит в любви отдых от постылой поденщины. Но так мизерно платили поэту за его колоссальный труд, что и тогда он не спасся от голода, хотя, казалось бы, одни его пьесы, поставленные в Александринском театре, должны были давать ему изрядный доход.

Бедствовал он долго — лет пять. В 1843 году Белинский писал издателю Краевскому: «Вы едва можете расплачиваться с Некрасовыми, Сорокиными и прочею голодною братиею» (Белинский, «Письма», II, 1914 г., II, 374). Звонкие куплеты Некрасова о псковском подьячем Феофане Онуфриевиче, попавшем из медвежьего угла в Петербург, были подхвачены всеми. Их списывали, заучивали наизусть. Он сделался заметной фигурой среди безличной толпы развлекателей публики. С каждым годом его стихи становились бойчее и звонче. Его похваливали, но никому и в голову не приходило, что когда-нибудь он сделается великим писателем. В литературе он был чернорабочим, поденщиком. Сегодня он писал о разведении пчел, завтра о вреде табака, послезавтра о модной танцовщице, потом об игре в преферанс — все это наспех, кое-как, по заказу. Та казарменно-канцелярская публика, для которой он поневоле писал, принижала его литературную личность. Он это чувствовал и мучился этим.

До нас дошло его откровенное письмо к любимой сестре Елизавете, где он горько жалуется, что по прихоти литературного рынка ему приходится против воли писать не то, что у него на душе.

Я день и ночь тружусь для суеты
И ни часа для мысли, для мечты...
Зачем? На что? Без цели, без охоты.
Лишь боль в костях от суетной работы
Да в сердце бездна пустоты.

«Иногда я оглянусь назад, загляну в тайник души и, верно, ужаснусь, заплачу. Мне будет стыдно самого себя, но что делать?»

Эта ненависть к «бесцельной» и «суетной» литературной работе свидетельствует, что юноша Некрасов не удовлетворился своим дешевым успехом в качестве развлекателя публики, а уже в те ранние годы смутно ощущал в себе жажду отлить свой талант на служение какому-то великому делу; какому? — он еще не догады-

вался. Отсюда его тоска, его недовольство собой:

Бегу... Куда? В торг суетности шумной,
Чтоб заглушить тоску души безумной, —

жаловался он в том же письме.

Но, конечно, это был временный упадок сил. Обычно же юноша Некрасов поражал окружающих своей неугасимой энергией. Вскоре он попытался заняться издательской деятельностью.

В феврале 1843 года вышло его первое издание — крошечная книжка под заглавием «Статейки в стихах без картинок». Книжка была издана на займные у одного приятеля деньги. Она имела успех. Вскоре появилась вторая. В 1844 году Некрасов издал книжку о дедушке Крылове, потом сборник «Физиология Петербурга», в 1846 году «Петербургский сборник» и юмористический альманах «Первое Апреля». Планы всяческих литературных предприятий так и кипели у него в голове: то он хочет открыть книжную лавку, то затевает библиотеку романов, повестей и путешествий, то проектирует ежемесячный альманах «Зубоскал», — словом, и здесь проявляет огромную неутомимую энергию.

III

Белинский был в ту пору охвачен ненавистью к «гносной расейской действительности». Литературная среда, в которой враждовал Некрасов, была чужда и враждебна Белинскому, но в некоторых стихах молодого поэта он, к своему удивлению, заметил слабые звуки протеста, недовольства, обиды.

Белинский с жаром набросился на молодого собрата и стал пропагандировать свои убеждения. Пропаганда была очень успешна, так как в уме у Некрасова давно уже таились под спудом зародыши тех же идей.

Поэт впервые по-новому прочувствовал впечатления детства, вспомнил деспота-отца и мученицу-мать, вспомнил горькую жизнь крестьян и, забросив бойкие куплеты, стал писать об угнетенных и страждущих. Здесь у него сразу открылся огромный талант. Белинский помог ему найти самого себя, понять основные качества своего дарования, и

Русские писатели 1850-х и 1860-х годов:

И. С. Тургенев, В. А. Соллоуб, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. И. Панаев.

после сближения с Белинским творчество Некрасова определилось раз навсегда.

Когда в 1845 году Некрасов написал стихотворение «В дороге», оно было принято с таким энтузиазмом, который нынешнему читателю едва ли понятен. Вожди тогдашнего молодого поколения — Грановский, Белинский, Герцен — горячо приветствовали автора. До какой степени эти новые произведения Некрасова были в духе тогдашней эпохи, видно хотя бы из того, что через два-три года после напечатания «В дороге» явился «Антон Горемыка» Григоровича, «Записки охотника» Тургенева, «Сорока-воровка» Герцена, воплощавшие тот же протест против крепостной неволи крестьян. Вскоре Некрасов написал стихотворение «Родина», где протест против угнетения и рабства сказался с особенной силой. Оно также, по словам одного современника, привело Белинского в восторг. Белинский

выучил его наизусть и послал в Москву своим приятелям.

«А каков Некрасов-то! — восклицал Белинский. — Сколько скорби и желчи в его стихе». Особенно в кружке Белинского привлекало к Некрасову то, что он был «человек из низов». Правда, по паспорту он числился дворянином, но никому из дворянских писателей не приходилось, подобно Некрасову, голодать, биться из-за куска хлеба, ночевать в ночлежных приютах, знаться с «отбросами общества». Он не обладал тем блестящим европейским образованием, которым обладали другие члены этого кружка, но житейский опыт у него был огромен. Белинский очень высоко ценил это качество, которого не хватало ему самому.

Появившись в кружке Белинского, Некрасов не оставил своих издательских дел, а, напротив, расширил и усовершенствовал

пх. В 1846 году он издал знаменитый «Петербургский сборник», куда вошли между прочим «Бедные люди» Достоевского, имевшие шумный успех. Сборник был очень скоро распродан, и Некрасов замыслил приступить за издание какого-нибудь большого журнала. В конце 1846 года он при помощи своих друзей, ссудивших его деньгами, взял в аренду журнал «Современник», основанный Пушкиным. В этот журнал перекочевал Белинский со всеми своими друзьями. Таким образом здесь сосредоточились лучшие литературные силы, объединенные ненавистью к крепостному рабству. Сюда-то Некрасов вложил всю свою неутомимую энергию. В ту пору — после французской революции 1848 года — издании передового журнала было почти нечеловеческим подвигом. Цензура свирепствовала, как никогда. Случалось, больше половины статей погибало под красными

чернилами цензора. Нужно было спешно добывать новые статьи, которым грозила та же участь. Только такой необыкновенный работник, как Некрасов, мог столько лет нести это бремя. Когда «Современнику» пришлось особенно плохо, поэт засел за огромный роман «Три страны света» (1848 г.), который писал по ночам, так как днем был занят журнальными хлопотами. Через два года, когда цензура снова придала журнал, Некрасов принялся за другой роман, «Мертвое озеро» (1851 г.), который тоже писал по ночам. «Бывало запрусь, засвечу огни и пишу, пишу, — вспоминал он впоследствии. — Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечаешь. Никуда ни ногой. Огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой — и опять за то же». Поразительно, как не надорвался он от этой работы. У него заболели глаза, его каждый вечер трясла лихорадка, но, чтобы составить одну только книжку журнала, он читал около 12 000 страниц разных рукописей, держал до 60 печатных листов корректуры (то есть 960 страниц, из которых половину уничтожала цензура), писал до полсотни писем цензорам, сотрудникам, книгопродавцам, — и порою сам удивлялся, что нарочно не хватил его правую руку.

Редактором он был превосходным. Журналов, подобных его «Современнику», не бывало в России ни раньше, ни после. Достаточно сказать, что в качестве редактора он первый открыл таких начинающих авторов, как Достоевский, Гончаров, Лев Толстой, Чернышевский и Добролюбов. У него был великий талант отыскивать и приманивать таланты, как выразился о нем Гончаров.

Некрасов стоял во главе этого журнала без малого двадцать лет, и если бы он не написал ни одного стихотворения, он и тогда заслужил бы благодарную память потомства как величайший журналист своей эпохи.

Кроме Некрасова, редактором «Современника» был Иван Панаев, известный беллетрист того времени. У Панаева была жена Авдотья Яковлевна, молодая даровитая писательница, очень красивая женщина. Она печатала повести под псевдонимом Н. Станиславский. С нею-то и написал Некрасов «Три

Н. А. Некрасов.

Фотография середины 1860-х годов.

СОВРЕМЕННОЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

—
ТОМЪ I
—

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЗАУАРАДЪ ПРАНА

1847

Обложка журнала «Современник», выходившего в течение двадцати лет под редакцией Некрасова.

Некрасов со своей любимой собакой Кадо.

Фотография 1860-х годов.

страны света» и «Мертвое озеро». В конце сороковых годов она стала его гражданской женой.

Они прожили вместе около пятнадцати лет. Он посвятил ей много стихов: «Мы с тобой бестолковые люди», «Поражена потерей невозвратной», «Так это шутка? Милая моя», «Прости, не помни дней паденья», «Тяжелый крест достался ей на долю».

IV

К началу пятидесятых годов благосостояние поэта упрочилось.

Но весной 1853 года он тяжело заболел. Болезнь поразила его горло, он лишился голоса, стал говорить еле слышимым шепотом. Три года лучшие доктора не могли

распознать, чем он болен. Это еще больше угнетало его. Его тогдашние страдания выразились в стихотворениях «Умру я скоро», «Тяжелый год», «Ничего! гони во все лопатки!», «Замолкни, Муза мести и печали» и др.

Наконец в 1856 году он уехал в Италию. Это была его первая поездка за границу. На душе у него было так тяжело, что он чуть не бросился с палубы в море. Но, после того как он прожил в Риме всю зиму, силы его восстановились. С обычной своей страстью взялся он снова за творческий труд и в 39 дней, не отходя от стола, создал поэму «Несчастные».

В это время в Москве вышло первое собрание его стихов. Книжка удачно миновала цензурные рифы и, к изумлению поэта, имела грандиозный успех. Друзья писали ему из Петербурга, что такого успеха не имел даже Гоголь.

Причины этого успеха понятны. К тому времени в русском обществе выдвинулись и заняли передовые позиции «новые люди», разночинцы, плебеи, люто ненавидевшие дворянскую, помещичью Русь. Некрасов, единственный из выдающихся русских поэтов, был тогда выразителем их идеалов и вкусов. Другие поэты пели о боге, о женских поделуях и звездах, — Некрасов один говорил о том, что было близко плебейской душе: о сырых подвалах, о подневольной работе, о ненависти к богачам-угнетателям, — и говорил таким языком, каким не говорили другие поэты, пусть и «вульгарным» и «грубым», но зато родным этой новой читательской массе.

Когда Некрасов воротился в Россию, он увидел, что вся эта масса считает его своим учителем. Пользуясь ослаблением цензурных пут, он сделал свой журнал «Современник» органом молодой радикальной демократии. Прежде каждая книжка этого журнала была сборником изящных стихотворений, повестей и романов, написанных лучшими мастерами словесности — Фетом, Тургеневым, Гончаровым, Толстым, — теперь весь журнал превратился в собрание горячих прокламаций, пропагандирующих новые идеи, призывающих к борьбе за освобождение России.

Главными сотрудниками Некрасова по ведению журнала стали молодые публ-

дисты Чернышевский и Добролюбов, которые вместе с тогдашней передовой молодежью разочаровались в реформах Александра II и пришли к социалистическому образу мыслей.

Таким образом журнал Некрасова стал первым революционным журналом из подцензурных, легальных изданий.

Когда Некрасов увидел в Чернышевском вождя формирующейся революционной демократии, он подчинил «Современник» идеологическому руководству великого публициста и пошел на разрыв с либерально-дворянской западнической интеллигенцией. Благодаря этой идейной диктатуре Чернышевского роль «Современника» в истории русского революционно-демократического движения стала огромной. Несмотря на цензурный гнет, журнал неустанно ратовал за раскрепощение народа и воспитал целые поколения русских людей в демократическом духе.

Некрасов, окрыленный сочувствием и поддержкой молодежи, создал тогда лучшие свои стихотворения: «Рыцарь на час», «Коробейники», «Крестьянские дети», «Мороз Красный нос».

Прежние друзья Некрасова — Дружинин, Григорович, Тургенев, Анненков, Фет — отшатнулись от его журнала, причем, как теперь выясняется, одним из самых воинственных противников нового революционно-демократического курса, взятого «Современником» в конце пятидесятых годов, был молодой Лев Толстой, требовавший, чтобы Некрасов устранил из своего журнала бунтаря Чернышевского и заменил его реакционным эстетом Дружининым. Но хотя Некрасову было больно рвать старые связи с друзьями, он пошел на этот разрыв.

Особенно тяжело было ему пережить расхождение с Тургеневым, которого он считал своим задушевнейшим другом.

... одинокий, потерянный,
Я как в пустыне стою, —

писал он после этого разрыва и все-таки остался верен революционно-демократическим убеждениям и до конца своих дней шел в ногу с передовой молодежью.

Но, потеряв старых друзей, поэт скоро лишился и новых: Добролюбов умер (1861 г.), Чернышевского заточили в Пе-

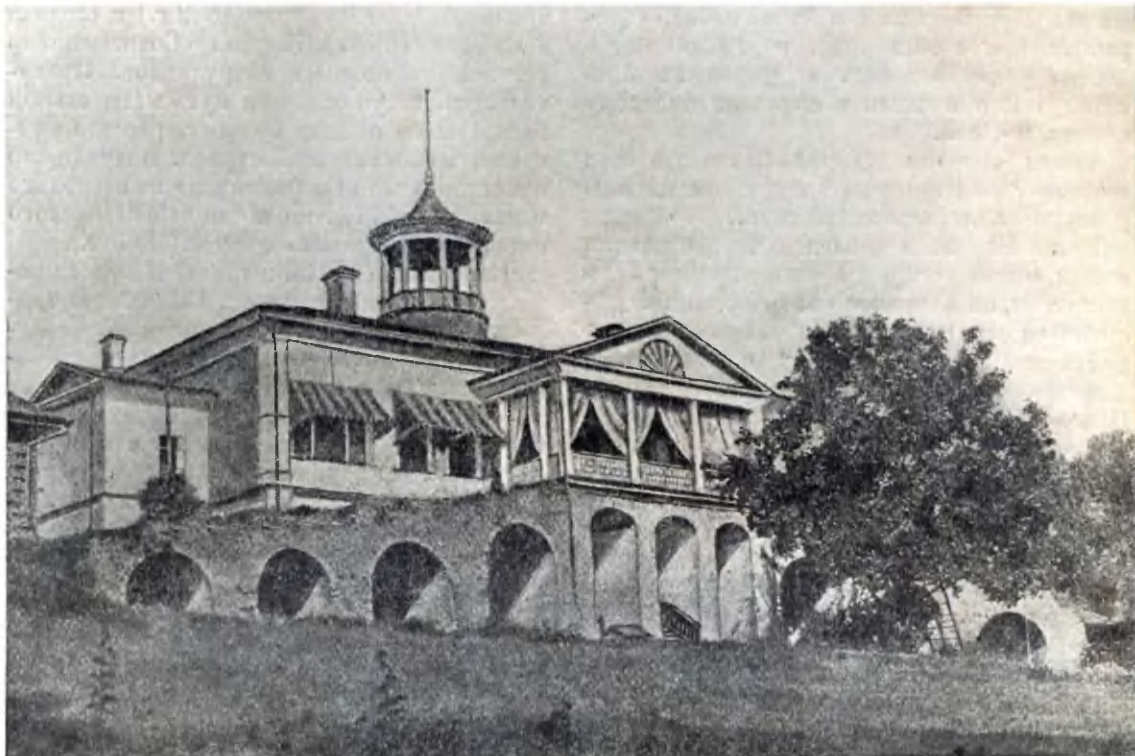
тропавловскую крепость (1862 г.) и сослали в Сибирь (1864 г.). Журнал «Современник» остался без главных сотрудников. Правительство, вступившее на путь мстительной расправы со своими врагами, решило уничтожить ненавистный журнал. Вначале оно приостановило «Современник» на несколько месяцев (1862 г.), но после каракозовского выстрела прекратило совсем (1866 г.).

Чтобы спасти свой журнал, Некрасов решился на отчаянный шаг. Он написал хвалебную оду усмирителю Польши М. Н. Муравьеву, от которого зависела судьба «Современника», и прочитал эту оду публично на официальном обеде. Это вызвало бурю протестов. Молодежь увидела в поступке Некрасова измену революционному знамени и временно охладела к своему любимому поэту. Некрасов остался без друзей, без журнала, без нравственной поддержки читателей.

Некрасов на охоте.

Карикатура А. Дюлотова, 1869.

Дом Некрасова в с. Карабиха.

Здесь Некрасов написал поэму «Русские женщины».

От одного из них он получил стихотворное послание «Не может быть», в котором сквозь сомнения в искренности Некрасова пробивалась уверенность в том, что все порочащие поэта слухи — клевета.

В ответ на это Некрасов написал стихотворение «Неизвестному другу», где горько раскаялся в своем малодушном поступке.

У

Долго существовать без журнала Некрасов не мог. Не прошло и двух лет, как он взял в аренду у Краевского захиревший журнал «Отечественные Записки»; в качестве соредактора он пригласил своего единомышленника М. Е. Салтыкова (Щедрина). «Отечественные Записки» стали таким же боевым радикальным журналом, как и «Современник», они следовали революционным заветам Чернышевского, в них впервые проявился во всей своей мощи сати-

рический гений Салтыкова-Щедрина, участвовавшего своими произведениями в каждой книжке журнала; цензура жестоко преследовала «Отечественные Записки», и Некрасову (совместно с Салтыковым) приходилось вести с нею такую же борьбу, как и во времена «Современника».

До какой степени журнальная работа поглощала все силы Некрасова, видно из одного обстоятельства, на которое до сих пор не обращали внимания. Разбирая его рукописи, мы с удивлением видим, что большинство стихотворений позднейшего времени помечено одним и тем же месяцем — июлем: «Дедушка» — 30 июля 1870 года, «Недавнее время» — 1 июля 1871 года, «Княгиня Трубецкая» — 23 июля 1871 года, «Княгиня Волконская» — 17 июля 1872 года, «Пролог» и «Дёмушка» — июль 1873 года, «Уныние» — 6—13 июля 1874 года, «Ночлег» — 18 июля 1874 года, «Современники» — 9 июля 1875 года.

Словом, только во время летнего отдыха мог Некрасов писать стихи! Это кажется почти невероятным: великий поэт, каждое слово которого жадно подхватывается всем молодым поколением, так поглощен посторонней работой, что может урвать для творчества только три-четыре недели в году, а все остальное время отдает журналистике: цензурной волоките, исправлению рукописей, чтению корректур и т. д.

То был беспримерный общественный подвиг. Особенно много уходило у Некрасова сил на изнурительное единоборство с цензурой. Каждая новая книжка «Отечественных Записок» требовала нового боя. Эта напряженная работа подорвала здоровье Некрасова.

В 1876 году Некрасов серьезно заболел. Болезнь его была мучительно тяжкая: рак прямой кишки. Два года длилось его умирание. Операция, сделанная вызванным из Вены профессором, лишь на несколько меся-

цев отсрочила смерть. Спать он мог только под сильным наркозом, и все же нечеловеческим напряжением воли находил в себе силы слагать свои «Последние песни».

Когда читатели из этих песен узнали, что Некрасов смертельно болен, его квартира была буквально завалена телеграммами и письмами, где выражалась пламенная скорбь о любимом поэте. Особенно растрогал больного прощальный привет Чернышевского из далекой Сибири. «Скажи ему, — писал Чернышевский Пыпину, — что я горячо люблю его, как человека, что я благодарю его за доброе расположение ко мне, что я ценю его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И, как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов».

Похороны Некрасова.

Рисунок А. Больдинера (гравировал Крыжановский).

Умпрающий выслушал этот привет и сказал еле слышным шопотом:

— Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его... Я теперь утешен... Его слова мне дороже, чем чьи-либо слова....

Умер Некрасов 27 декабря 1877 года (по новому стилю 8 января 1878 года). Его гроб, несмотря на сильный мороз, провожало множество народу. Когда Достоевский, говоривший речь над могилой, сказал, что Некрасова, как поэта, можно поставить тотчас же после Пушкина и Лермонтова, в толпе раздались крики:

— Выше! Выше!

В числе присутствовавших на похоронах был и юноша Плеханов, так как в погребении Некрасова, по партийным заданиям, приняли организованное участие «земле-вольды», «южные бунтари» и революционно настроенные петербургские рабочие. Они возложили на гроб Некрасова венок с надписью: «От социалистов», и захватили с собою оружие, чтобы защищать эту надпись, если полиция захочет уничтожить ее. Плеханов, бывший тогда нелегальным, сказал на могиле революционную речь, и если бы полиция сделала попытку схватить его, она встретила бы вооруженный отпор.

К. Чуковский.

Улица в селѣ Грешневѣ.

Фотографія. 1927.

ПОЭЗИЯ НЕКРАСОВА

I

Политическими учителями Некрасова были Белинский, Чернышевский, Добролюбов. К ним Некрасов сохранил до конца своих дней благодарную память.

Белинский сыграл огромную роль в идейном развитии Некрасова.

Сочувствие поэта к притякательной личности Белинского было сочувствием ученика к учителю. Учителем Некрасов называл Белинского неоднократно. Он благоговел перед ним именно как перед учителем:

Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

Белинский осветил идеей отрицания мира неправды и насилия, в котором начинающий поэт первоначально надеялся найти спасение только для себя лично на путях славы и материального благополучия.

Некрасов пришел к политическому сознанию под влиянием пламенной проповеди Белинского. На своем примере он

мог судить, что значил Белинский для поколения сороковых годов. Некрасов справедливо считал его учителем не своим только, но и учителем всей демократической и свободолюбивой части этого поколения.

Круг истинных друзей и сторонников Белинского был в сущности так мал, что после его смерти самая могилка его было затерялась. В одном из стихотворений «О погоде» Некрасов рассказывает, как он, бродя по кладбищу, тщетно разыскивал безвестную могилу великого критика и первого вождя русской демократии.

Но Некрасов жил и работал тогда, когда, по выражению Ленина, немногочисленный круг дворянских революционеров стал сменяться более широким, притом все расширявшимся кругом революционеров-разночинцев, революционеров-демократов.

Белинского в качестве вождя демократии сменял Чернышевский и Добролюбов. С обоими Некрасов был тесно связан. Под преобладающим воздействием обоих шло

*Некрасов в молодости.
Акварель М. Захарова. 1847.*

его дальнейшее развитие. Исполненная фигура Чернышевского вставала перед умственным взором Некрасова как образ пророка, пришедшего гибелью своей доброты торжества добра над царствующим злом. Смерть Добролюбова он оплакал в горьких стихах:

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!..

Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно...

И опять-таки для Некрасова Чернышевский и Добролюбов были не только жертвы, павшие на пороге революционного преобразования России, но и учителя, просвещавшие его самого, учившие жить и умирать за свободу, за народ, то есть политические его руководители и воспитатели.

«Я постоянно пробовал рассказывать ему,—пишет Чернышевский,—просто, в чем состоит сущность наших знаний о том, что было бы полезно ему знать. Он, разумеется, не тяготился, не чувствовал досадным, что я хочу учить его» («Чернышевский в Сибири», выпуск III, стр. 57).

Ширь и размах, боль, скорбь, гнев, революционную перспективу—все, что делает его поэзию бессмертной и для будущих поколений, Некрасов, не получивший сколько-нибудь законченного образования, приобрел в политическом лагере революционной демократии. Политическая осмысленность сделала Некрасова из литературного поденщика великим поэтом. Ошибочно думать, что Некрасов стал великим поэтом благодаря тому, что сразу обрел особые, новые формы стиха.

Нет, не так, конечно! Сначала у Некрасова развились и утвердились особые политические мысли. Сначала Некрасов занял свое вполне определенное место в политическом лагере революционной демократии в России—и только после этого и вследствие этого Некрасов сумел открыть и усовершенствовать формальные особенности своей поэзии. Осознание страданий народа и стремление к их излечению создали поэзию Некрасова:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая—«страдания народа»,
И что поэзия забыть ее должна,—
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее смогли состарить годы!
Продвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по выжженным лугам,—
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..

Неправ был Некрасов не тогда, когда он устанавливал связь между своей музой и политическими задачами времени, а тогда, когда в черные дни предсмертной болезни у него написались:

Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Мысль, выраженная в приведенных стихах, была продиктована не трезвой оценкой значения своей поэзии, а угрызениями совести Некрасова в том, что он не как поэт, но просто как человек, как гражда-

нии, не ушел в революционное подполье, не запечатлел каторгой и смертью своей преданности народу:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

Про Некрасова нельзя сказать, что он всецело жизнь свою отдал на борьбу «за брата человека». Но его мучительная, трудная, «бледная, в крови, кнутом посеченная муза» сложила все свои многочисленные лучшие песни во имя освобождения человека. Некрасов умер—его слава не померкла, как ему иногда казалось,—наоборот: она сияет прочным, неугасающим светом. Теперь, спокойным взором окидывая птог жизни и труда Некрасова, мы можем сказать: да, Некрасов не был участником революционного подполья, но его поэзия есть прямой результат политической революционной мысли и политической революционной борьбы в России.

II

Некрасова и при жизни и после смерти преследовали обвинения в колебаниях, неверности, изменах, предательстве по отношению к народу, чьим печальником и глашатаем он выступал в литературе. Во всех этих обвинениях мерилом оценки поведения Некрасова была, очевидно, последовательность революционного служения народу.

Самое удивительное во всех обвинениях заключается в том, что они исходили главным образом из лагеря врагов и отступников революции, из кругов праздного либерального общества, громко болтавшего в дни общественного подъема и чистосердечно шарахавшегося в объятия правительства, как только последнее начинало активнее проводить политику реакции.

Эти люди, казалось, должны были радоваться, что Некрасов изменил революции, но в том-то и дело, что Некрасов был крупнейшим революционным русским поэтом, и обвинения в неверности революции были средством борьбы с его огромным влиянием. Даже его наиболее революционные стихи либеральный лагерь стремился

Н. Г. Чернышевский.

очернить, называя их источником не революционный протест, а приспособление ко вкусам молодого поколения во имя популярности и гонора.

Революционный лагерь русской публицистики понимал истинную цену нападкам на Некрасова. «В то время как вся русская молодежь читала, читает и знает наизусть стихи г. Некрасова,—писал Варфоломей Зайцев,—литературная критика последних лет большинством голосов отказывала ему не только в тех достоинствах, какие признавались за ним публикою, но и в десятой доле тех, которые та же критика находила у гг. Фета, Тютчева и Майкова. Нечего и говорить, что главной причиной такой критической оценки было то, что г. Некрасов не только поэт, но и редактор «Современника». Конечно, подобные мотивы не делают чести беспристрастной эстетической и всякой другой критике. Но о беспристрастии в этом случае не может быть и речи. Достаточно, например, вспомнить, что г. Некрасова упрекали в том, что од-

на из героиня его потянет своего возлюбленного водкой. Впрочем, пристрастие и придиризм можно было бы до известной степени оправдать, потому что не мытьем, так катаньем, говорит пословица: «Чем бы ни досаждать врага, лишь бы досажать».

Тем более удивительно, что обвинения, исходящие из враждебного классового лагеря, тяготеют над многими исследованиями о Некрасове до сих пор. Центром рассуждений о Некрасове оказывается вопрос о колебаниях и изменах, которые нужно как-то заглаживать, замазывать, с виноватым видом обойти. Мы вовсе не хотим сказать, что в общественно-политическом поведении Некрасова не было колебаний и ошибок. Но самое главное, что следует сказать о Некрасове, — это то, что, став революционным поэтом, он проявил необыкновенное для литературной среды его времени постоянство и стойкость в своих революционных убеждениях. Как общественно-политически мыслящий человек, Некрасов был последователен в своей революционности. Он постоянно звал к революционной борьбе, не боявшейся крови и жертв. Герцен после неудачного исхода революции 48-го года, Писарев после разгрома сил революции в России в 62—63-х годах стали проповедывать тактику, рассчитанную на отказ от революционных средств борьбы. На убеждения же Некрасова не действовали никакие приливы реакции, не только правительственной, но и общественной. Он мог при усилении правительственных репрессий «праздновать трусу» и праздновать основательно, но он не менял характера своих убеждений и не прекращал революционных призывов ни в своей поэзии, ни в руководимых им журналах. Некрасов не был политическим руководителем, — он был поэт и журналист, кругом него сменялись вожди левого лагеря, одни гибли, других время оттесняло в сторону, изменялся самый характер революционной борьбы в России, влияние Белинского сменялось влиянием Чернышевского и Добролюбова, влияние последних — влиянием народников, но Некрасов с удивительным постоянством был верен революционному характеру своей поэзии.

В 1851 году Некрасов рассказывает о

своей музе, которая, в противоположность пушкинской музе, —

Кричала: мщение! и буйным языком
На головы врагов звала господень гром!

В 1856 году он зовет:

Иди в огонь за честь отчины,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

В поэме «Несчастные» (1856) Крот, прототипом которого был Белинский, умпрает с радостным предвидением победы грядущей народной революции:

Мечтаньем чудным окрылил
Его господь перед кончиной...

Кричал он радостно: «вперед!»
И горд, и ясен, и доволен:
Ему мерещился народ
И звон московских колоколен;
Восторгом взор его сиял,
На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил...

В 1858 году Некрасов в «Песне Еремушке» поет

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду

и провидит в младенце будущего революционера:

Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

В 1860 году в стихотворении поразительной силы и искренности он взывает к тени своей матери, олицетворяющей для него все доброе и светлое на земле:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стаи погибающих
За великое дело любви!

В 1861 году — год либеральных восторгов и славословий по случаю манифеста 19-го февраля — он энергично, твердо провозглашает в стихотворении, озаглавленном «Тургеневу»:

Непримиримый враг щепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода!

В 1863 году, после ареста Чернышевского и многих его сторонников, после аре-

Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского.

Картина Н. И. Шестопалова.

Н. Г. Чернышевский.

Фотография 1870-х годов.

ста Писарева, постановки «Современника» и «Русского слова», в разгар реакционной свистопляски по случаю петербургских пожаров и польского восстания, он прощается со ссылаемым революционером и задает ему тревожный вопрос, в котором звучат и опасение и в то же время надежда:

Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

В 1868 году, в обстановке нового усиления реакции, вызванного каракозовским покушением на Александра II, Некрасов обращается к жене сосланного племянника, может быть, даже казненного, провидящей в своих играющих детях будущих революционеров:

Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

И когда уже вовсе невтерпёж становится ему в обстановке пореформенного гнета

и мракобесия, из уст его срывается страстный крик тоски по освобождающей грозе революции:

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..

В 1874 году в душе его возникает облик одного из величайших вождей и мучеников русской революции — Николая Гавриловича Чернышевского, напоминающего, что невозможно

Служить добру, не жертвуя собой.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо», над которой Некрасов работал много лет, вплоть до самой смерти, выведен образ Григория Добросклонова, которому

...судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Устами Григория Добросклонова он воспевал путь революционной борьбы, по которому идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные
На бой, на труд.

И вновь, как и раньше, он зовет:

За обойденного,
За угнетенного,
Стань в их ряды.

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там пужен ты.

Чернышевский, обладавший хорошим вкусом и ценявший содержание в искусстве, идею, положенную в основе произведения, выше формы, именно за последовательность демократизма и революционности считал Некрасова выше всех русских поэтов. «Если, когда ты получишь мое письмо, — писал он Пышину незадолго до смерти поэта, — Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо люблю его, как человека, что я благодарю его за

Остров в Вилюйске, где был заключен Н. Г. Чернышевский.

Рисунок неизвестного художника.

доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И, как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов».

Отзыв Чернышевского, этого необыкновенно правдивого и принципиального человека, чрезвычайно показателен. И он вовсе не является редким исключением. В революционной среде довольно долго Некрасова считали поэтом выше даже Пушкина. В революционной среде, в противоположность среде либералов, не сомневались в последовательности революционных убеждений и революционного значения творчества Некрасова.

Значит ли это, что у Некрасова вовсе не было колебаний? Нет, конечно. У Некрасова были колебания. Путь отрыва от

старой, привычной действительности в начальный период формирования революционных сил, еще разрозненных, окруженных нередко стеной не только враждебности, — это бы полбеды, — но непонимания и равнодушия, — трудный и мучительный путь.

И Некрасова подчас тянуло назад, — от музыки мести и печали к музыке незлобивой, прощающей врагам, мирно уживающейся со злом, провозвестнице чистого искусства, обеспечивающей поэту покой и сочувствие образованной толпы сытых и господствующих.

Но Некрасов гнал эту покорную, овечью музу, в нем всегда побеждала муза злобы, ненависти, гнева и восстания. Его не пугали хулы: он ловил «звуки одобренья не в сладком ропоте хвалы, а в липких криках озлобленья». Он проповедывал «любовь враждебным словом отрицанья».

Некрасов был одним из зачинателей демократической литературы в России. Он знал и помнил, что его поэзия есть по сути

дела новообразование в русской литературе. Вращаясь в литературной общественной среде своего времени, он вращался в среде писателей-дворян, живших без особых невзгод и, в особенности, без мук отрыва от привычной действительности, без ее отрицания. Обращение Некрасова к любвеобильной и всепрощающей музе было как бы оглядкой назад на оставленный берег, без тени сомнения, однако, что нужно твердо продолжать избранный новый путь.

У Некрасова есть замечательное стихотворение «Возвращение». Поэт вернулся в Россию. Нерадостно встретила его родина:

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертведа!

В душе поэта происходит борьба между страхом и мечтой о грозной революционной расправе с притеснителями народа:

Волнуемый тоскою и болью,
Напрасно гнал я грозные мечты...

Но как бы ни велика была личная слабость Некрасова, как бы поэт ни пытался отогнать от себя мысль о необходимости принять участие в народной расправе, он уже не в силах этого сделать. Он сознает неизбежность революции, ее необходимость, он всецело ей сочувствует, он казнит себя за то, что сам не участвует в опасной нелегальной деятельности:

И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

Мысль, что он не делает практических выводов из своих революционных убеждений, что он не выполнил клятвы мести, грозно повторенной вслед за своими великими учителями, — не давала ему покоя, она его постоянно грызла:

Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой...

Не следует однако смешивать душевную боль Некрасова с расхождением между словом и делом у либералов, у «лишних людей». Последние в самом деле ничего не делали, краснобайствуя на готовые доходы. Не-

красов делал огромной важности общественное дело, он был тружеником в полном смысле этого слова. Некрасов свое воздержание от участия в нелегальной революционной работе не хотел ничем извинить, — это делает ему честь, но мы-то знаем, что он был не политиком, а поэтом и литератором. Как поэт и журналист, он сослужил огромную службу революции. Его поэзия разбудила много чутких сердец, его журналы помогали формироваться целым поколениям революционеров и людей, сочувствовавших революции.

Либеральные краснобай, «лишние люди» обнаруживали свою истинную суть при усилении реакции. Они трусливо отказывались от своего свободомыслящего краснобайства, и хорошо еще, если сами не принимали участия в разнузданной облеве на подлинных революционеров, не старались заработать себе прощение от правительства добровольными доносами. У Некрасова же реакция не ослабляла голоса его революционной музыки. Наоборот, в такие периоды еще мучительней были его рыдания об отсутствии революционной практики, которая могла бы обуздать реакцию и окончательно освободить угнетенный и обездоленный парод.

Либеральные краснобай пуше огня боялись массового народного движения. Некрасов зывал к народу: «чем был бы хуже твой удел, когда б ты менее терпел?»

Главным свойством, характеризующим поэзию Некрасова, являются не колебания, не ошибки и не раскаяние в сделанных ошибках, а прочность ее революционности.

III

Некрасова много обвиняли в двуличии. Он пел об обездоленных и голодных, а сам, мол, жил в сытости и радости.

Вокруг Некрасова его враги с умыслом создавали отравленную атмосферу.

После Октябрьской революции такое обращение с памятью Некрасова стало просто невозможно. Рабочий класс и все трудящиеся в Советском Союзе гордятся поэзией Некрасова, как одним из ценнейших даров унаследованного им культурного богатства.

В наше время ряд исследователей отме-

чает в сложной и извилистой натуре Некрасова социальную двойственность.

С точки же зрения социологической, классовой, нас в поэте должно поразить как раз нечто совершенно обратное: не двуличность, конечно, и даже не социальная двойственность его, а прочность перехода на сторону крестьянской демократии.

Некрасов покинул класс дворян, в среде которого он родился, невооруженно, он стал поэтом социальных низов, крестьянской демократии, — именно это бросается в глаза как главное в классовой характеристике Некрасова.

У Некрасова было необыкновенно сильно развито чувство социального антагонизма. Достаточно напомнить знаменитые «Размышления у парадного подъезда», чтобы показать это. Некрасов умел выражать социальный антагонизм не только тогда, когда он был специальной темой его произведения. Он выпирает наружу из любой разрабатываемой им темы, о чем бы он ни писал. Уж, кажется, на что «нейтральная» тема — пейзаж, где отношение автора к классовым противоречиям может быть вскрыто только путем анализа побочных признаков. Однако Некрасов и в пейзаже совершенно недвусмысленно умеет выразить характер общественных взаимоотношений, развертывающихся на фоне рисуемой картины природы:

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!», привстав с пагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

Чувство социального антагонизма было результатом ненависти Некрасова к верхам помещичье-буржуазного общества, — такой ненависти, которая могла бы быть позанимствована только у поработенных низов. В стихотворении «Родина», задолго до «Пешехонской старины», Некрасов дал правдивую картину крепостной усадьбы, — так, как она могла быть рассмотрена только глазами живущих под ее игом подневольных людей. Ничто в крепостной усадьбе не трогает Некрасова. Мы все

помним добрую Пушкинскую няню, по Некрасова и образ няни не умиляет:

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью шовой.

И если Некрасову не суждено было дожить до того времени, когда пала дворянская усадьба под ударами крестьянского восстания, то он радуется хоть ее обнищанию и разорению:

И, с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томлящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий...

Так радовался мужик всякой неудаче и разорению помещика-барина.

Прогнившее, разоренное, крепостническое общество не могло не быть лицемерным обществом. Оно само от себя скрывало подлинное свое лицо. Господствующие верхи принимали свою условную лицемерную мораль как нечто само собой разумеющееся, на ее фоне создавая все свои житейские отношения. Некрасов был поэтом-плебеєм. Если по отношению к низам он выступал как поэт-рыдаец и как провозвестник зарождавшейся еще только грозной мечты о революции, то по отношению к верхам он выступал как бичующий сатирик, с беспощадностью человека много, враждебного класса, срывающий с них, употребляя выражение Лепидуса, все и всяческие маски.

Нравственный человек этого общества заявлял:

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Некрасов взял эти две строчки рефреном четырех куплетов, в которых раскрывается беспримерная подлость рабовладельца и собственника, припесного в жертву наживе семье, дружбу, своих крестьян, погубившего ради денег жену, друга, дочь, доведшего до самоубийства крепостного повара. И в то же время «нравственный человек» не только в своих собственных глазах был безупречен, он и в глазах общества был столпом, ибо действительным мораль-

ным законом этого общества был чистоган. Вскрыть и позобразить это Некрасов мог только потому, что он сам оборвал нити, связывавшие его с моралью господствующих, что он рассмотрел и оценил ее с точки зрения низов, с точки зрения крестьянской демократии, на сторону которой он прочно перешел.

Сатира Некрасова родственна сатире Щедрина. Очень часто ее объектом становятся те же самые явления, те же самые типы, что и у великого русского сатирика-прозаика, и, что важнее всего, выставленные на всеобщее позорище отрицательные явления у обоих писателей и расцениваются одинаково.

Происходит это потому, что оба — и Некрасов и Щедрин — относились к верхам русского дореволюционного общества как выразители интересов пробуждающегося русского крестьянства.

Как поэтический выразитель взглядов низкого класса, Некрасов бросил в лицо пустой и лживой морали господствующих демонстративный вызов, обращаясь к презреннейшему существу, с точки зрения собственнической нравственности, с призывом:

И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

С плебейской зоркостью Некрасов умел указывать на типические черты барина, человека, чуждого и враждебного крестьянству, массам даже тогда, когда он выступал в облике друга народа, со словами справедливости и добра на устах. Агарин из поэмы «Саша» дает более верный облик «лишнего человека», чем все романы Тургенева, вместе взятые.

Некрасов еще до Щедрина показал, что коренной грех «лишних людей» — отсутствие реального дела для воплощения в жизнь проповедуемого идеала. В полном согласии с Чернышевским, Добролюбовым и Щедриным, Некрасов совершенно верно указал и на причину коренного порока «лишних людей»:

...наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов...

Помещик, не перестав быть помещиком, не порвав нитей, связывавших его с гос-

подствующим классом, не мог стать практическим деятелем крестьянской революции. Это — простая истина, но известно, что простые истины даются труднее всего. Не перейдя прочно на сторону крестьянской демократии, Некрасов не мог бы ее ни понять, ни выразить. В «Медвежьей охоте» Некрасов отбрасывает в сторону ноты снохождения по отношению к «лишнему человеку», которые все же еще звучали в «Саше». Теперь он их просто называет начитанными глупцами, лакеями мыслей благородных. Здесь же находится известная характеристика идеалистов-либералов, начинающаяся словами:

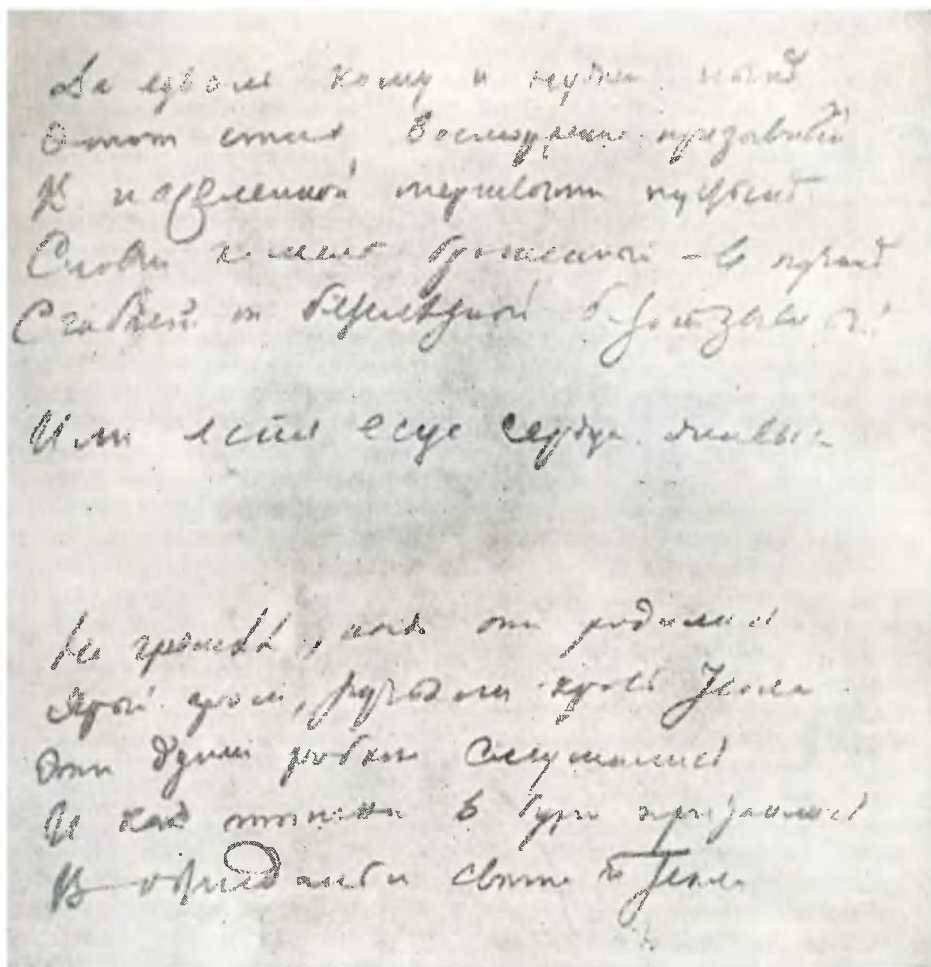
Диалектик обаятельный...

Наполняя ум свой знаниями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал...

Естественно, что в преобразовании России либералы никакой роли не сыграли. «Дело двинулось... волею власти!...» — рассказывает Некрасов историю реформ. А Некрасов хотел, как Чернышевский и Добролюбов, чтобы дело двинулось революционной инициативой и волей народа, ибо то, что двинулось волею власти, то и решалось в пользу власть имущих.

Классовая подоснова поэтического творчества Некрасова достаточно цельна. Никакого двуличия в ней нет. Он всегда помнит о низах — днем и ночью, один и на людях.

Некрасов в поэзии всегда выступает как поэт крестьянской демократии. Он любит писать стихотворения с мелодраматическим сюжетом, в необыкновенных случаях раскрывающих равенство крепостного с помещиком как людей, но даже в этих стихах власть барина ставит равного ему или даже более ценного, чем он, человека под обезчеловечивающее ярмо: образованная, хорошо воспитанная девушка выдается насильно замуж за мужика, то есть ввергается во все ужасы рабской, нищей, бескультурной, лишенной человеческого достоинства жизни. Огородник любит дворянскую дочь и пользуется ее взаимностью. Они равны в своем чувстве, но любовь эта не может не коп-

Автограф Некрасова: черновой отрывок стихотворения «Страшный год».

читься трагедией. Огородника ловят, когда он крадется на свидание к милой, его обвиняют в покушении на ночной грабеж; чувства собственного достоинства и бережного отношения к возлюбленной заставляют его молчать, — и его осуждают на каторгу:

... Знать, любить не рука
 Мужу-вахлаку да дворянскую дочь!

Некрасов знал все ужасы крестьянского существования. Он пел протестующие рыдающие песни о тяжелой участи крестьянина в помещичьей неволе и о его тяжелой участи как объекта бесчеловечного подавления со стороны помещичьего государ-

ства. Одной из самых тяжелых повинностей крестьянина по отношению к государству было рекрутство, долгая и беспросветная солдатская служба, муштрой и палкой выколачивавшая из солдата всякий проблеск человеческой самостоятельности. Попасть в солдаты — значило быть вычеркнутым из списка живых, и если к Орне, матери солдатской, возвращается сын после восьмилетней службы в бессрочный отпуск, это значит, что сын, жестоко наказанный палками, но не побитый до конца на месте, возвращается к матери, чтобы умереть дома. Когда Некрасов видит в балете сурово-живое, квасное патристическое изо-

бражение народа, его муза в ответ рисует подлинный народ, мужицкий обоз, возвращающийся по родным деревням после слачи рекрутов:

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Как подлинный выразитель страданий и требований крестьянства, Некрасов не мог обойти молчанием судьбу вдвойне угнетенной крестьянской женщины. Сколько красноречивых строк он ей посвятил, как он печаловался над ее горькой долей! На вечные времена создал он траурную симфонию женской участи, участи крестьянки, в старой России в стихотворении «В полном разгаре страда деревенская...»

По этому стихотворению свободная и равноправная колхозница, в радости познающая плоды своих трудов, в покое рождающая своих детей, может сравнить свое сегодняшнее положение с тем, как жила крестьянка до победы социалистической революции.

Поразительно, как лзык, образы, ассоциации, ритмы, то есть вся поэтическая оболочка внутренней жизни Некрасова, бытовая жизнь которого все же протекала преимущественно в литературских и дворянско-буржуазных кругах, запечатлована у низов, у народных масс, в первую очередь у крестьянства. Фольклорная основа его поэзии бросается в глаза. Идеал красоты у Некрасова совершенно не барский и не интеллигентский. Это делком крестьянский идеал: красавица девица у него черноброва, статна, словно сахар бела, а красавец парень — круглолиц-белолиц, кудри — чесаный лен. Это тот же идеал, который Чернышевский в «Эстетических отношениях искусства к действительности» противопоставлял изнеженно-аристократическому идеалу красоты.

Даже на Петербург, блистательную и стройную столицу императорской России, Некрасов смотрел плебейски-мужицкими глазами. На торжественных парадах петербургской военщины он видел не воинственную красоту, а несчастных кре-

стьянских парней, замуштрованных и замордованных царской казармой:

На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи...
... В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит.

Некрасов замечает на пышных улицах Северной Пальмиры замученную лошадь, которую погонщик бьет по лопаткам, по плачущим кротким глазам, и сердце его обливается чисто крестьянской жалостью к ней. У горлого Медного Всадника на набережной царственной Невы, у строгих зданий, украшенных колоннами, он замечает то, чего не замечал ни до него, ни после него ни один поэт: сотни крестьянских дровней, и на самом торжественном месте самого прекрасного города царской империи он причитает скорбным деревенским речитативом:

Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей, не жалей,
Перемерется — дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадах сорвут,
Коли денежки есть, раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведебочку слез на сестренку уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет,
И без меры возьмет — что останется!

Люди, обвинявшие Некрасова в двуличии и неискренности, в лучшем случае сами барственно, лицемерно-филантропически относились к мужику. Некрасов же на деле выступал как идеолог крестьянской демократии, как поэтический провозвестник ее политических и социальных идеалов.

И по своему положению в классовой расстановке сил, и по содержанию, и по интонации своей поэзии Некрасов с тех пор, как стал великим поэтом, был и оставался крестьянским демократом.

IV

Итак, Некрасов — поэт пробуждающегося к революционному протесту крестьянства.

Этот протест во времена Некрасова был направлен прежде всего против помещиков и крепостнического государства. Крепостничеству, явному до 19 февраля и слегка прикрытому после 19 февраля 1861 года,

крестьянство противостояло как единое классовое целое. Но уже во времена Некрасова, пусть еще только в зародышевой форме, стоял вопрос: с кем же пойдет крестьянство в своем протесте, кто возглавит крестьянскую демократию — либеральная ли российская буржуазия, или же в городе найдутся иные классовые силы, которые поведут крестьян, силы, чья борьба окажется связанной с осуществлением социального идеала.

Уже и во времена Некрасова в крестьянские легко можно было обнаружить две души, о которых писал Ленин: душу собственника и душу труженника. Уже во времена Некрасова внимательный глаз мог заметить начатки процесса капиталистической дифференциации в среде крестьянства.

С кем же был Некрасов: с крестьянском-тружеником или крестьянином — капиталистическим накопителем?

Рисую идеал крестьянской зажиточной жизни, Некрасов свою критику, желчь, негодование и протест обращает не только против крепостничества, но и против отщепенческих сторон капиталистического строя. Одна из излюбленных тем Некрасовской поэзии — это судьба маленького человека, разночинца, мелочника, ремесленника, бедняка в борьбе за существование в капиталистической обстановке большого города.

Задавленность, обездоленность маленького человека была главной темой творчества и такого огромного писателя, как Достоевский. Достоевский, покориившийся господствующему положению вещей, сделал своим идеалом покорность, смирение, униженность, христианство. У Некрасова маленький человек — не смирен, не покорен, он исполнен зависти, злобы, кипения, негодования.

Нельзя не видеть в этих чувствах еще не вызревшее до конца сознание социального антагонизма и классовой вражды. Классовый антагонизм, кричащее противоречие между бедностью и богатством, социальные контрасты большого города Некрасов изображал с исключительной силой. Такие стихотворения, как «Еду ли ночью по улице темной», до сих пор пронизывают душу ледяным холодом отчаяния, ужаса и злобы, — святой злобы, без которой не может

разгореться никакая борьба не на жизнь, а на смерть. Изнанка города, подпавшего уже под власть денег, вступившего уже на путь капиталистического развития, была известна Некрасову очень хорошо, — он и делал ее темой своего вдохновения, напоенного сатирическим негодованием, слезами и желчью.

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрыгнув и поблбднел, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сюртуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, мольбы и испуга...
Пришел городовый, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!»
И богу посвятил молебствие принесть
За то, что у меня наследственное есть...

Какой зоркий глаз, какое скупое и в то же время исчерпывающее изображение трагедии бедности! Заметьте — у вора в руке дрожал закушенный калач, он был настолько голоден, что не мог дожидаться, пока унесет его в более безопасное место. А спасает от ужасов нищеты, голода «наследственное», то есть собственность, нарушение которой вызывает лютый вой и улюлюканье, на защиту которой сейчас же выступают недремлющие представители власти.

Таковы у Некрасова типы петербургской жизни. Голод, нищета, болезни, скорби, подвалы, проституция — все это было тем неприглядным фундаментом, на котором возвышалась парадная сторона петербургской жизни. Во времена Некрасова в парадных комнатах Петербурга и Москвы и других городов Российской империи, оттесняя примитивно родовую знать и столбовое дворянство, стала располагаться отечественная буржуазия:

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом...
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

В «парадных» капиталистических комнатах крепостнически-буржуазной России клубились клубом порока, неправда, моральное разложение не меньше, чем в феодально-

дворянских апартаментов. О неприглядной нравственности капиталистических кругов Некрасов писал с той же силой негодования, что и о помещичьих нравах.

Хозяин нового лабазного состояния добыл его по всем правилам первоначального накопления — воровством, преступлением, спаиванием народа. Стяжание, накопление сильнее семейных и всяких иных уз. Когда умирает старый коршун, первоначальщик капиталистического состояния, в дележке наследства «брат поднимает на брата преступную руку свою». В романе «Три страны света» злодей-капиталист Горбун разорвет семью собственного сына и доведет последнего до самоубийства. Идеолог капитализма так писать, конечно, не мог.

Мало того: Некрасов обращал негодование своей музы не только против городского буржуа. Бич его поэзии не щадил и деревенского кулака, на существование которого правоверные народники закрывали глаза. Коробейники, «лыком шитые купцы», которые в глазах Некрасова являются просто ушедшими на заработки крестьянами, не считают грехом надуть кулака, ибо последний снимает крест с убогого.

Известное стихотворение Некрасова «Влас» является балладой о раскавшемся кулаке. На эту сторону стихотворения обращали обычно мало внимания. Вобычном русском литературоведении, приспособленном для преподавания в гимназиях и царских университетов, «Влас» охотно избирался в качестве образца творчества Некрасова за религиозный его оттенок. Между тем религиозно-православный оттенок во «Власе» является моментом второстепенным и подчиненным. Некрасов не был человеком, пропагандировавшим мракобесие церкви. Его терпимое отношение к религиозным чувствам народа шло из того же источника, который привел Щедрина к созданию образа верующей страдальцы Аринушки (в «Губернских очерках»). Их подкупала чистосердечность народной веры, в противовес лицемерной обрядности господствующих. Терпимое отношение к религиозному суеверию народа мешало, конечно, борьбе с одним из важнейших рычагов оглушения и подавления народа — с религией, но эта терпимость ни в коем случае не является общей с религиозным мировоззрением. Главное

в образе Власа — признание неправедным кулачества. Влас был прежде кулаком.

В сознании народа кулачество — великий грех, замолить его можно только великим подвигом, раздачей имущества, нищенской жизнью во имя Христа — вот что явно выступает во «Власе» сквозь несомненно имеющуюся в нем идеализацию религиозных чувств крестьянства.

Пример морального осуждения кулачества, не прикрытого уже никакой религиозной пеленой, можно найти в стихотворении «Горе старого Наума». Старый Наум — кулак — оплел своей паутиной всю округу.

Округа вся в горсти моей,
Казна — надежней деи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепки —

хвастает он. И так и есть. Но раз Наум нескромно подглядывал радость двух влюбленных — радость естественных человеческих чувств, не подавленных стяжанием, накоплением, заботой об ограблении ближнего. И под пером Некрасова кулачество потеряло для него свой смысл, — оно выступило осужденным в своей бесчеловечности:

Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко пил, я сладко ел»,
Он думает уныло:
«А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...

С другой стороны, Некрасов не раз выступал поэтическим выразителем горькой доли, дум и чувств крестьянина-бедняка.

Бедняк возвращается с работы (стихотворение так и называется «С работы») и, здороваясь с женой и детками, просит поочередно вина, щей и хлеба — и на все получает поочередно отказ: нет ни вина, ни щей, ни хлеба:

«Вышел, родной... У соседей просила,
Завтра сулили, чем свет!»

Много теплоты и сочувствия вложил Некрасов в изображение бедняка. Некрасовский бедняк не теряет присутствия духа, бодрости, ничем не прикрашенное изображение его участи пронизано у Некрасова ласковой, ободрительной проницей:

— Ну, и без хлеба улягусь я, грешный,
Кинь под савраску соломки, жена!

В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...

Так же звучит стихотворение «Калп-
страт»:

В ключевой воде купаюсь,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаясь
С непосеянной полосыньки!

Нет никаких оснований настаивать на том, что Некрасов равнялся на мужика-богатея, на мужика-кулака. Он мечтал о зажиточной жизни для трудящегося крестьянина-бедняка типа Калистрата, середняка типа Прокла и Дарьи. Зная, как непрочное крестьянское благополучие, он не представлял себе иного крестьянского благополучия, кроме индивидуально-собственного, но кулака он не делал идеалом и образцом народного благосостояния, — наоборот: кулака он не терпел так же, как не терпел кулака попадавший в его лапы крестьянин-труженик.

Некрасов не был доктринером, он не закрывал глаза ни на процесс капиталистического развития, ни на процесс образования рабочего класса в России, подобно позднейшим народникам, родившимся еще при Некрасове. Он видел фабрики, колыбелью окружавшие столицу:

Свечерело. В предместьях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом, —
Начинаются мрачные сцены.

Он знал, что делается на фабриках, вплоть до чудовищной эксплуатации детей. Он понимал всю горечь и безвыходность безработицы («Дума»). Он пел обо всех этих новых и необычных в его время явлениях, не мудрствуя над вопросом, как повести Россию прямо из-под помещичьей кабалы в утопический рай, как научить Россию мпновать «язву пролетариата». Музу Некрасова привлекал не столько оформившийся фабрично-заводской рабочий, сколько тот пролетариат, который теснейшим образом был связан с деревней и еще не отпочковался окончательно от крестьянства. Бурлаки, плотники, слесари, маляры, водовозы, кузнецы, портные, шерстобиты, строители, землекопы — весь люд, возвращавшийся еще

Н. А. Некрасов.

Бюст работы В. В. Козлова. 1921.

в какой-то надежде в деревню на землю, чтобы снова податься в город, где все же, по сравнению с безнадежным положением крестьянского хозяйства, был какой-то просвет. О рабочих он всегда пишет с величайшим сочувствием, он всегда находил и рпсовал в них положительные черты. Некрасов сам не всегда проводил грань между рабочим и крестьянином, но он часто и охотно писал именно о зарождающемся русском пролетариате.

Некрасов не относился к городу наголо отрицательно, он делал город не только предметом сатирического изображения. Он видел город — и город: город дворянско-

Письменный стол и кресло Некрасова в с. Карабихе.

буржуазных верхов, город эксплуататоров и морального разложения — и город подавленных, угнетенных, оскорбленных, но не покорившихся низов, страдающих, злобствующих, ненавидящих, негодующих, просыпающихся к протесту, город не только мещан, ремесленников, разночинцев, но и формирующегося пролетариата. К городу, к которому Некрасов относился с доверием и надеждой, принадлежали: Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Михайлов, Писарев. К этому городу нес Некрасов крестьянский вопль, боль, жалобу и протест. Здесь Некрасов находил понимание, поддержку, руководящие идеи.

Некрасов был поэтом просыпающейся к революционному протесту крестьянской демократии во всей сложности ее социального содержания, притом той крестьянской демократии, которая ошущую, колебалась,

падая и поднимаясь, искала помощи, поддержки и руководства не в буржуазно-либеральном городе, а в революционных силах города, искала, пока и не нашла их, уже после смерти Некрасова, в революционном пролетариате. Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция», посвященной пятидесятилетию 19 февраля 1861 года, возводит две линии в революции России XIX века к двум тенденциям, наметившимся уже в шестидесятые годы.

«Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти

помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти.

Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и приглушили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский...

В революции 1905 года те две тенденции, которые в 61 году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении масс, в борьбе партий на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных Думах.¹

Некрасов был поэтом той тенденции, наметившейся уже в шестидесятые годы, лучшим выразителем которой был Николай Гаврилович Чернышевский. Некрасов был поэтом поднимающегося революционного крестьянства, он был поэтическим соратником немногочисленного лагеря революционеров шестидесятых и последующих годов. Поэзия Некрасова — выразительница чувств, дум и надежд истоков той революции, во главе которой в дальнейшем историческом движении стал пролетариат и победил. Некрасов — наш поэт. Он принадлежит нам не только по праву наследства, но и по праву социального родства, того родства, которое существует между «пролетарско-крестьянской революцией» в России XX века и демократическим и революционным движением деревни и города XIX века.

V

Только поняв все сказанное выше, поняв главное в Некрасове, можно понять и

Некрасов со своей любимой собакой Кадю.

Фотография начала 1860-х годов.

психологические переживания Некрасова. Основное в жизненном и творческом пути Некрасова — поэтическое служение революции, революционной крестьянской демократии. Но Некрасов вступил на путь служения крестьянской демократии рано и в одиночку, в том рассыпанном авангарде движения, который выдвинул много блестящих имен, которому принадлежит бессмертная заслуга починка, по которому не был спалин в объединенную товарищеской поддержкой партию и не имел еще непосредственного контакта с массовым революционным движением. Некрасов сам это понимал:

Я рано встал, недолги были сборы,
Я вышел в путь, чуть запылась заря;
Переходил я пропасти и горы,
Переплывал я реки и моря;

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 143, 145.

А. И. Герцен.

Боролся я, один и безоружен,
С толпой врагов; не унывал в беде
И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
И не нашел приюта я нигде!
Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже! труд подъемлю?»

Горек путь первых и одиноких. Они осудили старый мир. Понимание его несправедливости и неустроенности, переход на сторону угнетенных не даст им примириться и успокоиться. В сознании их живет более или менее ясно вычерченный абрис нового, справедливого жизнеустройства, но они не видят сил и средств, при помощи которых можно было бы осуществить идеал. Семена будущего уже брошены в землю, но сеятелей грызет вопрос о том, кто соберет жатву и будет ли она вообще собрана. А пока — бушует непогода поздней осени, и сеятель стоит один перед необозримым полем:

Знал, для чего и пахал он и селл,
Да не по силам работу затеял.

Чувство это было знакомо Герцену, знакомо Шедрину.

Все это были люди, родившиеся и выросшие в рядах господствующего класса и уже в относительно зрелом возрасте перешедшие на сторону народа, на сторону крестьянства. Переход этот в обстановке, когда еще не было массового революционного движения, стоил им огромных усилий, психологически он не прошел безнаказанно ни для одного из названных писателей, у всех у них он вызывал временами чувство раздвоенности, надорванности, отчаяния. Некрасов хотел бы бороться, но вокруг него не было слитного массового, все нарастающего революционного движения. Он был поэтом, а не политическим мыслителем и организатором, провидящим поздние зрелые плоды, и он не стал активным участником революционной практики:

Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно.

Некрасов не был вовсе одинок. Он был одинок, как бывают одиноки участники начального, еще не многочисленного и разрозненного движения. Некрасов встречал на своем жизненном пути друзей — и еще каких друзей! — друзей-учителей, лучших людей народа. Но стан врагов был куда многочисленней друзей, и уж таковы были условия царской России, что друзья быстро сгорали и падали жертвой в борьбе: сгорел Белинский, сгорел Добролюбов, во цвете сил загнан на край света Чернышевский, а враги были долговечны, и поэт снова оставался один, без совета и руководства; падал, ошибался и мучился угрызениями совести:

... мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вешие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

Враги были беспощадны: они следили за каждым шагом поэта. Всецело преданные корысти и раболепству, трусливые и под-

Дом на Литейном проспекте (ныне проспект Володарского, № 36), где жил и умер Некрасов.

дые, они понимали, что они исторически и не правы, и осуждены, и ненавидели поэта как непрошенный гложащий голос совести, нарушающий их сытый облюбованный покой. С ехидной, чисто пезунтской враждебностью они создали абстрактную мерку современного правдолюбца и страстотерпца за народ и с диким улюлюканием возвещали миру, что Некрасов не подходит под их схоластический критерий, что у Некрасова по отношению к прикидываемому к нему аршин уйма изъянов. Цель сопоставления личности Некрасова с идеалом народного служения была не в том, чтобы помочь Некрасову, не в том, чтобы воззвать к его мужеству в минуту слабости, а в том, чтобы «подкузывать», унижать, дискредитировать.

Некрасов отвергал суд своих врагов. Он понимал истинный источник воплей негодования своих ненавистников. «Когда

являлся сумасшедший, навстречу смерти гордо шедший, — что было в помыслах твоих, о родина? — вопрошал он и отвечал: — Одну идею твоя вмещала голова: «Посмотрим, как он сломит шею!» «Не оправданья я ищу, — твердил Некрасов, — я только суд твой отвергаю».

Но так относился Некрасов к созданной вокруг него атмосфере только в холодных рассуждениях разума. На деле Некрасов очень страдал и оттого, что у него не было мужества в служении народу дойти до жертвенного конца, и оттого, что в мучительных сомнениях о смысле и цели своего поэтического и гражданского пути он считал все упреки, обращенные по его адресу, справедливыми, полагая только, что авторами их должны были быть не те люди, которые с ними выступали. И тогда он обращался к народу с покорным признанием своих действительных и придуманных ви

и с трогательной мольбой о прощении и признании:

Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...

Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствевая с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови общую с народом
Мои вины, о родина! прости!..

Тогда в его душе закипала жажда дела, за-
певала свою песню совесть, которой мы обя-
заны поразительными по поэтической силе
и эмоциональной насыщенности стихами:

Что враги? Пусть клеветают язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!..

Душа Некрасова была тревожна и беспок-
ойна. Его мысли, чувства и настроения —
это мысли, чувства и настроения поэта
еще не победившей революции, а революции
только зреющей, только собирающей свои
силы. Беда Некрасова заключалась в том,
что он подчас не видел сил, которые
могли бы привести революцию к победе.
Тогда, в обстановке ненависти и травли со
стороны врагов, настроения его становил-
лись совершенно смутными:

Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю!

Здесь Некрасов в душевной депрессии
просто клеветал на себя. Неверно, что он
не знал, за что надо умереть. Такие слова
вырывались из-под его пера в минуты
уныния, слабости, омерзения от травли
чуждых, враждебных его идеалу людей. Но
жить в позоре, в безответной покорности
перед смердящими условиями тогдашней
русской жизни он не хотел и не мог. От-
того привычный быт, окутавший его, быт
образованного и достаточного общества,
не мог представить для него ровной колеи,
по которой гладко катились бы его дни.
«Нормальное» для других, не только для
бар, дворян, чиновников, купцов, но и для

идеологов, интеллигентов, журналистов, пи-
сателей и т. д., жгло ему совесть, было
ему неудобно, будило беспокойство, требую-
щее коренной ломки несправедливых обще-
ственных отношений. Некрасов знал, что
тот, кого постигло это беспокойство, не
будет знать счастья:

Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины выит негодный,
Быть может, брошен будешь ты!
Счастлив, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.
Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!

От этого беспокойства Некрасов уже ни-
когда не мог отказаться. Он называл его
«святым беспокойством». Уж он не верил
утехам отвергнутого, осужденного мира, —
ничем не купленный покой был противен
его сердцу. Со скорбной гордостью Некра-
сов шел о том, что путь, утопанные гладко,
он пренебрег, что он шел своим путем,
что жгучее святое беспокойство он донес
до седни. Это не было беспредметное бес-
покойство романтика, грезящего о незем-
ном. Он знал его причину — стон бурлаков
на Волге, надсадный и ничего не дающий
труд нищего русского крестьянина. Но
именно потому, что его беспокойство было
вполне земное, реальное беспокойство, клас-
сово-осознанное, оно открывало и перспек-
тивы выхода из него. Мелодии рыдального
плача по страданиям народа, звуки гложу-
щей сердце ненависти вдруг пропизывают
у Некрасова строки земной человеческой
радости, оптимистической уверенности в
возможности довольства, счастья и спра-
ведливости здесь, на земле, без которых
нельзя понять творчества этого замеча-
тельного поэта.

Жена изменила мужу, муж копил думу
лютую, муж точит вострый нож, — но вот:

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, куда любится,
Терпи, куда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

Больной Некрасов.
Картина И. Н. Крамского. 1877.

Мемориальная доска на доме, где жил и умер Некрасов.

*Ленинград. Проспект Володарского
(б. Литейный), д. № 36.*

Некрасов — поэт-реалист. Отвергаемому миру он противопоставляет не потусторонний, религиозно-мистический, невозможный мир, а иной порядок общественных отношений. Он видел, что дряхлый, старый мир стоит на роковом пути, и страстно, с рыданиями, волнуясь и спеша, порывался в новую, лучшую реальную действительность.

Некрасов выработал своеобразный стих, пригодный для выражения протеста, несогласия, жалобы и гнева против существующего, для выражения нетерпели-

вого стремления освободиться от боли, для выражения порывов в иную земную действительность.

Некрасов молил народ простить ему его грехи и падения. Рабочий класс знает, что падения и спотыкания Некрасова происходили на великом, тогда еще не изученном пути революции и народного освобождения. «Некрасов, — говорил о нем Ленин, — колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского» (Соч., 3-е изд., т. XVI, стр. 132). Революция устранила толпу либерально-консервативных холопов, своим «мычаньем, хрюканьем, бляньем и жеребьчьим гоготаньем» пытавшихся заглушить слышную на века славу Некрасова. В пантеоне великих людей, которых чтят и будут чтить рабочий класс и социалистическое человечество, Некрасов занимает прочное место. Он принадлежит к тем людям, чьи беспокойство, страдания и гнев подготовили торжество справедливости на земле, хотя покамест еще только на одной шестой части земного шара. Он жил в мире, где

Каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты.

Мы живем в мире, где каждый день осуществляется какой-нибудь мечта. Наш мир возник не по щучьему велению, он вырос из борьбы, из великой ненависти и великой любви народных масс, руководимых рабочим классом. Вместе с угнетенным и обездоленным народом боролся, ненавидел и любил Некрасов и тем выстрадал себе свою поэзию и свое бессмертие.

В. Кирпотин.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Старый Петербург.

Гравюра 1840-х годов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1845

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не жалеешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной порою:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явился,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе все свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

В ДОРОГЕ

— Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгоняй чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмешишь,
Или что ты впядал, расскажи —
Буду, братец, за все благодарен. —

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафаницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и кашу.
Вид вальжанный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Топсы сватались к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезавшись был,
Батт кучер, Иваныч Торопка),
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Тропицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Спротивкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запяски ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрubiла ему
В чем-нибудь, али на просто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, —
Воротил он ее на село —

Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, впишь ты, белолпчка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадил
На тягло — да на ней и женил...
Топсы, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленгва была,
Да, впишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова плп воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утешил ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет, как шальная...
Погубил ее господа,
А была бы бабенка лпхая!

На какой-то патрет все глядит,
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижёт,
Словно барченка каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, топсы, совсем через сплу,
В день двух ложек не съест толокна, —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, топсы, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку... »

— Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..

ПЬЯНИЦА

Жизнь в трезвом положении
 Куда не хороша!
 В томительном борении
 Сама с собой душа,
 А ум в тоске мучительной...
 И хочется тогда
 То славы соблазнительной,
 То страсти, то труда.
 Все та же хата бедная —
 Становится бедней,
 И мать — старуха бледная —
 Еще бледней, бледней.
 Запуганный, задавленный,
 С поникшей головой,
 Идешь как обесславленный,
 Гнушаясь сам собой;
 Сгораешь злобой тайною...
 На скудный твой наряд
 С насмешкой не случайною
 Все, кажется, глядят.
 Все, что во сне мерещится,
 Как будто бы на зло,

В глаза вот так и мечется
 Роскошно и светло!
 Все — повод к искушению,
 Все дразнит и лзвит
 И руку к преступлению
 Нетвердую манит...
 Ах! если б часть ничтожную!
 Старушку полечить,
 Сестрам бы не роскошную
 Обновку подарить!
 Страхнуть ярмо тяжелого,
 Гнетущего труда, —
 Быть может, буйну голову
 Сносил бы я тогда!
 Покинув путь губительный,
 Нашел бы путь пной,
 И в труд пной — свежий —
 Поник бы всей душой.
 Но мгла отвсюду черная
 Навстречу бедняку...
 Одна открыта торная
 Дорога к кабаку.

. . .

Отрадно видеть, что находит
 Порой хандра и на глупца,
 Что иногда в морщины сводит
 Черты и пошлого лица
 Бес благородный скуп тайной
 И на искривленных губах
 Какой-то думы чрезвычайной
 Печать ложится; что в сердцах
 И тех, чьих дел позорных повесть
 Пройдет лишь в поздних племенах,
 Не все же спит мертвецки совесть,
 И, чуждый нас, не дремлет страх.

Что всем одно в дали грядущей —
 Идем к безвестному концу,
 Что ты, подлец, меня гнетущий,
 Сам лижешь руки подлецу.
 Что лопнуть можешь ты, обжора!
 Что ты, великий человек,
 Чьего презрительного взора
 Не выноси никтоовек,
 Ты лоб, как говорится, медный,
 К кому все завпстью полны, —
 Дрожишь, как лист на ветке бедной,
 Под башмаком своей жены.

. . .

Когда из мрака заблуждения
 Горячим словом убеждения
 Я душу падшую извел,

И, вся полна глубокой муки,
 Ты прокляла, ломая руки,
 Тебя опутавший норок;

Когда забывчивую совесть
Воспоминаньем казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял все, дитя несчастья!
Я все простил и все забыл.

Зачем же тайному сомнению
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно пугливой
Гнетущей мысли не тап!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змея в груди,
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

*
*
*

Пуškai мечтатели осмелны давно,
Пуškai в них многое действительно смешно,
Но все же я скажу, что мне в часы разлуки
Отраднее всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усилим мечты
Из мрака вызывать знакомые черты,
В минуты горького раздумья и печали
Бродить по тем местам, где вместе мы гуляли, —
И даже иногда вечернею порой,
Любуясь бледною и грустною луной,
Припоминать тот сад, ту темную аллею,
Откуда мы луной пленялись вместе с нею,
Но, больше нашею любовью полны,
Чем тихим вечером и прелестью луны,
Влюбленные глаза друг к другу обращали
И в долгий поцелуй уста свои сжимали...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду проною;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Колыбельная Песня.

Спи спокойно пока безмятежно!

Баюшки-баю.

Тихо спит и сердце ласково

В колыбели твою.

(Таня скажет тебе не скажи —

правду про него.

Ты же в дремлет задремлет сердцем —

Баюшки-баю.

По уберению раздается

Восток ошудити хлест —

Твой отец под суд попал.

Свояго твоего убили!

Но отец твой был изобретатель

Жизни рога своя.

Спи спокойно: покуда сердце

Баюшки-баю.

Подрастешь — п мир крещеный
 Скоро сам поймешь,
 Купишь фрак темно-зеленый
 И перо возьмешь.
 Скажешь: «Я благонамерец,
 За добро стою!»
 Спн — твой путь грядущий верен!
 Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с влду
 И подлец душой,
 Провожать тебя я выду —
 И махну рукой!
 В день привыкнешь ты картинно
 Спнцу гнуть свою...
 Спн, пострел, пока невинный!
 Баюшки-баю.

Тпх п кроток, как овечка,
 И крепонек лбом,
 До хорошего местечка
 Доплзешь ужом —
 И охулкп не положишь
 На руку свою.
 Спн, покуда красть не можешь!
 Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
 Схватишь крупный чпн
 И вдруг станешь барпн важный,
 Русский дворянпн.
 Зажпвешь п мирно, ясно
 Кончпшь жпзнъ свою...
 Спн, чиновник мой прекрасный!
 Баюшки-баю.

Я за то глубоко презираю себя,
 Что жпву — день за днем бесполезно губя;

Что я, сплы своей не пытал нп на чем,
 Осулп сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я нпчтожен, я слаб!
 Добровольно всю жпзнъ пресмыкался, как
 раб;

Что, доживши кой-как до тpидцатой весны,
 Не скопцл я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у мопх пресмыкался ног,
 Да п умнпк подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
 Что потратпл свой век, нпкого не любл,

Что любить я хочу... что люблю я весь
 мпр,
 А брожу лнкарем — беспрпютен п спр,

И что злоба во мне п спльна п лпка,
 А до дела дойдет — зампрает рука!

1 8 4 6

ОГОРОДНИК

Не гулял с кпстеном я в дремучем лесу,
 Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
 Я свой век загубил за девпцу-красу,
 За девпцу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
 Вот однажды снребаю сучкп да пою,

Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
 Смотрпт в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
 Я недаром жпвал, огородник лпхой,
 Раскрасавпц девпц насмотрелся я там,
 А такой не впдал, да п нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
 Стало жутко, я песни своей не допел.
 А она — ничего, постояла, прошла,
 Оглянулась: за ней, как шальной, я глядел.

Я слышал на селе от своих молодцов,
 Что п сам я пригож, не уродом рожден, —
 Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
 У меня ль, молодца, кудри — чесаный
 лес...

Разыгралась душа на часок, на другой..
 Да как глынул я вдруг на хоромы ее —
 Посвистал п махнул молодецкой рукой,
 Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
 Погулять, посмотреть на работу мою,
 И смеялась со мной п вела разговор:
 Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
 Только буйную голову свешу на грудь..
 «Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
 Ты устал, чай, пора уж тебе отдохнуть».

— Ну, пожалуй, пзволь, госпожа, поучись.
 Пособи мужику, поработай часок —
 Да как заступ брала у меня, смеючись,
 Увидала на правой руке перстенёк:

Очи стали темней непогодного дня,
 На губах, на щеках разыгралась кровь.
 «Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
 Неприветно глядишь, хмуришь черную
 бровь?»

— От кого у тебя перстенёк золотой? —
 «Скоро старость придет, коли будешь все
 знать».

— Дай-ка я погляжу, несговорный
 какой! —
 И за палец меня белой рученькой хватя!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
 Я давал — не давал золотой перстенец..
 Я вдруг вспомнил опять, что п сам я
 пригож,
 Да не знаю уж как — в щеку левизну
 чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
 Огородник лихой... В ясны очи глядел,
 Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
 Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
 А под утро мороз под ногами хрустит.
 Вот однажды, как я крался в горенку к ней
 Кто-то цап за плечо: «держи вора!»
 кричит

Со стыдом молодца на допрос привели,
 Я стоял да молчал, говорить не хотел..
 И красу с головы острой бритвой снесл,
 И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьюм, п уводят дружка
 От родной стороны п от лапушки прочь
 На печаль п страду!.. Знать, любить
 не рука
 Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
 В стороне от веселых подруг?
 Знать, заблю сердечко тревогу —
 Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
 За промчавшейся тройкой вослед?..
 На тебя, подбоченья краснво,
 Заглядается проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
 Полюбить тебя всякий непрочь:
 Вьется алая лента пгрово
 В волосах твоих, черных, как ночь;

Сквозь румянец щек твоих смуглой
 Пробивается легкий пушок,
 Из-под брови твоей полукруглой
 Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
 Полный чар, зажигающих кровь,
 Старика разорит на подарки,
 В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и поприрадуешь вволю,
 Будет жизнь и полна и легка...
 Да не то тебе пало на долю:
 За нерыху пойдешь мужика.

Завязавши под мышку передник,
 Перетянешь уродливо грудь,
 Будет бить тебя муж-привередник
 И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
 Ответешь, не успевши расцвествь,
 Погрузишься ты в сон непробудный,
 Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
 Полном жизни, — появится вдруг
 Выражение тупого терпенья
 И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
 Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
 Бесполезно угасшую силу
 И ничем не согретьую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
 И за тройкой вослед не спеши,
 И тоскливую в сердце тревогу
 Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
 Кони крепки и сыты и бойки, —
 И ямщик под хмельком, и к другой
 Мчится вихрем корнет молодой...

* * *

— Так, служба! сам ты в той войне
 Дрался — тебе и книги в руки,
 Да дай сказать слово и мне:
 Мы сами дельвали штуки.

— Как затесался к нам француз,
 Да увидал, что проку мало,
 Пришел он, помнишь ты, в конфуз
 И на попятный тотчас драго.
 Поймали мы одну семью,
 Отца да мать с тремя щенками.
 Тотчас ухлопали мусью,
 Не из фузеп — кулаками!
 Жена давай вопить, стонать;
 Рвет волоса, — глядим да тужим!

Жаль стало: топорщем хватъ —
 И протянулась рядом с мужем!
 Глядь: дети! Нет на них лица.
 Ломают руки, воют, скачут,
 Лепечут — не поймешь слова —
 И в голос, бедненькие, плачут.
 Слеза прошибла нас, ей-ей!
 Как быть? Мы долго толковали,
 Пришибли бедных поскорей
 Да вместе всех и закопали...

— Так вот что, служба! верь же мне:
 Мы не сидели, сложа руки,
 И хоть не бились на войне,
 А сами дельвали штуки!

РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
 Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
 Текла среди пиров, бессмысленного
 чванства,

Разврата грязного и мелкого тиранства;
 Где рой подавленных и трепетных рабов
 Завидовал жизнью последних барских псов.
 Где было суждено мне божий свет увидеть,

Тройка.

Литография А. И. Лебедева. 1877.

Где научился я терпеть и ненавидеть,
 Но, ненависть в душе постыдно притая,
 Где иногда бывал помещиком и я;
 Где от души моей, доременно растленной,
 Так рано отлетел покой благословенный,
 И нереблических желаний и тревог
 Огонь томительный до срока сердце жег...
 Воспоминания дней юности — известных
 Под громким именем роскошных и

чудесных, —

Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
 Во всей своей красе проходят предо
 мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик
 в аллее дальней

Мелькает меж ветвей, болезненно-
 печальный?

Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
 Кто жизнь твою сгубил... о! знаю,
 знаю я!..

Навек отлана угрюмому невежде,
 Не предавалась ты несбыточной надежде —
 Тебя пугала мысль восстать против

судьбы,

Ты жребий свой несла в молчании рабы...
 Но знаю: не была душа твоя бесстрашна;
 Она была горла, упорна и прекрасна,
 И все, что вынести в тебе достало сил,
 Предсмертный шепот твой губителю
 простил!..

И ты, делавшая с страдальцей безгласной
 И горе, и позор судьбы ее ужасной,
 Тебя уж также нет, сестра души моей!
 Из дома крепостных любовниц и псарей
 Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
 Тому, которого не знала, не любила...
 Но, матери своей печальную судьбу
 На свете повторив, лежала ты в гробу

С такой холодной и строгою улыбкой,
 Что дрогнул сам палач, заплакавший
 ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст
 и глух:

Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг.
 А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех
 давило,

Здесь в малом и в большом тоскливо
 сердце ныло.

Я к няне убегал... Ах, няня! сколько раз
 Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
 При имени ее впадая в умиление,
 Давно ли чувствовал я к ней
 благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
 На память мне пришли немногие черты,
 И грудь моя полна враждой и злостью
 новой...

Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
 Отрадного душе воспоминания нет;
 Но все, что жизнь мою опутав с первых
 лет,

Проклятием на меня легло неотразимым, —
 Всему начало здесь, в краю моем
 родимом!..

И, с отвращением кругом кидая взор,
 С отрадой вижу я, что срублен темный
 бор —

В томящий летний зной заплата
 и прохлада, —

И пшва выжжена, и праздно дремлет стадо,
 Понурив голову над высохшим ручьем,
 И набок валится пустой и мрачный дом,
 Где вторил звону чаш и гласу ликовавший
 Глухой и вечный гул подавленных

страданий,

И только тот один, кто всех собой давил,
 Свободно и дышал, и действовал, и жил...

СЕКРЕТ

(ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ БАЛЛАДЫ)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочни капусты
Растут перед ним на грядках;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
И детям своим говорит:

2

«Огни зажигались вечерние,
Выл ветер, и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую,
И счастье вокруг себя лью:
Я правы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
Имею и Анну с короною
И званье «друга сирот».

Но дни наступили унылые,
Смерть близко — спасения нет!
И время вам, детушки милые,
Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
Дрова к постояльцам таскал;
Подбился я к дочери шорника
И с нею отца обокрал;

Потом и ее, бестолковую,
За нужное счел обокрасть,
И в практику бросился новую, —
Запрягся в питейную часть.

Потом...»

3

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах —
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
И словом и делом могуч, —
Смирлись бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

(ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
 Я рос средь буйных дикарей,
 И мне дала судьба, по милости великой,
 В руководители царей.

Вокруг меня кипел разврат волною
 грязной,

Боролся страсти нищеты,
 И на душу мою той жизни безобразной
 Ложился грубые черты.

И прежде, чем понять рассудком
 незрелым,

Ребенок, мог я что-нибудь,
 Проник уже порок дыханьем ядовитым
 В мою младенческую грудь.

Застигнутый врасплох, стремительно
 и шумно

Я в мутный ринулся поток,
 И молодость мою постыдно и безумно
 В разврате безобразном сжег...

Шли годы. Оторвав привычные объятья
 От негодующих друзей,

Напрасно посылал я поздние проклятья
 Безумству юности моей.

Не вспыхнули в груди растроченные
 силы —

Мой ропот их не пробудил;
 Пустынной тишиной и холодом могилы
 Сменился юношеский пыл,
 И в новый путь, с хандрой, болезненно
 развратной,

Пошел без дела я тогда,
 И думал, что душе, доверженно убитой,
 Уж не воскреснуть никогда.

Но я тебя узнал... Для жизни и волнений
 В груди проснулось сердце вновь:
 Влияние ранних бурь и мрачных

впечатлений
 С души изгладил любовь...
 Во мне опять мечты, надежды и желанья...

И пусть меня не любишь ты,
 Но мне избыток слез и жгучего страданья
 Отрадней мертвой пустоты...

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
 Стаю туч по край небес.
 Ель надломленная стонет,
 Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
 За листком летит листок,
 И струей сухой и острой
 Набегает холодок.

Полумрак на все ложится;
 Налетев со всех сторон,
 С криком в воздухе кружится
 Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
 Слущен верх, перёд закрыт;
 И «пошел!», привстав с нагайкой,
 Ямщику жандарм кричит...

*Псовая охота.
Рисунок Н. Каразина.*

ПСОВАЯ ОХОТА

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и всеяются разные пороки.

(Речут т. Псовая охота.)

1

Сторож вокруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья — и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули все — до грудного мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Двигутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В спящих венгерках на заячьих лапках,
В остроконечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы —
Да в сюртуках зато желтые прошвы,

Хоть с толочка животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка издохла, в забойке Набат,

Сокол обесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца-Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилал.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псарь по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очень скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.
Чуждая даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псаря
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не наслаждался из них ни единый.

«В Банники», крикнул помещик: «набрось!»
Борзовщики разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей
В острове скрылся крикун-доезжачий.

Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добрыйся, собачки!»
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залипсы на следу.

Варом-варит закипевшая сталь,
Висмлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

Однопомётников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен.
Что твой Россини! что твой Бетховен!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещицкой воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движениях — величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем —
Чуждое что-то свершилось в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за миллионы не купит!

Псовая охота.

Аquareль Петра Соколова.

Буйная удаля не знает преград,
Смерть или победа — ни шагу назад!

Смерть или победа! (Но где ж, как не в буре,
И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали — он дико кричит.
Мигом отпозвонил, сам торочит,

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи,

И замирает, голову преклоня
К шее покрытого пеной коня.

2 Н. А. Некрасов — 18

4

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвма-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, жпвотина!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арашником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетением дубьем,
Вместе с горластым твоим холуём!»

Но уже барин сердитый не слушал, —
К стогу подсевши, он рыбчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псаря — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стсга жевали,

И в обагренные кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают и травят без счету.

Время меж тем незаметно плет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполночь,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши:
В воду залезли по самые уши!

В поле завпдев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...

Вот наконец добрался до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено зайчьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!

Из лесу робких зверей выбпвал,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал, —
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка-Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятинку, слава псарям!

6

Выпив пзрядно, поужпнав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно.

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело — скакать и травить!

Чуть не полмпра в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седли молодые порывы
В нем сохраняются, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

1847

•

• •

Еду ли ночью по улице темной,
Буря заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба не взлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

**Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбывался из сил?**

**В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыхания волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.**

Он не смолкал — п пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три
гроба —
Вместе свезут и положат рядом...

«Еду ли ночью по улице темной...»
Рисунок Н. Дмитриева-Оренбургского.

«Еду ли ночью по улице темной...»

Литография А. Н. Лебедева. 1865.

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлобен я был...

Где ты теперь? С нищетою горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятя
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!...

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг
И в душе твоей, кроткой и нежной,
Злое чувство проснулось вдруг, —

Все, что вызвано словом ревнивым,
Все, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.

Отвечай негодующим взором,
Оправданья и слезы осмей,
Порази его жгучим укором —
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волнения,
Ты поймешь его грустный недуг
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящий друг, —

Позабудь ненавистное слово,
И упреком своим не буди
Угрызений мучительных снова
У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес,
Полных мук, тревог, сожаленья
И раскаянья позднего слез...

*
*
*

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Ожпляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понурив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла:
Я в дом к нему с полдней прокрался
И улечил... Он вызвал: я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Припатель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил:
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара:
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное припрятывал
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отческик посек его, каналью,
Он взял да утопился: дурь пашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смприлась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был, как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью.
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

1848

ВИНО

1

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Без вины меня барин посек,
Сам не знаю, что случилось со мной?
Я не то, чтоб большой человек,
Да, вишь, дело-то было впервой.
Как подумаю, весь задрожу,
На душе все черней да черней.
Как теперь на людей погляжу?
Как приду к ненаглядной моей?
И я долго лежал на печи,
Все молчал, не отвывал шей;
Нашептал мне нечистый в ночи
Неразумных и буйных речей,
И наутро я сумрачен встал;
Помолиться хотел, да не мог,
Ни словечка ни с кем не сказал
И пошел, не крестясь, за порог.
Вдруг: «не хочешь ли, братик, вина?»
Мне вослед закричала сестра.
Целый штоф осушил я до дна
И в тот день не ходил со двора.

2

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Зазнобила меня, молодец,
Степаньда, соседская дочь,
Я посватал ее у отца —
И старик да и дедка непрочь.
Да, знать, старосте вплоть до земли
Поклонился другой молодец,
И с немилым ее повел

Мимо окон моих под венец.
Не из камня душа! Невтерпеж!
Расходилась, что буря, она,
Наточил я на старосту нож
И для смелости выпил вина.
Да попался Петруха, свой брат,
В кабаке: назвался угостить;
Даровому ленивый не рад —
Я остался полштофа распить.
А за первым — другой; в кураже
От души невзначай отлегло,
Позабыл я в тот день об ноже,
А наутро раздумье пришло...

3

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Я с артелью взялся у купца
Переделать все печи в дому,
В месяц дело довел до конца
И пришел за расчетом к нему.
Обсчитал, воровская душа!
Я корить, я судом угрожать:
«Так не будет тебе ни гроша!»
И велел меня в шею прогнать.
Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было пёчем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» сам себе я сказал;
Побежал, притаился, как вор,
У знакомого дома — и ждал.
Да прозяб, а напротив кабак;
Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался и проснулся в части...

ИЗВОЗЧИК

1

Парень был Ванюха ражий,
 Рослый человек, —
 Не поддайся спле вражей,
 Жил бы долгий век.
 Полусонный по природе,
 Знай зевал в кулак,
 И прозвание в народе
 Получил: вахлак!
 Правда, с ним случилось диво,
 Как в Грязной стоял:
 Ел он мало и лениво,
 По ночам не спал...
 Все глядит бывало в оба
 В супротивный дом:
 Там жила его зазноба —
 Кралечка лицом!
 Под ворота словно птичка
 Вылетит с гнезда,
 Белоручка, белолычка...
 Жаль одно: горда!
 Прокатив ее, учтиво
 Он ей раз сказал:
 «Впшь, ты больно торопишся»,
 И за ручку взял...
 Рассердилась: «Не позволю!»
 Полно — не замай!
 Прежде выкупись на волю,
 Да потом хватай!»
 Поглядел за нею Ваня,
 Головой тряхнул:
 «Не про нас ты», молвил, «Таня»,
 И рукой махнул...
 Скоро лето наступило,
 С барыней своей
 Таня в Тулу укатила.
 Ванька стал умней:
 Он по прежнему порядку
 Полюбил чаек,
 Наблюдал свою лошадку,
 Добывал оброк,
 Пил умеренно горелку,
 Знал копейке вес,
 Да какую же проделку
 Сочинил с ним бес!..

2

Раз купец ему попался
 Из родных мест;
 Ванька с ним с утра катался

До вечерних звезд.
 А потом наелся плотно,
 Обрядил коня,
 И улегся беззаботно
 До другого дня...
 Спит и слышит стук в ворота.
 Чу! шумят, встают...
 Не пожар ли? вот забота!
 Чу! к нему плут.
 Он вскочил, как злцй сгонный,
 Вдпнт: с фонарем
 Перед ним хозяин сонный
 С сдоком-купцом.
 «Санки где твои, детина?
 Покажи ступай!»
 Говорит ему купчина
 И ведет в сарай...
 Помутился ум у Ваня,
 Он, как лист, дрожал...
 Поглядел купчина в санки
 И, крестясь, сказал:
 «Слава богу! слава богу!
 Цел мешок-то мой!
 Не взыщите за тревогу —
 Капитал большой.
 Понимаете, с походом
 Будет тысяч пять...»
 И купец перед пародом
 Деньги стал считать...
 И пока рубли звенели,
 Поднялся весь дом —
 Ванькин сонный глядел,
 Обступя кругом.
 «Цело все!» сказал купчина,
 Парня подозвал:
 «Вот па чай тебе полтина!
 Благо ты не знал:
 Серебро-то не бумажки,
 Нет приметы, брат;
 Мне ходить бы без рубашки,
 Ты бы стал богат —
 Да господь-то справедливый
 Попугал шутя...»
 И ушел купец счастливый,
 Под мешком кряхтя...
 Над разницей поглумился
 И опять легл,
 А как утром пробудился
 И в сарай пришел,
 Глядь — и обмерил с испугу...
 Ни гу-гу — молчат;

Показали вверх друг другу
 И пошли назад...
 Прибежал хозяин бледный,
 Вся сошлась семья:
 «Что такое?..» Ванька бедный —
 Бог ему судья! —
 Совладать с лукавым бесом,

Видно, не сумел:
 Над саниями под навесом
 На вожжах впсёл!
 А ведь был детина ражий,
 Рослый человек, —
 Не поддайся спле вражей,
 Жил бы долгий век...

* * *

Поражена потерей невозвратной,
 Душа моя уныла и слаба:
 Ни гордости, ни веры благодатной —
 Постыдное бессилие раба!

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
 И мертвый мрак кругом... и та,
 Которая воззвать могла бы к свету, —
 Как будто смерть сковала ей уста!

Ей все равно — холодный сумрак гроба,
 Позор ли, слава, ненависть, любовь, —
 Погасла и спасительная злоба,
 Что долго так разогревала кровь.

Лицо без мысли, полное смятенья,
 Сухие, напряженные глаза —
 И, кажется, зарею обновленья
 В них никогда не заблестит слеза.

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
 Зашел я на Сенную;
 Там били женщину кнутом,
 Крестьянку молодую.
 Ни звука из ее груди,
 Лишь бич свистал, играя...
 И Музе я сказал: «Гляди!
 Сестра твоя родная!»

1 8 4 9

* * *

Я посетил твоё кладбище,
 Подруга трудных, трудных дней!
 И образ твой светлей и чище
 Рисуется душе моей.

Бывало, натерпевшись мук,
 Устав и телом и душой,
 Под игом молчаливой скуки
 Встречался грустно я с тобой.

Ни смех, ни говор твой веселый
 Не прогоняли темных дум:
 Они беспли мой тяжелый,
 Больной и раздраженный ум.
 Я думал: нет в душе беспечной
 Сочувствия душе моей,
 И горе в глубине сердечной
 Держалось дольше и сильнее...
 Увы, то время неовозвратно!
 В ошпбках юность не вольна:
 Без слез ей горе не понятно,
 Без смеху радость не видна...
 Ты умерла... Смирплсь грозы.
 Другую женщину я знал,

Я помпнотно видел слезы
 И часто смех твой вспомпнал.
 Теперь мне дороги п мплы
 Те грустно прожитые дни, —
 Как много нежности п сплы
 Душевной вызвали они!
 Твержу с упреком п тоскою:
 «Зачем я не ценпл тогда?»
 Забудусь, ты передо мною
 Стопшь — жпва п молода:
 Глаза блпстают, локон вьется,
 Ты говорплшь: «Будь веселей!»
 И звонкпй смех твой отдается
 Большее слез в душе моей...

1850

Я не люблю пронпл твоей
 Оставь ее отжплплм п не жплвлм,
 А нам с тобой, так горячо любплвлм,
 Еще остаток чувства сохрanelвлм, —
 Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчпво п нежно
 Свплдanelе продлплть желаешь ты,
 Пока еще кпллат во мне мятежно
 Ревнплвлые тревогп п мечтты —
 Не торопл разплзкп неизбежной!

И без того она не далека:
 Кплплм спльней, последней жаждой полны,
 Но в сердце тайный холод п тоска...
 Так осенью бурплвлее река,
 Но холодней бушующие волны...

Да, наша жизнь текла мятежно,
 Полна тревог, полна утрат,
 Расстаться было непзбежно —
 И за тебя теперь я рад!
 Но с той поры как все кругом меня
 пусто! пусто!
 Отдаться не могу с любовью ни чему,
 И жплзнь скучна, п время длпнно,
 И холоден я к делу своему.

Не знал бы я, зачем встаю с постели,
 Когда б не мысль: авось п прилетелп
 Сегодня, наконец, заветные лпсты,
 В которых мне расскажешь ты:
 Здорова лп? что думаешь? легко лп
 Под дальнплм небом дышплтся тебе,
 Грустплшь лп ты, жалел прелней
 Охотно ль повплнуешься судьбе?

Желал бы я, чтоб сонное забвенье
 На долгий срок мне на душу сошло,
 Когда б мое воображенье
 Блуждать в прошедшем не могло...
 Прошедшее! его волшебной власти
 Покорствуя, переживаю вновь
 И первое движенье страсти,
 Так бурно взволновавшей кровь,
 И долгую борьбу с самим собою,
 И не убитую борьбою,
 Но с каждым днем сильней кипевшую
 любовь.

Как долго ты была сурова,
 Как ты хотела верить мне,
 И как ты верила, и колебалась снова,
 И как поверила вполне!
 (Счастливым день! Его я отличаю
 В семье обыкновенных дней;
 С него я жизнь мою считаю,
 Я праздную его в душе моей!)

Я вспомнил все... одним воспоминаньем,
 Одним прошедшим я живу —
 И то, что в нем казалось нам страданьем,
 И то теперь я счастьем зову...
 А ты?.. ты так же ли печали предана?..
 И так же ли в один воспоминанья
 Средь добровольного изгнанья
 Твоя душа погружена?
 Иль новая, роскошная природа
 И жизнь кипящая и полная свобода
 Тебя навеки увлекли,
 И разлюбила ты вдали
 Всё, чем мучительно и сладко так порою
 Мы были счастливы с тобою?
 Скажи! я должен знать... Как странно
 я люблю!

Я счастья тебе желаю и молю,
 Но мысль, что и тебя гнетет тоска
 разлуки,
 Души моей смягчает муки...

Так это шутка? Милая моя,
 Как боязлив, как недогадлив я!
 Я плакал над твоим рассчитанно суровым,
 Коротким и сухим письмом;
 Ни лаской дружеской, ни откровенным
 словом

Ты сердца не порадовала в нем.
 Я спрашивал: не демон ли раздора
 Твоей рукой насмешливо водил?
 Я говорил: «Когда б нас разлучила ссора —
 Но так тяжел, так горек, так уныл,
 Так нежен был последний час разлуки...
 Еще твой друг забыть его не мог,
 И вновь ему ты посылаешь муки
 Сомнения, догадок и тревог —
 Скажи, зачем?.. Не ложью ли пустою,
 Рассеянной ласужей клеветой,

Возмущена душа твоя была?
 И, мучима томительным недугом,
 Ты над своим отсутствующим другом
 Без оправданья суд произнесла?
 Или то был один каприз случайный,
 Иль давний гнев?..» Неразрешимой
 тайной

Я мучился: я плакал и страдал,
 В догадках ум испуганный блуждал,
 Я жалок был в отчаянии суровом...

Всему конец! Своим единственным словом
 Душе моей ты возвратила вновь
 И прежний мир и прежнюю любовь;
 И сердце шлет тебе благословенья,
 Как вестнице неожиданного спасенья...

Так няня в лес ребенка заведет
 И спрячется сама за куст высокий;
 Встревоженный, он ищет и зовет,
 И мечется в тоске жестокой,
 И падает, бессильный, на траву...

А няня вдруг: ау! ау!
 В нем радостью внезапной сердце
 бьется,

Он все забыл: он плачет и смеется,
 И прыгает, и весело бежит,
 И падает — и няню не бранит,

Но к сердцу жмет виновницу испуга,
 Как от беды избавившего друга...

В о р.
Литография А. И. Лебедева, 1871.

НА УЛИЦЕ

1
ВОР

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрыгнув и поблуднев, вдруг поднял

вой и плач

И, бросаясь от лотка, кричал: «Держите
вора!»

И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сюртуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моления и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно

строгий,

И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!»
И богу поспешили молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть...

2
ПРОВОДЫ

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка рвет
И все просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит

За свое бесполезное горе.
Спвка дернул дровишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он спвке бока,
Да помог старику и Ванюха...

3
ГРОБОК

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.
А как было живо дитятко,
То и дело говорилося:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родилося?»

4
ВАНЬКА

Смешная ссепя! Ванька дуралей,
Чтоб селюка промыслить побогаче,
Украдкой чистит блихи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе приплатить желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик дуралей
И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждасте не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

1 8 5 1

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вснышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!

Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир и скорее наскутит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья;
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был невой породы:
Исключительно честь понимал,
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Все бы вздор... только с Машей
не сладить,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упрям тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Маша.

Литография А. И. Лебедева, 1865.

Он лелеет красавицу-Машу.
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел,
И, бедняжка! ума не приложит,
Отчего он так скоро сгорел?

МУЗА

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни
сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,

Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум

Мечтой неясною не волновала ум,
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнует нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страдания и оков, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просищей,
Которой золото — единственный кумпр...
В усладу нового пришельца в божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она пела мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданиям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный
стон

Еще пронзительней звучал в разгуле
шумном.
Все слышалось в нем в смешении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,

Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Преданшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: мщение! и буйным языком
На головы врагов звала господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной,
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабел медленно, томительный недуг
Смирлся, утихал... и выкупалось вдруг
Все буйство дикое страстей и скорби
лютой
Одной божественно прекрасною минутой,
Когда страдалница, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо
мною...

Так вечно плачущей и непонятной девы
Лелеял мой слух суровые напевы,
Покуда, наконец, обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страдания научила
И свету возвестить о них благословила...

НОВЫЙ ГОД

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковесный ум
И мудрых, и невежд.
Лишь тот, кто под землей сокрыт,
Надежды в сердце не таит!..

Давно ли ликовал народ
И радовался мир,
Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?
И чье суровое чело
Лучом надежды не двело?

Но меньше ль вдел он могил,
Вражды и нищеты?
В нем каждый день убийцей был

Какой-нибудь мечты;
Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!

При звуках тех же чаш и лир,
Обычной чередой
Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастною стоной —
И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь!

И благо!.. С чашами в руках
Да будет встречен гость,
Да разлетится горе в прах,
Да умирится злость —
И в обновленные сердца
Да снидет радость без кощад!

Нас давит времени рука,
 Нас изнуряет труд,
 Всесиплен случай, жизнь хрупка,
 Живем мы для минут,
 И то, что с жизни взято раз,
 Не в силах рок отнять у нас!

Пускай кипит веселый рой
 Мечтаний молодых —
 Им предадимся всей душой...
 А время скосит их? —
 Что нужды! Снова в свой черед
 В нас воскресит их новый год...

1852

. . .

Блажен незлобивый поэт,
 В ком мало желчи, много чувства:
 Ему так искренен привет
 Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
 Как ропот волн, ласкает ухо;
 Он чужд сомнения в себе —
 Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
 Гнушался дерзкою сатирой,
 Он прочно властвует толпой
 С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
 Его не гонят, не злословят,
 И современники ему
 При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
 Тому, чей благородный гений
 Стал обличителем толпы,
 Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
 Уста вооружив сатпрой,
 Проходит он тернистый путь
 С своей карающей лирой.

Его преследуют хулы:
 Он ловит звуки одобренья
 Не в сладком ропоте хвалы,
 А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
 Мечте высокого призванья,
 Он проповедует любовь
 Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
 Плодит ему врагов суровых,
 И умных и пустых людей,
 Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут,
 И, только труп его увидя,
 Как много сделал он, поймут,
 И как любил он — ненавля!

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
 Отвяжись, не тумань головы!
 Осмеет нас красавица модная,
 Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
 Что ни скажут — их речь хороша,
 А вот я-то войду, как потерянный, —
 И ударится в пятки душа!

На ногах словно грипы железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроворная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю
И сплуж неподвижен, как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня горемычного
Дураком ты на свет создала?
Ни умника, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах! судьба ль меня, полно, обдела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умни и пригожи становлюсь?

Все припомню, что было ей сказано,
Взгляну: сам бы сказал не глупей...

Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умни и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце пещру надежды беречь!
Не страхишь рокового прошедшего
Мне с моих невыносимых плеч!

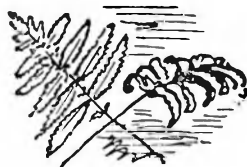
Придавила меня бедность грозная,
Заукал меня с детства отец,
Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
Что, как червь, копошится в груди,
Да сознание беспомощия обидное
Мне осталось одно впереди...

ВЛЮБЛЕННОМУ

Как вести о дороге трудной,
Когда-то пройденной самим,
Внимаю речи безрассудной,
Надеждам розовым твоим.
Любви безумным мечтам
И я по-твоему кипел,
Но я делить их не хотел
С моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Топил боязнию ревнивой,

Не допускал я никого
В тайники души моей стыдливой.
Зато теперь, когда угас
В груди тот пламень благодатный,
О прошлом счастье рассказ
Твержу с отравой непонятной.
Так проникнем мы легко
И в недоступное жилище,
Когда хозяин далеко
Или почтует на кладбище.

О письма женщины нам милой!
 От вас восторгам нет числа,
 Но в будущем душе унылой
 Готовите вы больше зла.
 Когда погаснет пламя страсти
 Или послушаетесь вы
 Благоразумья строгой власти
 И чувству скажете: увы! —
 Отдайте ей ее посланья
 Иль не читайте их потом,
 А то пет хуже наказанья,
 Как задним горевать числом.
 Начнешь с усмешкою ленивой,
 Как бред невинный и пустой,

А кончишь злобою ревнивой
 Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
 В моем портфеле берегу!
 Подчас на них гляжу я строго,
 Но бросить в печку не могу.
 Пускай мне время доказало,
 Что правды в них и проку мало,
 Как в праздном лепете детей,
 Но и теперь они мне милы —
 Поблекшие цветы с могилы
 Погибшей юности моей!

(из гейне)

Ах, были счастливые годы!
 Жил шумно и весело я,
 Имел я большие доходы,
 Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
 И не было дружбы нежней,
 Но мой кошелек истощился —
 И нет моих милых друзей!

Теперь у постели больного —
 Как зпмнял выюга шумит —
 В ночной своей кофте сурово
 Старуха-Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
 Ее табакерка порой.
 Как странно кивает старуха
 Седую своей головой!

Случается, снова мне снится
 То полное счастья жптье,
 И станет отраднее биться
 Изнывшее сердце мое...

Вдруг скрип, раздрающий ухо, —
 И мигом исчезла мечта!
 Сморкается громко старуха,
 Зевает и крестит уста.

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

1

У хладных нескпх берегов,
 В туманном Петрограде,
 Жил некто господин Долгов
 С женой и дочкой Надей.

Простой и добрый семьянин,
 Чпновник непродажный,

Он нажил только дом один —
 Но дом пятиэтажный.

Учась на медные гроши,
 Не ведал по-французски,
 Был добр по слабости души,
 Но как-то не по-русски:

Есть русских множество семей,
 Они как будто добры,

Но им у крепостных людей
Считать не стыдно ребры.

Не отличался наш Долгов
Такой рукою бойкой,
И только колотить тузов
Любил козырной двойкой.

Зато господь его взыскал
Своею благодатью:
Он город за женою взял
И породнился с знатью.

Итак, жена его была
Наклонна к этикету
И дом как следует вела,
Под стать большому свету:

Сама не сходит на базар
И в кухню ни ногою;
У дома их стоял швейцар
С огромной булавою;

Лакен чинною толпой
Теснились в прихожей,
И между ними ни одной
Кривой и пьяной рожи.

Всегда сервирован обед
И чай весьма прилично.
В парадных комнатах паркет
Так выложен отменно.

Они давали вечера
И даже в год два бала:
Играли старцы до утра,
А молодежь плясала;

2

Или преждевременным умом,
Или красотой нimalo
В невинном возрасте своем
Она не поражала.

Была ленивой в десять лет
И милою резвухой:
Цветущ и ясен, божий свет
Казался ей игрушкой.

В семнадцать — сверстниц и сестриц
Всех красотой затмила,
Но наших чопорных девиц
Собой не повторила:

В глазах природный ум играл,
Румянец в коже смуглой,
Она любила шумный бал
И не была там куклой.

В веселом обществе гостей
Жеманно не молчала
И строгой маменьки своей
Глазами не искала.

Любила музыку она
Не потому, что в моде;
Не исключительно луна
Ей правилась в природе.

Читать любила иногда,
И с книгой не скучала,
Напротив, и гостей тогда
И танцы забывала;

Но также спящего чулка
В ней не было приметы:
Не траговала свысока
Ученые предметы,

Разбору строгому еще
Не предавала чувства
И не трещала горячо
О святости искусства.

Ну, словом: глядя на нее,
Поэт сказал бы с жаром:
«Цвети, цвети, дитя мое!
Ты создана недаром!..»

Уж ей врал про женихов
Услужливая няня.
Немало ей писал стихов
Кузен какой-то Валя.

Мамаша повторяла ей:
«Уж ты давно невеста».
Но в сердце береглось у ней
Незанятое место.

Девичий сон еще был тих
И крепок благотворно.
А между тем давно жених
К ней сватался упорно...

Александринский театр в Петербурге.

Литография 1850-х годов.

3

То был гвардейский офицер,
Вопитель черноокий.
Блистал он светскостью манер
И лоб имел высокий;

Был очень тонкого ума,
Воспитан превосходно,
Читал Фудраса и Дюма
И мыслил благородно;

Хоть книги редко покупал,
Но читал литературу,
И даже анекдоты знал
Про русскую цензуру.

В Шекспире признавал талант
За личность Дездемоны
И строго осуждал Жорж Санд,
Что носит панталоны;

Был от Рубини без ума,
Иел басом «саго тiо»

И к другу при конце письма
Приписывал: «addio».

Его любимый идеал
Был Александр Марлинский,
Но он всему предпочитал
Театр Александринский.

Здесь пиши он искал уму,
Отхлопывал ладони,
И был по сердцу ему
И Кукольник и Конн.

Когда главою помавал,
Как некий древний магик,
И диким зверем завывал
Широкоплечий трагик,

И вдруг влетала, как зефир,
Воздушная Сюзета, —
Тогда он забывал весь мир,
Вникая в смысл куплета.

Следил за нею чуть дыша,
Не отрывая взора, —

Казалось, вылетит душа
С его возгласом: **Фора!**

В нем бурно поднимала кровь
Все силы молодые.
Счастливый юноша! любовь
Он познавал впервые!

Отрада юношеских лет,
Подруга идеалам,
О сдена, сдена! не поэт,
Кто не был театралом,

Кто не славился в мильный плен,
Не рвался за кулисы
И не платил громадных цен
За кресла в бенефисы,

Кто по часам не поджидал
Зеленую карету
И водевилей не писал
На бенефис «предмету»!

Блажен, кто успокоил кровь
Обычной чередой:
Успехом увенчал любовь
И завелся семьею;

Но тот, кому не удался
Исканья, — не в накладе:
Прелестны графини кулисы,
Покуда на эстраде:

Там вся поэзия души,
Там места нет для прозы;
А дома сплетни, барышни,
Упреки, зависть, слезы.

Так отдаст внаймы другим
Свой дом владелец жадный,
А сам, нечист и нелюбя,
Живет в конуре смрадной.

Но ты, к кому души моей
Летят воспоминанья,
Я бескорыстней и светлей
Не выдывал созданья!

Блестящ и краток был твой путь...
Но я на эту тему
Вам напишу когда-нибудь
Особую поэму...

В молодые годы наш герой
К театру был прикован,

Но ныне он отцвел душой —
Устал, разочарован!

Когда при тысяче огней
В великолепной зале,
Кумир девиц, гроза мужей,
Он танцевал на бале, —

Когда являлся в маскарад
Во всей парадной форме,
Когда садился в первый ряд
И дико хлопал «Норме», —

Когда по Невскому скакал
С усмешкой губ румяных
И кучер бешено кричал
На пару шведок рыляных, —

Никто б, конечно, не узнал
В нем нового Манфреда...
Но, ах! он жизньню скучал —
Пока лишь до обеда.

Являл он Байрона черты
В характере усталом:
Не верил в книги и мечты,
Не увлекался балом.

Он знал: фортуны колесо
Плещет только младости;
Он в ресторации Дюссо
Давно утратил радость!

Не верил истине в друзьях, —
Им верят лишь невежды, —
С кием и картами в руках
Познал тщету надежды!

Он буйно молодость убил,
Взяв образец в Ловласе,
И рано сердце остудил
У Кесслех в танцклассе!

Расстроил тысячу крестьян,
Чтоб как-нибудь забыться...
Пуста душа и пуст карман —
Пора, пора жениться!

Не долго в деве молодой
Таплося раздумье...
«Прекрасной партнершей такой
Пренебрегать — безумье»,

Сказала плачущая мать,
Дочь по головке глядя,
И не могла ей отказать
Растроганная Надя.

Их сговорили чередой
И обвенчали вскоре.
Как думаешь, читатель мой,
На радость, или горе?..

1853

ПАМЯТИ АСЕНКОВОЙ

В тоске по юности моей
И в муках разрушенья
Прошедших невозвратных дней
Припомнив впечатленья,

Одно из них я полюбил
Будить в душе суровой,
Одну из множества могла
Оплакать скорбью новой...

Я помню: занавесь взвилась,
Толпа угомонилась —
И ты на сцену в первый раз,
Как светлый день, явилась.

Театр гремел: и дилетант
И скептик хладнокровный
Твое искусство, твой талант
Почтили данью ровной.

И точно, мало я впал
Красивее головок;
Твой голос ласково звучал,
Твой каждый шаг был ловок;

Дышала мимические черты
Счастливым детским смехом...
Но лучше б воротилась ты
Со сцены с успехом!

Увы, навпек ты была,
Вступая за кулисы, —
Ты благородно поняла
Призвание актрисы:

Исканья старых богачей
И молодых нахалов,
Куплеты бледных рифмачей
И вздох театралов —

Ты все отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной —
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.

И что ж? обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить решилась клеветой
Бездушные невежды!

Переходя из уст в уста,
Коварна и бесчестна,
Крылатым змеем клевета
Носилась повсеместно —

И все заговорило вдруг...
Посыпалась упрек, —
Стихи и письма, и подруг
Не тонкие намеки...

Душа твоя была нежна,
Прекрасна, как и тело,
Клевет не вынесла она,
Врагов не одолела!

Их говор лишь тогда затих,
Как смерть тебя сразила...
Ты до последних дней своих
Со сцены не сходила.

В сознании светлой красоты
И творческого чувства
Восторг толпы любила ты,
Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закат
Был странен и прекрасен:
Горел огнем глубокий взгляд,
Прозрителен и ясен;

Иылали щеки; голос стал
 Богаче страстью нежной...
 Увы! театр рукоплескал
 С тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удел,
 Но до конца, как прежде,

Твой голос, погасая, пел
 О счастья и надежде.

Не так ли звездочка в ночи,
 Срывалась, упадает
 И на лету свои лучи
 Последние роняет?..

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

1

Душа мрачна, мечты мои унылы,
 Грядущее рисуется темно.
 Привычки, прежде милые, постылы,
 И горек дым сигары. Решено!
 Не ты горька, любимая подруга
 Ночных трудов и одиноких дум, —
 Мой жребий горек. Жадного недуга
 Я не пзбег. Еще мой светел ум,
 Еще в надежде глупой и послушной
 Не пщет он отрады малодушной,
 Я вижу все... А рано смерть пдет,
 И жизни жаль мучительно. Я молод,
 Теперь поменьше мелочных забот,
 И реже в дверь мою стучится голод:
 Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
 Но поздно!.. Я как путник безрассудный,
 Пустившийся в далекий, долгий путь,
 Не соразмерив сил с дорогой трудной:
 Кругом все чуждо, негде отдохнуть,
 Стоит он, бледный, средь большой дороги.
 Никто его не призрел, не подвез:
 Промчалась тройка, проскрипел обоз —
 Все мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
 И он упал... Тогда к нему толпой
 Сойдутся люди — смущены, унылы,
 Почтят его ненужною слезой
 И подвезут охотно — до могилы..

2

Я рано встал, недолги были сборы,
 Я вышел в путь, чуть занялась заря;
 Переходил я пропасти и горы,
 Переплывал я реки и моря;
 Боролся я, один и безоружен,
 С толпой врагов; не унывал в беде
 И не роптал. Но стал мне отдых нужен —

И не нашел приюта я нигде!
 Не раз, упав лицом в сырую землю,
 С отчаяньем, голодный, я твердил:
 «По силам ли, о боже! труд подъемлю?»
 И снова шел, собрав остаток сил.
 Все ближе и знакомее дорога,
 И пройдено все трудное в пути!
 Главы церквей спяют впереди —
 Не далеко до отчего порога!
 Насмешливо сгибался и кряхтя
 Под тяжестью сумы своей дырявой,
 Алчбы и жажды бледное дптя,
 Голодный труд, попутчик мой лукавый,
 Уж прочь пдет: теперь нам розный путь.
 Вперед, вперед! Но изменили силы —
 Очнулся я на рубеже могилы...
 И некому и нечем помянуть!
 Настанет утро — солнышко осветит
 Бездушный труп; все будет решено!
 И в целом мире сердце лишь одно —
 И то едва ли — смерть мою заметит...

3

Пышина в разливе гордая река,
 Плынут суда, колеблясь величаво,
 Просмолены их черные бока,
 Над ними флаг, на флаге надпись: слава!
 Толпы народа берегом бегут,
 К ним приковав досужее вниманье,
 И, шляпами размахивая, шлют
 Пловцы родному берегу прощанье, —
 И в миг оно подхвачено толпой,
 И дружно берег весь ему ответит.
 Но тут же, опрокинутый волной,
 Погибни челн — и кто его заметит?
 А если и раздастся дикий стон
 На берегу — внезапный, одинокий,

*Н. А. Некрасов в 1850-х годах.
Литография П. Бореля.*

За криками не будет слышен он
И не дойдет на дно реки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорее берег, озаренный

Горячим блеском солнечных лучей
И пестрою толпою оживленный, —
Чем солнце ярче, люди веселей,
Тем сердцу сокрушенному больней!

В ДЕРЕВНЕ

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...
Кажется, с делого света вороны
По вечерам пристают сюда.
Вот и еще, и еще эскадроны...
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избышке, —
Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут... Все то же опять,
Что и вчера... посидят — и в дорогу!
Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава богу,
Ветер смирился: пройдуся до полей.
С самого утра унылый, дождливый
Выдался нынче денек несчастливый:
Даром в болоте промок до костей;
Вздумал работать, да труд не дается.
Гляди, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-га послушаю, что говорят...

2

— Здравствуй, родная. — «Как можется,
кумушка?

Все еще плачешь никак?
Ходит, зная, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?»

— Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...

Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?

Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплюшал!

Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная, —
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Саввушки подали,
Царство небесное ей!

Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна, —
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая —
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Надо ль? топор пролаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!

В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?

Умер, Касьяновна, умер, голубушка, —
Даром ружье пропадет!

Вернись, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!

Лягу в каморку, покроюсь тенетами
Словно как саваном... Нет!

Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...

Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай бог зиму промаяться,
Свежей травы мне не мять!

Скоро избенка совсем расшатается,
 Некому поле вспахать.
 В город собирается Марья Романовна,
 По миру спл нет ходить...
 Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
 И не велел долго жить! —

3

Плачет старуха. А мне что за дело?
 Что и жалеть, коли ничем помочь?..

Слабо мое изнуренное тело,
 Время ко сну. Не долга моя ночь:
 Завтра раненько пойду на охоту,
 До свету надо покрепче уснуть...
 Вот и вороны готовы к отлёту,
 Кончился раут... Ну, трогайся в путь!
 Вот поднялись и закаркали разом.
 — Слушай, ровняйся! — Вся стая летит:
 Кажется, будто меж небом и глазом
 Черная сетка висит.

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

Напелая и страстная душа,
 В ком помыслы прекрасные кипели,
 Упорствуя, волнуясь и снеща,
 Ты честно шел к одной высокой цели;
 Кипел, горел — и быстро ты угас!
 Ты нас любил, ты дружеству был верен —
 И мы тебя почтили в добрый час!
 Ты по судьбе печальной беспримерен:
 Твой труд живет и долго не умрет,
 А ты погреб, несчастлив и незнаем!

И с дерева неведомого плод
 Беспечные беспечно мы вкушаем.
 Нам дела нет, кто возрастил его,
 Кто посвящал ему и труд и время,
 И о тебе не скажет ничего
 Своим потомкам сдержанное племя...
 И с каждым днем окружена тесней,
 Затеряна давно твоя могила,
 И память благодарная друзей
 Дороги к ней не проторила...

ФИЛАНТРОП

Частню по глупой честности,
 Частню по простоте,
 Пропадаю в неизвестности,
 Пресмыкаюсь в нищете.
 Место я имел доходное,
 А доходу не имел:
 Бескорыстье благородное!
 Да и брать-то не умел.
 В Провиантскую комиссию
 Поступивши, например,
 Покупал свою провизию —
 Вот какой миллионер!
 Не взыщите! честность ярая
 Одолела до ногтей;
 Даже стыдно вспомнить старое —
 Ведь имел уж и детей!
 Сожалели по Житомпру:
 «Ты-де нищим кончить все»

И семейство пустишь по миру,
 Беспокойный человек!»
 Я не слушал. Сожаления
 В недовольство перешли,
 Оказались упущения:
 Подвели — и уехали!

Совершилось пророчество
 Благомыслящих людей
 Холод, голод, одиночество,
 Переменчивость друзей —
 Всё мы, бедные, познали,
 Чашу выпили до дна:
 Плачут дети — не обедали, —
 Убивается жена,
 Проклинает поведение,
 Гордость глупую мою;

Я брожу, как привидение,
 Но — свидетель бог — не пью!
 Каждый день встаю ранехонько,
 Достаю насущный хлеб...
 Так мы десять лет ровнехонько
 Бились, волею судеб.
 Вдруг — известье незабвенное! —
 Получаю письмо,
 Что в столице есть отменное,
 Благородное липо;
 Муж, которому подобного,
 Может быть, не знали вы,
 Сердца ангельски-незлобного
 И умнейшей головы.
 О народном просвещении
 Соревнуя, генерал
 В популярном изложении
 Восемь томов написал.
 Продавал в большом количестве
 Их дешевле пятака,
 Вразумить об электричестве
 В них стараясь мужика.
 Словно с равными беседуя,
 Он и с нищими учтив,
 Нам терпенье проповедуя,
 Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
 Мне как будто объяснил,
 И ко взяткам отвращение
 Я тогда благословил;
 Перестал стыдиться бедности:
 Да! лохмотья нищеты
 Не свидетельство зловредности,
 А скорее правоты!
 Снова благородной гордости
 (Человек самолюбив),
 Упования и твердости
 Я почувствовал прилив.
 «Нам господь послал спасителя»,
 Говорю тогда жене,
 «Нашим крошкам покровителя!»
 И бедняжка верит мне.
 Горе мы забвенью предали,
 Сколотили сто рублей,
 Все, как следует, развели
 И в столицу поскорей.
 Прикатили прямо к сроднику.
 Не пустил — я в нумера...
 Вся семья моя угодику
 В ночь молплась. Со двора
 Вышел я чем свет. Дорогою,
 Чтoб участие привлечь,

Я всю жизнь мою убогую
 Совместил в такую речь:
 «Оттого-де ныне с голоду
 Умираю, словно тварь,
 Что был глуп и честен смолоду,
 Знал, что значит бог и царь.
 Не скажу: по справедливости
 (Не велик я генерал),
 По ребяческой стыдливости
 Даже с правого не брал —
 И погиб... Я горе мыкаю,
 Я работаю за двух,
 Но не чаркой — вашей кнпгою
 Подкрепляю слабый дух.
 Защитите!...»

Не заставили
 Ждать минуты ни одной.
 Вот в приемную поставили,
 Доложили чередой.
 Вот плут — остановились.
 Я сробел, чуть жив стою:
 Замер дух, вспли забилсь,
 И забыл я речь свою!
 Тер и лоб и переносицу,
 В потолок косил глаза,
 Бормотал лишь околёспицу,
 А о деле — ни аза!
 Изумлился, брови свинули:
 «Что вам нужно?» говорят.
 — Нужно мне... — Тут слезы хлынули
 Совершенно невпопад.
 Просто вещь непостижимая
 Приключилась со мной:
 Грусть, печаль неудержимая
 Овладела всей душой.
 Все, чем жизнь богата с младости
 Даже в нищенском быту —
 Той поры счастливой радости,
 Попросту сказать: мечту, —
 Все, что кануло и сгнило
 В тревоженьях жизни сей,
 Все я вспомнил, все прихлынуло
 К сердцу... Жалкий дуралей!
 Под влиянием прошлого,
 В лоб ударив кулаком,
 Взвыл я вроде сумасшедшего
 Пред спятельным лицом.

Все такие обстоятельства
 И в мундирешке пзъян
 Привели его спятельство
 К заключенью, что я пьян.
 Экзекутора, холопа ли

Филантроп.

Литография А. И. Лебедева. 1877.

Чего же им еще?.. А если точно есть
 Любители кнута, поборники тиранства,
 Которые, забыв гуманность, долг и честь,
 Пятнают родную и русское дворянство, —
 Чего же медлишь ты, сатиры грозной блч?..
 Я книги русские перебрал все лето:
 Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
 И лучшие темны, как стертая монета!

Жаль, дремлет русский ум. А то, чего б
 верней?—
 Правительство казнит открытого злодея,
 Сатира действует и шире и смелей,
 Как пуля находить виновного умея.
 Сатире уж не раз обязана была
 Европа (кажется, отчасти и Россия)
 Услугой важною

ЗА ГОРОДОМ

«Смешно! нас веселит ручей, вдали
 журчащий,
 И этот темный дуб, таинственно шумящий;
 Нас тешит песнею задумчивой своей,
 Как праздных юношей, вечерний соловей;
 Далекий свод небес, усеянный звездами,
 Нам кажется простерт с любовью над
 нами;
 Любуясь месяцем, оглядывая даль,
 Мы чувствуем в душе ту тихую печаль,
 Что слаще радости... Откуда чувства эти?
 Чем так довольны мы?.. Ведь мы уже не
 дети!
 Уже ли поденный труд наклонности
 к мечтам

Еще в нас не убил?.. И нам ли, беднякам,
 На отвлеченные природой наслаждения
 Свободы краткие истрачивать мгновенья?»
 — Э! полно рассуждать! искать всему
 причин!
 Деревья согнала с души давнишний слезы.
 Забыта тяжкая, гнетущая работа,
 Докучной бедности бессеменная работа —
 И сердцу весело... И лучше поскорей
 Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
 Лишенные даров довольства и свободы,
 Мы живо чувствуем сокровища природы,
 Которых спящие и сытые земли
 Отнять у бедняков голодных не могли.

Б У Р Я

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
 Наконец шепнула: «Есть в саду беседка.
 Как темнее станет — понимаешь ты?..»
 Ждал я, пестрадался, ночки-темноты!
 Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
 Да взглянул на небо — и поверить жутко!
 Небо обложилось тучами кругом...
 Ползли дожди ручьями — прокатился гром!
 Брови я нахмурил и пошел угрюмый:
 «Свидетелься сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пугливая,
 В бурю за ворота выбежать ей в-диво;
 Правда, не была бы буря ей страшна,
 Если б... да настолько любит ли она?..
 Без надежды, скучен прихожу в беседку,
 Прихожу и вижу — Любушку-соседку!
 Промочила ножки и хоть выжми шубку...
 Было мне заботы обсушить голубку!
 Да зато с той ночи я бровей не хмрю,
 Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

Несжатая полоса.

Рисунок И. Панова.

1854

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели;

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц пас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно дели, колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он, и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце большое сосет.

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети.

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткой ум, —

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солда лучу:
Вся душа вострепнется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же вятио душе говорить...

В Л А С

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная;
Просит он на божий храм,
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконечником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промысливающих разбоим,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего слерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеям-мужиком;
Права был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще все неможеться.
Год прошел — а Влас лежит,

И постропть церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Все мерещилось в бреду:
Видел свста преставление,
Видел грешников в аду:

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефнопы — видом черные
И как углю глаза,

Крокодилы, змии, скорпины —
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.

Те на длинный шест напизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях напизаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роддал Влас свое пменне,
Сам остался бос и гол.
И сбирать на построение
Храма божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянным питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла;
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,

И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой все говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посылные дары —

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной...

* . *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей ниве
Своих поникнувших ветвей...

* . *

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковой,
Мгновенно кинулся к волнам.

Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!

Поздней — любви и счастья полны,
 Ходили часто мы сюда,
 И ты благословляла волны,
 Меня отвергнувшие тогда.
 Теперь — одни, забыт тобою,
 Через много роковых годов,

Брожу с убитою душою
 Опять у этих берегов.
 И та же мысль приходит снова —
 И на обрыве я стою,
 Но волны не грозят сурово,
 А манят в глубину свою...

Ничего! гони во все лопатки,
 Труден путь, да легок конь,
 Дожидай последние остатки
 Жизни, брошенной в огонь!

1855

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальних
 Среди друзей своих печальных
 Поэт в подвале умирал
 И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
 Другой бедняк покинул свет,
 Таким же сокрушен недугом.
 Я был его ближайшим другом
 И братом по судьбе. Мы шли
 Одной тернистою дорогой
 И переспать не могли
 Судьбы, равно к обоим строгой.
 Он честно истине служил,
 Он духом был смелей и чище.
 Зато и раньше проложил
 Себе дорогу на кладбище...
 А ныне очередь моя...
 Его я пережил не много;
 Я сделал мало, волей бога
 Погибла даром жизнь моя.
 Мои страдания были люты,

Но многих был я сам виной;
 Теперь, в последние минуты,
 Хочу я долг исполнить мой,
 Хочу сказать о бедном друге
 Все, что я видел, что я знал
 И что в мучительном недуге
 Он честным людям завещал...

Родился он почти плебеем
 (Что мы бесславьем разумеем,
 Что он иначе понимал).
 Его отец был лекарь жалкий,
 Он только пить любил да палкой
 К ученью сына поощрял.
 Процесс развития — в России
 Не чуждый многим — проходя,
 Книжонки дельные, пустые
 Читало с жадностью дитя,
 Притом, как водится, украдкой...
 Тоска мечтательности сладкой
 Им овладела с малых лет...
 Какой прозаик или поэт

В. Г. Белинский.
Рисунок К. Горбунова.

Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря, на свете
Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В Московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рождении прав,
Не удостоенный патентом, —
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек
Колол его неоднократно
Таким прозванием печатно,
Но, впрочем, бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре

Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой,
Стремлением к истине суровой
Горячий труд его дышал, —
Его заметили... В ту пору
Пришла охота прожектеру,
Который барышей желал,
Обширный основать журнал...
Выпкая в дело не глубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на Север перебрался...

Тогда все глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публичке остыла...
В бореньи пошлых мелочей
Она погрязнув поглупела...
До общества, до жизни сей
Как будто не было и дела.
В то время, как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами,
К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще не смелый, тесный...
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличении зла...

И он пришел, плебей безвестный!..
Не поддался он ни льстецов,
Ни подлецов, ни подотов,
Ни в маске жарких патриотов,
Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лесты,

В забвеньи истины и чести,
 Отчизна бедная зашла!
 Он расточал ей укоризны
 За рабство — вековой недуг —
 И прокричал врагом отчизны
 Его — отчизны ложный друг.
 Над ним уж тучи собиравшись,
 Врагги шумели, ополчались.
 Но дерзкий вопль клеветника
 Не помешал ему пока...
 В нем силы пуще разгорались
 И между тем, как перед ним
 Его соратники смирялись
 И в подлецов преображались,
 Он шел один непоколебим!..

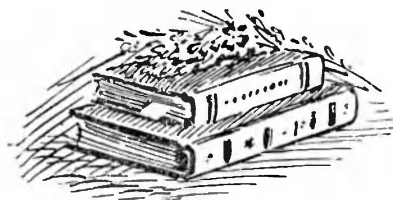
О! сколько есть душой свободных
 Сынов у родины моей,
 Великодушных, благородных
 И неподкупно верных ей,
 Кто в человеке брата видит,
 Кто зло клеймит и ненавидит,
 Чей светел ум и ясен взгляд,
 Кому рассудок не теснит
 Преданья ржавые оковы, —
 Не все ль они признать готовы
 Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним,
 Трудился долго он — и много
 (Конечно, не без воли бога)
 Сказать полезного успел
 И может быть бы уцелел...
 Но поднялась тогда тревога
 В Париже буйном — и у нас
 По-своему отзывалась...
 Скрутили бедную цензуру,
 Послушав наконец клевет,
 И разбирать литературу
 Созвали целый комитет.
 По счастью, в нем сидели люди
 Честней, чем был из них один,

Палач науки Бутурлин,
 Который, не жалея груди,
 Беснуясь повторял одно:
 «Закройте университеты,
 И будет зло пресечено!..»
 (О муж бессмертный! не воспеты
 Еще никем твои слова,
 Но твердо помнит их молва!
 Пусть червь тебя могильный гложет,
 Но сей совет тебе поможет
 В потомство перейти верней,
 Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
 Читали, справки наводили —
 И не остался прав никто...
 Как быть! спасибо и за то,
 Что не был суд бесчеловечен...
 Настала грустная пора,
 И честный сеятель Добра
 Как враг отчизны был отмечен;
 За ним следили и тюрьму
 Враги пророчили ему...
 Но тут услужливо могла
 Ему объявить растворилка:
 Замучен жизнью трудовой
 И постоянной пищетой,
 Он умер... Помянуть печатно
 Его не смели... Так о нем
 Слабеет память с каждым днем
 И скоро сгинет невозвратно!..»

Поэт умолк. А через день
 Скончался он. Друзья сложились
 И пад усопшим согласились
 Поставить памятник, но лень
 Исполнить помешала вскоре
 Благое дело, а потом
 Могилка заросла кругом:
 Не сыщешь... Не велико горе!
 Живой печется о живом,
 А мертвый спит глубоким сном...

САША

1

Словно как мать над сыновней могилкой,
Стоит кулик над равниной унылой;

Пахарь ли песню вдаль запоест —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?...
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую пиву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накупившие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на пивах бесплодных твоих
Даром ни сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломали могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью пьмят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая пива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенев сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу,

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радуйтесь их честно,
Лесть им противна, а спесь не известна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Все ли застану по прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книжки ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче, и краше...
Мило и молодо дитячко ваше, —

Са́ша.

Рисунок Н. Дмитриева-Оренбургского.

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы;

Са́ша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Са́ша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побойтся она?..
Всё так спокойно; кругом тишина;

Сосны вершинами машут приветно;
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятия: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полею плещь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...

Саше случалось знать и печаль:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там пз-за старой, нахмуренной ели
Красные грозди калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы парили в вершине лесной,

Понпзу всякпе зверп таплся.
Вдруг мужпкп с топорамп явлплся —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В темную пору забилась лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменьи тащат муравьи,
Что пи попало, в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валится,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плытали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лился прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые;
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась кругла и лена,—

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает—

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Нпзко летали, вилпсь колесом
Совы, шарахаясь бземь крылом;

Звонко кукушка вдалп куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злплись. Наскучили их крик —
И придавили их ногою мужик.

Утром работа опять закончилась.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами, —

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочпие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птицы завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось — пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на них,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через них полосой янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится, — но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жался... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детские живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волну во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть!..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке стеной?..

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылся мой предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексенч Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Топок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
Был — говорит — я теперь за границей.

Много впал я больших городов,
Спих морей и подводных мостов —

Все там приволе и роскошь и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел.
И надо мной все кружился орел,

Словно пророчил великую долю...
Мы со старухой дивились вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей.
Да над природой подтрунивать нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там попевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Все рассуждала: какая причина, —

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

Но — говорит — не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!

И в подтверждение надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

Был — говорит — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкой плачет.
Видели: инсьма все пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятель-други:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славню;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно орбел. Мудреного нет:

В два-то последние года на-диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Все, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не в прок угождение пошло!
Он ей перечел, как будто на зло:

«Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое:

Род человеческий низок и зол».
Да и пошел! и пошел! и пошел!...

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит, как тень!

Книжки свои то читает, то бросит;
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам, шутя:
«Тешится новой игрушкой дитя!»

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу» —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?... он письмо ей прислал. Между
намп: Грешные люди, с испугу, мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама не спокойна;
То говорит: «Я его недостойна» —

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как ушел, так पुще тоскует,
Письма его потихоньку целует!..

Что тут такое? родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек,

Или какой чернокипжик-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

4

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы.
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, пскуспитель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполнского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо пути по дороге избитой
Лень помещала да разум развитый.

— Нет, я души не растрачу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир — говорит — осчастливить хочу!

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять не легко!

Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Саша.

Литография Н. Иевлева. 1865.

Что́ ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что́ вчера сказал, то сегодня и сест;

Нынче не знает, что́ завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны услия!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опавший орел...

Поняли?... нет!.. Ну, беда не большая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо, теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное все сделает время.
Сест он, все-таки, доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, — то бугор, то овраг:

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и гаги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повест весной!

С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее, — в три четверти груди,—

Красное солнце растопит снега,
Реки покпнут свои берега,—

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок, и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна—
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поемной,
Что́ оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дятятко ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пыльным плодом отродится оно!

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда,
И поэтом, баловнем свободы,
Другом Лени — не был никогда.

Если долго сдержанные мучи,
Накпив, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Все ж они не хуже плоской прозы,
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
 Но кипит в тебе живая кровь,
 Торжествует мстительное чувство,
 Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрых прославляет,
 Что клеймит злодея и глуща
 И великом терновым надеяет
 Беззащитного певца...

В БОЛЬНИЦЕ

Вот и больница. Светя, показал
 В угол нам сонный смотритель.
 Трудно и медленно там угасал
 Честный бедняк сочинитель.
 Мы попрекнули невольно его,
 Что, запугавшись в столице,
 Не известил он друзей никого,
 А приютился в больнице...

«Что за беда», он шутя отвечал:
 «Мне и в больнице покойно.
 Я все соседей моих наблюдал:
 Многое, право, достойно
 Гоголя кисти. Вот этот субъект,
 Что меж кроватями бродит,—
 Есть у него превосходный проект,
 Только — беда! не находит
 Денег... а то бы давно превращал
 Он в бриллианты крапиву.
 Он покровительство мне обещал
 И миллион на разживу!

Вот старпикашка-актер: на людей
 И на судьбу негодует;
 Перевирая, из старых ролей
 Всюду двуступища сует;
 Он добродушен, задорен и мил,
 Жалко — уснул (или умер?)—
 А то бы, верно, он вас посмешил...
 Смолк и семнадцатый номер!
 А как он бредил деревней своей,
 Как, о семействе тоскуя,
 Ласки последней просил у детей,
 А у жены поцелуя!
 Не просыпайся же, бедный больно!
 Так в забытыи в умри ты...
 Очи твои не любимой рукой —
 Сторожем будут закрыты!
 Завтра дежурные нас обойдут,
 Саваном мертвых накроют,
 Счетом в мертвецкий покой отнесут,

Счетом в могилу зареют.
 И уж тогда не являйся жена,
 Чуткая сердцем, в больницу —
 Бедного мужа не сыщешь она,
 Хоть раскопай всю столицу!

Случай недавно ужасный тут был:
 Пастор какой-то немецкий
 К сыну приехал — и долго ходил...
 «Вы пощитте в мертвецкой»,
 Сторож ему равнодушно сказал;
 Бедный старик пошатнулся,
 В страшном испуге туда побежал
 Да, говорят, и рехнулся!
 Слезы ручьями текут по лицу,
 Он между трупами бродит:
 Молча заглянет в лицо мертвецу,
 Молча к другому подходит...

Впрочем, не вечно чужою рукой
 Здесь закрываются очи.
 Помню: с прошибленной в кровь головой
 К нам привели среди ночи
 Старого вора: в остроге его
 Буйный товарищ изранил.
 Он не хотел исполнять ничего,
 Только грозил и бунил.
 Наша сиделка к нему подошла,
 Вздрогнула вдруг — и ни слова...
 В странном молчаньи минута прошла:
 Смотрят один на другого!

Кончилось тем, что угрюмый злодей,
 Пыльный, обрызганный кровью,
 Вдруг зарыдал — перед первой своей
 Светлой и честной любовью.
 (Смолоду знали друг друга они)...
 Круто старик изменился:
 Плачет да молится целые дни,
 Перед врачами смирился.
 Не было средства, однако, помочь...

*В больнице.**Литография А. И. Лебедева, 1865.*

Час его смерти был странный
 (Помню я эту печальную ночь):
 Он уже был бездыханен,
 А всепрощающий голос любви,
 Полный мольбы бесконечной,
 Тихо над ним раздавался: «Живи,
 Милый, желанный, сердечный!»
 Все, что имела она, продала —
 С честью его схоронила.

Бедная! как она мало жила!
 Как она много любила!
 А что любовь ей дала, кроме бед,
 Кроме печали и мук?
 Смолodu — стыд, а на старости лет —
 Ужас последней разлуки!..

Есть и писатели здесь, господа.
 Вот, посмотрите: украдкой
 Бледен и робок подходит сюда
 Юноша с толстой тетрадкой.
 С юга пешком привела его страсть
 В дальнюю нашу столицу —
 Думал бедняга в храм славы попасть —
 Рад, что попал и в больницу!
 Всем он читал свой ребяческий бред —
 Было тут смеху и шуму!
 Я лишь один не смеялся... о, нет!
 Думал я горькую думу.
 Братья-писатели! в нашей судьбе
 Что-то лежит роковое:
 Если бы все мы, не веря себе,
 Выбрали дело другое —
 Не было б точно, согласен и я,
 Жалких писак и педантов —
 Только бы не было также, друзья,
 Скоттов, Шекспиров и Дантов!
 Чтоб одного возвеличить, борьба
 Тысячи слабых уносит —
 Даром ничто не дается: судьба
 Жертв искушительных просит».

Тут наш приятель глубоко вздохнул,
 Начал метаться тревожно;
 Мы посидели, пока он уснул, —
 И разошлись осторожно...

СВАДЬБА

В сумерки в дерковь вхожу. Малолудно.
 Светят лампы печально и скудно,
 Темны просторного храма углы;
 Длинные окна, то полные мглы,
 То озаренные беглым мерцаньем,
 Тихо колеблются с робким бряцаньем.
 В куполе темень такая висит,
 Что поглядеть туда — дрожь пробежит!

С каменных плит и со стен полутемных
 Сыростью веет, на петлях огромных
 Словно заплакана тяжкая дверь...
 Нет богомольцев, не служба теперь —
 Свадьба. Венчаются люди простые.
 Вот у наоя стоят молодые:
 Парень-ремесленник фертом глядит,
 Красен с лица и с затылка подбрит —

Свадьба.

Литография А. И. Лебедева. 1865.

Видно: разгульного сорта детина!
 Рядом невеста: такая кручина
 В бледном лице, что смотреть тяжело...
 Бедная женщина! Что вас свело?
 Вижу я, стан твой немного полнее,
 Чем бы... Я понял! Стыдливо краснея
 И нагибаясь, свой длинный платок
 Ты на него потянула... Увлек,
 Видно, гуляка подарком да лаской,
 Песней, гитарой да честною маской?
 Ты ему сердце свое отдала...
 Сколько ночей ты потом не спала,
 Сколько ты плакала!.. Он не оставил,

Волей ли, пет ли, но дело поправил —
 Бог не без милости — ты спасена...
 Что же ты так безнадежно грустна?

Ждет тебя много попреков жестоких,
 Дней трудовых, вечеров одиноких,
 Будешь ребенка больного качать,
 Буйного мужа домой поджидать,
 Плакать, работать — да думать уныло,
 Что тебе жизнь молодая сулила,
 Чем подарила, что даст вперед...
 Бедная! лучше вперед не гляди!

. . .

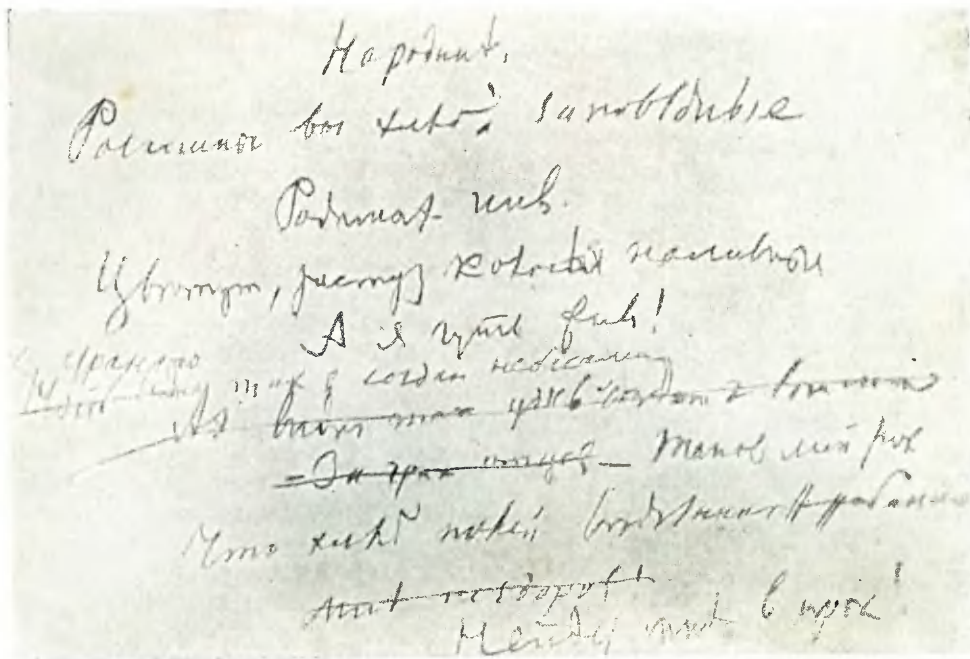
Безвестен я. Я вами не стяжал
 Ни почестей, ни денег, ни похвал,
 Стихи мои — плод жизни несчастливой,
 У отдыха похищенных часов,
 Скрытых слез и думы боязливой;
 Но вами я не восхвалял глупцов,
 Но с подлостью не заключал союза,
 Нет! свой венец терновый приняла,
 Не дрогнув, обесславленная Муза
 И под кнутом без звука умерла.

ПИСЬМА

Плачь, горько плачь! Их не напишешь
 вновь,
 Хоть написать, смеясь, ты обещала...
 Они навек погибли, как любовь,
 Которая их сердцу диктовала.
 Хранились в них души твоей черты,
 Корыстному волненью непричастной,
 Поэзии роскошные цветы —
 Благоуханье молодости лесной!

И пусть бы жизнь их ложью назвала —
 Она давно в них веру колебала, —
 Нет! та рука со злобой их сожгла,
 Которая с любовью их писала!
 Грядущее опоры лишено,
 Прошедшее поругано жестоко,

.

Автограф стихотворения Некрасова «На родине».

НА РОДИНЕ

Роскошны вы, хлеба заповедные
 Родимых нив, —
 Цветут, растут колосья наливные,
 А я чуть жпв!
 Ах, странно так я создан небесамп,
 Таков мой рок,
 Что хлеб полей, возделанных рабамп,
 Нейдет мне в прокъ!

..

Где твое личко смуглое
 Нынче смется, кому?
 Эх, одиночество круглое!
 Не посулю никому!

А ведь бывало охотно
 Шла ты ко мне вечерком,
 Как мы с тобой беззаботно
 Веселы были вдвоем!

Как выражала ты жпво
 Милые чувства свои!
 Помнишь, тебе особенно
 Правились зубы мои,

Как любовалась ты ими,
 Как целовала, любя!
 Но и зубами моими
 Не удержал я тебя...

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

У него прекрасные манеры,
Он не глуп, не беден и хорош, —
Что гадать? ты влюблена без меры
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди...

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни лживой, праздной и пустой?

Если так — плоха порука счастьем!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Всё отдаст за плоские рессоры
И за пару кровавых лошадей.

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить пизбенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди — не будет!
«Вот приедет барин — барин нас

рассудит,
Барин сам увидит, что плоха изба-бушка,
И велит дать лесу» — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихопомед жадный,
У крестьян землицы косячок пзрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером —
«Вот приедет барин: будет землемерам!»
Думают крестьяне: «скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,

Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» повторяют хором...

4

Умерла Ненила; на чужой земле
У соседа-плута — урожай сторидей;
Прежние парнишки ходят бородаты,
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина все нету... барин все не едет!

5

Наконец, однажды среди дорог
Шестернею дугом показались дроги;
На дорогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

Забитая деревня.

Картина Ф. Васильева. 1869.

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу.
Довольно мы с тобою проклипали.
Одни я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Непастыем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,

Не просветлест небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрождения!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Княгиня.

Литография А. И. Лебедева. 1865.

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
Стоит не грея на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

Чуть-чуть не говоря: «ты сущая ничтожность!»
Стихов моих печатный судья
Советует большую осторожность
В употреблении буквы «я».
Винюсь: ты прав, усердный мой ценитель
И общих мест присяжный расточитель, —
Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу.
Увы! писать для публики, для света
Удел не русского поэта...
Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою беду
Пою для вас... Не правда ли, отрадно
Несчастному несчастье в другом?
Кто болен сам, тот весело и жадно
Внимает вести о больном...

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Все отдала — тот стал ее палач!

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня слышала: люблю, —
Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю все, все смертью искуплю!

Школьник.

Рисунок А. Вахрамеева.

Не говори, что дни твои упылы,
Тюремщиком большого не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...

О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя, прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки..
И что сказать могла б ему она?..

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок! —

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...

Не стыдися! что за дело?
Это многих славный путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю, батя на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаёк.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,

Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь.

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай, —

Столько добрых, благородных,
Спльных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

ТУРГЕНЕВУ

И. С. Тургенев.

Офорт Эд. Эдуэна 1860-х годов.

Прощай! Завидую тебе —
Твоей поездке, не судьбе:
Я гордостью, ты знаешь, болен
И не сменяю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволен.
Ты счастлив. Ты воскреснешь вновь;
В душе твоей проснется живо
Все, чем терзает прихотливо
И награждает нас любовь, —
Пора наград, улыбок ясных,
Простых, как молодость, речей,
Ночей таинственных и страстных
И полных сладкой лени дней!
Ты знал ее?.. Нет лучшей доли!
Живешь легко, глядишь светлей,
Не жалко времени и волн,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна перед той,
Чье сердце ласковое бьется
Одним биением с тобой...
Счастливец! из доступных миру
Ты наслаждений взял уметь
Все, чем прекрасен наш удел:
Бог дал тебе свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословил твой путь земной...

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Гражданин (*входит*)

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет.

Поэт

Пробавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умест дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прав,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты писешь дело,
Ты только временно уснул.
Проспись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «впши, куда метнул!»
Но я обстреленная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(*Берет книгу*)

Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти и перестань корить!

Гражданин (*читает*)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт (*с восторгом*)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянуся, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи, пожалуйста?!

Гражданин

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солища звезды видны.
В ночи, которую теперь

Мы доживаем боязливо,
 Когда свободно рыскал зверь,
 А человек бродил пугливо, —
 Ты твердо светоч свой держал,
 Но небу было неугодно,
 Чтоб он под бурей запылал,
 Путь освещая всенародно;
 Дрожащей искрою впотьмах
 Он чуть горел, мигал, метался.
 Молн, чтоб солнца он дождался
 И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покула
 Не видно солнца нипоткуда,
 С твоим талантом стыдно спать;
 Еще стыдней в годину горя
 Красу долины, небес и моря
 И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
 В сиянии спорят небеса,
 И ветер ласковый и сощный
 Едва колеблет паруса, —
 Корабль бежит красиво, стройно,
 И сердце путников спокойно,
 Как будто, вместо корабля,
 Под ними твердая земля.
 Но гром ударил; буря стонет
 И снасти рвет и мачту клонит, —
 Не время в шахматы играть,
 Не время песни распевать!
 Вот нес — и тот опасность знает
 И бессилен на ветер ласт:
 Ему другого дела нет...
 А ты что делал бы, поэт?
 Ужель в каюте отдаленной
 Ты стал бы лирой вдохновенной
 Ленивцев уши улаживать
 И бури грохот заглушать?

Пуškai ты верен назначенью,
 Но легче ль родине твоей,
 Где каждый предан поклоненью
 Единой личности своей?
 Наперечет сердца благие,
 Которым родина свята.
 Бог-помочь им!.. а остальные?
 Их доля мела, их жизнь пуста.
 Одни — стяжатели и воры,
 Другие — сладкие певцы,
 А третьи... третьи мудрецы:
 Их назначенье — разговоры.
 Свою особу ограда,

Они бездействуют, твердя:
 «Ненасправимо наше племя,
 Мы даром гибнуть не хотим.
 Мы ждем: авось, поможет время,
 И горды тем, что не вредим!»
 Хитро скрывает ум надменный
 Себялюбивые мечты,
 Но... брат мой! кто бы ни был ты,
 Не верь сей логике презренной!
 Страшись их участь разделить,
 Богатых словом, делом бедных,
 И не иди во стан безвредных,
 Когда полезным можешь быть!
 Не может сын глядеть спокойно
 На горе матери родной,
 Не будет гражданин достойный
 К отчизне холоден душой,
 Ему нет горше укоризны...
 Иди в огонь за честь отчизны,
 За убежденье, за любовь...
 Иди и гибни безупречно.
 Умрешь не даром... Дело прочно,
 Когда под ним струится кровь.

А ты, поэт! избраннык неба,
 Глашатай истины вековых,
 Не верь, что не имущий хлеба
 Не стоит вещей струн твоих;
 Не верь, чтоб вовсе пали люди;
 Не умер бог в душе людей,
 И воля из верующей груди
 Всегда доступна будет ей!
 Будь гражданин! служи искусству,
 Для блага ближнего живи,
 Своей гений подчиняя чувству
 Всесообщающей Любви;
 И если ты богат дарами,
 Их выставлять не хлопочи:
 В твоём труде заблещут самп
 Их животворные лучи.
 Взгляни: в осколки твердый камень
 Убогий труженик дробит,
 А из-под молота летит
 И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
 Куда нам до таких воззрений!
 Ты слишком далеко шагнул.
 Учить других — потребен гений,
 Потребна сильная душа,
 А мы с своей душой ленивой,

Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тронкой торною идем,
А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор,
По твоей ли оп? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын. —
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!...

И ты с собой его ровнял?!

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт кличет, или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу... Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?... Преклони колени!...
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные нены!
В твоём сравнении смысла нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Не мудрено того добить,
Кого уж добывать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я видала крапиву
В его размахистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвораченья, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренне любил!
И что ж?... мои посылав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу.
Бороться стал бы, как им трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда!
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Донныне сожгнет грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презрением бросит камень...
Бедняк! и из чего попра!
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын большой большого века?
Когда бы знала жизнь мою,
Мою любовь, мои волнения...
Утром и полно озлобленья
У двери гроба я стою...

Ах! несиею моей прощальной
Та несиея первая была!

Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи,
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то лютость моря
Я добродушно воспеваю.
Блгуя маленьких ворюшек
Для удовольствия больших,

Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под шгом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней зываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостью случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Все скрыл в глубокой темноте,
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

ПРОСТИ

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!
Но дни, когда любви светило
Над нами ласково входило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

«Самодовольных болтунов.
Охотников до споров модных,
Где много благородных слов,
А дел не видно благородных,
Ты откровенно презирал:
Ты не однажды предсказал,
Конец велеречивой шпильки,
И слово: «русский либерал»,
Произносил не без улыбки.
Ты силу собственной души
Бессильем их надменно мерил
И добродушно ей ты верил.
И точно, были хороши

Твои начальные порывы:
Озолотил бы бедняка!
Но дед и бабка были живы,
И сам ты не имел куса.
И долго спали сном позорным
Благие помыслы твои,
Как дремлют подо льдом упорным
Речные вольные струи.
Ты их лелеял на соломе,
И только применять их мог
Ко псу, который в жалком доме
Пожитки жалкие стерег.
И правда: пес был сыт и жирен,

А. Панаева.
Акварель неизвестного художника.

И спал все, дворнику на зло.
Теперь... теперь твой круг обширен!
Взгляни: богатое село
Лежит, обставлено скардами,
Спускаясь по горе к ручью,
А пзбы полны мужиками...»

Въезжая в отчину свою,

Такими мыслями случайно
Был Решетлов осажден.
И поблдеиел необычайно,
И долго, долго думал он...
Потом — вступил он во владенье,
Вопрос отложен и забыт.
Увы! не наше поколенье
Его по совести решит!

. . .

Тяжелый год — сломил меня недуг,
Бедя застигла, — счастье изменило, —
И не щадит меня ни враг, ни друг,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
С своими кровавыми врагами,
Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными
глазами!

Упали волосы до плеч,

Уста горят, румянцем рдеют щеки,
И необузданная речь
Сливается в ужасные упреки,
Жестокые, неправые... Пстой!
Не я обрек твои молодые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушася

.

«НЕСЧАСТНЫЕ»

ПОЭМА

1

Тяжел мой крест: уединенье,
Преступной совести мученье,
Нужда, недуги. Говорят,
К цветущей юности возврат
Под старость нам одно спасенье,
Отрада верная. — «Живи,
Покуда кровь играет в жилах,
А станешь стареться, навви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце обнов...»
И я попробовал... но что же?...
Душа попрежнему нема,
И с одинокого ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый боже.

Ужели долгая тюрьма,
Ограбив сердце без пощады,
Душе моей не даст отрады
В воспоминанья юных лет?
Иль точно там отрады нет?
Увы! там душно, там пустыня.
Любя, прощая, чуть дыша,
Там угасает, как рабыня,
Святая женская душа.
Переступить порог не смея,
Тоски и ужаса полна,
Так вянет сказочная фея
В волшебном замке колдуна.
Воображение прихотливо
Рисует ей другие дни:
В чертогах, убранных на-диво,
Горят венчальные огни:

Невеста ждет, жених приходит.
 И речь его тиха, нежна...
 Где ум красавицы не бродит,
 Чего не думает она?
 Липнет день, щебечут птицы,
 Красою блещут небеса,
 Доходят до дверей темницы
 Любви и воли голоса, —
 Но ей нет воли, нет отрады.
 Не нужно камней дорогих,
 Возьмите пышные наряды!
 Где мать? где сестры? где жених?
 Где няня с песенкой и сказкой?
 Никто не сжалится над ней,
 И только докучает лаской
 Противный старый чародей.
 Но нет!.. она любить не станет,
 Скорей умрет... Уходит он
 И в гневе подданных тиранит.
 Кругом проклятья, вопли, стон...
 Но в сказке витязь благородный
 Придет — волшебника убьет,
 И ключья бороды негодной
 К ногам красавицы свободной
 С рукой и сердцем принесет.
 А здесь?..

Рога трубят ретиво,
 Пугая ранний сон детей,
 И воют псы нетерпеливо...
 До солнца сели на коней —
 Ушли... Орды вооруженной
 Не видит глаз, не слышит слух,
 И бедный дом, как осажденный,
 Свободно переводит дух.
 Меняя быстро пост невольный
 На празднословье и вино,
 Снепит забыться раб довольный.
 Но есть одна: ей все равно!
 В ее душе светлей не станет,
 Все тот же мрак, все тот же гнет:
 И сон перерванный не манит,
 И утро к жизни не зовет.
 Скорей, затворница немая,
 Рыданьем душу отдаст!
 Терпи любя, терпи прощаль,
 И лучшей участи не жди!..

Осаду не надолго сняли...
 Вот вечер — снова рог трубит.
 Примолкнув, дети побежали,
 Но мать остаться им велит:
 Их взор уныл, невятен лепет...
 Опять содом, тревога, трепет!

А ночью свечи зажжены,
 Обычный пир кипит мятежно,
 И бледный мальчик, у стены
 Прижавшись, слушает прилежно
 И смотрит жадно (узнаю
 Привычку детскую мою)...
 Что слышит? песни удалые
 Под топот пляски удалой;
 Глядит, как чаши круговые
 Пустеют быстрой чередой;
 Как на лету куски хватают
 И рот захлопывают псы,
 Как на тени растут, кивают
 Большие дядины усы...
 Смеются гости над ребенком,
 И чей-то голос говорит:
 «Не правда ль, он всегда глядит
 Каким-то травленным волчонком?
 Поди сюда!» Бледнеет мать;
 Волчонок смотрит — и ни шагу.
 «Упрямство надо наказать —
 Поди сюда!» — Волчонок тягу...
 «Ату его!»

Тяжелый сон!..
 Нет, мой восход не лучезарен —
 Ничем я в детстве не пленен
 И никому не благодарен.
 Скорее к юности! Она
 Всегда мила, всегда ясна...
 Не бедняку! — Воображение
 К столпце юношу манит,
 Там слава, там простор, движение,
 И вот он в ней! Идет, глядит —
 Как чудно город изукрашен!
 Шпили его церквей и башен
 Уходят в небо: пышны в нем
 Театры, улицы, жилища
 Счастливых мира — и кругом
 Необозримые кладбища...

О город, город роковой!
 С певцом твоих громад красивых,
 Твоей ограды вековой,
 Твоих солдат, коней ретивых
 И всей потехи боевой,
 Пленный лирой сладкострунной,
 Не спорю я: прекрасен ты
 В безмолвии полночи безлунной
 В движении гордой суеты!

.....

Пусть солнце тусклое, скупое
 Глядится в невыемские струны;

Пусть, теща буйство удалое
И сея плелевы свои,
Тошны пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кипит. В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам, — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Всё так. Но если непароком
В твои пределы загляну,
Купался в омуте глубоком,
Переживая старину,
Душа болит. Не в залах балльных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солнца луч... о нет!
Твой день больной, твой вечер мгlistый,
Туманный, медленный рассвет
Воображение мне рисует...
Светает. Чу, как ветер дует!
Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого дворца
Играет, как простой тряпичной.
Нева волнуется, дома
Стоят, как крепости пустые;
Железным болтом запертые,
Угрюмы лавки, как тюрьма.
Их постепенно отворяют,
Товару в окна прибавляют, —
Так ставит с вечера канкан
Охотник на добычу падкий,
Вот солнце глянуло украдкой,
Но одолел его туман —
И снова мрак. Какие лица
Теперь приходится встречать!
Такую страшную печать
Умеет класть одна столица.
Проехал воз: ни рус, ни сед,
Чухонец им курносый правил
И ельника зеленый след
На мокрой улице оставил —
Покойник будет. Вот и он!
До пыльных дождей похорон:
Четверкой дроги, гроб угрюмый
Стоит высоко под парчой.

Идет родня с печальной думой,
Поникнув молча головой;
Плетутся дряхлые кареты,
То там, то тут, полуодеты,
Из окон женщины глядят,
Прохожий крестится сурово...
Прошла процессия — и снова
Все пусто. — Вот идет солдат
За фурией вроде погребальной —
Глядит оттуда глаз печальный,
И видно бледное лицо...
Довольно! что теперь ни встретишь,
На всем унынья след заметишь.
Но вот нарядное крыльцо
В богатом доме отворяет
Какой-то рослый молодец, —
Теперь-то утро наступает!
Туман ослив наконец,
Одело солнце сетью чудной
Дворцы и храмы и мосты,
И нет следов заботы трудной
И недовольной нищеты!
Как будто появляться вредно
При полном водворении дня
Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит, голову склоня!
Теперь гляди на город шумный!
Теперь он нысен и богат —
Несется в толкотне безумной
Блестящих экипажей ряд,
Все полно жизни и тревоги,
Все лица блещут и цветут,
И с похорон обратно дроги
Пустые весело бегут...

Ликует сердце молодое —
В восторге юноша. Постой!
Ты будешь говорить другое,
Родство постигнув роковое
Меж этим блеском и тобой!
Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины винт негодный,
Быть может, брошен будешь ты!
Счастливы, кому мила дорога
Стяжания, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.
Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — прочадешь!
В глухую полночь, бесприютный,
По стогнам города пойдешь:

Громадный, стройный и суровый,
 Заснув под тучею свинцовой,
 Тогда предстанет он пным,
 И, опоясанный гробам,
 Своим пышным дворцам,
 Величьем царственным своим
 Не будет радовать. Невольно
 Припомним бедный городок,
 Где солнца каждому довольно.
 То правда: город не широк,
 Не длинен — лай судейской шавки
 В нем слышен вдоль и поперек.
 Домшки малы, пусты лавки,
 Собор, четыре кабака,
 Тюрьма, шлагбаум полосатый,
 Дом судный, госпиталь дощатый
 И площадь... площадь велпка:
 Кругом не видно ей границы,
 И, слышно, осенью на ней
 Чудак, заезжий из столицы,
 Успешно шьет дупелей.
 Ну всё, как надо, как известно,
 Над чем столпные давно
 Острые то глупо, то умно.
 Зато покойно — и не тесно...
 Не жди особенных отпад:
 Что бог послал, тому будь рад.
 Гляди в халате на дорогу:
 Вон гуси выступают в ногу
 С гусиной важностью... но вдруг
 Смятенье, дикий крик, пснуг!
 Три тройки наскочили близко.
 Присев и крылья распустив,
 Одни бегут, другие низко
 Летят, а третьи, прискочив,
 Удирать не летом и не бегом
 Спешат... и вот простор телегам —
 Рассыпались, куда кто мог!
 Так, гордый собственным значеньем,
 Своим нежданым появлением
 Детей пугает педагог;
 Так поэтические грёзы
 Разносят дуновение прозы...
 Но уж запел соловей,
 Или гулять — до сна недолго!
 Гляди, как тихо катит Волга
 Свои спокойные струи,
 Уснув в песчаной колыбели;
 Как, нагибась до земли,
 Таскают бурлаки кул,
 А воробы уж налетели
 И, теребя мочалу, нос
 Просунуть сплят в овес.

Куда ни взглянешь — птичье племя!
 Уснув под берегом реки,
 Чернеют утки, как комки,
 Но, видно, им покушать время:
 Проснувшись — поплыли гурьбой,
 Кувырк! и ног утиных строй
 Стоит недвижно над водой.
 На всем лучи зарп румяной.
 Как ожерелье, у воды
 Каких-то белых птиц ряды
 Сидят на отмели песчаной,
 И тут же сотни кулков
 Снуют с оглядкой вороватой;
 Все белобрюхи, без хохлов,
 А почему ж один хохлатый?
 Не должив, с весенних пор
 Сберег он пышную прибавку
 И ходит важно, как майор,
 С мундиром вышедший в отставку,
 Недостает счастливцу шпор!
 Не любивши птиц — гляди бездумно,
 Как приближается паром
 Неторопливо и нешумно;
 А там, на берегу другом,
 Под легким матовым туманом,
 Как будто войско тесным станом
 Расположилось на ночлег:
 Не перечесть коней, телег!
 Под каждым стогом-велпканом
 Толпа... И слышны голоса,
 Стыдливый визг и хохот женский.
 Но потемнели небеса —
 Спи мирно, житель деревенский!
 Ты стоишь сна... Идем домой,
 Закрыты ставни — все спокойно.
 Что ж медлит месяц золотой?
 Темно. Ни холодно, ни знойно, —
 Так ровно-ровно дышит грудь...
 Но, слышишь, что-то заскрипело!
 Калитку отворив чуть-чуть,
 Выходит девушка несмело.
 Она глядит по сторонам,
 По вот увидела — и к нам
 Шаги проворно направляет.
 Ты улынулся, ты молчишь...
 Вдруг — «ах!» и быстро исчезает.
 Ошиблась, милая! Такмышь,
 С пснугу пскнув, убегает,
 Заметив любопытный глаз.
 Пору любви, пору проказ,
 Чем нашу молодость помянем?
 Не побежать ли нам за ней?
 Не подстеречь ли у дверей?

Нет, только даром мы устанем.
 Народ уснул — пора и нам.
 Одно досадно: по ночам,
 Должно быть, переспав нещадно,
 Собака воев безотрадно —
 Весь город чьей-то смерти жлет,
 Толкует набожно и тихо.
 И ведь случается — возьмет
 Да и скончается купчиха,
 Перед которой глупый пес
 Три ночи выл, поднявши нос.
 Тогда попробуй разувериться.
 «Да как ты смеешь сам не верить?...»
 Молчи — фанатики они!
 Люби покой, природу, книгу
 И независимость храни,
 Не то среды поддайся игу
 И лямку общую тяни.

Но есть и там свои могилы,
 Но там бесплодно гибнут силы,
 Там духота, бездумье, лень,
 Там время тянется сонливо,
 Как самодельная расшива
 По тихой Волге в летний день.
 Там только не грешно родиться
 Или под старость умирать.
 Куда ж идти? к чему стремиться?
 Где силы юные пытаться?

Храни господь того, кто скажет:
 «Простите, мирные поля!»
 И бедный свой челнок привяжет
 К корме большого корабля...
 Кому судьба венец готовит,
 Того вопрос: куда идти?
 Не устрасит, не остановит;
 Кого на жизненном пути
 Любовь лелеет с колыбели,
 Незримо направляя к цели, —
 И тот находит путь прямой.
 Но кто ни богом не отмечен,
 Ни даже любящей рукой
 Не охранен, не обеспечен,
 Тот долго бродит, как слепой:
 Кипит, желает, тратит силы
 И, поздним опытом богат,
 Находит у дверей могилы
 Невольных заблуждений ряд...
 К чему бы жизнь ни вынуждала,
 И даже разницы путем
 Не зная меж добром и злом,
 Я по теченью плыл сначала...

Лишь гордость иногда спасала...
 Бог весть, куда бы прихоть воли
 Прибила мой убогий челн:
 Сбирались тучи, путь был труден,
 А я упорен, безрассуден —
 Ждала тяжелая борьба.
 Но вдруг распутала судьба
 Загадку жизни несчастливой —
 Я полюбил, ликарь ревнивый...

О ты, кого я с ужасом бежал,
 К кому с любовью рвался я в объятья,
 Кому чистосердечно расточал
 Благословенья и проклятья, —
 Тебя уж нет! На жизненной стезе
 Оставив след загадочный и странный,
 Являясь ангелом в грозе
 И демоном у пристани желанной,
 Погибла ты... Ты сладить не могла
 Ни с бурным сердцем, ни с судьбою
 И, бездну вырыв подо мною,
 Сама в пей первая легла...
 Ругаясь буйно над кумиром,
 Когда-то сердцу дорогим,
 Я мог бы перед целым миром
 Клеймом отметить роковым
 Твой путь. Но за пределы гроба
 Не перешла вражда моя,
 Я понял: мы виновны оба...
 Но тяжелей наказан я!
 Года чредой определенной
 Идут, но время надо мной
 Остановилось: страж бессменный,
 Среди той ночи роковой
 Стою... ревниво закипаю,
 И вдруг шаги... и голос твой...
 И вопль — и с криком: «не прощаю!...»
 Всё помню с ясностью такой,
 Как будто каждый день свершаю
 Убийство... Тот же, тот же сон
 Уж двадцать лет; молящий стон,
 Безумный крик, сверканье стали...
 Прочь, утонувшие в крови
 Воспоминания любви!
 Довольно сердце вы терзали.

Скорее в душную тюрьму!
 Оттуда сердцу моему
 Единный в жизни луч отрады
 Мерпает... Так огонь лампы
 До вечной сени гробовой
 Горит над каждой головой...

Владимирка.

*Дорога, по которой шли арестантов в Сибирь.**Картина И. Левитана. 1892.*

2

Безлюдье, степь. Кругом все бело,
И небеса над головой...
Еще отчаянье кипело
В душе, упившейся враждой,
И смерти лишь она алкала,
Когда преступная нога,
Звуча дебрями, попирала
Недружелюбные снега
Страны пустынной, спотыливой...
Среди зверей я зверем стал,
Впином я совесть усыплял
И ум гасил...

В толпе строптивой
Меж нами был один: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорил он ничего,
Работал медленно и мало.
Кряхтя, копаются весь день,
Как крот, — мы так его и звали, —
А толку нет: не то чтоб лень,
Да силы скоро изменяли.

Рука не твердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос
И словно лен пушистый волос
На голове и бороде.
Оброс он скоро волосами,
Питался черствым сухарем,
Но и под грубым армяком
Глядел неровней между нами.
Его дежурный попукал,
И было нам сначала любо
Смотреть, как губы он кусал,
Когда с ним обходились грубо;
Так удил, кусает конь,
Когда седок его прищипорит.
В глазах покажется огонь,
Однако промолчит — не спорит!
Бывало пойдем гурьбой,
Повалим, будто пена роком,
Кричим: «Не хочешь ли домой?»
Он только поглядит с упрёком
И покачает головой.
Не пьет, не балагурит с нами.
Но скоро час его настал...

Был вечер; скрежеща зубами,
Один из наших умирал.
Куда деваться в подземельи?
Кричим: «Скорей! мешаешь спать!»
И стали в бешеном весельи
Его мы хором отпевать:
«Умри! нам всем одна дорога,
Другой не будет из тюрьмы!..»

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас бога!»
И песни не допели мы.
Глядим: добро б вошел начальник,
Нет, просто выступил вперед
Наш белоручка, наш молчаливник,
Смиренный копотливый Крот.
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блещат глубокие глаза.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила —
Бог ведь! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы!

В заботе новой, в думах строгих
Мы совещались до утра,
Стараясь вразумить немногих,
Не виявших вестнику добра:
Душой погибнув неозвратно,
Они за нами не пошли
И обновиться благодатно
Уж не хотели, не могли.
В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь...
Но в ком, как под золою пламень,
Таились совесть и любовь,
Тот жадно ждал беседы новой,
С душой уверовать готовой...

Не вдруг мы поняли его,
Но он учить не тяготился —
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!
Забыты буйные проказы,
Наступит вечер — тишина,
И стали нам его рассказы
Милей разгула и вина.
Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова,

Доступного душе живой.
Не на коне, не за сохою, —
Провел он свой недолгий век
В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Определил прозеицы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины —
Черна, куда ни погляди!
По не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных слез:
Так под корою Сибиря льдиной
Золотоносных много жил».

Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит,
Но слаще северная выюга
И больше сердцу говорит.
При слове «Русь» бывало встанет —
Он помнил, он любил ее;
Заговоривши про нее,
До поздней ночи не устанет...

Наступит ли вечерний час, —
Внимая бури вой жестокий,
«Теперь, — он говорил, — у нас,
На нашей родине далекой,
Еще тепло... Закат горит,
Над божьим храмом реют птицы,
Домой плут с работы жницы;
Въезжая на гору, скришит
Снопами полная телега;
Играл, колос из снопа
Хватает сытый конь с разбега
И ржет. За ним бредет толпа
Коровушек. Стемнело небо,
И смолкли вдруг работы дня;
Ложится пахарь без огня,
И распростерли скирды хлеба
Свою хранительную тень
Вокруг уснувших деревьев.
Все тихо; разве без оглядки
Фельдъегерь пролетит селом,
Или обратные лошадки,
Понуря голову, шажком

Пройдут: заснул ямщик ленивый
 Верхом на дремлющем коне,
 Один бубенчик говорливый
 Воркует сладко в тишине.
 Да старый вяз в конце селенья
 Шумит, столетний часовой;
 Пред ним проходят поколенья,
 Меняясь быстрой чередой,
 Он невредим: корысть, беспечность —
 Его ничто не сокрушит,
 Любовь народная хранит
 Его святую долговечность.
 Он укрывает в летний зной
 Шатром детей деревни целой;
 Бедняк-калека престарелый
 Под ним ложится на покой;
 Наш брат, звуча депами, ссыльный
 Под ним сидит, обритый, пыльный,
 И богомолок молодых
 Под тень ветвей его густых
 Приводит давняя привычка...

Чу! тянут в небе журавли,
 И крик их, словно переключка
 Хранящих сон родной земли
 Господних часовых, несется
 Над темным лесом, над селом,
 Над полем, где табун пасется
 И песня грустная поется
 Перед дымящимся костром...

Не ждут осенние работы,
 Не долог отдых мужиков —
 Скрипят колодцы и ворота
 При третьей песне петухов.
 Дудит пастух свирелью звонкой,
 Бежит по ниве чья-то тень:
 То беглый рекрутчик стороной
 Уходит в лес, послушав день.
 Искал он, чем бы покормиться,
 Ночь не послала ничего, —
 Придется, видно, воротиться,
 А страшно!.. Что ловить его!
 Хозяйка старших разбудила —
 Блеснули в ригах огоньки,
 И застучали молотила.
 Бог-помочь, братья мужики!»

Родные русские картины!
 Заснул, и видел я во сне
 Знакомый дом, леса, долины,
 И братья сказывали мне,
 Что сон их уносил с чужбины

К забытой, милой стороне.
 Летишь мечтой к отчизне дальней,
 И на душе светлей, теплей...

Чего не знал наш друг опальный?
 Слыхали мы в тюрьме своей
 И басни хитрые Крылова,
 И песни вещие Кольцова,
 Узнали мы таких людей,
 Перед которыми поздней
 Слепой народ восторг почует,
 Вздохнет — и совесть уврачует,
 Воздвигнув пышный мавзолей.
 Так иногда, узнав случайно,
 Кто спас его когда-то тайно,
 Бедняк, взволнованный, бежит.
 Приходит, смотрит — вот жилище,
 Но где ж хозяин? Все молчит!
 Идет бедняга на кладбище
 И на могильные плиты
 Бросает поздние цветы...

Но спит народ под тяжким игом,
 Бойтся пуль, не внемлет книгам.
 О Русь, когда ж проснешься ты,
 И мир на месте беззаконных
 Кумиров рабской слепоты
 Увидит честные черты
 Твоих героев безыменных?

О Русь!.. Достало в нем геройства
 «Прости навек!» сказать всему,
 Но ты, святое беспокойство!
 Тебя принес он и в тюрьму!
 О ней, о родине державной,
 Он говорить не уставал:
 То жребий ей пророчил славный,
 То старину припомнил,
 Кто в древни веки ею правил,
 Как люди в ней жила встарь,
 Как обучил, вознес, прославил
 Ее тот мудрый государь,
 Кому в царях никто не равен,
 Кто до скончанья мира славен
 И свят: Великого Петра
 Он звал отцом России новой,
 Он видел след руки Петровой
 В основе каждого добра.
 Сто вечеров до поздней ночи
 Он говорил нам про него —
 Никто сомкнуть не думал очи
 И не промолвил ничего.
 Он говорит, ему внимаем
 И, полны новых дум, тогда

Свои оковы забываем
И тяжесть черного труда.
Встает во мраке подземелья
Пред нами чудный лик Петра,
И, как монашеская келья,
Тиха преступников нора.
Сносней наутро труд несносный,
Таскаешь горы на плечах,
Чтоб трудолюбец венценосный
Сказал спасибо в небесах...
Да! видит бог, в кровавом поте
Омыли мы свою вину,
И не напрасно на работе
Певали песенку одну:

Песня преступников

1

Дружней! работа есть лопатам,
Недаром нас сюда вели,
Недаром бог насытил златом
Утробу матери земли.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

2

У ней, родимой, требы многи, —
Бедна, по милости воров!
В ней пышны царские чертоги,
Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян,
И нечем выкупить народа
Царю у палачей дворян!..

3

Пускай бежит в упорном деле
С нас пот ручьями, как вода,
И мерзнет на клейменом теле,
Когда почием от труда;

Пускай томимся голодом, жаждой,
Пусть дрогнем в холоде зимы, —
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы.

Ее сложил в часы недуга
Наш тихий, вечно грустный Крот,
И часто, поминая друга,
В своем углу ее поет
Прощенный ссыльный. Здесь мы гости,
Сюда вернулись мы не жить —
С отрами рядом положить
Трудом пзломанные кости,
Но рады, рады и тому!..

Начальство к нам добрее стало,
Получше отвело тюрьму
И хорошо аттестовало.
Что будет с нами — до конца
Тяжелой было нам загадкой,
Но в умиленные сердца
Прокрался луч надежды сладкой.
Так, помню, солнышко украдкой
Глядит бывало поутру
И в нашу черную нору...

Но он надежде верил мало,
Едва бродя, едва дыша,
И только нас бодрить хватало
В нем сил... Великая душа!
Его страданья были горды,
Он их упорно подавлял,
Но иногда изнемогал
И плакал, плакал. Камни тверды,
Любой попробуй... но огня
Добудешь только из кремня.
Таков он был. Воспоминанья
Страшней не помню: знал и я
Изнеможение страданья, —
Но что была печаль моя?
К довольству суетному зависть,
Быть может, личная ненависть,
Тоска по женщине пустой,
С тряпичной, дюжиной душой,
Томленье скуки, злость бессилья.
Я, говорят, был мелко зол
В моей тоске... Не так орел
Свои оплакивает крылья,
Которых мощь изведал он,
Которых царственная сила
Его под небо уносила...

Да! возвращаясь с похорон,
Недаром в голос мы сказали:
«Зачем его Кротом мы звали?
И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!»

О чем была его кручина?
 Рыдал ли он рыданием сына,
 Давно отчаявшись обнять
 Свою тоскующую мать,
 И невеселая картина
 Ему являлась: старый дом
 Стоит в краю деревни бедной,
 И голова старухи бледной
 Видна седая под окном.
 Вздыхает, молится, гадает
 И смотрит, смотрит, и двойной
 В окошко рамы не вставляет
 Старуха поздною зимой.
 А сколько, глядя на дорогу,
 Уронит слез — известно богу!
 Но нет! и бог их не считал,
 А то бы радость ей послал!

Любовь ли бедного томил?
 Что стало с нею? Позабыла?
 Или грустит... и далеко
 Несется... мысленно заглянет
 И содрогнется глубоко?
 Где ей? в ней сердца не достанет!
 Ах! чувство женское легко!
 Они его хранят, делят,
 Покуда радует оно,
 Но если тучи тяготеют
 И небо грозно и темно —
 Его спасти им не дано!

Быть может, он душою верной
 Припоминал бывших друзей;
 В кипливой гордости своей,
 Быть может, враг высокомерный
 Ему являлся в час ночной...
 И, с криком кинувшись, ногами,
 Отягощенными цепями,
 Топтал он призрак роковой?

Или изгладила чужбина
 Все то, чем молодость жила,
 И только слезы гражданина
 Душа живая сберегла?
 Как знать! Пред ним мы дети были
 Ничем мы права не купили
 Делить великую печаль;
 Не все мы даже понимали,
 За что его сюда заслали,
 Но было трудно, было жаль.
 Закоренелого невежду
 Спроси, и тот отзвук был рад
 Свою последнюю надежду —

Под небо родины возврат —
 За миг единый облегченья
 Его тоски, его мученья.
 Но только правосудный бог
 Утешить мученика мог.
 И скоро гробовые двери
 Пред ним открылись, но не вдруг
 Клейменных каторжников друг
 Сошел в них: роковой потери
 По капле яд глотали мы.
 Почти два года, из тюрьмы
 Не выходя, он разрушался.
 Зачем? Известно небесам!
 «Чтоб человек не баловался»,
 Смеясь, говаривал он нам.
 И день и ночь поочередно
 Его мы ложе берегли,
 Зимой окутывали плотно,
 Весной на солнышко несли
 (Был для того у нас устроен
 Снаряд особенный); больной
 Кивал тихонько головой
 И как-то грозно был спокоен.
 Не шевельнется целый день;
 Тосклив и кроток беспрдельно,
 Молчит: так, раненный смертельно,
 Глядит и смерти ждет олень...

И наконец пора пришла...
 В день смерти с ложа он воспрянул,
 И снова сплу обрела
 Немая грудь — и голос грянул!
 Мечтаньем чудным окрылил
 Его господь перед кончиной,
 И он под небо воспарил
 В красе и легкости орлиной.
 Кричал он радостно: «вперед!»
 И горд, и ясен, и доволен:
 Ему мерещился народ
 И звон московских колоколен;
 Восторгом взор его спыл,
 На площади, среди народа,
 Ему казалось, он стоял
 И говорил...

Прошло два года.
 Настал святой великий миг,
 В скрижалях царства незабвенный,
 И до Сибири отдаленной
 Прощенья благовест достиг.
 Разверзлась роковая яма,
 Как иппы, вольны вышли мы,
 И не сговариваясь прямо
 Пришли гурьбою из тюрьмы

К одной могиле одинокой.
 Стеснилась грудь тоской жестокой,
 И каждый небо вопрошал:
 «Зачем он жил, зачем страдал,
 Зачем свободы не дождался?»
 — Чтоб человек не баловался! —
 Один сказал — и присмирел.
 Переглянулись мы уныло,
 И тихий ангел пролетел.
 Лишь буря не смолкая выла,
 И небо хмурилось. Земли
 Добыв лопатою привычной,
 Мы помолчали — и пошли.
 И жизнь пошла чредой обычной!..

Хотелось мне увидеть мать,
 Но что пришлось бы ей сказать?
 Кто подтолкнуть не уstraшит
 Утес, готовый обвалиться,
 На плечи брата своего?
 Кто скажет ей: «Уж нет его!
 Загородил двойною рамой,

Напрасно горниц не студи,
 Простись с надеждою упрямой
 И на дорогу не гляди!»
 Пусть лучше, глядя на дорогу,
 Отдаст с надеждой душу богу...
 Но люди звери: кто-нибудь
 Утес обрушит ей на грудь...

Кто знал его, забыть не может,
 Тоска по нем язвит и гложет,
 И часто мысль туда летит,
 Где гордый мученик зарыт.
 Пустыня белая; над гробом
 Неталый снег лежит сугробом,
 То солнце тусклое блеснит,
 То туча черная висит,
 Встают смерчи, режут бураны,
 Седые стелются туманы,
 Восходит день, ложится тьма,
 Вороны каркают — и злятся,
 Что до костей его добраться
 Мешает вечная зима.

1857

В столбах шум, гремят витки,
 Кипит словесная война,
 А там, во глубине России —
 Там вековая тишина.
 Лишь ветер не дает покою
 Вершинам придорожных нив,
 И выгибаются дугою,
 Целуясь с матерью-землею,
 Колосья бескопечных нив...

ТИШИНА

1
 Все рождь кругом, как степь живая,
 Ни замков, ни морей, ни гор...
 Спасибо, сторона родная,

За твой врачующий простор!
 За дальним Средиземным морем,
 Под небом ярче твоего,
 Искал я примиренья с горем

И не нашел я ничего!
 Я там не свой: хандрю
 Не одолев мою судьбу,
 Я там погнулся перед нею,
 Но тыдохнула — и сумею,
 Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
 За мною по пятам бежал,
 Не небесам чужой отчизны —
 Я песни родине слагал!
 И ныне жадно поверяю
 Мечту любимую мою,
 И в умпленьи посылаю
 Всему привет... Я узнаю
 Суровость рек, всегда готовых
 С грозою выдержать войну,
 И ровный шум лесов сосновых,
 И деревенек тишину,
 И нив широкие размеры...
 Храм божий на горе мелькнул
 И детски-чистым чувством веры
 Внезапно на душу пахнул.
 Нет отрицанья, нет сомненья,
 И шепчет голос неземной:
 Лови минуту умпленья,
 Войди с открытой головой!
 Как ни тепло чужое море,
 Как ни красна чужая даль,
 Не ей поправить наше горе,
 Размыкать русскую печаль!
 Храм воздыханья, храм печали —
 Убогий храм земли твоей:
 Тяжеле стонов не слышали
 Ни римский Петр, ни Колпзей!
 Сюда народ, тобой любимый,
 Своей тоски неодолимой
 Святое бремя приносил —
 И облегченный уходил!
 Войди! Христос наложит руки
 И снимет волею святой
 С души оковы, с сердца муки
 И язвы с совести больной...

Я видал... я детски умплелся...
 И долго я рыдал и бился
 О плиты старые челом,
 Чтобы простил, чтоб заступился,
 Чтоб осенил меня крестом
 Бог угнетенных, бог скорбящих,
 Бог поколений, предстоящих
 Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
 Леса сплошные начались,
 И сосен аромат смолистый
 До нас доходит... «Берегись!»
 Уступчив, добродушно смирен,
 Мужик торопится свернуть...
 Опять пустынно тих и мирен
 Ты русский путь, знакомый путь!
 Прибитая к земле слезами
 Рекрутских жен и матерей,
 Пыль не стоит уже столбами
 Над бедной родниной моей.
 Опять ты сердцу посылаешь
 Успокоительные сны,
 И вряд ли сам припоминаешь,
 Каков ты был во дни войны, —
 Когда над Русью безмятежной
 Восстал немолчный скрип тележный,
 Печальный, как народный стон!
 Русь поднялась со всех сторон,
 Все, что имела, отдавала
 И на заигру высылала
 Со всех проселочных путей
 Своих покорных сыновей,
 Войска водили офицеры,
 Гремел походный барабан,
 Скакали бешено курьеры;
 За караваном караван
 Тянулся к месту яркой битвы —
 Свозили хлеб, сгоняли скот.
 Проклятья, стоны и молитвы
 Носились в воздухе... Народ
 Смотрел довольными глазами
 На фуры с пленными врагами,
 Откуда рыжих англичан,
 Французов с красными ногами
 И чалмоносных мусульман
 Глядели сумрачные лица...
 И все мигало... все молчит...
 Так мирных лебедей стаища,
 Внезапно спугнута, летит
 И, с крепком обогнув равнину
 Пустынных, молчаливых вод,
 Садится дружно на среднюю
 И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отныне,
 Живые прекратили плач,
 Окровавленные ландшеты

Отчистил утомленный врач.
 Военный поп, сложив ладони,
 Творит молитву небесам.
 И севастопольские кони
 Пасутся мирно... Слава вам!
 Вы были там, где смерть летает.
 Вы были в сечах роковых
 И, как вдовец жену меняет,
 Меняли всадников лхих.

.....
 Война молчит — и жертв не просит;
 Народ, стекаясь к алтарям,
 Хвалу усердную возносит
 Смирившим громы небесам.
 Народ-герой! в борьбе суровой
 Ты не шатнулся до конца,
 Светлее твой венец терновый
 Победоносного венца!

Молчит и он... как труп безглавый,
 Еще в крови, еще дымясь;
 Не небеса, ожесточась,
 Его снесли огнем и лавой:
 Твердыня, избранная славой,
 Земному грому поддалась!
 Три царства перед ней стояло,
 Перед одной... таких громов
 Еще и небо не метало
 С нерукотворных облаков!
 В ней воздух кровью напоили,
 Изрешетили каждый дом,
 И, вместо камня, намостили
 Ее свинцом и чугуном.
 Там по чугунному помосту
 И море под стеной течет.
 Носили там людей к погосту,
 Как мертвых пчел, теряя счет...
 Свершилось! Рухнула твердыня,
 Войска ушли... кругом пустыня,
 Могилы... Люди в той стране
 Еще не верят тишине,
 Но тихо... В каменные раны
 Заходят сизые туманы,
 И черноморская волна
 Уныло в берег славы плещет...
 Над всею Русью тишина,

Но — не предшественница сна:
 Ей солнце правды в очи блещет,
 И думу думает она.

4

А тройка все летит стрелой.
 Завидев мост полуживой,
 Ямщик бывалый, парень русский,
 В овраг спускает лошадей
 И едет по тропинке узкой
 Под самый мост... оно верней!
 Лошадки рады: как в подполье,
 Прохладно там... Ямщик свистит
 И выезжает на приволье
 Лугов... родной, любимый вид!
 Там зелень ярче изумруда,
 Нежнее шелковых ковров,
 И, как серебряные блюда,
 На ровной скатерти лугов
 Стоят озера... Ночью темной
 Мы мпновали луг поемный,
 И вот уж едем целый день
 Между зелеными стенами
 Густых берез. Люблю их тень
 И путь, усыпанный листьями!
 Здесь бег коня неслышно тих,
 Легко в их сырости приятной,
 И веет на душу от них
 Какой-то глушью благодатной.
 Скорей туда — в родную глушь!
 Там можно жить, не обижая
 Ни божьих, ни ревнижеских душ
 И труд любимый довершая.
 Там стыдно будет унывать
 И предаваться грусти праздной,
 Где пахарь любит сокращать
 Наневом труд однообразный.
 Его ли горе не скребет? —
 Он бодр, он за сохой шагает.
 Без наслажденья он живет,
 Без сожаленья умирает.
 Его примером укрепись,
 Сломившийся под игом горя!
 За личным счастьем не гонись
 И богу уступай — не споря...

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

1

Беспокойная ласковость взгляда
 И поддельная краска ланит,
 И убогая роскошь наряда —
 Все не в пользу ее говорит.
 Но не лучше ли, прежде чем бросим
 Мы в нее приговор роковой,
 Подзовем-ка ее да расспросим:
 «Как дошла ты до жизни такой?»
 Не длинен и не нов рассказ:
 Отец ее подьячий бедный
 Таскался писарем в приказ,
 Имел порок дурной и вредный —
 Запоем пил — и был буян,
 Когда домой являлся пьян.
 Предвидя роковую схватку,
 Жена малютку уведет,
 Уложит наскоро в кроватку
 И двери поплотней припрет.
 Но бедной девочке не спится!
 Ей чудится: отец бранится,
 Мать плачет. Саша на кровать,
 Рукою подпершись, садится,
 Стучит в ней сердце... где тут спать?
 Раздвинув завесы цветные,
 Глядит на двери запертые,
 Откуда слышится содом,
 Не шевелится и не дремлет.
 Так птичка в бурю под кустом
 Сидит — и чутко буре внемлет.

Но как ни буен был отец,
 Угломонился наконец,
 И стало без него им хуже.
 Мать умерла в тоске по муже,
 А девочку взяла «мадам»
 И в магазине поселила.
 Не очень много шила там,
 И не в шитье была там сла...

.....

2

«Впрочем, что ж мы? нас могут

заметить

Рядом с ней?!» И отхлынули прочь...
 Нет! тебе сострадания не встретить,
 Нищеты и несчастья дочь!
 Свет тебя предаст поруганью

И охотно прощает другой,
 Что торгует собой по призванью,
 Без нужды, без борьбы роковой;
 Что, поднявшись с позорного ложа,
 Разоженется, щеки притрет
 И летит, соблазнительно лежа
 В щегольском экипаже, в народ —
 В эту улицу роскоши, моды,
 Офицеров, лореток и бар,
 Где с полугосударства доходы
 Поглощает заморский товар.
 Говорят, в этой улице милой
 Все, что модного выдумал свет,
 Совместилось волшебною силой,
 Ничего только русского нет —
 Разве Ванька проедет унылый.
 Днем и ночью на ней маскарад,
 Ей недаром гордится столица.
 На французский, на английский лад
 Исковеркав нерусские лица,
 Там гуляют они, пустоты вековой
 И наследственной праздности дети,
 Разодетой, довольной толпой...
 Ну, кому же расставишь ты сети?

Вышла ты из коляски своей
 И на ленте ведешь собачонку;
 Стала модных и глухих людей
 Провожает тебя вперегонку.
 У прекрасного пола тоска,
 Чувство злобы и зависти тайной.
 В самом деле, жена бедняка,
 Позавидуй! эффект чрезвычайный!
 Бриллианты, цветы, кружева,
 Доводящие ум до восторга,
 И на лбу роковые слова:
 «Продается с публичного торга!»
 Что, красавица, нагло глядишь?
 Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
 Ты ребенком попала в Париж,
 Потеряла невинность и совесть,
 Научилась белиться и лгать
 И явилась в наивное царство:
 Ты слыхала, легко обирать
 Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
 В этот избранный мир с аттестатом.
 Красотой нас нельзя победить,
 Удивить невозможно развратом.
 Нам известность, нам мода нужна.

Убогая и нарядная. (Нарядная.)

Литография Н. Иевлева. 1865.

Ты краспвей была п моложе,
 Но, увы! неизвестна, бедна
 И нуждалась сначала... О боже!
 Твой рассказ о купде разрывал
 Нам сердца: по натуре бурлацкой,
 Он то ноги твои деловал,
 То хлестал тебя плетью казацкой.
 Но, по счастью, этот дикарь,
 Слабоватый умом п сердечком,
 Принялся за французский букварь,
 Чтоб с тобой обменяться словечком.
 Этим временем ты завела
 Рысаков, экипажи, наряды,
 И прославилась — в моду вошла!
 Мы знакомству скандальному рады.
 Что за дело, что вся дочиста
 Предалась ты постыдной продаже,
 Что поддельна твоя красота,
 Как гербы на твоём экипаже,
 Что глупа ты, жадна п пуста, —
 Ничего! знатоки вашей нации
 Порешили разумным судом,
 Что диннизм твой доходит до грации,
 Что геройство в бесстыдстве твоём!
 Ты у бога детей не проспла,
 Но ты женщина тоже была,
 Ты со скрежетом сына носпла

И с проклятьем его родпла:
 Он подрос — ты его нарядпла
 И на Невский с собой повезла.
 Ничего! Появление малютки
 Не смутило души никому,
 Только вызвало милые шутки,
 Дав богатую пищу уму.
 Удивлялась вся гвардия наша
 (Да п было чему, не шутя),
 Что ко всякому с словом «панаша»
 Обращалось наивно дптя...
 И не кинул никто, негодуя,
 Комом грязи в бесстыдную мать!
 Чувством матери нагло торгуя,
 Пуще стала она обирать.
 Бледны, полны тупых сожалений,
 Потерявшие шик молодцы, —
 Вон по Невскому бродят, как тени,
 Разоренные ею глупцы!
 И пример никому не наука,
 Разорит она сотни других:
 Тупоумие, праздность п скука
 За нее... Но умолкни, мой стих!
 И погромче нас были витии,
 Да не сделали пользы пером...
 Дураков не убавим в России,
 А на умных тоску наведем.

1858

. . .

Стихи мои! Свидетели живые
 За мир пролитых слез!
 Родитесь вы в минуты роковые
 Душевных гроз
 И бьетесь о сердца людские,
 Как волны об утес.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжествен-
 ным дням,
 Одержимый холопским недугом,
 Целый город с каким-то испугом

Подъезжает к заветным дверям;
 Записав свое имя п званье,
 Разъезжаются гости домой,
 Так глубоко довольны собой,

... Родная земля!
 Назови мнѣ такую обитель
 Я такого угла не видалъ,
 Гдѣ бы сѣятель твой я хранитель,
 Гдѣ бы русскій мужикъ не стоялъ?
 Испытуемый грозной судьбою,
 Пѣсень счастья не складывать онъ,
 Онъ стонать подъ тагарской плагою
 И довынѣ чапѣвъ его — стонъ!
 Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
 Стонетъ онъ по тѣрѣмамъ, по острогамъ,
 Въ рудникахъ на желѣзной цѣви!
 Стонетъ онъ подъ овномъ, подъ стогомъ,
 Подъ тѣнью, подъ вѣтрянъ стени;
 Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
 Свѣту Божьему солнца не радъ:
 Стонетъ въ каждомъ глухомъ горюхѣ
 У подвѣса судовъ и палатъ.
 Выдь на Волгу: чей стонъ раздастся
 Надъ великою русской рѣкой?
 Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —
 То бурлаки влутъ бичевой!...
 Всюду скорбные, скорбные звуки,
 Всюду стонъ, надрывающій грудь,
 Слово тяжкое, древняя мука
 Не успѣвъ въ народѣ заснуть...
 О! во вѣки Тотъ памятенъ будетъ,
 По чьему мановенью царь
 Вѣковую привычку забудетъ
 И веселую дѣву споетъ!

Волга! Волга! Всенародная
 тѣ не такъ жаловались помы.
 Какъ вѣчно скорбно народъ
 Переносила наша земля!
 Вотъ народъ твой и сейчас... Онъ
 сердечный!
 Это же значитъ твой домъ бурлачій.
 Ты плачешь, истощаешь силы,
 и, сердъ побитый расколомъ,
 все, что много же ури совершилъ:
 бурлачій и бѣдный и скорбный стонъ
 и дурно кабыла отомилъ...

Авторская корректура последней части «Размышлений у парадного подъезда».

Что подумаешь — в том их призванье!
 А в обычные дни этот пышный подъезд
 Осаждают убогие лица:
 Прожектеры, искатели мест,
 И преклонный старик, и вдовица.
 От него и к нему то-и-знай по утрам
 Всё курьеры с бумагами скачут.
 Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
 А иные просители плачут.
 Раз я видел, сюда мужики подошли,
 Деревенские русские люди,
 Помогались на церковь и стали вдаль,
 Свесив русые головы к груди;
 Показался швейцар. «Допусти», говорят
 С выраженьем надежды и муки.
 Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
 Загорелые лица и руки,
 Армячишка худой на плечах,
 По котомке на спинах согнутых,
 Крест на шее и кровь на ногах,
 В самодельные лапти обутых
 (Знать, брели-то долго-и-опп
 Из каких-нибудь дальних губерний).
 Кто-то крикнул швейцару: «Гони!»
 Наш не любит оборванной черни!
 И захлопнулась дверь. Постояв,
 Развязали кошельки пилигримы,
 Но швейцар не пустил, скудной лепты
 не взяв,
 И пошли они, солнцем палимы,
 Повторяя: суди его бог!
 Разводя безнадежно руками,
 И, куда я впасть их мог,
 С непокрытыми или головами...

А владелец роскошных палат
 Еще сном был глубоким объят...
 Ты, считающий жизнью завидною
 Упоение лестью бесстыдною,
 Волокитство, обжорство, игру,
 Пробудись! Есть еще наслаждение:
 Вороти их! в тебе их спасение!
 Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
 А земные ты держишь в руках,
 И несут эти люди безвестные
 Непосходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
 Что тебе этот бедный народ?
 Вечным праздником быстро бегущая

Жизнь отнудься тебе не даст.
 И к чему? Щелкоперов забавою
 Ты народное благо зовешь;
 Без него проживешь ты со славою
 И со славой умрешь!
 Безмятежной аркадской идиллии
 Закатятся преклонные дни:
 Под пленительным небом Сидилии,
 В благовоющей древесной тени,
 Созерцая, как солнце пурпурное
 Погружается в море лазурное,
 Полосами его золоты, —
 Убаюканный ласковым пенем
 Средиземной волны, — как дитя,
 Ты уснешь, окружен попечением
 Дорогой и любимой семьи
 (Ждущей смерти твоей с нетерпением);
 Привезут к нам останки твои,
 Чтоб почтить похоронною тризною,
 И сойдешь ты в могилу... герой,
 Втихомолку проклятый отчиною,
 Возвемлеченный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
 Беспокоим для мелких людей?
 Не на них ли нам выместить злобу? —
 Безопасней... Еще веселей
 В чем-нибудь приписать утешенье...
 Не беда, что потерпит мужик:
 Так ведущее нас провиденье
 Указало... да он же привык!
 За заставой, в харчевне убогой
 Всё пропьют бедняки до рубля
 И пойдут, побираясь дорогой,
 И застонут... Родная земля!
 Назови мне такую обитель,
 Я такого угла не видал,
 Где бы селятель твой и хранитель,
 Где бы русский мужик не стонал?
 Стонет он по полям, по дорогам,
 Стонет он по тюрьмам, по острогам,
 В рудниках, на железной цепи;
 Стонет он под овинном, под стогом,
 Под телегой, ночуя в степи;
 Стонет в собственном бедном домишке,
 Свету божьего солнца не рад;
 Стонет в каждом глухом городишке,
 У подъезда судов и палат.
 Выдь на Волгу: чей стон раздастся
 Над великою русской рекой?
 Этот стон у нас песней зовется —
 То бурлаки идут бечевой!..
 Волга! Волга! весной многоводной

*Размышления у парадного подъезда.
Литография А. И. Лебедева. 1865.*

Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля! —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?

Ты проснешься, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил:
Создал песню подобную стону
И духовно навеки почил?..

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
— Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу. —

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тлнет песенку,
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодцами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя!

«На, родной! да ты откудова?»
— Я проезжий, городской. —
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спую, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— «Баю-баюшки баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснись не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возледей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, ликую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепетулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?... Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

. . .

(ОТРЫВОК)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ронзнут немые уста,

Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;

Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи
Без понятия о праве, о божьей,
Как в подземной тюрьме без свеч...

Н. Ф. КРУЗЕ

В печальной стороне, где родился мы
с вами,
Где все разумное придавлено тисками,
Где все безмозглое отмечено звездами,
Где сплен лишь обман, —
В стране беспорядка, невежества и лжи
Не часто говорить приходится нам спичи
В честь доблестных граждан.

Прими простой привет, боец неустрашимый!
Луч света трепетный, сомнительный,
чуть зримый,
Внезапно вспыхнувший над родной
любимой,

Ты не дал погаснуть, — ты объявил войну
Слугам не родины, а царского семейства,
Науку мудрую придворного лакейства
Изведавшим одну.

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права.
Вступила родина на новую дорогу.
Господь! ее храни и укрепляй.
Отдай нам труд, борьбу, тревогу,
Ей счастье отдай.

БУНТ

Живая картина

(из «записной книжки»)

Скачу, как вихорь, из Рязани,
 Являюсь: бунт во всей красе,
 Не пожалел я крупной брани —
 И пали на колени все!
 Задавши страху дерзновенным,
 Пошел я храбро по рядам
 И в кровь коленопреклоненным
 Коленом тыкал по зубам...

О ПОГОДЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
 Развеселый Петербург!

Лакейская песня.

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
 Ни минуты мы нынче не спали,
 И едва ли кто в городе спал:
 Ночью пушечный гром грохотал,
 Не до сна! Вся столица молилась,
 Чтоб Нева в берега воротилась,
 И минувшая большая беда —
 Понемногу сбывает вода.
 Начинается день безобразный —
 Мутный, ветренный, темный и грязный.

Ах, еще бы на мир нам с улыбкой
 смотреть!

Мы глядим на него через тусклую сеть,
 Что, как слезы, струится по окнам домов
 От туманов сырых, от дождей и снегов!

Злость берет, сокрушает хандра,
 Так и просятся слезы из глаз.
 Нет! Я лучше уйду со двора...
 Я ушел — и наткнулся как раз

На тяжелую сцену. Везли на погост
 Чей-то вохрой окрашенный гроб
 Через длинный Исакиев мост.
 Перед гробом не шли ни родные, ни поп,
 Не лежала на нем золотая парча,
 Только, в крышу дощатого гроба стуча,
 Прыгал град, да извозчик-палач
 Был кургузым кнутом спотыкавшихся

кляч,

И вдоль спин побелевших удары кнута
 Полосами ложились. Слезая с моста,
 Зацепила за дроги коляска, стремглав
 С офицером, кричавшим: «пошел!»
 проскакав.

Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!
 Натерпелся ты горя живой,
 Да пришлось терпеть и по смерти...
 То случился проклятый пожар,
 То теперь наскочили вдруг — черти!
 Вот уж подлинно бедный Макар!
 Дом-то, где его тело стояло,

Загорелся, — забыли о нем, —
Я схватилась: поблились немало,
Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В капавейке, в мужских сапогах.
— Вишь, проклятые! Ехать им тесно! —
«Кто он был?» я старуху спросил.
— Кто он был? Да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводнение жепу потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил —
Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем — простудился!
Звал из Шуй родную сестру,
Да деньжонок послать поспешил.
«Так один, — говорит, — и умру,
Не дожусь... Кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!»
Страх бывало возьмет, как застонет!
Подари, говорю, сапоги,
А то, вишь, разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?
Закивал головой... «Ну, и что ж?»
— Ну и умер — и больше ни слова:
Надо места искать у другого! —
«И тебе его будто не жаль?»
— Что жалеть! нам жалеть недосужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже.
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи... —

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в дерковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,

Было тесно — и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить,
И сказал: «Нет, такого не знаю:
А, пожалуй, приметку скажу,
Как искать: ты иди его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День попрежнему гнил и не светел.
Вместо града, дождем нас мочил.
Средь могил по мосткам деревянным
Довелось нам долгоноcko шагать.
Впереди, под навесом туманным,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Все мертво — только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
Это сторож. «Скорее!» кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили
И конед! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
Чтоб уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее — и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немой ей поклоном ответил.

И ушел... Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал — п смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

II

ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем злоедающая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф п всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокою сцену, —
Полицейский не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собак!
Вот сильнее, — видно, треснули вьюсь...
Стали греться — догрелись до драки
Два калашника... хохот — п кровь!

2

Под жестокой рукой человека,
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непоспильную пошу влача.
Вот она зашаталась п стала.
«Ну!» погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседа назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам
И, вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка столла
Полосатая вся от кнута,

Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.

Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился — п думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе п непрочь,
Безответная жертва народа,
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась — п пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско несметное счею
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный Росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят,
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжело п глухо
Подвигает орудья свои.
Все молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих...
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;

Тут старуха с аптечною склянницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка, — раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... дождь зачастую,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.

Тут бедняк-итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
— Что, старинушка, много ходьбы? —
«Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом... да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать!»
— А как же ты носишь издания? —
«Прощать их — перечесть мудрено.
Я Записки носил с основания,
С Современником нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеечу,
А теперь уж тринадцатый год
Все ношу к Николаю Алексеечу, —
На Литейной живет.

Слог хорош, а жиденько издания,
Так, оберточкой больше берут.
Вот Записки — одно уж название!
Но и эти, случается, врут.
Всё зарезать друг дружку стараются,
Впрочем, нас же надуть норовят:
В месяц тридцать листов обещаются,
А рассыльный таскай шестьдесят!
Знай ходи — то в Коломну, то к Невскому,
Даже Фрейганг устанет марать:
— Объяви, говорит, ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!.. —
Вот и нынче несущ что-то спешное —
Да пускай подождут, не впервой.
Эх, умаялось тело-то грешное!..»
— Да, пора бы тебе на покой. —
«То-то нет! говорил мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я носил к нему Курс Патологии):
Жить тебе, пока ты на ходу!
И ведь точно: сильнее нездоровится,
Коли в праздник ходьба остановится —
Ноет спиннушка, жпы ведет!

Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого

Не держи — пусть идет!
Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь...»
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.
Мне понравилась речь эта странная.
— Трудно дело твое! — я сказал.
«Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица».
— Ну, а много выдал сочинителей?
«День считай — не дойдем до конца, —
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коня помню, — пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском¹ сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреечу,
Да гроша от него не впадал,
Не чета Александру Сергеечу —
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал все цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурою:
«Убрайся, мол, ты!»
Гляди, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
— «Это кровь, говорит, проливается,
Кровь моя — ты дурак!..»

5

Полно ждать! за последней колонною
Отсталые прошли,
И покрытого красной попоною
В заключение коня провели.
Торжествуя конец ожидания,
Кучера завопили: «пади!»
Всё спешит. — Ну, старик, до свиданья,
Кони нужно идти, так иди!!!

¹ Дворец, где долго жил Жуковский. *Примечание Некрасова.*

6

Я, продрогнув, домой побежал.
 Небо, видно, сегодня не сжалится:
 * Только дождь перестал,
 Снег лепешками крупными валится!
 Город начал пустеть — и пора!
 Только бедный да пьяный шатаются,
 Да близ медной статуи Петра,
 У присутственных мест дожидаются
 Сотни сотен крестьянских дровней,
 И так щедро с небес посыпаются,

Что за снегом не видно людей.
 Чу! рыдание баб истеричное!
 Сдали парня?.. Жалей не жалей,
 Перемелется — дело привычное!
 Злость-тоску мужики на лошадах сорвут,
 Коли денежки есть — раскошелятся
 И кручинушку штофом запьют,
 А слезами-то бабы поделятся!
 По ведерочку слез на сестренку уйдет,
 С полведра молодухе достанется,
 А старуха-то мать и без меры возьмет —
 И без меры возьмет — что останется!

1859

III

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
 Чтобы месяц свой рог золотой показал,
 Но и солища не видел никто.
 Без его даровых, благодатных лучей
 Золоченные куполы пышных церквей
 И вся роскошь столицы — ничто.
 Надо всем, что ни есть: над дворцом
 и тюрьмой,
 И над медным Петром, и над грозной
 Нсвой,
 До чугунных коней на воротах застав
 (Что хотят ускакать из столицы
 стремглав) —
 Надо всем распростерся туман.
 Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
 Не красив в эту пору наш город большой,
 Как изношенный фат без румян...
 Наша улица улиц столичных краса,
 В ней дома всё в четыре этажа,
 Не лазурны над ней небеса,
 Да зато продвигается продажа.
 Сверху донизу вывески сплошь
 Покрывают громадные стены,
 Сколько хочешь тут немцев найдешь —
 Из Берлина, из Риги, из Вены.
 Все соблазны, помилуй нас бог!
 Там перчатка с руки великана,
 Там торчит Веллингтонов сапог,
 Там с открытою грудью Диана.

Даже ты, Варсонофий Петров,
 Подле вывески «делают гробы»
 Прицепил полуженные скобы
 И другие снаряды гробов,
 Словно хочешь сказать: «Друг прохожий!
 Соблазнись — и умри поскорей!»
 Человек ты, я знаю, хороший,
 Да многолько родил ты детей —
 Непрестанные нужны заказы...
 Ничего! обеспечен твой труд:
 Бедность гибельней всякой заразы —
 В нашей улице люди так мрут,
 Что по ней то-и-знай на кладбища,
 Как в холеру, тащат мертвецов:
 Холод, голод, сырые жилища —
 Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
 Начинают ни свет, ни заря
 Свой ужасный концерт, припевая,
 Токари, резчики, слесари,
 А в ответ им гремит мостовая!
 Дикий крик продавца-мужика,
 И шарманка с пронзительным воем,
 И кондуктор с трубой, и войска,
 С барабанным идущие боем,
 Понуканье измученных кляч,
 Чуть живых, окровавленных, грязных,
 И детей раздражающий плач

На руках у старух безобразных:
 Все сливается, стонет, гудет,
 Как-то глухо и грозно рокошет,
 Словно депп куют на несчастный народ,
 Словно город обрушиться хочет.
 Давка, говор... (о чем голоса?
 Всё о деньгах, о нужде, о хлебе).
 Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
 Но отрады не встретишь и в небе.
 Этот омут хорош для людей,
 Расставляющих ближнему сети,
 Но не жалко ли бедных детей!
 Вы зачем тут, несчастные дети?
 Неужели душе молодой
 Уж знакомы нужда и неволя?
 Ах, уйдите, уйдите со мной
 В тишину деревенского поля!
 Не такой там услышите шум:
 Там шумит созревающий колос,
 Усыпляя младенческий ум
 И страстей преждевременный голос.
 Солнце, воздух, цветов аромат —
 Это всех поколений наследство,
 За пределами душных оград
 Проведете вы сладкое детство.
 Нет! вам красного детства не знать,

Не прожить вам покойно и честно.
 Жребий ваш... но к чему повторять
 То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
 Через лоб протянувши веревку,
 Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
 Задают ли тебе потасовку —
 Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
 Нарисованный ловкою кистью
 В модной книге — угрюмый, худой,
 Обесмысленный дикой корыстью,
 Страхом, голодом, мелкой борьбой.
 Мы довольно похвал расточали
 И довольно смели мы венков
 Тем, которые нам рисовали
 Любопытную жизнь бедняков.
 Где ж плоды той работы полезной?
 Увидав, как читатель иной
 Льет над книгою слезы рекой,
 Так и хочешь сказать: «Друг любезный,
 Не сочувствуй ты горю людей,
 Не читай ты гуманных книжонок,
 Но не ставь за каретой гвоздей,
 Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

1860

ДЕМОНУ

Где ты, мой старый мучитель,
 Демон бессонных ночей?
 Сбился я с толку, учитель,
 С братьей болтливой моей.

Дуешь бывало на пламя —
 Пламя пылает сильнее,
 Краше волнуется знамя
 Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
 Только душою киплю:
 Так глубоко ненавижу,
 Так бескорыстно люблю!

Нынче я всё понимаю,
 Всё объяснить я хочу,
 Всё так охотно прощаю,
 Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
 Как разгадаю себя?
 Всё бы тотчас объяснилось,
 Да не докликнусь тебя!

Способа ты не находишь
 Сладить с упрямой душой?
 Иль потому не приходишь,
 Что уж доволен ты мной?

. . .

Что ты, сердце мое, расходилося?..
 Постыдись! Уж про нас не впервой
 Снежным комом прошла — прокатилась
 Клевета по Руси по родной.
 Не тужи! пусть растет, прибавляется.
 Не тужи! как умрем,
 Кто-нибудь и об нас проболтается
 Добрым словом.

.....одинокий, потерянный,
 Я как в пустыне стою,
 Горло не кличет мой голос уверенный
 Душу родную мою.

Нет ее в мире. Те дни миновались,
 Как на призывы мои
 Чуткие сердцем друзья отзывались,
 Слышалось слово любви.

Кто виноват — у судьбы не доспросишься,
 Да и не все ли равно?

У моря бродишь — «не верю,
не бросишься!»

Вкрадчиво шепчет оно:
 «Где тебе? Дружбы, любви и участия
 Ты еще жаждешь и ждешь.
 Где тебе, где тебе! — ты не без счастья,
 Ты не без ласки живешь...

Видишь, расселась туча туманная,
 Звездочки вышли, горят?
 Все на тебя, голова бесталанная,
 Ласковым взором глядят».

ЗНАХАРКА

Знахарка в нашем живет околотке:
 На воду шепчет; на гуще, на водке

Да на каких-то гадает травах.
 Просто наводит, проклятая, страх!

Радостей мало — пророчит все горе;
 Вздумал бы плакать — наплакал бы море,

Да — господь милостив! русский народ
 Плакать не любит, а больше поет.

Молвила ведьма горластому парню:
 «Эй! угодишь ты на барскую псарню!»

И — поглядят — через месяц всего
 По лесу парень орет «го-го-го!»

Дяде Степану сказала: «Кичишься
 Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

Либо своей голове пропадать!»
 Стали Степана рекрутством пугать:

Вывел коня на базар — откупился!
 Весь околоток колдунье дивился.

«Сем-ка! и я понаведаюсь к ней!»
 Думает старый мужик Пантелей:

«Что ни предскажет кому: разоренье,
Убыль в семействе, глядишь — исполнение!

Чорт у ней, что ли, в дрожжах-то сидит?..»
Вот и пришел Пантелей — и стоит,

Ждет: у колдуньи была уж девпца,
Любо взглянуть — молода, полнолица.

Рядом с ней парень — дворовый, кажись.
Знахарка девке: «Ты с ним не вяжись!

Будет твоя особливая доля:
Малые слезы — и вечная воля!»

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:
«Счастью не быть, молодец, твоему.

Все говорить?» — Говори! — «Ты зпмою
Много потерпишь, дойдешь до запою,

Будешь небрптый валяться в пзбе,
Чортики прыгать учнут по тебе,

Станут глумиться, тянуть в препсподню;
Ты в пузыречек наловишь их сотню,

Станешь его затыкать...» Пантелей
Шапку в охапку — и вон из дверей.

«Что же, старпк? Погоди — погадаю!»
Ведьма ему. Пантелей: — «Не желаю!

Что нам гадать? Малолетков морочь, —
Я погожу пока, чортова дочь!

Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю!»

НА ВОЛГЕ

(ДЕТСТВО ВАЛЕЖНИКОВА)

1

.....
.....

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я припрос
На Волге: целый час стою
Недвигно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдать ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой — богаче: в нем,
Авось, побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник плут
Не наделял его ни чем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шням!
И, как нарочно, все село
Прошел — нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.

Тогда вернулся он назад
К убогой хижине — и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес
И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старался удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей,
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ни чему.
Нет, — говорил я жизни той: —
Ни чем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, неостало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,

И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать.
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помини мне дерзких грез,
С какими бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помини мне глухих слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью — волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то, чтоб я чертам был рад,
А так — хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир — и наблюдаю,

Что дерзкий мальчишка затевал!
И как-то не шагало мне
В всезрящей этой тишине.
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащат с собою в пруд
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал — черти ни гу-гу!
Я пруд три раза обошел,
Но чорт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерёв
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой или враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвизгала сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе,
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато, добытая с тех пор,
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом все та же даль и ширь,
Все тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

На Волге.

Литография А. И. Лебедева, 1865.

Уж скоро полдень. Жар такой,
 Что на песке горят следы,
 Рыбалки дремлют под водою,
 Усевшись в плотные ряды;
 Куют кузнечики, с лугов
 Несется крик перепелов.
 Не нарушая тишины
 Ленивой, медленной волны,
 Расширя движется рекой.
 Приказчик, парень молодой,
 Смелся, за спутницей своей
 Бежит по палубе: она
 Мила, дородна и красна.
 И слышу я, кричит он ей:
 «Постой, проказница, уж
 Вот догоню!..» Догнал, поймал, —
 И подслушай их прозвучал
 Над Волгой вкусно и свежо.
 Нам так никто не целовал!
 Да в подрумяненных губах
 У наших барынь городских
 И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
 Я позабылся. Сон и зной
 Уже дарили надо мной.
 Но вдруг я стоны услышал,
 И взор мой на берег упал.
 Почти пригнувшись головой
 К ногам, обвитым бечевою,
 Обутом в лапти, вдоль реки
 Ползла гурьбою бурлаки,
 И был невыносимо дик
 И страшно ласен в тишине
 Их мерный похоронный крик —
 И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!... колыбель моя!
 Любила ли кто тебя, как я?
 Один, по утренним зарям,
 Когда еще всё в мире спит
 И алый блеск едва скользит
 По темно-голубым волнам,
 Я убежал к родной реке.
 Иду на помощь к рыбакам,
 Катаюсь с ними в челноке;
 Брожу с ружьем по островам.
 То, как играющий зверок,
 С высокой кручи па песок
 Скачусь, то берегом реки
 Бегу, бросаю камешки,
 И песню громкую пою
 Про удалую раннюю мою...

Тогда я думать был готов,
 Что не уйду я никогда
 С песчаных этих берегов.
 И не ушел бы никуда,
 Когда б, о Волга! над тобой
 Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
 Его услышав в первый раз,
 Я был испуган, оглушен.
 Я знать хотел, что значит он,
 И долго берегом реки
 Бежал. Устали бурлаки,
 Котел с распылы принесла,
 Уселся, развел костер
 И меж собою повел
 Неторопливый разговор.
 — Когда-то в Нижний попадем?
 Один сказал: — Когда б попасть
 Хоть на Илью... — «Авось, придем»,
 Другой, с болезненным лицом,
 Ему ответил: «Эх напасть!»
 Когда бы зажило плечо,
 Тянул бы ляжку, как медведь,
 А кабы к утру умереть —
 Так лучше было бы еще...»
 Он замолчал и навзничь лег.
 Я этих слов понять не мог,
 Но тот, который их сказал,
 Угрюмый, тихий и больной,
 С тех пор меня не покидал!
 Он и теперь передо мной:
 Лохмотья жалкой нищеты,
 Изнеможенные черты
 И выражающий укор
 Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
 Лишь поздно вечером домой
 Я воротился. Кто тут был —
 У всех ответа я просил
 На то, что видел, и во сне
 О том, что рассказали мне,
 Я бредил. Ничего не пугал:
 «Сиди, родименький, сиди!
 Гулять сегодня не ходи!»
 Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что случилось со мной?
 Я не узнал реки родной:
 С трудом ступает на песок
 Моя нога: он так глубок;

Уж не манит на острова
Их ярко свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкаю полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пусть умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмел!

Но если вы — напный бред,
Обеты юпошеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вамп вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,

Таким и ныне увидал:
Все ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Все та же покорность без конца...

.....
.....

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.
Так заматается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом: «ой!»
И в такт мотая головой...

НА ПСАРНЕ

(ОТРЫВОК)

Ты, старина, здесь живешь, как в аду, —
Воля придет, чай, бежишь без оглядки?
— Нашто мне воля? куда я пойду?
Нету ни батьки, ни матки,
Нету никем никого,
Хлеб добывать не умею,
Только и знаю кричать: «Го-го-го!»
Горе косому злодею!..»

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бешется, —
Над душой водаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
И со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запевает...

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитать!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, страшных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что, как пней, к земле прилегли, —
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвою:
Чужды красок его переливы

Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов,
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагаль!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму,
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю.
Не умел я с тобой совладать,
Не оспли я думы жестокой...
В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старал чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.

Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надпись вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей

Автограф Некрасова — отрывок из стихотворения «Рыцарь на час»

В одну ночь и конюх от радости
На минут-гашки,
Ты и играм моя старая мечта...

Всё одну ночь со счастием согреть.
Торжественно почитая себя за
И торжественно, и даже и играм
Ты и играм моя старая мечта,
И не могла бы и какою-то
И не могла бы и какою-то

И не могла бы и какою-то
И не могла бы и какою-то
И не могла бы и какою-то
И не могла бы и какою-то

Автограф Некрасова — отрывок из стихотворения «Рыцарь на час». Вариант, не вошедший в печатный текст 1860 года.

Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепетает душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одиноким ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведряном дне.

Звук за звуком гули прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольным старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я прострапством огромным
Отделен, — всё живёт предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитую
Простояла ты, — грудью своей
Защищала любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибавшим сыном твоим?..
Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе свою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,

Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ты сплу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволнения мирского далека,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебном светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изрек только слово прощенья,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клеветают язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы не ровные,
Я ни в чем середины не знал, —
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет, —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславно битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по пей,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От лжущих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибавших
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбился,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце не робкое билось,
Что умел он любить...

.....

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
 Возвышающей душу природы!
 Пламя юности, мужество, страсть
 И великое чувство свободы —
 Всё в душе угнетенной моей
 Пробудилось... но где же ты, спя?
 Я проснулся ребенка слабей.
 Знаю: день проваляюсь уныло,
 Ночью буду мнестуру глотать,
 И пугать меня будет могилы,
 Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
 Всё луч бледного утра спугнул,
 И насмешливый внутренний голос
 Злую песню свою затянул:
 «Покорись — о, ничтожное племя! —
 Непизбежной и горькой судьбе,
 Захватило вас трудное время
 Неготовыми к трудной борьбе.
 Вы еще не в могиле, вы живы,
 Но для дела вы мертвы давно,
 Суждены вам благие порывы,
 Но свершить ничего не дано...»

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

Вот и Качалов лесок,
 Вот и пригорок последний.
 Как-то шумлив и легок
 Дождь начинается летний,
 И по дороге моей,
 Светлые, словно из стали,
 Тысячи мелких гвоздей
 Шляпками вниз поскакали —
 Скучная пыль улеглась...
 Благодарение богу,
 Я совершил еще раз
 Милую эту дорогу.
 Вот уж запасный амбар,
 Вот уж и риги... как сладок
 Теплого колоса пар!
 — Останови же лошадок!
 Видишь: из каменных ворот
 Спешно идет обыватель.
 Всё-то знакомый народ,
 Что ни мужик, то приятель.
 — Здравствуй, братцы! — «Гляди,
 Крестничек твой-то Ванюшка!»
 — Вижу, кума! погодя,
 Есть мальчугану пгрушка.
 «Здравствуй, как жил-поживал?
 Не понапрасну мы ждали,
 Ты-таки слово сдержал.
 Выводки крупные стали;
 Так уж мы их берегли,
 Самы ни шутки не били.
 Будет охота — пали!
 Только бы ноги служили.
 Вишь ты ллящип какой,
 Мы не таким отпускали:
 Словно тебя там сквозь строй

В зиму-то трижды прогнали.
 Право, сердечный, чуть жив;
 Али неладно живется?»
 — Сердцем я больно строптив,
 Попусту глупое рвется.
 Ну, да поправлюсь у вас.
 Что у вас нового, братцы?

«Умер третьеводни Влас
 И отказал тебе святцы».
 — Царство небесное! Что,
 Было ему уж до сотни?
 «Было и с хвостиком сто.
 Чужды дела-то господни!
 Не понапрасну продлил
 Эдак-то жизнь человека:
 Сто лет подушны платил,
 Барщину правил полвека!»

— Как урожай? — «Ничего.
 Горе другое: покрасил
 Много леску твоего.
 Мы станового уж звали.
 Шут и дурак наголо!
 Слово-то молвит, скотина,
 Словно как дунет в дупло,
 Несообразный летина!
 — «Стан мой велик, — говорит, —
 С хвостиком двадцать пять тысяч,
 Где тут судить, — говорит, —
 Всех не успеешь и высечь!»
 С тем и уехал домой,
 Так, ничего не поделав:
 Нужен-ста тут межевой
 Да епутат от уделов!»

В Ботове валится скот,
 А у солдатки Аксиньи
 Девочку — было ей с год —
 Съели проклятые свиньи;
 В Шахове свекру сноха
 Вилами бок просадила —
 Было за чтò... Пастуха
 Гроном во стаде убило.
 Ну уж, и буря была!
 Как еще мы уделели!
 Колокола-то, колокола —
 Словно о Пасхе гудели!
 Наши речонки водой
 Налило на три аршина,
 С поля бежала домой,
 Словно шальная, скотина:
 С ног ее встер валл.
 Крепко нам жаль мальчугана:
 Этакой клоп, а отбил
 Этот у волка барана!
 Стали Волчком его звать —
 Любо! Встает с петухами,
 Песни начнет распевать,
 Весь уберется цветами,
 Ходит проворный такой.
 Матка его проводила:
 — «Поберегись, родной!
 Слышишь, какал завыва!»
 — «Буря-ста мне нипочем,
 Я, — говорит, — не ребенок!»
 Да размахнулся кнутом
 И повалился с ножен!
 Мы посмеялись тогда,
 Так до полден позевали,
 Слышим — случилась беда:
 Шли бы, убитого взяли!
 И уделел бы, да, вишь,
 Крикнул дурак ему Ванька:

— «Что ты под деревом сидишь?
 Хуже под деревом-то... Встань-ка!»
 Он не перечил — пошел,
 Сел под рогожей на кочку,
 Ну, а господь и навел
 Гром в эту самую точку!
 Взяли — не в поле бросать,
 Да как рогожу открыли,
 Так не одна его мать —
 Все наши бабы завывли:
 Угомонился Волчок —
 Спит себе. Кровь на рубашке,
 В левой ручонке рожок,
 А на шляпенке венчик
 Из васильков да из кашки!

Этой же бурей сожгло
 Красные Горки: понижее,
 Помнишь, Починки село —
 Ну и его... Вот поди же!
 В Горках пожар уж притих,
 Ждали: Починок не тронет!
 Смотрят, а ветер на них
 Пламя и гонит и гонит!
 Встречу-то поп со крестом,
 Дьякон с кадилами вышел,
 Не совладали с огнем, —
 Видно, господь не услышал!..

Вот и хоромы твои,
 Ты, чай, захочешь покою?...
 — Полноте, други мои!
 Милости просим за мною... —

Сходится в хате моей
 Больше да больше народу:
 — Ну, говори поскорей,
 Чтò ты слыхал про свободу? —

ДУМА

Сторона наша убогая,
 Выгнать некуда коровушку.
 Проклинай жите мящанское
 Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся под печью,
 Каждый день не додаючи,

Трать задаром сплю дюжую,
 Недопмку накоплючи.

Уж как нет беды кручиннее
 Без работы парню малтяться,
 А пойдешь куда к хозяевам —
 Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говсяучи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обсда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту,
День придет — работой тешутся...

Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валылись:
Вместо шапки, белым пнем
Волоса бы серебрились!

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей, —
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Все живое счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим! —

Колесо чугунное вертится
И гудит и ветром обдаёт,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, все кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,

Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в поступенье,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится, —
Хоть умри — гудит — гудит — гудит! —

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле.
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться, —
Но зачем идем мы и туда?...
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, прижав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарывав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

1861

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКА

Не предавайтесь особой унылости!
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божьей милости
Русской земли человек замечательный

С давнего времени. Молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная.
Вслед за тем долгие дни заточения...

Тарас Шевченко.
С автопортрета 1860 года.

Всё он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую
И ее крепость... В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом — с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое, —
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.
Тут ему бог позавидовал.
Жизнь оборвалась.

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засева,
Видит ведряный день впереди:

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пипшу мою вириш — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи;
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз.
Чу! шопот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиленье...
Чу! шопот опять!

Первый голос

Борода'

Второй

А барин, сказал!...

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар борода не бывает — усы.

Первый

А поги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И день золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволinna двойная,
Замочки резные...

Третий (с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стайей с мякны летят воробы.
Затих я, прищурился — снова явился,
Глазки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивился
И мой приговор изрекли:
— Такому-то гусю уж что за охота!
Лезал бы себе на печь!
И видно — не барни: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой... «Услышит, молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:

В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.

Я делывал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядом на перила моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:
Рабочего званья люди сновали

По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держится —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилить, как лудить — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточить и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали,

Что́ новый прохожий, то новый рассказ...
 Ух, жарко!.. До полдня грибы собрал.
 Вот из лесу вышел — навстречу как раз
 Синеющей лентой, извилистой, длинной,
 Река луговая: прыгнули гурьбой —
 И русских головок над речкой пустынной
 Что белых грибов на полянке лесной!
 Река огласилась и смехом и воем:
 Тут драка — не драка, игра — не игра...
 А солнце палит их полуденным зноем.
 Домой, ребятишки! обедать пора.
 Вернулись. У каждого полно лукошко,
 А сколько рассказов! Попался косой,
 Поймали ежа, заблудились немножко
 И видели волка... у, страшный какой!
 Ежу предлагают и мух и козявок,
 Корней молочко ему отдал свое —
 Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
 На лаве, где матка колотит белье,
 Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
 Кто тащит на пожню ведерко кваску,
 А тот, подвязавши под горло рубашку,
 Таинственно что-то чертит по песку;
 Та в лужу забилась, а эта с обновой:
 Сплела себе славный венок,
 Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
 Да изредка красный цветок.
 Те спят на припекке, те пляшут выпрядку.
 Вот девочка ловит лукошком лошадку:
 Поймала, вскочила и едет на ней.
 И ей ли, под солнечным зноем рожденной
 И в фартуке с поля домой принесенной,
 Бояться смиренной лошади своей?..

Грибная пора отойти не успела,
 Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
 Набили оскому: черница поспела!
 А там и малина, брусника, орех!
 Ребяческий крик, повторяемый эхом,
 С утра и до ночи гремит по лесам.
 Испугана пеньем, аukanьем, смехом,
 Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
 Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
 Вот старый глухарь с обильным крылом
 В кусту завозился... ну, бедному плохо!
 Живого в деревню тащат с торжеством...

— Довольно, Ванюша! гулял ты не мало,
 Пора за работу, родной! —
 Но даже и труд обернется сначала
 К Ванюше нарядной своей стороной:
 Он видит, как поле отец удобряет,

Как в рыхлую землю бросает зерно,
 Как поле потом зеленеть начинает,
 Как колос растет, наливает зерно;
 Готовую жатву подрежут серпами,
 В снопы перевяжут, на ригу свезут,
 Просушат, колотят-колотят депами,
 На мельнице смеют и хлеб испекут.
 Отдает свежего хлеба ребенок
 И в поле охотней бежит за отцом.
 Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
 Ванюша в деревню въезжает дарем...
 Однако же завпсть в дворянском дитяти
 Посеять нам было бы жаль.
 Итак, обернуть мы обязаны кстати
 Другой стороною медаль.

Положим, крестьянский ребенок свободно
 Растет, не учась ничему,
 Но вырастет он, если богу угодно,
 А сгнить ничто не мешает ему.
 Положим, он знает лесные дорожки,
 Гардует верхом, не боится воды,
 Зато беспощадно едят его мошки,
 Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
 Я из лесу вышел; был сильный мороз.
 Гляжу, поднимается медленно в гору
 Лошадка, везущая хворосту воз.
 И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
 Лошадку ведет под-узды мужичок
 В больших сапогах, в полубухе овчинном,
 В больших рукавицах... а сам с ноготок!
 — Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
 — Уж больно ты грозен, как я погляжу!
 Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
 Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
 (В лесу раздавался топот дровосека.)
 — А что, у отца-то большая семья? —
 «Семья-то большая, да два человека
 Всего мужиков-то: отец мой да я...»
 — Так вон оно что! А как звать тебя? —
 «Власом».

— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
 Ну, мертвая!» крикнул малютка басом,
 Рванул под-узды и быстрее засагал.
 На эту картину так солнце светило,
 Ребенок был так уморительно мал,
 Как будто всё это картонное было,
 Как будто бы в детский театр я попал!
 Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
 И дровни, и хворост, и пегонький конь,
 И снег, до окошек деревни лежащий,
 И зимнего солнца холодный огонь —

*Крестьянские дети.**Рисунок В. А. Серова. 1896.*

Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюбимой, мертвящей зны,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обалдые поэзы детства
Проводят вас в недра земли родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей, —
— Эй! воры идут! — закричал я Фингалу: —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей! —
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки моп закопал,
С особым стараньем припрятал личину,

У ног мопх лег — п сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла;
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами: «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха! —
«Смотри — умирает — смотри!»

Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сдвене,
Когда разразится грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер занялся оглушительным лаем,
А зрители дали стрелка!

Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча впсела
Над нашим театром как раз.

Под крупным дождем ребятники бежали
Босые к деревне своей...

Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли пскать дупелей.

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялся
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлется
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!
Мы такой не знали век:
Как у нас — голова беспашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... тошнѣхонько!
Догадаться деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорѣхонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам неожиданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могла крепка...

Без топков!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечки,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалась,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалась
И, чиркнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестился и поднял вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, —

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребяташки захныкали,
Тот наверно был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долѣк,
Под большими плачущими нивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит, —
«Чу!» кричат наши детки проворные:
«Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрошивал,
И всегда ты не скупко давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долѣк,
Под большими плачущими нивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

Похороны.

Литография А. И. Лебедева. 1877.

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

(из «записной книжки»)

О слезы женские с придачей
 Нервических, тяжелых драм!
 Вы долго были мне задачей,
 Я долго слепо верил вам
 И много вынес мук мятежных.
 Теперь я знаю наконец:
 Не слабости созданий нежных, —
 Вы их могущества венеч.
 Вернее закаленной стали
 Вы поражаете сердца.
 Не знаю, сколько в вас печаль,
 Но деспотизму нет конца!
 Когда бывало предо мною
 Зальется милая моя,
 Наружно ласковость удвою,
 Но внутренно озлоблен я.
 Пока она дрожит и стонет,
 Лукавлю праздною душой:
 Язык лисит, а глаз шпионит —
 И открывает... Боже мой!
 Зачем не мог я прежде видеть?
 Ее не стоило любить,
 Ее не стоил ненавидеть...
 О ней не стоил говорить...
 Скажи «спасибо» близорукой,
 Всеукрашающей любви
 И с головы с ревнивой мукой
 Волос седеющих не рви!
 Чем ты был пьян — вином
 поддельным
 Или настоящим — всё равно;

Жалей о том, что сном смертельным
 Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
 Застигнут сеной роковой?
 Кто у нее прощенья просит,
 Вины не зная за собой?
 Кто сам трясется в лихорадке,
 Когда она к окну бежит
 В преувеличенном припадке
 И «ты свободен!» говорит?
 Кто боязливо наблюдает,
 Сосредоточен и сердит,
 Как буйство нервное стихает
 И переходит в аппетит?
 Кто ночи трудные проводит,
 Один, ревнивый и больной,
 А утром с ней по лавкам бродит,
 Наряд торгуя дорогой?
 Кто говорит: «прекрасны оба» —
 На нежный спрос: «который взять?»
 Меж тем, как закипает злоба
 И к чорту хочется послать
 Франдуженку с нахальным носом,
 С ее коварным: «с'est joli!»
 И даже милую с вопросом...
 Кто молча достает рубль,
 Спеша скорей покончить муку,
 И, увидав себя в трюмо,
 В лице своем читает скуку
 И рабства темное клеймо?

ТУРГЕНЕВУ

Мы вышли вместе... Наобум
 Я шел во мраке ночи,
 А ты... уж светел был твой ум,
 И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
 Всю нашу жизнь продлится,
 И не ушел ты с поля прочь,
 И стал ты честно биться.

Врагу дремать ты не давал,
 Клеймя и проклиная,
 И маску дерзостно срывал
 С глупца и негодяя.

И что же? луч едва блеснул
 Сомнительного света,
 Молва гремит, что ты задул
 Свой факел... ждешь рассвета.

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какое-то надежды.

На пылких юношей ворча,
Ты глотишь год от года
И к свисту буйного бича
И к ропоту народа.

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Поход ты замыслил.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто на смерть был готов идти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата.

Непримиримый враг щелей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода!

КОРОБЕЙНИКИ

*Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)*

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23 августа.
Грешнево.

Н. Некрасов.

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Песня.

«Ой, полна, полна корбушка,
Есть и сптды и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завизжу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продаст товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девушкой целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка корбушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка

Бирюзовый перстепек.
 Дал ей ситцу штуку делую,
 Ленту алую для кос,
 Поясок — рубаху белую
 Подпоясать в сенокос, —
 Всё покляла ненаглядная
 В коров, кроме перстенька:
 «Не хочу ходить парадная
 Без сердечного дружка!»
 То-то дуры вы, молодочки!
 Не сама ли принесла
 Полуштофик сладкой водочки?
 А подарков не взяла!
 Так постой же! Нерушимое
 Обещанье даю:
 У отца дитя любимое!
 Ты попомни речь мою:
 Опорожнится коровушка,
 На Покров домой приду
 И тебя, душа-заснобушка,
 В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
 Молодец бежит бегом
 И товарища ворчливого
 Нагоняет под селом.
 Старый Тихоныч ругается:
 «Я уж думал, ты пропал!»
 Ванька только ухмыляется —
 Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-почали
 Поповы дочери.
Припел деревенских торгашей.

«Эй, Федорушки! Варварушки!
 Отпирайте сундуки!
 Выходите к нам, сударушки,
 Выносите пятаки!»

Жены мужике — молодущки
 К коробейникам идут,
 Красны девушки-лебедушки
 Новины свои несут.
 И старушки важеватые,
 Глядь, туда же приплелась.

«Ситцы есть у нас богатые,
 Есть миткаль, кумач и плюс.
 Есть у нас мыла пахучие —
 По две гривны за кусок,
 Есть румяна не липючие —
 Молодись за пятачок!
 Видишь, камни самоцветные
 В перстеньке как жар горят.
 Есть и любочки заветные —
 Хоть кого приворожат!»

Начался толк рьяные,
 Посреди села базар,
 Бабы ходят словно пьяные,
 Друг у дружки рвут товар.
 Старый Тихоныч так божится
 Из-за каждого гроша,
 Что Ванюха только ежится:
 «Пропадл моя душа!
 Чтоб тотчас же очн лопнул,
 Чтобы с места мне не встать,
 Провались я!..» Глядь — п хлопнул
 По рукам! Ну, исполать!
 Не торговец — удивление!
 Как божится-то не лень...

Долго, долго все селенье
 Волновалось в этот день.
 Где гроши какие медные
 Были спрятаны в мотках,
 Всё достали бабы бедные,
 Ходят в новеньких платках.

Коробейники.
Акварель Б. М. Кустодиева. 1921.

Две снохи за ленту пеструю
Расдарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба вельсть:
«Принесю же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь, вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра.
А не хошь добра, так не пей до дна

Старинная былина.

За селом остановился,
Поделили барыши
И на дерковь покрестился,
Повздохали от души.
— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох?
«В день теперь не отпиошься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложью —
Не обманешь — не продашь!»
И опять на церковь божью
Долго крестится торгош.
«Кабы в строку приходился
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалился
До единого кунца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалился бы... эх-эх!»
— Понагрел ты Калистратушку.
«Ну, его нагреть не грех,

Сам снимает крест с убогого».
— Рыжий, клином борода. —
«Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха:
Где бы свадьба богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурут — народу горяшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стоп стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отнестого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал — подлец седой!
— «Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!» —

Пропились, подокошники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой! ты зелье кабашное
Да китайские чап
Да куренье табачное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломилшь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные

Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...»
— Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..

IV

Ай, барыня! барыня!

Песня.

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте почевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгоши.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?» и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко, —
Старичок за холку хватить!
— Эй! еще, еще немножечко! —
Нет! урвался конь опять,
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
— «Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика:
Эх ты, пареный да вялый!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяющий,
Надо новый покупать!»

Им обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька пскоса поглядывал

На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
— «Эй вы, нехристы, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В рог звонкие трубы,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
— Чьи такие господа?
«Кашпирята с Зюзенятами...
Залц! вон гляди туда!»
Вспокоились борзители:
«Ай! а-ту его! а-ту!»
Ну, собачки! Ну, губители!
Подхватили на лету...

Поспделл на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
— Счастье, Тихонич, неровное,
Нынче выручка плоха.
«Встрелось нам липо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост».
— Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?.. «Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, полжарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты печист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.

По всему по свету славится,
 Мастер по миру пустить;
 Коли пос тебе не правится,
 Могут новый наклеить!
 Вот от этих-то мошейников,
 Что в том городе живут,
 Ничего у коробейников
 Нынче बारे не берут.
 Чорт побрал бы моду новую!
 А бывало встарину
 Приведут меня в столовую,
 Все товары разверну;
 Выдет барыня красивая,
 С настоящей косой,
 Важватая, учтивая,
 Детки выбегут гурьбой,
 Девки горничные, няюинки,
 Слуги высыплют к дверям.
 На рубашечки для Ванюшки
 И на платья дочерям
 Всё сама руками белыми
 Отбирает не спеша,
 И берет кусками делыми —
 Вот так барыня-душа!
 «Что возьмешь за серьги с бусами?
 Что за аду парчу?»
 Я тряпцу кудрями русыми,
 Заломлю — чего хочу!
 Навалит покупки кучей,
 Разочтется — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
 За рекой за Костромой.
 Именины были званые —
 Расходился баринок!
 Слышу, кличут гости пьяные:
 «Подходи сюда, дружок!»
 Подбегаю к ним скорехонько.
 «Что возьмешь за короб весь?»

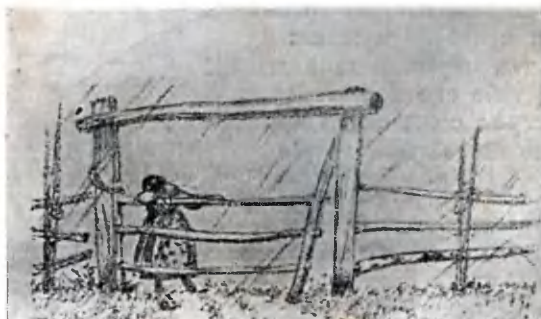
Усмехнулся я легохонько:
 — Дорог будет, ваша честь. —
 Слово за слово, приятели
 Посмеялись меж собой
 Да три сотни и отнялись,
 Не глядя, за короб мой.
 Уж тогда товары вынули
 Да в девичий хоровод
 Среди двора п кинули:
 «Подбирай, честной народ!»
 Закипела свалка знатная.
 Вот так были господа:
 Угодил домой обратно я
 На девятый день тогда!»

V

— Много ли верст до Гоголина?
 — Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка.

Хорошо было детинушке
 Сышать ласковы слова,
 Да трудненько Катерицушке
 Паря ждать до Покрова.
 Часто в почку одинокую
 Девка часу не снала,
 А как жала рожь высокую,
 Слезы в три ручья лила!
 Извелась бы, неутешная,
 Кабы время горевать,
 Да пора страдная, спешная —
 Надо десять дел кончать.
 Как ни часто приходилось
 Молоднице неутешной,
 Под косой трава валялась,
 Под серпом горела рожь.
 Изво всей-то силы-моченьки
 Молотила по утрам,
 Лен стала до темной ноченьки

По росистым по лугам.
 Стелет леп, а неотвязная
 Дума на сердце лежит:
 «Как другая девка красная
 Молодца приворожит?
 Как изменит? как засватает
 На чужой на стороне?»
 И у девки сердце падает:
 «Ты женись, женись на мне!
 Ни тебе, ни свекру-батюшке
 Никому не согрублю,
 От свекрови, твоей матушки,
 Слово всякое стерплю.
 Не дворника, не купчиха я,
 Да и правом-то смирна,
 Буду я невестка тихая,
 Работящая жена.
 Ты не пудь себя работою,
 Силы мне не занимать,
 Я за милого с охотою
 Буду пашенку пахать.
 Ты живи себе гуляючи
 За работницей женой,
 По базарам разъезжаячи,
 Веселись, песни пой!
 А вернешься с торгу пьяненький —
 Накормлю и уложу!
 «Спи, пригожий, спи, румянецкий!»
 Больше слова не скажу.
 Видит бог, не осердилась бы!
 Обрядила бы кося,
 Да к тебе и подвалилась бы:
 — Поделуй, дружок, меня!..»
 Думы девичьи заветные,
 Где вас все-то угадать?
 Легче камни самоцветные
 На дне моря сосчитать.
 Уж овечка опушается,
 Чуя близость холодов,
 Катя пуше разгорается...
 Вот и праздник Покров!

«Ой! пуста, пуста коробушка,
 Полон денег кошелек.
 Жди-пожди, душа-заинбушка,
 Не обманет мил-дружок!»
 Весел Ванька. Припеваючи,
 Прямым домой идет.
 Старый Тихонич, зеваючи,
 То и дело крестит рот.
 В эту почку не уснулося
 Ни минуточка ему.

Как мощно-то пораздулся,
 Так бог знает почему
 Всё такие мысли страшные
 Забираются в башку.
 Прошелегы ли кабачные
 Подзывают к кабаку,
 Попадутся ли солдатики —
 Коробейник сам не свой:
 «Проходите с богом, братики!»
 И ударится рысцой.
 словно пятки-то иглоками
 Попатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
 По болоту путь лежит,
 То кочажником, то бродами.
 «Эх! пословица-то есть:
 Коли три версты обходами,
 Прямыми будет шесть!
 Да в Трубе, в селе, мошайники,
 Сбили с толку мужики:
 — Вы подите, коробейники,
 В Кострому-то напрямки:
 Верных сорок с половиною
 По нагорной стороне,
 А болотной-то тропиною
 Двадцать восемь. — Вот они!
 Чорт понутал — мы поверили,
 А кто версты тут считал?»
 — Бабы их клякою меряли, —
 Ванька с важностью сказал: —
 Не ругайся! Сам я слыхивал,
 Тут дорога попрямей. —
 «Дьявол, что ли, понапихивал
 Этих кочек да корней?
 Доведись пора вечерняя,
 Не дойдешь — сойдешь с ума!
 Хороша наша губерния,
 Славен город Кострома,
 Да леса, леса дремучие,
 Да болота к ней ведут,
 Да пески, пески сыпучие...»
 — Стой-ка, дядя, чу, идут!

VI

Только молодец и жив бывал.
 Старинная былина.

Не тростник высок колышется,
 Не дубровушки шумят,
 Молодецкий поевнет слышится,
 Под ногой сучки трещат.

Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
— Путь-дорога, коробейнички!
«Путь-дороженька, стрелец!»
— Что ты смотришь? — «Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал?»
— Нет, почудилось тебе.
Троп сутки не был дома я,
Жить ли дома лесничку?
— «А, кажись, лицо знакомое»,
Шепчет Ванька старпугу.
— Что вы шепчетесь? — «Да каемся,
Лучше б нам горой птти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому?» — Нам по пути,
Я из Шуньп. — «А далеко ли
До деревни до твоей?»
— Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?
«Комп звать всю правду хочется,
Весь товар несем назад.
Лесничок как расхохочется!
— Ты, я вижу, прокурят!
Кабы весь, небось, не скоро бы
Шел ты, старый воробей! —
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
— Ой! легохоньки коробушки,
Всё говыпродал, звать?
Наклевал на воробушки,
Полетели отдыхать!
«Что, дойдем в село до поченьки?»
— Иадо, парень, добрестп,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Пане дело подпевольное,
День и ночь броди в лесу. —
И с плеча ружье двуствольное
Снял — и держит на весу.
— Эх вы, стволки-голубчки!

Больно вы уж тяжелы. —
Покосились наши купчихи
На тяжелые стволы:
Сколько пшток попомотано!
В палец щепи у замков.
«Неужели, парень, бьет оно?»
— Бьет на семьдесят шагов. —
Деревенский, видно, плотничек
Стропл ложу — тщи да яли!
Да и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежка лесника,
Борода густая склочена,
Лыко вместо пояса.
А туда же пес в ошейничке,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейнички:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. «Далеко ли?»
— Близко. — «Что ты?» — У реки
Куропаточки закокали. —
И детина взвел курки.
— Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу! —
Коробейникам не пелось:
Уж темнели небеса,
Над болотом засияла,
Понависнула роса.
«День-деньской и так умеленься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты делишься?»
— Так, я пробую прицел...

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки,
Ветер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит стороной, нюхает,
Помпнутно слышит дичь.
Чу! как ухалила ухает,
Чу! ребенком стонет сын.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
«Аль спознался с лихорадкою?»
— Да уж три педели бьет —
Полечп! — А сам прищурился.
Словно в Ваньку поровит.
Старый Тихоньч нахмурился:
«Что за шутки!» говорит.

Коробейники.
Акварель Б. М. Кустодиева, 1921.

«Чем шутить такие шуточки,
 Лучше песни петь и впрямь.
 Погодите полминуточки —
 Затяну лихую вам!
 Знал я старца еле зрячего,
 Он весь век с сумой ходил
 И про странника бродячего
 Песню длинную сложил.
 Ней от старости, ней с голоду
 Он в канавке кончил век,
 А жилак богато смолоду,
 Был хороший человек,
 Вспоминают обыватели.
 Да его попутал бог:
 По ошибке заседатели
 Усекли его в острог:
 Нужно было из Спиридова
 Вызвать Тита Кузьмича,
 Описался — из Давыдова
 Взяли Титушку-ткача!
 Ждет сердечный: «Завтра, нонче ли
 Ворочусь на вольный свет?»
 Наконец и дело кончили,
 А ему решенья нет.
 «Эй, хозяйка! нету моченьки,
 Ты иди к судьям опять!
 Изойдут слезами оченьки,
 Как полотна буду ткать?»
 Да не то у Степанидушки
 Завелось на уме:
 С той поры ее у Титушки
 Не впадал уж в тюрьме.
 Захворала ли, покинула,
 Тит не ведал ничего.
 Лет двенадцать этак минуло —
 Призывают в суд его.
 Пред зеркалом, в облачении
 Молодой судья сидел.
 Прочитал ему решение,
 Расписаться повелел
 И на все четыре стороны
 Отпустил — ступай к жене!
 «А за что вы, черны вороны,
 Очи выклевали мне?»
 Тут и сам судья покаялся:
 — Ты прости, прости любя!
 Вправду ты задаром маялся,
 Позабыли про тебя! —
 Тит — домой. Поля не ораны,
 Дом растаскан на клочки,
 Продала косули, бороны,
 И одежду, и станки,

С баринком слюбилась женушка,
 Убежала в Кострому.
 Тут родимая сторонушка
 Опостылела ему.
 Плюнул! Долго не разгадывал,
 Без дороги в путь пошел.
 Шел да песню эту складывал,
 Сам с собою речи вел.
 И говаривал старинушка:
 «Вся-то песня — два слова.
 А запой ее, детинушка,
 Не дотянешь до конца!
 Эту песенку мудреную
 Тот до слова допоеет,
 Кто всю землю, Русь крещеную,
 Из конца в конец пройдет». —
 Сам ее Христов угодничек
 Не допел — спит вечным сном.
 Ну! подтягивай, охотничек!
 Да иди ты передом!»

Песня убогого странника

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
 Холодно, странничек, холодно,
 Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
 Голодно, странничек, голодно,
 Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду: что вы тощи, хлеба?
 С холоду, странничек, с холоду,
 С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
 С голоду, странничек, с голоду,
 С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
 Холодно, странничек, холодно,
 Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
 Голодно, странничек, голодно,
 Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
 С холоду, странничек, с холоду,
 С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабаке ты идешь?
 С голоду, странничек, с голоду,
 С голоду, родименькой, с голоду!

Коробейники.

Акварель Б. М. Кустодиева, 1921

Я опять во луга—ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса—зверь воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба,—

Я опять во стада,—

п т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Помпнуто лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
«Полю петь... Эй, молодец!
Что отстал?... В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!»
— Труссы, трусы вы великие! —
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
«Стыдно!» Тихоныч сказал:
«Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать!»
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Восем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
— «Эй! уймись! Чего дурачишься?»
Молвил Ванька: «Я молчу,
А засду, так заплачешься,
Разом скулы сворочу!
Если ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить». —
А лесник опять наметился.

— «Не шутя!» — Чаво шутить! —
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть приш.
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богат:
Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золота,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!...»
И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки.
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
— Их-то нам и покажи! —
Поглядел: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвал судей,
Судьи тотчас всё доведаль
(Только денег не нашл!),
Погребенью мертвых предал,
Лесника в острог свезл...

СВОБОДА

Родина мать! по равнинам твоим
Я не ездая еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез.

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много пных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДРАМА

«За отъездом продаются: мебель, зеркала
и проч. Дом Воронина, № 159».

«Полиц. Вед.»

Надо поехать — статья подходящая!
Слышится в этом нужда настоящая,
Не попадется ли что-нибудь дешево?
Вот и поехал я. Много хорошего:
Бронза, картины, портьеры всё новые,
Мягкие кресла, диваны отменные.
Только у барыни очи суровые,
Речи короткие, губы надменные;
Видно, чем-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смуглое личико. Всё в ней пленительно:
Тянут назад ее голову милую
Черные волосы, сеткою сжатые,
Дышат какою-то сдержанной силою
Ноздри красные, вверх приподнятые.
Видно, что жгучая мысль беспокойная
В сердце кипит, на простор порывается.
Вся соразмерная, гордая, стройная,
Мне эта женщина часто мечтается...
Я отобрал себе вещи прекрасные,
Но оказались цены ужасные!
День переждал, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, так даже обидится!..
— Барыня эта — создание упрямое:
С мужем, — подумал я, — надо увидеться.

Муж — господин красоты замечательной,
В гвардии год прослуживший отечеству,
Был человек разбитной, обязательный,
Склонный к разгулу, к игре,
к молодечеству, —
С ним у нас дело как раз завязалось.
Странная драма тогда разыгралась:
Мужа застаю — поладим скорехонько;
Барыня выйдет — ни в чем не сторгуешься
(Только глазами ее полюбуешься).
Нечего делать! вставал я ранехонько,
И, пока барыня сном наслаждалась,
Многое сходно купить удавалось.
У дому ждут ломовые извозчики,
В доме толпятся вещей переносчики,
Окна ободраны, стены уж голые,
У покупателей лица веселые.
Только у няни глаза заслезилась:
«Вот и с приданым своим мы
простились!»
Молвила няня... — Какое приданое?
«Всё это взял он за барыней нашею,
Вместе весной покупали с мамашею;
Как любовались!..»

Открытие неожиданное!

Сказано слово — и всё объяснилось!
Вот почему так она дорожилась.
Бедная женщина! В позднем участии,
Я проклинаю торгашество пошлое.
Всё это куплено с мыслью о счастье,
С этим уходит — счастливое прошлое!
Здесь ты свила себе гнездышко скромное!
Каждый здесь гвоздик вколотен

с надеждою...

Ну, а теперь ты создание бездомное,
Порабощенное грубым невеждою!
Где не остыл еще след обаяния
Девственной мысли, мечты

обольстительной,

Там совершается торг возмутительный.
Как еще можешь сдержатъ ты рыдания!
В очи твои голубые, красивые
Нагло глядят торгашки непристойные.
Осквернены твои думы стыдливые,
Проданы с торгу насажды заветные!..

Няня меж тем заунывные жалобы
Шепчет мне в ухо: «Распродали дешево —

Лишь до деревни досхать достало бы.
Что уж там будет? Не жду я хорошего!
Барин, поди, загуляет с соседями,
Барыня будет одна-одинехонька,
День-то не весел, а ночь-то чернехонька.
Рядом лесище — с волками, с медведями».

— Смолкни ты, няня! создание болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Нам ли в диковину сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
Чудо, что смех еще временем слышится!..

Барин пришел — поздравляет с покупкою
Барыня бродит такая унылая;
С тихо воркующей, нежной голубкою
Я ее сравнивал, деньги постылые
Ей отдавая... Копейка ты медная!
Горе ты, горе! нужда окающая!..

Чуть над тобой не заплакал я, бедная!
Вот одолжил бы... Прощай, бесталанная!..

ДВАДЦАТОЕ НОЯБРЯ 1861 ГОДА

Я покинул кладбище унылое.
Но я мысль мою там позабыл, —
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных.
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложил чуть видные
Поделун суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

Дешевая покупка.
Литография А. И. Лебедева. 1877.

1862

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ ¹

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: всё зелено,
И воздух и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйшкa
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Тыпун ей на язык!

В избе сам друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ночью
Покоя не найдешь.

В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Прпас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в дугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

¹ Так народ называет пробуждение природы весной. *Примечание Некрасова.*

Литература, с трескучими фразами,
 Полная духа античеловечного,
 Администрация наша с указами
 О забирании всякого встречного, —
 Дайте вздохнуть!..
 Я простился с столицами,
 Мирно живу средь полей,
 Но и крестьяне с унылыми лицами
 Не услаждают очей;
 Их нищета, их терпенье безмерное
 Только досаду родит...
 Что же ты любишь, дитя маловерное,
 Где же твой идол стоит?..

Надрывается сердце от муки,
 Плохо верится в силу добра,
 Внемя в мире даящие звуки
 Барабанов, цепей, топора.
 Но люблю я, весна золотая,
 Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
 Ты ликуешь, на миг не смокая,
 Как дитя, без заботы и дум.
 В обаянии счастья и славы,
 Чувству жизни ты вся предана, —
 Что-то шепчут зеленые травы,
 Говорливо струится волна;
 В стаде весело ржет жеребенок,
 Бык с землей вырывает траву,
 А в лесу белокурый ребенок —
 Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
 По холмам, по лесам, над долиной

Птицы севера вьются, кричат,
 Разом слышны — напев соловьиный
 И нестройные пискливы галчат,
 Грохот тройки, скрипенье подводы,
 Крик лягушек, жужжание ос,
 Треск кобылок, — в просторе свободы
 Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума много...
 Оглушенный, подавленный им,
 Мать-природа! иду к тебе снова
 Со всегдашним желаньем моим —
 Заглуши эту музыку злобы!
 Чтоб душа ощутила покой
 И прозревшее око могло бы
 Насладиться твоей красотой.

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой деревней
 Сон непробудный дарит,
 Только старуху столетнюю, древнюю
 Не посетил он. — Не спит,

Мечется по печи, охает, мается,
 Ждет — не поют петухи!
 Вся-то ей долгая жизнь представляется,
 Всё-то грехи да грехи!

«Охти-мне! часто владыку небесного
Я искушала грехом:
Путко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рошу... Вот то-то! мы смолodu дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару личек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилася —
Мужа в побывку ждала...
С Федей солдатиком чуть не слюблася...
С мужем под праздник спала.

Охти-мне... ох! угрожу в преисподнюю!
Раз, как забрил сына,
Я возроптала на благодать господнюю,
В пост испила молока, —

То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна...
Божья мать! Святая заступница!
Еся-то грешна я, грешна!..»

1863

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадающая мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колышется,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косую тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосиньки,
Баба туда — растрепались косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницей,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпичкой,
Каплет он — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

КУМУШКИ

Тёмен вернулся с кладбища Трофим;
Малые детки вернулись с ним,

Сын да девочка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребяташки

Ревма-ревел; а тятка молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбнулись детки беспечные,

Жжжж-жп! запустили кубарь у ворот...
Кто ни проходит — жалеет сирот:

«Нет у вас матушки!» молвила Марьюшка,
«Нету родимой!» прибавила Дарьюшка —

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Машки блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!»
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?»
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» сказала Протасьевна,
«Уж не воротишь», прибавила Власьевна:

«Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку похоронил.

То-то, чай, холодно, страшно
в могилушке?
Ну же не плачьте! родные вы,
милушки!..»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал утешать как умел, а соседочки
Ну помогать ему: «Полноте, детушки!

Что уж тут плакать? Пора привыкать
К доле сиротской; забудьте вы мать:

Слези церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,

Червь подземельный!..» Трофим поскорей
На руки взял — да в избёнку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятка не спал,

У самого расходились думушки...
Ну, удружили досужие кумушки!

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божьей,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаясь
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!..

ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело:
Кочи, ухабны, ели бессеменные!
Каждое дерево ветви повесило,

Каркает ворон над белой равниною,
Нипчий в деревне за дровами цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.

Ой! надоела ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бедность крестьянская!
То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка

дворянская?..

Даже церквей здесь почти не имеется.
Вот, наконец, впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится, — сгорело селение!
Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
Освобожденную Русь православную
Столб уделел — и на нем сохраняются
Строки: «Деревня помещика Вечева».

С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают, видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения?..)
Да на обломках стены штукатуренной
Крайнего дома — должно быть,

дворянского —

Видны портреты: Кутузов нахмуренный,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ёжятся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копошатся...

I

«Благодарение господу богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— Думаю, братец, про эту дорогу.
«То-то давненько молчишь».

Что же ты думаешь?» — Долго
рассказывать.
Только тронулись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени!
«Полно — тут пыль, а не кровь...»

II

«Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да ревма-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука.
«Песня про эту дорогу уж спета,
Да что в ней проку?.. Тоска!»

— Знаю, народ *проторенной цепями*
Эту дорогу зовет.
«Верно! увидишь своими глазами,
Русская песня не врет!»

III

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ящик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел:

Подле лица молодого, прекрасного
С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

Орина, мать солдатская.

Рисунок М. Кассира.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-деньской моя печальница,
В ночь — почная богомолница,
Векова моя сухотница...

Из народной песни.

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодного,
Слава богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручпнушка?
Молви, — может, и размыкаю. —
И поведала Орипушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Орипушка,
Не пасмотрится па Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
 Да ошибся — не поправился,
 Девять дней хворал Иванушка,
 На десятый день преставился...

Замолчала — не прибавила
 Ни словечка, бесталанная.
 — Да с чего же привязалась
 К парню хворость окальная?

Хилый, что ли, был с рождения?.. —
 Встрепенулась Оринушка:
 «Богатырского сложения,
 Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
 Генерал на парня этого,
 Как в рекрутское присутствие
 Привели его раздетого...

На пзбенку эти бревнышки
 Он один таскал сосновые...
 И впися у Иванушки
 Русы кудри как шелковые...

И опять молчит несчастная...
 — Не молчи — развей кручинушку!
 Что сгубило сына милого, —
 Чай, спросила ты детинушку? —

«Не люби, сударь, рассказывать
 Он про жизнь свою военную,
 Грех мирянам-то показывать
 Душу, богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
 Окальных бесов радовать...
 Чтоб не молвить слова лишнего,
 На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
 Подобаает христианину.
 Знает бог, какие тягости
 Сокрушили сплу Ванну!

Я узнать не добивалась.
 Никого не осуждаючи,
 Он одни слова утешные
 Говорил мне, умиряючи.

Тихо по двору похаживал
 Да постукивал топориком,
 Избу ветхую облаживал,
 Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
 Не сбылся его желания:
 Слёг — и встал на ноги резвые
 Только за день до скончания!

Поглядеть на солиде красное
 Пожелал, — пошла я с Ванею:
 Попрошайся со скотинкою,
 Попрошайся с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался,
 — Ты прости, прости, полянушка!
 Я косил тебя во младости! —
 И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
 Подхватил, что было голосу
 — «Не белы снежки», закашлялся,
 Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
 Не держалась головушка!
 С час домой мы возвращались...
 Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
 Было: память потерялась,
 Всё ему перед кончиною
 Служба эта представлялась.

Ходил, чистил амуницию,
 Набелл ремни солдатские,
 Языком играл сплалки,
 Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкладывал
 Так, что весь домик вздрагивал;
 Как журавль стоял на поженьке
 На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
 Повалился — плачет, кается,
 Крикнул: «Ваше благородие!
 Ваше!»... Вижу — задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
 Лег на лавку. Я молилася:

Орина, мать солдатская.

Литография А. И. Лебедева. 1877 года. запрещенная царской цензурой.

Не пошлет ли бог спасение?...
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предпиконная!..»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

МОРОЗ КРАСНЫЙ НОС

Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне.

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дни
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что бывало дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалось сердце с печалью
И на чью они грудь упали свинцом
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, — я устал...
Пусть я не был бойцом без упрёка,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,

Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту пву, что мать посадила,
Эту пву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...
.....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

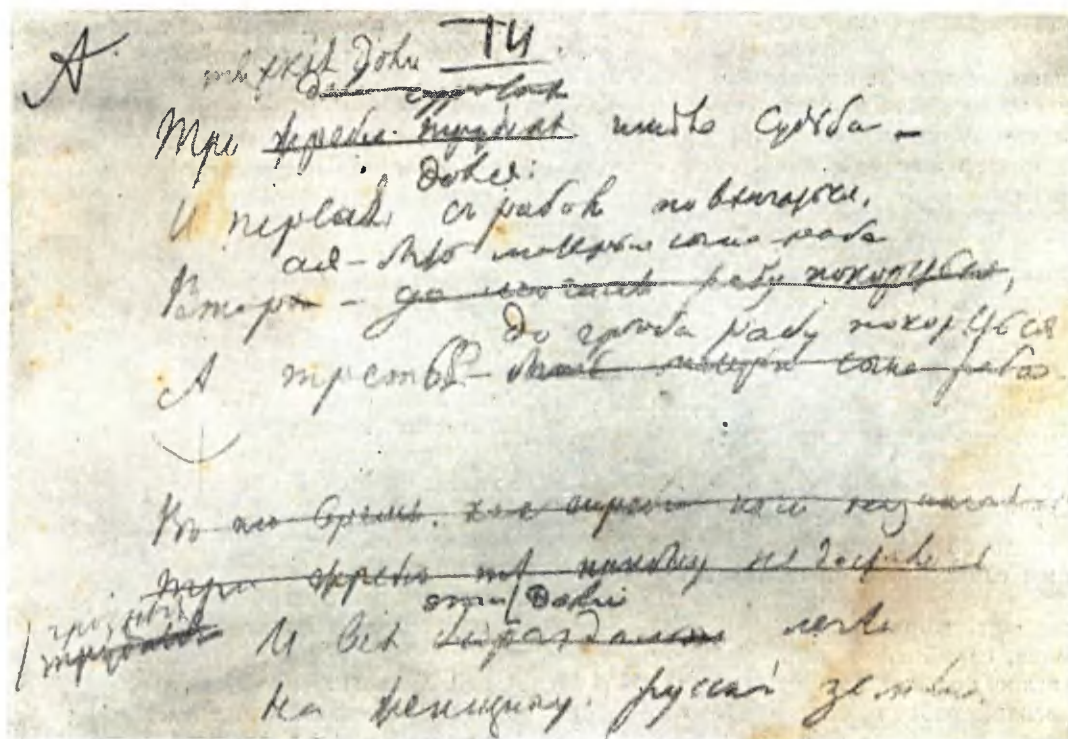
СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

I

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей

Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.

Автограф Некрасова — «Три тяжкие доли...» (Мороз Красный нос).

Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит.

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глухие дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иглой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Не громко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,

Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — всё к счастью стремилось,
Всё в мире по несколько раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измечтал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не ввергла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

IV

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движениях,
С походкой, со взглядом дариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на-диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова конна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнёк изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой

За деньги не купишь. — «Утеха!»
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет:
Копя на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда ласы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде.

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

V

И ты красотою дивила,
Была и ловка и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой

Мороз Красный нос.
Рисунок А. Ф. Пахомова, 1937.

Слезамп невольно ты мочишь,
Спивая проворной пглой.

Слеза за слезой упадет
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно ронлет
Созревшие зерна свои...

VI

В селе, за четыре версты,
У дерквп, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старпк выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солпде пграло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ п лом,

Вся в пнее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвпжно стопт, размышляя,
Старпк на высоком бугре.

Решлся. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился п начал
Лопатою снег разгребать.

Иные прпемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестамп ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прплежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась;
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могилла на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!»
(У старого вырвалось слово)
«Не Проклу бы в ней почпвать,

Не Проклу!...» Старпк оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старпк его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солпда, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затпшье, снежок, полумгла...

VII

В овраге, у речки Желтухи,
Старпк свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «ничего».
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А блпзко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старпнный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенский
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздохнул п сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла череда!»

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван шпивала —
Всем разом работу вам дал!...

Опять помычал — п без дела
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

*Мороз Красный нос.
Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937.*

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свел почевать
Зазябнувших Машу и Грину
И стал сына обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Успул, потрудившийся в поте!
Успул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщевой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями рук,
Подъявшие много труда,
Красное, чуждое мук
Лпо—и до рук борода...

IX

Пока мертведа обряжали,
Не выдал словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки.

Но вот уже кончено дело,
Нет пужды бороться с тоской,
И что на душе пакнело,
Из уст полилось рекой.

Не ветер гудит по ковылю,
Не свадебный поезд гремит,—
Родные по Прокле завыву,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш спокрывший!
Куда ты от нас улета?
Пригожеством, ростом и сплюй
Ты ровни в селе не пмел,

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырсю землей—

Одумал—а нам оставаться
Велел во мпру, спротах,
Не свежей водой умываться,
Слезам горючими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины—
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалешь ты, бедной,
Детей не жалешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, пенаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили—
Покушай, желанный, родной!

А сами напротив бы стали—
Кормилец, падежа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...

X

На эти рыдания и стоны
Соседи валли гурибой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные—
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручины
Собой овладеть не давал:
Подлажившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Похороны крестьянина.

Картина В. Г. Перова. 1865.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему пз-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

XI

Сурово метельца выла
И снегом кидала в окно,
Несвесло солнце встало:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяйну много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополе
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приvole,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело пзрядно держал.

Когда же работы кончались,
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Не мало и тут доставалось—
Возня ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.

Слыхал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой,
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху—
Зима доконала его!..

XII

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился—
Нет голоса, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеск созвали—
И полт, и шепчут, и трут—
Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в прорубь,
Под курпчий клал насест...
Всему покорялся, как голубь,—
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Холещик сергаческий Федя,
Случившийся тут, предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:

Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в десяти от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой—
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный.
Увидел жену, простонал

И умер...

XIII

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают—иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей соседей, соседок
Плелась не густая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь не завидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет»,
Согласно решили они...

XIV

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Мороз Красный нос.
Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «мир тебе, Прокл Севастьяныч!»
Сказал: «благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки,
Уж как тебя бог выручал,
Платил господину оброк
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вот опа, жизнь человечья!»
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалился... не минуть и нам!..
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина боролатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землю лопатой
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» народ говорил.

XV

А Дарья домой воротилась—
Пробраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится нечь затопить,

Ан глядь—ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова,
И тотчас на том же савраске
Поехала в лес, по дрова...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРОЗ КРАСНЫЙ НОС

XVI

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес вперед,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.
Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный загнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце
скребет.

Кругом—поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнился очь,—
Должно быть, их солнце слепит...

XVII

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.

Чем далее—деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пены,
Глухой, сокрушительный вой!

Осплило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,

Навекп сокрыто осталось
В лесной нелюдпмой глушп.

Велпкое горе вдовпцы
И матерп малых спрот
Подслушали вольные птпцы,
Но выдать не смели в народ...

XVIII

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова,—
Наплакавшись, колет п рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровпн бросает—
Наполнить бы пх поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с реснпцы сорвется
И на снег с размаху падет—
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, — п, смотришь, она
Жемчужпной крупной застынет —
Бела п круга п плотна.

А та на глазу поблпстает,
Стрелой по щекe побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья снешит,

Знай рубит, — не чувствует стужп,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

XIX

.....
.....

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать,
Кверху бросать,

Маковкой звать,
Мак отряхать!¹

Вся раскраснеется наша
Маковым цветпком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить п смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

XX

«Умер, не дожпл ты веку,
Умер п в землю зарыт!

Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы.

Рано я, горькая, встала,
Дома не сла, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу кленала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Вып, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?...
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

¹ Известная народная игра, называемая: *сеять мак*. *Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а то еще *маком* бывает простоватый детина, которому при подкидывании достается не мало колотушек.

Примечание Некрасова.

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить...

XXI

«Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продли тебе веку, —
Хочешь — не хочешь, одна поспевай!..»

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи словно из печи
Тоже теплом обдаёт,
Спиннушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожднай поскорее,
Видишь — зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

XXII

«Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днём.
В поле заснула одна я
После полудня с серпом,
Вижу — меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушался ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец плет да приляжет,

Свекор плетется шагком.
Все прибрегли, прибежали.
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я клекать его:
«Видишь, меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?...»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?...
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,
Руки, лица шекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопки крепко вязать,
В снопки слезы ронять!

Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господе нужны,
Чем ему дороги вы?..

XXIII

«Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Мороз Красный нос.
Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Гришке,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стали на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..¹

XXIV

«Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овду унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка,
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что, ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

Нет! не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

XXV

«Я ль не молила царя небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по иконе чудесную
Я не сробела — пошла.

Ветер шумит, наметает сугробы,
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цени да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

Заяц прыгнул из-под кочи,
Запныка, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней, —

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завывала,
Заголосила в лесу,

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, —

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

¹ Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства. *Примечание Некрасова.*

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,

Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальный,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чуждальная,
Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рывтине крестится,
К возу на горочке сам припрыгается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

XXVI

«Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспомнила —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Сплюсь птицу, а найду!
Думала я, что сдвиг ли
Прокля в живых я найду...»

Нет! не попустит дарпда небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенялась крестом
И побежала бегом...

Спла-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилась зёмным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

«Долго меня продержали —
Схимниду сестры в тот день погребали.

Утренняя шла,
Тихо по церкви ходили монашینی,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Почеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлянка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются чётки,
Писанный венчик на лбу.
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кратки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталась я
Горькой вдовой с спротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

XXVIII

«Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложились к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!

.....
.....
Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

XXIX

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стол,
Топор машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стога, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы запесали,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею.
Чу, ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над ней,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам пальцей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

XXXI

«Вглядись, молодец, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше впасть привелось?»

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы из льда.

Задумаю — реки больше
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построят народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в пней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеня на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мела всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царцею в нем!
Попарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»

И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

«Тепло ли тебе, молодница?»
С высокой сосны ей кричит.
— Тепло! — отвечает вдовца,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло ли?...» — Тепло, золотой! —

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дышащем веет
И плечи колючие ссеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» промолвив опять,
И в Проклушку вдруг обратился
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что мпый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам.

Улыбка у горькой вдовцы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные плы в бровях...

XXXIII

В сверкающий пней одета
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето:
Не вся еще рожь свезена,

Но ската, — полегче им стало!
Возли снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у рек.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же Гришуха? —
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», сказала старуха.
— Гришуха! — отец закричал,

На небо взглянул. — Чай, не рано?
Испить бы... — Хозяйка встает
И Проклу пз белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

— Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава! —
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскалпивши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

XXXIV

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятка, с собой! —
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
Девчонок не надобно мне,

Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!... Жена застыдилась:
— Довольно с тебя одного!
(А знала, под сердцем уж блось
Дитя)... «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадила.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покати.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица, —

Душой улета за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольного счастья предел.

В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
Забвенью крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый пней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

Мороз Красный нос.
Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937.

1864

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Н. А. Добролюбов.
Фотография 1840-х годов.

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мпрекне наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час,
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благолатно...

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей с полосы возвращается, —

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Правит мужик свою пужду домашнюю

Да и семя запасает порядочно —
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается, —

Стало хозяйство тогда поправляться:
Стало земли от семян оставаться!

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(Посвящается детям)

Ваня (в кучерском армячке).

Папа

поклонился.

Граф Петр Андреевич Клейнмихель,
душенька!

Разговор в вагоне.

I

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —

Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...

Железная дорога.

Рисунок И. Виньмана, 1902.

Железная дорога.

Рисунок И. Винцмана, 1902.

— «Вот они — нашей дороги строители!...»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал! —
«Я говорю не для вас, а для Ванн...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англо-сакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,

Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался..
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в конейку прогульные лип!

Железная дорога.

Рисунок И. Виницмана. 1902.

Всё заносили десятичники в кипжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнул рукой!..

В спнем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присаженный, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздничный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..»

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставляю
И — недоимку дарю!..»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятички бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком ура! по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
 Неласков был мне родины привет;
 Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
 Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
 Вся под дождем рыдала без конца,
 И черных птиц за мной летела стая,
 Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и болью,
 Напрасно гнал я грозные мечты,
 Меж тем как лес с какой-то неприязнью
 В меня бросал холодные листья,

И ветер мне гудел неумолчно:
 Зачем ты здесь, пзнеженный поэт?
 Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
 Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
 Знакомая, она была горькая,
 Звучало в ней бессильное томленье,
 Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
 О чем давно я позабыл мечтать,
 И проклял я то сердце, что смутилось
 Перед борьбой — и отступило вспять!..

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Опять она, родная сторона,
 С ее зеленым, благодатным летом,
 И вновь душа поэзией полна...
 Да, только здесь могу я быть поэтом:

(На Западе — не вызвал я ничем
 Красивых строк, пластических и сильных,
 В Германии я был, как рыба, нем,
 В Италии — писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной
 Санктпетербург, — как он ни поэтичен,
 Но в нем я постоянно сам не свой —
 Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,
 Зверей и птиц угрюмые чертоги,
 И меж деревьев, нависнувших шатром,
 Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,
 Чем пахнут вообще дороги наши —

То запах дегтя с сеном пополам.
 Не знаю, каково на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он.
 Он мысль мою свежит и направляет:
 Куда б мечтой я ни был увлечен,
 Он вмиг ее к народу возвращает...

Чу! воз скрипит! Плетутся два вола,
 Снопы пред нами в зелени ныряют,
 Подобие зеленого стола,
 На коем груды золота мелькают.

(Друзья мои картежники! для вас
 Придумано сравнение на досуге...)
 Но мы догнали воз — и порвалась
 Нить вольных мыслей. Вздрогнула я
 в испуге:

Почудились на этом мне возу,
 Спящие рядком, как на картине,
 Столичный франт со стеклышком в глазу
 И барыня в широком кринолине!..

1865

О ПОГОДЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

— Государь мой! куда вы бежите?
 «В канцелярию; что за вопрос?
 Я не знаю вас!» — Трите же, трите
 Поскорей, бога ради, ваш нос!
 Побелел! — «А! весьма благодарен!»
 — Ну, а мой-то? «Да ваш лучезарен!»
 — То-то! принял я меры... «Чего-с?»
 — Ничего. Пейте водку в морозы —
 Сбережете наверно ваш нос,
 На щеках же появятся розы!

Усмехнувшись, они разошлись,
 И за каждым пловозчик помчался.
 Бедный Ванька! надеждой не льстись,
 Чтоб сегодня седок отыскался:
 Двадцать градусов, ветер притом —
 Бескаретные ходят пешком.

Разыгрались силы господни!
 На пространстве пяти саженей
 Насчитаешь наверно до сотни
 Отмороженных щек и ушей.
 Двадцать градусов! щеки и уши
 Не беда, — как-нибудь ототрем!
 Целиком христианские души
 Часто гибнут теперь; подождем —
 Часовой ли замерзнет, бедняга,
 Или Ванька, уснувший в санях,
 Всё прочтем, коли стерпит бумага,
 Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
 Обличает проделки мороза;
 Кучера его громко клянут,
 У подвездов господ поджидая,
 Бедняки ему песню поют,
 Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
 Полутемных, зловонных, дымящихся,
 Уходи от голодных, больных,

Озабоченных, вечно трудящихся,
 Уходи, уходи, уходи!
 Петербургскую голь пощадн!»

Но мороз не щадит, — прибавляется,
 Приручила столица; один
 Самоед на Неве удивляется:
 От каких чрезвычайных причин
 На оленях никто не катается?
 Там, где строй заготовленных льдин
 Возвышается снежу клеткою,
 Ходит он со своей самоедкой,
 Песни родины дальней поет,
 Ссолока-благотетеля ждет...

Самоедские первые и кости
 Стерпят всякую службу, но вам,
 Голосистые южные гости,
 Хорошо ли у нас по зимам?
 Вспомним — Бозпо. Чванный Петрополь
 Не жалел ничего для нее.
 Но напрасно ты кутала в соболь
 Соловьиное горло свое,
 Дочь Италии! С русским морозом
 Трудно лапоть полуденным розам.

Перед сплыв его роковой
 Ты попила челом идеальным,
 И лежишь ты в отчизне чужой
 На кладбище пустом и печальном.
 Позабыл тебя чуждый народ
 В тот же день, как земле тебя сдали,
 И давно там другая поет,
 Где цветам тебя осыпали.
 Там светло, там гудит контрабас,
 Там попрежнему громки лтавры.
 Да! на севере грустном у нас
 Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
 Воспаленья — плут чередом,
 Мрут, как мухи, извозчики, прачки,
 Мерзнут дети на ложе своем.
 Ни в одной петербургской больнице
 Нет кровати за сотню рублей.
 Появился убийца в столице,
 Бич довольных и сытых людей.

Петербургская зима. (К стихотворению «О погоде».)

Рисунок К. Трутовского.

С бедняками, с сословием грубым
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостинным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон-Штубе,
Десятипудовой генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул пас! — и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье; обжоры
Поклялись не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый
Кто по Невскому быстро бежит?

И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
И наутро разносится слух,
Слух ужасный — о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известия из Вильно,
Никакие статьи из Москвы¹
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,

¹ Писано в разгаре деятельности М. Н. Муравьева и М. Н. Каткова. *Примечание Некрасова.*

Из хороших казенных квартир
 Вдруг, без всяких причин благовидных,
 Удаляться в неведомый мир!
 Впрочем, если уж смерть неизбежна,
 Так зимой умирать хорошо:
 Для супруги, нас любящей нежно,
 Сохранимся мы чисто, свежо
 До последней минуты лобзания,
 И друзьям нашим будет легко
 Подойти к нам в минуту прощания;
 Понесут они гроб далеко.
 Похоронная музыка чище
 И звончей на морозе слышна;
 Вместо грязи, покрыто кладбище
 Белым снегом; сурово-пышна
 Обстановка; гроб бросят не в лужу,
 Червь не скоро в него заползет,
 Сам покойник в жестокую стужу
 Дольше важный свой вид сбережет.
 И притом, если друг неутешный
 Нас живьем схоронить поспешит,
 Мы избавимся муки крошечной:
 Дело смерти мороз довершит.

Умрай же, богач, в стужу сильную!
 Бедняки пускай осенью мрут,
 Потому что за яму могильную
 Вдвое больше в морозы берут.

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместиях дальних,
 Где, как черные змеи, летят
 Клубы дыма из труб колоссальных,
 Где сплошными огнями горят
 Красных фабрик громадные стены,
 Окаймляя столпцу кругом, —
 Начинаются мрачные сдены.
 Но в предместия мы не пойдем.
 Нам зимою припавшей столпца
 Там, где ярко горят фонари,
 Где гуляют довольные лица,
 Где катаются самп царя.

Надышавшись классической пылью
 В Петербурге, паспорт мы берем
 И чихать уезжаем в Севилью.
 Но кто летом толкается в нем,
 Тот ему одного пожелает —
 Чистоты, чистоты, чистоты!
 Грязны улицы, лавки, мосты,

Каждый дом золотухой страдает;
 Штукатурка валится — и бьет
 Тротуаром плутиный народ,
 А для едущих есть мостовая,
 Не щадящая бедных боков;
 Летом взроют ее, починяя,
 Да наставят зловонных костров:
 Как дорогой бросаются в очи
 На зеленом лугу светляки,
 Ты заметишь в туманные ночи
 На вершине костров огоньки —
 Берегись!.. В дополнение, с мая
 Не весьма-то чиста и всегда,
 От природы отстать не желая,
 Зацветает в каналах вода...

(Наша муза парит не высоко,
 Но мы пишем не легкий сонет,
 Наше дело исчерпать глубоко
 Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
 Не случилось нам заглянуть,
 Милый город, где трудной борьбою
 Надорвали мы смолоду грудь!
 Но того мы еще не забыли,
 Что в поле пропитан ты весь
 Смесью водки, конюшни и пыли —
 Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
 Роскошь! Улицы, зданья, мосты
 При волшебном сиянии газа
 Получают печать красоты.
 Как проворно по хрупкому снегу
 Мчится тысячный, кровавый рысак!
 Даже клочки извозничьи бегу
 Прибавляют теперь. Каждый шаг,
 Каждый звук так отчетливо слышен,
 Всё свежо, всё эффектно: зимой,
 Слово весь посеребренный, пышен
 Петербург самобытной красой!
 По каналам, что летом зловонны,
 Блещет лед, оживая коньков,
 Серебром отливают колонны,
 Орнаменты ворот и мостов;
 В серебре лошадиные гривы,
 Шапки, бороны, брови людей,
 И как бабочек крылья красные
 Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
 Месяц с ясного неба глядит
 На Неву, что гробницей громадной

В берегах освещенных лежит,
И на шипль, за угрюмой Невой,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплн.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди — шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
«Не хотите ли с нами кататься?»
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили, — летят!
Полумертвые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
— Ваше имя? «Матильда». — А ваше?
«Александра». К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
— Вы модистка? «Да, шью в магазин».
— Эй! пошел хорошенько, Тараска! —
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злится, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Конь, фыркая, вихрем летел,
Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
«Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко... мудро ли
Простудиться?» — Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! живо, дружище! —
Снова скачут! Мотпы вокруг,
Монументы... «Да это кладбище»,
Шепчет Саша Матильде — и вдруг
Сани набок! Упали девичьи...
Повернули назад господу,
И умчали их кони, как птицы.
Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, дикие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделась: безлюдно и тихо,
Звезды с ясного неба глядят...

«Мы сегодня потешились лихо!»
Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады.
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялись писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»
— Но озябли мы, друг наш угрюмый!
Пошади — нам погреться пора!
«Вот вам случай — взгляните: над Думой
Показались два красных шара,
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц — и погреемся даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался
И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой — не поспешь считать!
Мчатся вихрем красные тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Коня сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах,
Вверх ногам на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?
Вдруг еще появился сигнал,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
«Не у нас ли горит?» помышляя:
«Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанные — на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

ГАЗЕТНАЯ

... Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть что-нибудь мудрено.
Миновав этот омут крошечный,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечей;
Стол с газетами, с книгами шкап.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп,
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеда, и притом
Прав доньне старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И доньне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.
Что же так?.. Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.
«Русский слог исправляется явно!»
Замечают тузы меж собой.
Не без гордости русская пресса
Именуется себя иногда
Путеводной звездой прогресса,
И недаром она так горда:
Говорят — о Гомер и Овидий! —
До того расходилась печать,
Что явилась потребность субсидий.
Эк хватила куда! исполать!
Таксы нет на гражданские слезы,
Но и так они льются рекой.
Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеха во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
С грабежом и убийством мешал;
Тот прославился другом народа
И мечтает, что пользу принес,
Кто на тему *вино и свобода*
На народ напечатал донос.
Нам Катков предостит вепляном,
Мы Тургенева кушать зовем...
Почему же французским романам
Предпочтение мы отдаем?
Не избыток хорошего тона,
Не картин соблазнительных ряд,

Нас отсутствие «мрака и стона»
К ним влечет... Мудрецы говорят:
«Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему,
Коли нам так писалось и пишется,
Значит — есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутая, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Как бы ни было, в комнате этой
Праздно кippы журналов лежат,
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальней,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная «вральней»,
Есть там мрачная зала одна —
Если ты не московского мнения,
Не входи туда — будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один «Инвалид»;
В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом.
Да порой наш журнальный собрат
Дерзновенную штуку отколет,
Тронет личность, известную нам,
О! тогда целый клуб соизволит
Прикоснуться к презренным листам.
Шопот, говор. Приводится в ясность —
Кто затронут, метка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивал я
Здесь такие суждения и споры...
Поневоле поникнешь лицом
И потупишь смущенные взоры...

Не в суждениях дело, а в том,
Что судила такая особа...
Впрочем, я ей обязан до гроба!

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скончания века.
В мановении брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!
Согласившись, почтителен, тих,
Постоишь, удалившись украдкой
И начнешь сатирический стих
В комплимент перелаживать сладкий...

Да! Но, все-таки, грустен напев
Наших песен, нельзя не сознаться.
Переделать его не сумею,
Мы решились при нем оставаться.
Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

С давних пор только два человека
Постоянно в газетной спят:
Одному уж три четверти века,
Но он крепок и спит на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старости пишет рассказы,
Чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: «В аптеку,
Чтоб спасти бедняка-мужика,
Посылал ты — нелепое барство!
Впредь расходов таких не помнить!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плеть...»
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты
Тоже ходит таинственный слух:
У супруги его бриллианты
Родовые пропали — двух слуг
Присудили тогда и сослал;
А потом — раз старик оплошал —
У него эти камни выпали:
Сам же он у жены их украл!
Ненавидят его, но для воста
Он всегда партнеров найдет:
«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
Наша логика дальше нейдет...

А другой? Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий спит человек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движениям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу.
В иные годы служил он в цензуре
И доныне привычку сберег
Всё, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «шалить!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... «А позвольте узнать»
(Он болтун — говорите с ним смело),
«Что изволили вы отыскать?»

— Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительно статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколеев
И Гизота в печать провели,
Кровоопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К украшению империи смеют
Прикасаться нечистой рукой!
Будет время — пожнут, что посеют! —
(Старец грозно качнул головой).
— А свобода, а земство, а гласность! —
(Крикнул он и очки уронил) —
Вот где бедствие! вот где опасность
Государству... Не так я служил!

О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках,
Председатель отставку мне дал,
На начальство роптать не дерзаю
(Не умею — и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не горжусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,

И, вскочив, я черкал и черкал!
 К сочинению ключ понемногу,
 К тайной цели его — подберешь,
 Сходишь в церковь, помолитесь богу,
 И опять троекратно прочтешь:
 Взвешен, пойман на каждом словечке,
 Сочинитель дрожал предо мной,
 Повертится, как муха на свечке,
 И уйдет тихомолком домой.
 Рад радехонец, если тетрадку
 Я, похерив, ему возвращу,
 А то, если б пустить по порядку...
 Но всего говорить не хочу!
 Занимался семь лет этим дельцем,
 Не напрасно я брал свой оклад —
 'Тут сравнил он себя с земледельцем,
 Рвушим сорные травы из гряд). —
 Например, Вальтер Скотт или Купер —
 Их на веру пной пропускал,
 Но и в них открывал я *канюпер!* —
 (Так он вредную мысль называл). —

Но зато, если дельны и строги
 Мысли — кто их в печать проводил?
 Я вам мысль, что «большие налоги
 Любит русский народ», пропустил,
 Я статью отстоял в комитете,
 Что реформы раненко вводить,
 Что крестьяне — опасные дети,
 Что их грамоте рано учить!
 Кто, чтоб нам микроскопы купили,
 С представлением к министру вошел?
 А то раз цензора пропустил,
 Вместо северный, скверный орел!
 Только буква... Шутите вы буквой!
 Автор прав, чего цензор смотрел? —

Освежившись холодною клюквой,
 Он прибавил: — А что я терпел!
 Не один оскорбленный писатель
 Письма бранные мне посылал
 И грозился... (да шутишь, приятель!
 Меры я надлежащие брал).
 Мне мерещились авторов тени,
 Третьей ночью еще Фейербах
 Мне приснился — был рот его в пене,
 Он держал свою шляпу в зубах,
 А в руке суковатую палку...
 Мне одна романистка чуть-чуть
 В маскарade... но бабу-нахапку
 Удержали... да, труден наш путь!

Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
 Совесть цензора знать не должна,
 Долг, во-первых, — обязанность службы!
 Во-вторых, сударь, дети, жена!
 И притом я себя так прославил,
 Что свихнись я — другой бы навряд
 Место новое мне предоставил:
 Зависть общий порок, говорят! —

Тут взглянул мне в лицо старичина:
 Ужас, что ли, на нем он прочел,
 Я не знаю, какая причина,
 Только речь он помягче повел:
 — Так храня целомудрие прессы,
 Не всегда был, однако, я строг.
 Если б знали вы, как интересы
 Я писателей бедных берег!
 Да! меня не коснутся упреки,
 Что я платы за труд их лишил.
 Оставлял я страницы и строки,
 Только вредную мысль псключал.
 Если ты написал: «равнодушно
 Губернатора встретил народ»,
 Исключу я три буквы: «ра — душно»
 Выйдет... что же? три буквы не счет!
 Если скажешь: «в дворянских имениях
 Нищета ежегодно растет», —
 «Речь идет о сардинских владениях»,
 Поясню, — и статейка пройдет!
 Точно так: если страстную Лизу
 Соблазнит русокудрый Иван,
 Переносится действие в Пизу —
 И спасен многотомный роман!
 Незаметные эти поправки
 Так изменят и мысли и слог,
 Что потом не подточнись булавки!
 Да, я авторов много берег!
 Сам я в бедности тяжелой родился,
 Сам имею детей, я не зверь!
 Дети! дети! — (старик омрачился). —
 Воздух, что ли, такой уж теперь —
 Утешения в собственном сыне
 Не имею... Кто б мог ожидать?
 Никакого почтения к святыне!
 Спорю, спорю! не раз и ругать
 Принимался, а втайне-то плачешь.
 Я однажды ему пригрозил:
 «Что ты бесишься? что ты чудачишь?
 В нигилисты ты, что ли, вступишь?»
 — Нигилист — это глупое слово, —
 Говорит, — но когда ты под ним
 Разумел человека прямого,
 Кто не любит жить чужим,

Кто работает, истины ищет,
 Не без пользы старается жить,
 Прямо в нос негодя освещет,
 А при случае рад и побить, —
 Так, пожалуй, — зови нигилистом,
 Отчего и не так! — Каково?
 Что прикажете с этим артистом?
 Я в студенты хотел бы его,
 Чтобы чины получил... но едва ли...
 — Что чины? — говорит, — срунда!
 Там таких дураков насажали,
 Что их слушать не стоит труда,
 Там я даром убью только время. —
 И прибавил еще сгоряча
 (Каково современное племя?):
 — Там мне скажут: ты сын палача! —
 Тут невольно я голос возвысил,
 «Стой, глупец!» — я ему закричал: —
 «Я на службе себя не унижил,
 Добросовестно долг исполнял!»
 — Добросовестность — милое слово, —
 Возразил он, — но с нею подчас...

«Что, мой друг? говори — это ново!»
 Спальный спор завязался у нас;
 Всю неленость свою понемногу
 Обнаружил он ясно тогда;
 Между прочим, сказал: «Слава богу,
 Что чиновник у нас не всегда
 Добросовестен...» Вот как!.. За что же
 Возрождается в сыне моем,
 Что всю жизнь пестреблял я?..
 о боже!.. —

Старец скорбно поникнул челом.

«Хорошо ли, служба, корректуры
 Вы скрывали от ваших детей? —
 Я с участием сказал: — Без цензуры
 Начитался он, видно, статей?»
 — И! как можно!.. —
 Тут нас перервали.

Старец снова газету берет...

.....

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

I

РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,
 Мертвых везут на погост...
 Еду кой с кем повидаться
 Чрез Николаевский мост.

Пот отирая обильный
 С голого лба, стороной —
 Вижу — плетется рассылный,
 Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, Минаем,
 Я уж лет тридцать знаком:
 Оба мы хлеб добываем
 Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
 Вырши в редакцию свез, —
 Первую эту страницу
 Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
 Если пошире глядеть:
 Век свой мы лезли из кожи,
 Чтобы в цензуру посидеть;

Цензор в спокойствии нашем
 Равную ролю играл, —
 Раньше бывало мы ляжем,
 Если статью подписал;

Если ж сказал: «запрещаю!» —
 Вновь я садился писать,
 Вновь приходилось Минаю
 Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
 Сходны в итоге вполне:
 Ногб ему подкосили,
 Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дороже,
 Время уж скоро решит, —
 Впрочем, я вдвое моложе.
 Он уж не прочен на вид,

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож...
— Эй! на Васильевский остров
К цензору, что ли, идешь?

— «Баста ходить по цензуре!
Осдобонилась печать,
Авторы наши в натуре
Стали статейки пушать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повыспились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше изнаосится в год!..»

И НАБОРЩИКИ

Чей это гимн суровый
Доносит к нам зефир?
То армии свиндовой
Смиренный командир —

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Меж тем как набирает
Проворная рука:

— Рабочему порядок
В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенька в стане,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране, —
Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки;
Отечески марает —
Словечко, полстроки!

Но не достало силы,
Вдруг руки разошлись,
И красные чернила
Потоком полились.

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмый и сердитый
Редактор этот сброд,
Как армии разбитой
Остатки, подберет;

На ниточку нанижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
«Исправив, вновь послать».

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
Лежат одна к одной.
Потерян ключ к загадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайный
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Недурен оборот?
Случается нередко
У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Не всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы —

*Н. А. Некрасов в 1860-х годах.
Литография П. Бареля.*

Полезные идеи
Усваиваем мы...)

Уж в новой корректуре
Статья невелика,
Глядишь — опять в цензуре
Посглядят ей бока.

Вот, наконец, и свёрстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее напёрстка
Являешься в печать!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает,
Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай, —
Три четверти копейки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время наверстать,
Мы слепнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
Войдите-ка в полночь
В наборную газеты —
Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыщешь,
И в самых рудниках
Тошней труда не сыщешь —
Мы вечно на ногах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.
И лишний рубль не сладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
Негаданно пришла,

Не так уж бестолково,
Авось, пойдут дела!

Хор

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!..

III

ПОЭТ

Друзья, возрадуйтесь! — простор!
(Давай скорей бутылку!)
Теперь бы петь... Но стал я хвор!
А прежде был я пылок.
И был подвижен я, как чели
(Зачем на пробке плесень?..)
И как у моря звучных волн
У лиры было песен.
Но жизнь была так коротка
Для песен этой лиры, —
От типографского станка
До цензурской квартиры!

IV

ЛИТЕРАТОРЫ

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!»
Заметил весело один.
— Теперь нас ждут простор и слава! —
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал.¹

V

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.

¹ Эти два последние стиха взяты у Лермонтова:

Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Примечание Некрасова.

Я, как ходячая бумажка,
Попострепался, господа,

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите — хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной Пчеле».

Я говорю о фельетоне...
Статейки я писать могу
В великосветском, модном тоне,
И будут хороши, не лгу.

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
Знаком вам господин Пановский?
Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрою ль теперь писать?

Признаться, я попал невольно
В литературную семью.
Ох! было время — вспомнить больно!
Дрожь бывало за статью.

Мою любимую плейку,
Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполюшл всю цензуру,
Таскали даже ко двору!

Ну! дали мне головомойку,
С полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
И не гляжу на этот мост!

Я надоед вам? Извините!
Но старых ран коснулся я...
И вдруг... кто думать мог?... скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но, претерпев судьбы удары,
Под старость счастье я узнал:
Курил на ульцах сигары
И без цензуры сочинял!

VI

ПУБЛИКА

I

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нечеловечий, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!
Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
В дивиллизованном классе,
Будто растленье одно,
Бедность безмерная в массе,
(Где же берут на вино?)
В каждом нажиться старанье,
В каждом продажная честь,
Только под шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Ох, этот автор злодейский!
Тоже хитрит иногда,
Думает лестью лакейской
Нас усыпить, господа!
Мы не хотим поцелуев,
Но и ругни не хотим...
Что ж это смотрит Валуев,¹
Как этот автор терпим?
Слышали? Всё лишь подобье,
Всё у нас маска и ложь,
Глупость, разврат, узколобье...
Кто же умен и хорош?
Кто же всегда одинаков?
Истине друг и родня?
Ясно — премудрый Аксаков,
Автор премудрого «Дня»!
Пусть он таков, но за что же

¹ Тогдашний министр внутренних дел. *Примечание Некрасова.*

Надоедает он всем?...
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадю прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

2

Нынче, журналы читал,
Просто не веришь глазам.
Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикам!
Экой герой-сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту дыфпрь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстатн совет:
Чем расплатиться прикажешь?
Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов,
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смелуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
Но говоришь ты с ковра...
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадю прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

8

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!

Просто спасения нет!
Если за добрым обедом
Выпили ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,
Не говорю уж — подрался
Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом, —
Завтра ж в газетах напишут!
Господи! что за скоты!
Как они знают всё, слышат!..
Что потом сделася ты?
Ежели скажешь: «вы лжете!» —
Он очевидцев найдет;
Если дуэлью пугнете,
Он вас судом припугнет.
Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить!..
Эх! эти новые моды!
Впрочем, есть средство: побить.
Но вель, пожалуй, по роже
Съездит и он между тем.
Чем это кончится, боже!..
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадю прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

4

Всё пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог!
Дыбом становится волос,
Чем наводнилась печать, —
Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задел,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над Западным краем,
Он о России боится,
С ожесточеньем и лаем

Он обо всем говорит!
 Он испытывает в тревогах,
 Точно ли вышел запрет,
 Чтоб на железных дорогах
 Не продавали газет?
 Что — на дорогах железных!
 Остановить бы везде.
 Меньше бы трат бесполезных!
 И без того мы в нужде.
 Жизнь ежедневно дороже,
 Деньги трудней между тем.
 Чем это кончится, боже!
 Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
 Мало вам было хлопот?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бьет,
 Как забежавший из степи
 Конь, незнакомый с уздой,
 Или сорвавшийся с цепи
 Зверь нелюдимый, лесной...

5

Право, конец бы таковский,
 И не велика печаль!
 Только газеты московской
 Было б, признаться, нам жаль,
 Впрочем... как пристально взвесить,
 Так и ее — что жалеть!
 Уж начала куролесить,
 Может совсем опалеть.
 Прежде лишь мелкий чиновник
 Был твоей жертвой, печать,
 Если ж военный полковник —
 Стой! ни полслова! молчать!
 Но от чиновников быстро
 Дело дошло до тузов,
 Даже коснулся министра
 Неустрашимый Катков.
 Тронута там у него же
 Много забористых тем...
 Чем это кончится, боже!
 Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
 Мало вам было хлопот?
 Юное чадо прогресса
 Рвется, брыкается, бьет,
 Как забежавший из степи
 Конь, незнакомый с уздой,
 Или сорвавшийся с цепи
 Зверь нелюдимый, лесной...

VII

ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В Ледовитом океане
 Лодка утлая плывет,
 Молодой, пригожей Тане
 Парень песенку поет:
 «Мы приплыл на остров дикий,
 Где ни церквы, ни попов,
 Зимовать в нужде велкой
 Здесь привычен зверолов;
 Так с тобой, моей голубкой,
 Неужли нам розно спать?
 Буду я песцовой шубкой,
 Буду лаской согреть!»
 Хорошо поет, собака,
 Убедительно поет!
 Но ведь это против брака, —
 Не пажить бы нам хлопот?
 Оправдаться есть возможность,
 Да не спросят — вот беда!
 Осторожность! осторожность!
 Осторожность, господа!..

2

У солидного папашки
 Либералка вышла дочь
 (Говорят, журналы наши
 Всё читала день и ночь),
 Женуху с хорошим чином
 Отказала, осердясь,
 И с каким-то армянским
 Обвенчалась, не спросясь.
 В свете это сплошь бывает,
 Это тешнуть мы могли б,
 Но ведь это посягает
 На родительский принцип!
 За подобную оплошность
 Не постигла б нас беда?
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
 Век играл, мотал и пил,
 А крестьянин Федосеев
 Век трудился и копил —
 И по улицам столицы
 Пантелеев ходит гол,
 А дворянские земли
 Федосеев приобрел.

В свете это всё бывает,
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.
Тисни, тисни! есть возможность, —
А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

4

Что́ народ ни добывает,
Всё не в прок ему идет:
И подрдчик нажимает,
И торгаш с него дерет.
Уж таков теперь обычай —
Стонут, воют бедняки...
Ну — а класс-то ростовщичий?
Сгубят нас ростовщики!
Я желал бы их, проклятых,
Хорошенечко пробрать,
Но ведь это на богатых
Значит бедных натравлять?
Ну, какая же возможность
Так рискнуть? кругом беда!
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье.
Вдруг «пожар!» кричит народ.
«Не бросать же дело божье —
Кончим прежде крестный ход».
И покудова с иконой
Обходили всё село,
Искрой, ветром занесенной,
И другой посад зажгло.
Погорели! В этом много
Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога,
Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность
К обвинению без суда...
Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

VIII

ПРОПАЛА КНИГА

1

Пропадала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропадала!

Бог с ней, когда идея зла
Она потворствовать желала!
Читать мараенье праздных дур
И дураков мы недосужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но, может быть, она была
Честна... а так резка, смела?
Две, три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

2

Уж напечатана — и нет!..
Не познакомимся мы с нею;
Девиза в девятнадцать лет
Не замечается над нею;
О ней не будут рассуждать
Ни дилетант, ни критик мрачный,
Студент не будет посыпать
Ее листов золой табачной.

Пропадала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

3

Прощай! горька судьба твоя,
Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где познает русский ум
Вдали от центров просвещения!

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

1866

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, *пожжа Терпсихоры*
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желанный своевольный рой...

Пушкин.

Свирипеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! пынче спектакль бенсфенный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не захватаны с неба, —
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнде есть пытнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик — кутила и мот)
И мышинный жеребчик (так Гоголь
Молодыхихся старцев зовет),
Записной поставщик фелытонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем пройди я готов

До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек.
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?), —
Но и их я оставляю в покое,
Никого не желая сердить.
Зымышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на балс,
Словом: в обществе великих родов,
В наслажденьи, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выражение на русском лице...
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!
Снору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть,
Но взглядишь — при наружном различьи
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило —
И великих и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: *где бы занять поскорей?*
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертведе.
Если старец пгрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос, —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможное долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их — говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Наследось бы всё население,
Если б был губернатор другой!

Разорпло чиновников чванство,
Прожила за границу звать;
Отчего огололо дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред пым бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешева школа
Поощрение графинь и муз...
Вянет юность обоого пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рдятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Николье и Плинке:¹
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра,²
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто бывало, дуря с азарту,
Кряду игрывал по сту почей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной

¹ Хозяева английского магазина. *Примечание Некрасова.*

² Известные модистки. *Примечание Некрасова.*

В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом кабинете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулуне,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить, — такие пришли времена!
Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обедет, —
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, —
«Будто нет благородней материй?»
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мненьем вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебнио прекрасен!
Бельэтаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложь взглянуть,
Где уселись банкирские жены —
Сотня тысяч рублей, что ни грудь.
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах — мужичны евреи
Или греки да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, по в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шею твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шопот скандальный,
Будто было в закладе оно:

Говорят, чтобы в нем показаться
 На каком-то парадном балу,
 Перед гнусным менялой валаться
 Ты решилась на грязном полу,
 И, когда возвращалась ты с бала,
 Ростовщик тебя встретил — и снял
 Эти перлы... Не так ли достала
 Ты опять их?.. Кредит твой упал,
 С горя запил супруг сокрушенный,
 Бог бы с ним! Расставаться тошней
 С этой чопорной жизнью салонной
 И с разгулом пнтимных ночей;
 С этим золотом, бархатом, шелком,
 С этим счастьем послов принимать.
 Ты готова бы с бешеным волком
 Покумиться, чтоб снова блпстать.
 Но свершился путь провиденья,
 Всё погбло — и деньги и честь!
 Нисходи же ты в область забвенья
 И супругу дай дух перевести!
 Слаще пить ему водку с дворецким,
 «Не белы-то снег» распевать,
 Чем возиться с посольством турецким
 И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
 Им простительна всякая блажь.
 Но прискорбно душе патрпота,
 Что чпновницы рвутся туда ж.
 Марья Саввишна! вы бы надели
 Платье проще! Ведь, как ни рядпсь,
 Не оденетесь лучше камелий
 И богаче французских актрис!
 Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
 Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
 А то с дочерью, с мужем, с собачкой
 За полтину обед нехорош!

Марья Саввишна глаз не спускала
 Между тем с старпка со звездой.
 Вообще в бельэтаже спяло
 Много дам и девиц красотой.
 Очи чудные так и сверкали,
 Но кому же сверкали они?
 Доблесть, молодость, сила — пленяли
 Сердце женское в древние дни.
 Наши девы практичней, умнее,
 Идеал их — телец золотой,
 Воплощенный в сedom идее,
 Потрясающем грязной рукой
 Груды золота...

Время антракта
 Наконец-то прошло как-нибудь.

(Мы зевали два первые акта,
 Как бы в третьем совсем не заснуть.)
 Все бпнокли приходят в движение —
 Появляется кор-де-балет.
 Здесь позволю себе отступление:
 Соответственной живости нет
 В том размере, которым пишу я,
 Чтобы прелесть балета воспеть.
 Вот куплеты: попробуй, танцуя,
 Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
 Поругивал балет.
 Но раз бпнокль подставил
 Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
 И с час не возвращал.
 «Однако, вы — астроном!»
 Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
 Смутился (о, профан!)
 «Нет... я... но эта ножка...»
 Но эти плечи... стан...»

Шептал я генералу,
 А он, смеясь, в ответ:
 «В стремлении к идеалу
 Дурного, впрочем, нет.

Не всё ж читать вам Бокля!
 Не стоит этот Бокль
 Хорошего бпнокля...
 Купите-ка бпнокль!..»

Купил! — и пред балетом
 Я преклонился ппц.
 Готов я быть поэтом
 Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
 Здесь мирный гражданин
 Позабывает лета,
 Позабывает чин,

И только ловят взоры
 В услужливый лорнет,
 Что «ножкой Терпсихоры»
 Именовал поэт.

Не так следит астроном
 За новою звездой,

Как мы... но для чего нам
Смелиться над собой?

В балете мы напвыны,
Мы глуны в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялась;
Взвплася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвплася ножка вправо —
Мы вправо... — Берегись!
Не выпхнй сустава,
Прприятель... «Фор! bis!»

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимною сценой большой
Утомился мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явллася в рубаше крестьянской
Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака?...
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечся готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки нехватает цветов!

Всё — до ластовиц белых в рубаше —
Было верно: па шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видала вовек
Мы сходимей: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слплось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,

Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, муза моя?..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столпной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: Гурпя рая!
Ты мпла, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь запидевев, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зпму дома сплеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов слал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямком через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглой.
От утра до вечерней поры
Всё один пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лошны;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зпме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Прппорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит нпкуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, шелкая, стая дроздов
Пролетит и посадит на сип;
Слышишь дикие стоны волков
И взглпвое пенье метел...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет бараван
С селодами в промёрзлой овчине,

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается:
Кляча еле плет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты, крестьянское горе!

Ой ты, кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расплывается
На заре по росистым травам.
Это горе плет — подвигается

К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!»
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнула старичина...
Эх! чего ты торопишь ее!
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца плет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
Но суровым сердцам разобрать.
Там она приютится, попрчется —
До другого набора промочается!

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отирли уши в смущеньи,
Стоявшие бесшумно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял,
Зато кричат безличные: ликуем!
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвозждая жирным поделуем
Несчастливого к позорному столбу.

ПЕСНИ

I

У людей-то в дому — чистота, лепота.
А у нас-то в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей — с солонинкою чав,
А у нас-то во щах — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятнишек дарят,
А у нас кумовья наш же хлеб приедят!

У людей на уме — поговорить с кумой,
А у нас на уме — не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет
удивить:
Чтобы деньги в кошле, чтобы рожь
на гумне;

Чтоб шла в бубендах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей —
грамотей;

Чтобы дети в дому — словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малышка в саду!

II КАТЕРИНА

Вянет, пропадет красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам, что ни попало, из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К братцу я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная!» старик твердит:
«Много побой недолго болят!»

«Потерпи, сестрица!» отвечает брат:
«Много побой недолго болят!»

«Потерпи!» соседи хором говорят:
«Много побой недолго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде, — с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропала?» спросит муженек.
— Где была, там нету! так-то, мила
друзжок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!
«Ах, ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Много побой недолго болят!

III МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казав:
Это стойлище коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полатки,
А в клетке, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощь в огороде —
Хрен да лукавица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

IV СВАТ И ЖЕНИХ

(в кабаке за полуштофом)

1

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны — Орина, —
Что ни девка, то малыня!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рлювата,
Да смиренна, важевата,
Марья, знаешь, мне сродни,

Будет с мужем — ни-ни-ни!
 — Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!
 Нам с лица не воду пить,
 И с корявой можно жить,
 Да чтоб мужу на порог
 Не вставала поперек!
 Ай да Марья, Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!

2

Нутко! Вера у Данилы,
 Палагея у Гаврилы,
 Секлетей у Фрола,
 Замуж всем пора пришла!
 У Никиты — Катерина, —
 Что ни девка, то малина!
 Думай, думай — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья, знаешь, щедровита,
 Да работать, ух! сердита!
 Марья костью широка,
 Высока, статна, гладка!
 — Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!
 Нам с лица не воду пить,
 И с корявой можно жить,
 Да чтоб мясо на костях,
 Чтобы силушка в руках!
 Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!..

3

Нутко! Анна у Егора,
 У Антипки Митродора,
 Александра у Петра —
 Все невесты, всем пора!

У Евстратья — Акулина, —
 Что ни девка, то малина!
 Думай, думай — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья, точно, щедровита,
 Да хозяйка домовита:
 Всё примост, приберет,
 Всё до нитки бережет!
 — Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!
 Нам с лица не воду пить,
 И с корявой можно жить,
 Да чтоб по двору прошла,
 Всех бы курочек сочла!
 Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!

(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

V

ГИМН

Господь! твори добро народу!
 Благослови народный труд,
 Упрочь народную свободу,
 Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
 Могли свободно возрасти,
 Разлей в народе жажду знанья
 И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
 Твоих избранников спаси,
 Которым знамя просвещенья,
 Господь! ты ввершишь на Руси!..

1867

НЕИЗВЕСТНОМУ ДРУГУ,

ПРИСЛАВНЕМУ МНЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

«НЕ МОЖЕТ БЫТЬ»

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укреплает,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови общую с народом
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лпрой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лпы звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;

Те жребием постигнуты жестоким,
А те пришли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути —
За каплю крови общую с народом
Прости меня, о родина! прости!..

Я признан был воспеть твои страдания,
Терпением изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет,
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Пркованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствел с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови общую с народом
Мои вины, о родина! прости!..

ВЫБОР

Почка сегодня морозная, ясная.
В горе стоит над рекой
Русская девица, девица красная,
Щукает прорубь ногой.
Топкий ледок под ногою ломается,
Вот на него пабежала вода;
Царь волиной из воды появляется,
Шепчет: «Бросайся, бросайся сюда!
Любо здесь!» Девица, зову покорная,
Вся наклонилась к нему.
«Сердце покинет кручинюшка черная,
Только разок обойму,

Прянь!»... И руками к ней длинными
тянется...

Синие льды затрещали кругом,
Дрогнула девица! Ждет — не оглянется —
Кто-то шагает, идет напрямком.
«Прянь! Будь дарницею царства
полноводного!...»

Тут подошел восвода Мороз:
— Я тебя, я тебя, вора негодного!
Чуть было девку мою не унес! —
Белый старик с бороною пушистою

На воду трижды дохнул,
Прорубь подернулась корочкой льдиною,
Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: — Не топнись, красавица!

Слез не осушишь водой,

Жадная рыба, речная плывица

Там твой нарушат покой;

Там зашекотят тебя водяные,

Ракн воньются в высокую грудь,

Ноги опутают травы речные.

Лучше со мной эту ночьку побудь!

К утру я горе твое успокою,

«Сладкие грезы его усыпят,

Будешь ты так же пригнота собою,

Только красавице дам я наряд:

В белом венке голова заспает

Завтра, чуть красное солнце взойдет. —

Девушка берег реки покидает,

К темному лесу плет.

Села на пень у дороги: ласкается

К ней воевода-старик.

Дрогнется — зубы колотят — зевается —

Вот и закрыла глаза... забывается...

Вдруг разбудил ее Лешего крик:

«Девонька! встань ты на резвые ноги,

Долго Морозко тебя протопт.

Спал я и слышал давно: у дороги

Кто-то зубам стучит,

Жалко мне стало. Иди-ка за мною,

Что за охота всю ночьку ждать!

Да и умрешь — тут не будет покою:

Станут оттаивать, станут качать!

Я заведу тебя в чащу лесную,

Где никому до тебя не дойти,

Выберем, девонька, сосну любую...»

Девушка с Лешим решилась идти.

Идут. Навстречу медведь попадается,

Девушка вскрикнула — страх обуял.

Хохотом Лешего лес наполняется:

«Смерть не страшна, а медведь испугал!

Экой лесок, что ни дерево — чудо!

Девонька! глянь-ка, какие стволы!

Глянь на вершины — с спиц оттула

Кажется спящие летом орлы!

Темней тут вечная, тайпа великая,

Солнце сюда не доносит лучей,

Буря разыграет — ревущая, дикая —

Лес не подумает кланяться ей!

Только вершины поропщут тревожно...

Ну, ползай! подсажу осторожно...

Люб тебе, девушка, лес вековой!

С каждого дерева бросаться можно

Вниз головой!»

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

«МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена третья

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, кустарники; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по полю в снегу, тянется вереница зайищиков, человек сто: мужики, отставные солдаты, бабы, девки, мальчишки и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом Савелий, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотой. По дороге, протоптаваемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воехотский, старик лет 65, сапожник; за ним

барон фон-дер-Гребен, нечто вроде посланника, важная, надменная фигура, лет 50. Он изредки переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. Занимает Миша, плотный полновесный господин, лет 45, действительный статский советник, служит: здоров до избытка, шутишка и хохотун; рядом с ним Пальцов, господин лет 50, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

Миша и Пальцов продолжают прежде начатый разговор.

Пальцов

...Что ты ни говори, претит душе моей

Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот, например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь — гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

Пальцов

Вот чудо!

Миша

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выпрыш в итоге.
Засевши на большой дороге
С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозою краю,
А я — его любезный внук —
Я друг народа, друг паук,
Я в комитетах заседаю!

Пальцов

Ты шутишь?

Миша

Нет, я не шучу!
Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
«Держись на русской точке зренья»,
И ты утешись, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

Пальцов

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,
Довольно с нас благоговей, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!
«Систему полумер приняв за пидеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор...»
В административную попасть большая честь;
Но будь талант — пути открыты,
И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

Миша

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчёта?

Теперь к общественным делам
Являлась рьяная забота!

Пальцов (смеется)

С тех пор, как родину прогресс
Поставил в новые условия,
О Русь! вселмлся новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но — чудо! —
Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

Миша

Ну! зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом. —
А я, опять-таки, скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не сылошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленного быта,
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскоружный консерватор,
А рядом — сам ты замечал —
Великосветский радикал!

Пальцов

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, пронесит
Себя, как контрабанду, среди нас.
Шалит землевладелец крупный,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон — не велик секрет!

Миша

И то уж хорошо, что времена пришли
Брать эти — не другие роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..

Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремление...

Пальцов (с тевом)

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнение!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства,
тунеядства;

На нем предательства печать
И непонятного злорадства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый вповнат,
А битым — счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва — сторонников полки,
Восторг почти России делой,
Потом — усталость; наконец
Все настороже, все в тревоге,
И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
Прошла и принялась идея:
Ура! кричим мы не робей,
И тот, кто рад, и кто не рад...
Зато с каким зловещим тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как ступешваться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клеветаем,
Как ретроградам рукоплещем,
Как выдаем своих друзей!
Какне слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какне выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава — в полном смысле слова!..
Свалились в кучу — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блянье
И жеребьяе гоготанье —
А-ту его! а-ту его!..

Не так ли множество пдей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И вывинув вперед продажных?

Нам все равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?... его мы не хотим —
Нам дай новинку, дай потеху!
И вот новинке всякий рад
День, два; все полны грёз и веры.
А завтра с радостью глядят,
Как «рановременные» меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!..

(Народ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелий, объяснив что-то князю Воехотскому, причем таинственно указывая по направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише.)

Савелий

На номера пзвольте становиться.
Теперь нельзя курить,
И громко говорить здесь не годится.

Миша

Что ж можно? Можно водку пить!

(Хочет и, наливая из фляжки, потчует Пальцова и пьет сам. Савелий, расставив охотников по цепь, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая налево.)

Сцена четвертая

Барон фон-дер-Гребен и князь Воехотский
На № 5-м. Барон сидит на складном стуле; снег около него утоптан, под ногами ковер. Близ него прислонены к дереву три штуцера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик-охотник с рогатиной.

Кп. Воехотский (подходя к барону с своего, соседнего номера)

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

Барон

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитию заградил сам бог.

Кн. Воехотский

Да! да! непобедимые условия!
 Но, в счастью, народ не выше их:
 Невежество, бесчувственность воловь
 Полезны при условиях таких.

Барон

Когда природа отвечать не может
 Потребностям, которые родит
 Развитие, — оно беды умножит
 И только даром страсти распалит.

Кн. Воехотский

Вы угадали мысль мою: нелепо
 В таких условиях просвещать народ.
 На почве, где с трудом родится репа,
 С развитием банан не расцветет.
 Нам не указ Европа: там избыток
 Во всех дарах, по множеству судеб;
 А здесь один суровый черный хлеб
 Да из него же гибельный напиток!
 И средства нет прибавить что-нибудь.
 Болото, мох, песок — куда ни взглянешь!
 Не проведешь сюда железный путь,
 К путям железным весь народ не
 стянешь!

А здесь — вот, например, зимой —
 Как же тут возможны улучшения?..
 Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
 Устройте экипаж другой!
 Здесь мужику, что вышел за ворота,
 Кровавый труд, кровавая борьба:
 За крошку хлеба капля пота —
 Вот в двух словах его судьба!
 Его сама природа осудила
 На грубый труд, неблагоприятный бой
 И от отчаянья разумно оградил
 Невежества спасительной броней.
 Его удел — безграмотство, беспутство,
 Убожество и чувством и умом,
 Его узда — налог, труд, рекрутство,
 Его утеха — водка с дурманом!

Барон

So, so...

Сцена пятая

Пальцов и Миша

На № 4-м. К Пальцову подходит со своим
 нумера Миша

Миша

Еще не скоро выйдет зверь...
 Покамест приведем-ка в ясность
 То время, как слова «свобода»,
 «гласность»,

Которыми набили мы теперь
 Оскому, как незрелыми плодами,
 Не слышались и в шутку между нами.
 Когда считался зверем либерал,
 Когда слова: «общественное благо»,
 И прозвездить нужна была отвага,
 Которую никто не обладал!
 Когда одни житейские условия
 Сближали нас, а попросту расчет,
 И лишь в одном сливались все сословья,
 Что дружно налегали на народ...

Пальцов

Великий век, когда блистал
 Среди безгласных поколений
 Администратор-генерал
 И откупщик — кабачный гений!

Миша

Ты, думаю, охоту на двуногих
 Застал еще в ребячестве своем.
 Слышал ты вопли стариков убогих
 И женщин, засекаемых бнутом?
 Я думаю, ты был не полугода
 И не забыл порядки тех времен,
 Когда, в ответ стенаниям народа,
 Мысль русская стонала в полутон?

Пальцов

Великий век — великих мер!
 «Не рассуждать — повиноваться!»
 Левиз был общий; сам Гомер
 Не смел Омпром называться.

Миша

Припомни, как в то время золотое
 Учили нас? Раздолье-то какое!

Сын барина, чиновника, князька
 Настолько норовил образоваться,
 Чтоб на чужие плечи забираться
 Уметь — а там дорога широка!
 Три фазиса дворянское развитие
 Прекрасные являло нам тогда:
 В дни юности — кутеж и стеклобитье,
Наука жизни — в зрелые года
 (Которую не в школах европейских —
 Мы черпали в гостиницах и лакейских),
 И, наконец, заветная мечта —
 Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
 Которого псчадьё мы прямое,
 Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как лблонию качает проходящий,
 Весь занятый минутой настоящей,
 Желанием одним руководим —
 Набрать плодов и дале в путь пуститься,
 Не думая, что много их свалится,
 Которых он не сможет захватить,
 Которые напрасно будут гнить:
 Так русское общественное древо,
 Кто только мог, направо и налево
 Раскачивал, спеша набить карман,
 Не думая о том, что будет дале...
 Мы все тогда жирели, наживали,
 Все... кроме, разумеется, крестьян...
 Да в стороне стоял один, печален,
 Тогдашний чистоплотный либерал;
 Он рук в грязь житейской не марал,
 Он для того был слишком идеален,
 Но он зато не делал ничего...

Пальцов

О ком ты говоришь?

Миша

В литературе

Описан он достаточно: его
 Прозвали «лишним». Честный по натуре,
 Он был аристократ, гуляка и лентяй;
 Избыточно снабженный всем житейским,
 Следил он за движеньем европейским...

Пальцов

Да это — я!

Миша

Как хочешь, поппмай!
 Тип был один, оттенков было много.
 Судили их тогда довольно строго,
 Но я недавно начал поппмать,
 Что мы добром должны их поппнать...

Диалектик обаятельный,
 Честен мыслью, сердцем чист!
 Помню я твой взор мечтательный,
 Либерал-идеалист!
 Созерцающий, читающий,
 С неотступною хандрой
 По Европе разъезжающий,
 Здесь и там — всему чужой.
 Для действительности скованный,
 Верхоглядом жил ты, зря,
 Ты бродил разочарованный,
 Красоту боготворя;
 Всё с поппбшпми созданиями
 Да с брошюрами возясь,
 Наполнял ум свой знаниями,
 Обходил ты жизни грязь;
 Грозный деятель в теории,
 Беспощадный радикал,
 Ты на улице истории
 С полицейским избегал;
 Злых, надменных, угнетающих
 Лишь презреньем ты карал,
 Не спасал ты утопающих,
 Но и в воду не толкал...
 Ты, в котором чуть не геня
 Долго видел друзя,
 Рыцарь доброго стремления
 И беспутного житья!
 Хотя реального успия
 Ты не сделал никогда,
 Чувству горького бессилия
 Подчинившись навсегда, —
 Всё же чту тебя и ныне я,
 Я люблю припоппнать
 На челе твоём уныния
 Беспредельного печать:
 Ты стоял перед отчизною,
 Честен мыслью, сердцем чист,
 Воплощенной укоризною,
 Либерал-идеалист!

Пальцов

Куда ж девались люди эти?

Мпша

Бог весть! Я не встречаю их.
 Их песня сета — что нам в них?
 Герои слова, а на деле — дети!
 Да! одного я встретил: глуп, речист
 И стар, как возвращенный декабрист.
 В них вообще теперь немного толку.
 Мудрейшие достали втихомолку
 Такого рода прочные места,
 Где служба по возможности чиста,
 И, средние оклады получая,
 Не принося ни пользы, ни вреда,
 Живут себе под старость припеваля;
 Зато теперь клеймят их иногда
 Предателями племени молодого;
 Но я ему сказал бы: не забудь,
 Кто выдержал то время роковое,
 Есть от чего тому и отдохнуть.
 Бог на помощь! бросайся прямо в пламя,
 И погибай...
 Но, кто твоё держал когда-то зная,
 Тех не пятнай!
 Не предали они — они устали
 Свой крест нести,
 Покинул их дух Гнева и Печали
 На полпути...

Еще добром должны мы помянуть
 Тогдашнюю литературу,
 У ней была задача: как-нибудь
 Намеком натолкнуть на честный путь
 К развитию способную натуру...
 Хорошая задача! Не забудь,
 Я думаю, ты истинных светил,
 Отметивших то время роковое:
 Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь
 жил.

Еще найдется славных двое, трое —
 У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
 Молясь твоей многострадальной тени,
 Учитель! перед пьедесталом твоим
 Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
 Дремя и рабствуя позорно,
 Твой ум кипел — и новые стези
 Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
 «Чернорабочий я — не белоручка!»

Говаривал ты нам — и напролом
 Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
 Едва ль не первый вспомнил о народе,
 Едва ль не первый ты заговорил
 О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,
 На взгляд глупцов казался переменчив,
 Но, пред врагом заносчив и упрям,
 С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
 И разум твой горел не угасал,
 Самим собой и жизнью до конца
 Святое недовольство сохраняя —

То недовольство, при котором нет
 Ни самообольщения, ни застоя,
 С которым и на склоне наших лет
 Постыдно мы не убежим из строя, —

То недовольство, что душе живой
 Не даст восстать противу новой силы
 За то, что заслоняет нас собой
 И старцам говорит: «пора в могилы!»

Грановского я тоже близко знал —
 Я слушал лекции его три года.
 Великий ум! счастливая природа!
 По говорил он лучше, чем писал.
 Оно и хорошо — писать не время было:
 Почти что ничего тогда не проходило!
 Бывали случаи: весь век
 Считался умным человек,
 А в книге глупым очутился:
 Пропал и ум, и слог, и жар,
 Как будто с бедным приключился
 Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
 Всей русской мыслью, речью, даром,
 А не запяками хромыми выступать
 С апоплексическим ударом?..

Перед рядами многих поколений
 Прошел твой светлый образ; чистых
 впечатлений
 И добрых знаний много сел ты,
 Друг Истины, Добра и Красоты!

Некрасов и Панаев у Белинского.
Картина А. А. Наумова. 1894 г.

Пытлив ты был: искусство и природа,
 Наука, жизнь — ты всё познать желал,
 И в новом творчестве ты силы почерпал,
 И в гених угасшего народа...
 И всем делиться с нами ты хотел!
 Не диво, что тебя мы горячо любили:
 Терпимость и любовь тобой руководили.
 Ты настоящее оплакивать умел
 И брата узнавал в рабе иноземном,
 От нас веками отдаленном!
 Готовил родине ты честных сыновей,
 Провидя луч зари за непроглядной далью.
 Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
 Как рано умер ты, терзаемый печалью!
 Когда над бедной русскою землею
 Заря надежды медленно всходила,
 Созрел недуг, посеянный тоской,
 Которая всю жизнь тебя крушила...
 Да! славной смертью, смертью роковой
 Грановский умер... кто не издевался
 Над «беспредметною» тоской?
 Но глупый смех к чему не предпринимал!
 «Гражданской скорбью» наши мудрецы
 Прозвали настроение такое...
 Над чем смеяться вздумали, глупцы!
 Опошлить чувство силится какое!
 Поверхностной проницательность печать
 Мы очень часто налагаем
 На то, что должно уважать,
 Зато — достойное презренья уважаем!
 Нам юноша, стремящийся к добру,
 Смешон восторженностью странной,
 А зрелый муж, поверженный в ханжу,
 Смешон тоскою постоянной;
 Не понимаем мы глубоких мук,

Которыми болит душа пня,
 Внимая в жизни вечно-ложный звук
 И в праздности невольной изнывая;
 Не понимаем мы — и где же нам понять? —
 Что белый свет кончается не нами,
 Что можно личным горем не страдать
 И плакать честными слезами.
 Что туча каждая, грозящая бедой,
 Нависшая над жизнью народной,
 След оставляет роковой
 В душе живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
 Обретший их во времена крутые!
 Мудреными путями бог ведет
 Тебя, многострадальная Россия!
 Попробуй, усомнись в твоих богатствах
 Исторического века,
 Когда и в наши дни выносят на плечах
 Всё поколение два-три человека!

Как ты меня, однакож, взволновал!
 Не шуточное вышло излиянье,
 Я лучший перл со дна души достал,
 Чистейшее мое воспоминанье!
 Мне стало грустно... Надо понаждать,
 По мере сил, опять на тон шуточный...

(В лесу раздается сильный выстрел и вслед за тем крики, трещетки, хлопоты. Охотники постепенно расходятся на свои номера и становятся настороже, со взведенными штуцерами.)

ПЕСНЯ

(из «медвежьей охоты»)

Отпусти меня, родная,
 Отпусти не споря!
 Я не травка полевая,
 Я взросла у моря.

Не рыбацкий парус малый,
 Корабли мне снятся.
 Скучно! в этой жизни вялой
 Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
 Сон кругом глубокий,
 Отпусти меня, родная,
 На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
 Волны рассекала,
 Где тебя я гордой, смелой,
 Счастливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломясь от горя,
Не жалею ты дочку!
Колн вырастет у моря —
Не спасись цветочку,

Все равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

(из «МЕДВЕЖЬЕЙ ОХОТЫ»)

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пусть пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Все ж будет слаб, как тряпка, он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть липиний мед в дому,
Тершим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, негодный никуда!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,
Запрешь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не вы-
Тоскливее лентяя!

Итак — о славе не мечтай,
Не будь на деньги падох,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок,

Чтоб спустить последний вздох
Не в праздности, — в работе,
Как старый пес мой, что пдох
Над гаршином в болоте!..

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

(из «ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ»)

... Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,

За добрым рад не есть, не нить,
Но иногда пройди стороной
В вопросе грозном и живом,

Но понижать мой голос звонкий
 Перед влиятельным лицом —
 Увы! вошло в мою натуру!..
 Не от рожденья я таков,
 Но я прошел через цензуру
 Незабываемых голов:
 На всех, рожденных в двадцать пятом

Году и около того,
 Отяготел жестокий фатум:
 Не выйти нам из-под него.
 Я не продам за деньги мненья,
 Без крайней нужды не солгу...
 Но — гибнуть жертвой убежденья
 Я не могу... я не могу...

СТИХОТВОРЕНИЯ,

посвященные русским детям

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
 Господи боже! чего-то в ней нет!
 Сяденький сам, а лошадка каракова;
 Вместе обопм сто лет.
 Ездит старик, продает понемногу,
 Рады ему, да и он-то того:
 Вышито вечно и сыт, слава богу.
 Пусто в деревне, ему ничего,
 Знает, где люди: и куплю и мену
 На полосах поведет старина;
 Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
 Он тебе всё, что полюбится, — на! —
 Бог, видно, дал ему добрую душу.
 Ездит — кричит то-и-знай:

«По грушу! по грушу!
 Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
 Сбопна макова
 Больно лакома —
 На грош два кома!
 Девкам утех —
 Рожки, орехи!
 Эй! малолетки!
 Пряники редки,
 Всякие штучки:
 Окупи, щучки.
 Кипы, лошадки!
 Посмотришь — любви,
 Раскусишь — сладки,
 Облжешь губы!..»

— «Стой, старина!» Старика обступили,
 Парней, и девок, и летушек тьма.
 Все наменяли сластей, накупили —
 То-то была суета, кутерьма!
 Смех на какого-то Кузю печального:
 Держит коня перед носом сусального;
 Конь загляденье, и лаком кусок...
 Где тебе вытерпеть? Ешь, паренёк!
 Жалко девочку спротку Феклушу:
 Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
 Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
 Про баб товару всякого.
 Ситцу хорошего —
 Нарядно, дешёво!
 Эй! молодницы!
 Красны девицы,
 Тетушки, сестры!
 Платочки пестры,

Дядюшка Яков.

Акварель Б. М. Кустодиева, 1921.

Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен и полотна, п пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клячат, ласкаются, только держись:
«Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись!»
— Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почитеньи!
Книжки неценны:
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятшек
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не прыпк,
А почитай-ка,

Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пятачок — полтина,
Глянь — и картинка!
Ей-ей, утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...

По букварю!
По букварю!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили —
«Будет вам пряников; нате-ка вам!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Колн бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлива! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, смелей!»

II ПЧЕЛЫ

На-тко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!
Нынче не в меру вода разлилась,

Думали, просто падет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес и луга вдалеке,
Ну — и летит, — ипчего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил нехватает у милой. — Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Герю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под благовещенье поминай прохожего!
Он наоумил, Христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до сушки вежи поставили»,
Это он слово сказал!

Вернись: чуть первую вежу зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят. —

На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать.
Всё от одного слова хорошего!
Кушай на здравие, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом,
Мед с караваем парипшка докушал,
Тяпину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего ипзкий поклон
Господу богу отвесил и он.

*Вожак с медведем.
Гравюра по рисунку И. Панова.*

III ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГНИ

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем.
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— Что ты? с мишкой? «Ничего!
Он у нас смиренный,
Липший шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,

Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!»
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен, —
Видно, стар годами,
Только лапу лжжет он
Да звенит цепями...

Час проходит, — нет ребят,
То-то выйдут лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в саних
Михайло Иванович,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рывкнул мишка! — понеслась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгни генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок.
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рывкнет на ухабе.

Генерал Топтыгин.

Акварель Петра Соколова. 1894.

А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит выдернуть кольцо.
Вот и стала тройка
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?

Видит — барин-материк,
«Генерал» — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Нехватает многих,
А такого не видал,

Господи Иисусе!
Небывалый генерал,
Впдно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут не гоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:

«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей
Те — потехи ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, пздали кричит:
«В пзбу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свптой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон боролатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубинной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

С У Д

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ

I

«Однажды, зимним вечерком»
Я перепуган был звонком,
Внезапным, властным... Вот опять!
Зачем и кто — как угадать?
Как сладить с бедной головой,
Когда врывается толпой
В нее тревожных мыслей рой?

*Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!*¹

За много лет всю жпзнь мою
Припомнил я в единый миг,
Припомнил каждую статью
И содержание двух-трех книг,
Мноой сочиненных. Вспоминал
Я также то, где я бывал,

О чем и с кем вступал я в спор;
А звон неумолим и скор
Меж тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал...

О невидимая рука!
Не обрывай же мне звонка!
Тотчас я силы соберу,
Зажгу свечу — и отопру.

Гляжу — чуть теплится камин.
Невинный «Модный Магазин»
(Издательницы Софьи Мей)
И письма — память лучших дней —
Жены теперешней моей,
Когда наивна и мила
Она невестою была,
И начатый недавно труд,
И мемуары — весом с пуд —
И приглашенья двух вельмож,

¹ Козлов. Примечание Некрасова.

В дома которых был я вхож:
До прейскуранта крымских вин
Всё быстро бросил я в камин!
И если б пестребленья дух
Насытить время я имел,
Камин бы долго не потух.
Но колокольчик мой звенел
Что миг — настойчивей и злей.
Пылай, камин! Горн скорей,
Записок полная тетрадь!
Пора мне гостя принимать...

Ну, догорела! Выхожу
В гостиную — и нахожу
Жену... О верная жена!
Ни слез, ни жалоб, лишь бледна.
Блажен, кому дана судьбой
Жена с геройскою душой,
Но тот блаженней, у кого
Нет близких ровно никого...
«Не бойся ничего! поверь,
Все пустяки!» шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду — и отворяю дверь...
*Одно из славных русских лиц*¹
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе,²
Тогда предстал передо мной
Администратор молодой.
Не только этот грустный взор,
Формально всё — до звука шпор
Так деликатно было в нем,
Что с этим тактом и умом
Он даже больше был бы мил,
Когда бы меньше был уныл.
Кивнув угрюмо головой,
Я указал ему на стул,
Не сел он; стоя предо мной,
Он лист бумаг развернул
И подал мне. Я прочитал
И ожил — духом просиял!

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!

Порой таких ужасных дум,
Что и действительность сама
Не помрачает так ума,
Напротив, возвращает ум!

¹ Лермонтов. *Примечание Некрасова.*

² Веневитинов. *Примечание Некрасова.*

«Судить назначено меня
При публике, при свете дня!»
Я крикнул весело жене:
«Прочти, мой друг! Поди ко мне!»
Жена поспешно подошла
И извещение прочла:
«Понеже в вашей книге есть
Также дерзкие места,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,
То вас за дерзость этих мест
Начальство отдало под суд,
А книгу взяло под арест.
И дальше чин и подпись тут.
Я сущность передал — но слог...
Я слога передать не мог!
Когда б я слог такой имел,
Когда б владел таким пером,
Я не дрожал бы, не бледнел
Перед нечаянным звонком...

Заметив радость, а не злость,
В лице моем, почтенный гость
Любезно на меня взглянул.
Вновь указав ему на стул,
Я папиросу предложил,
Он сел и скромно закурил.
Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот возжеланный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,
В торговле плутни и застои,
С финансами хоть волком вой,
Мужик не чувствует добра,
Et cætera, et cætera...
Уж час в беседе пролетел,
А не коснулись между тем
Мы очень многих важных тем,
Но тут огарок догорел
Дымась, — и вдруг расстались мы
Среди зловония и тьмы.

II

Ну, суд, так суд! В судебный зал
Сберется грозный трибунал,
Придут враги, придут друзья,
Предстану — обвиненный — я.
И этот труд, горячий труд
Анатомпровать начнут!

Когда я отроком блуждал
По тихим волжским берегам,
«Суд в подземельи» я читал,
Жуковского поэму, — там
Что стих, то ужас: темный свод,
Грозя обрушиться, гнетет;
Визжа, заржавленная дверь
Поет: «Не вырвешься теперь!»
И ряд угрюмых клобуков
При бледном свете ночников,
Кивая, вторит ей в ответ:
«Преступнику спасенья нет!»
Потом, я помню, целый год
Во сне я видел этот свод,
Монахов, стражей, палачей.
И живо так в душе моей
То впечатление детских дней,
Что я и в зрелые года
Боюсь подземного суда.
Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал,
Что гласно буду я судим,
Хоть утверждают — гласность дым.
Оно, конечно: гласный суд
Все ж суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают:
Посмотрим, в чем я виноват.
(Сажусь читать, надев халат.)

Каких задач, каких трудов
Для человеческих голов
Враждебный рок не задавал?
Но, литератор прежних дней!
Ты никогда своих статей
С подобным чувством не читал,
Как я в ту роковую ночь.
Скажу вам прямо — скрытность прочь —
Я с точки зренья судьи
Всю ночь читал мои статьи.
И нечто странное со мной
Пропеходило... Боже мой!
То, оправданья подобрав,
Я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я...
Занятые скверное, друзья!

Примите добрый мой совет,
Писатели грядущих лет!
Когда постигнет вас беда,
Да будет чужд ваш бедный ум
Судебно-полицейских дум —

Оставьте дело до суда!
Нет пользы голову трудить
Над тем, что будут говорить
Те, копя дело обвинять,
Как наше — книги сочинять.
А если нервы не уснут
На милом слове: гласный суд,
Подлей побольше рому в чай
И безмятежно засыпай!..

III

Заснул и я, но тяжек сон
Того, кто горем удручен.
Во сне я видел, что герой
Моей поэмы роковой
С полуобритой голдрвой,
В одежде арестантских рот
Вдоль по Владимирке плет.
А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за милым, на бегу
Нырля по груди в снегу,
Бежит и плачет, и поет...

Дитя фантазии моей,
Не плачь! До снеговых степей,
Я знаю, дело не дойдет.
В твоей судьбе срединны нет:
Или увидишь божий свет,
Или — преступной признана —
С позором будешь сожжена!
Итак, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
Не стали наши небеса
Еще туманней и темней!

Потом другой я видел сон
И был безмерно горек он:
Вхожу я в суд — и на скамьях
Друзей, родных встречает взор,
Но не участие в их чертах —
Негодование и укор!
Они мне взглядом говорят:
«С тобой мы незнакомы, брат!»
— Что с вами, милые мои?
Тогда невольно я спросил;
Но только я заговорил,
Толпа покинула скамьи,
И вдруг остался я один,
Как голый пень среди долин.¹

¹ Лермонтов. Примечание Некрасова.

Тогда, отчаяньем объят,
Я разревелся пред судом
И повинился даже в том,
В чем вовсе не был виноват!..

Проснувшись, долго помышлял
Я о моем жестоком сне,
Мужаться слово я давал,
Но страшно становилось мне:
Ну, как я точно разревусь,
От убеждений отрекусь?
Почем я знаю: хватит сил
Или пехватит — устоять?..
И начал я припоминать,
Как развивался я, как жил:
Родился я в большом доме,
Напоминающем тюрьму,
В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою;
Рассказы няни о чертах
Вносили в душу тот же страх;
Потом я в корпус поступил
И там под тем же страхом жил.
Случайно начал я писать,
Тут некий образ посещать
Меня в часы работы стал:
С пером, со склянкою чернил
Он над душой моей стоял,
Воображение леденил,
У мысли крылья обрывал.
Но не довольно был он строг,
И я терпел еще за то,
Что он подчас мой труд берег,
Или вычеркивал не то.
И так писал я двадцать лет
И вышел я — такой поэт,
Каким я выйти мог... Да, да!
Грозит последняя беда...
Пошли вам бог побольше сил!
Меня же так он сотворил,
Что мимо будки городской
Иду с стесненной душой,
И, право, я не поручусь,
Что пред судом не разревусь...

IV

Не так счастливец молодой
Идет в таинственный покой
Где, нетерпения полна,
Младая ждет его жена,

С каким я трепетом вступал
В тот роковой, священный зал,
Где жизнь и смерть, и честь людей
В распоряжении судей.
Герой — а я теперь герой —
Быть должен весь перед тобой,
О публика! во всей красе...
Итак, любуйся: я плешив,
Я бледен, первен, я чуть жив,
И таковы почти мы все.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой труд, я вовсе не ропщу,
Я сожалений не пишу;
«Коварный рок», «жестокый рок»
Не больше был ко мне жесток,
Как и к любому бедняку.
То правда: рос я не в шелку,
Под бурей долго я стоял,
Меня тиранила нужда,
Гнала любовь, гнала вражда;
Мне граф Орлов мораль читал,
И цензор слог мой исправлял,
Но не от этих общих бед
Я слаб и хрупок, как скелет.
Ты знаешь, я — «любимец муз».
А невозможно рассказать,
Во что обходится союз
С мною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горит он редко и слегка.
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
С железной грудью надо быть,
Чтоб этим ласкам отвечать,
Объяты эти выносить,
Кипеть, гореть — и погасать,
И вновь гореть — и снова стыть.
Довольно! разве досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать,
Перестаю и спать и есть...

Не то, чтоб ощутил я страх,
Когда уселся на местах
И судьи и народ честной,
Интересующийся мной,
И приготовился читать
Тот, чье призвание — обвинять;
Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда приходишь бывало в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Толпа затихла, начался
Доклад — и длился два часа...

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь поселял он,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючий — и притом
На половину с дурманом!
О прокурор! ты не статью,
Ты душу вывернул мою!
Слагая образы моп,
Я только голосу любви
И строгой истины внимал,
А ты так ясно доказал,
Что я законы нарушал!

Но где ж не грозен прокурор?..
Смягченный властью судей,
Не так был грозен приговор:
Без поэтических затей,
Не на утесе вековом,
Где море пенится кругом
И бьется жадною волной
О стены башни крепостной, —
На гауптвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел спола...
Там было сыро; по углам
Белела плесень; по стенам
Клопы гуляли; в щели рам
Дул ветер, порошил снежок.
Сиди-посиживай, дружок!

Я спать здоров, но сон был плох
По мплости проклятых блох.
Другая, горшая беда:
В мой скромный угол иногда
Являлся гость: лебеш ночной
Свершив, гвардейский офицер
Любезный, статный, молодой
И либеральный выше мер
День-два беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет...

Блоха — бессонница — тютюн —
Усатый офицер-болтун —
Тютюн — бессонница — блоха, —
Все это мелочь, чепуха!
Но веришь ли, читатель мой!
Так иногда с блохами бой
Был тошен, смрадом тютюна
Так жизнь была отравлена,
Так больно клоп меня кусал
И так жестоко понимал
Что день, то новый либерал,
Что я закалялся писать...
Бог весть, увидимся ль опять!

ЭПИЛОГ

Зимой поэт молчал упорно,
Зимой писать охоты нет,
Но вот дохнула благотворно
Весна — не выдержал поэт!
Вновь пишет он, призванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или в часть!

ЭЙ, ИВАН!

ТИП НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Вот он весь, как намалеван,
Верный твой Иван:
Не умыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.

Не прикрыты, голенища
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапочка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сюртучонко
Узким ремешком;

Из кармана кончик трубки
Виден да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не пмел угла —
На запятках п в передней
Жизнь веками шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, куст, варит, строгают,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится п врет
И за рюмочку делует
Ручки у господ.
Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Русь?..

«Эй, Иван! пдп-ка стрипать!
Эй, Иван! чешп собак!»
Удалось Ивану сдаться
Где-то четвертак,
Помпнай теперь, как звали!
Шапку набекрень —
И пропал! Напрасно ждали
Ваньку целый день:

(Он же тайный похититель
Индюков п кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему п льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелсь живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног п до ушей.
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорого!

Утром с барпном расправа:
«Где ты пропадал?»
— Я... нпгде-с... ей-богу... право...
У ворот стоял! —

«Весь-то день?»... Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — были в зубы,
Нет — трещит скула.
— Виноват! — порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у двора стянет...
«Неужли плошать?»
Если плохо положили,
Стало, не запрет!»
Господа давно решили,
Что души в нем нет.

Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с цепи,
Перед тем грустили.
Господам конфузно было:
— Что с тобой, Иван? —
«Так, под сердце подступило»,
И глядят: не пьян!
Говорит: «Вы потеряли
Верного слугу,
Всё равно — помру с печалью,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
Цепи не снимать...»
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,
Плакал да кричал:
«Хоть бы раз Иван Мосепч
Кто меня назвал!..»

Как мертведки накатили,
В город тем же днем:
«Лпшь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ,
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.

Хоть бы в каторгу уroda —
 Лишь бы с рук долой!
 К счастью, тут пришла свобода:
 «С богом, милый мой!»

И, затерянный в народе,
 Вдруг исчез Иван...
 Как живешь ты на свободе?
 Где ты?... Эй, Иван!

С РАБОТЫ

— Здравствуй, хозяйшкa! Здравствуйте,
 детки!
 Выпить бы. Эки стоят холода!
 «И ты забыл, что наменил последки
 Выпил с десятником?»

— Ну, не беда!

И без вина отогрeюсь я, грешный,
 Ты обряди-ка савраску, жена,
 Поголодал он весной, сердечный,
 Как подобрался сена.

Эк я умалел!.. Что, обрядила?
 Дай-ка горяченьких щей.
 «Печи я нынче, родной, не топла,
 Не было, знаешь, дровец!»

— Ну, и без щей поснедаю я, грешный
 Ты овседа бы савраске дала, —
 В лето один он управил, сердечный,
 Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,
 Портится путь... Ии и хлебушка
 нет?..
 «Вышел, родной... У соседей проспала,
 Завтра сушили чем свет!»

— Ну, и без хлеба улягусь я, грешный,
 Кинь под савраску соломки, жена!
 В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
 Триста четыре бревна...

Зачем меня на части рвете,
 Клеймите именем раба?..
 Я от костей твоих и плоти,
 Остервенелая толпа!
 Где логика? Отды — злодеи,
 Низкопоклонники, лакеи,
 А в детях видя подлещов,
 И негодуют и дивятся,
 Как будто от таких отцов
 Герои где-нибудь родятся?
 Блажен, кто в юности слепой
 Погорячился и с размаху
 Положил голову на плаху...
 Но кто, поджаренный судьбой,
 Узнает жизнь, тому дороги
 И к честной смерти не найти.
 Стоять он будет на пути

В недоуменни, тревоге
 И думать: глупо умирать,
 Чтоб им яснее доказать,
 Что прочен только путь неправый;
 Глушеи трагедней кровавой
 Без всякой пользы тешить их!
 Когда являлся сумасшедший,
 Навстречу смерти гордо шедший,
 Что было в помыслах твоих,
 О родина! одну плею
 Твоя вмещала голова:
 «Посмотрим, как он сломит шею!»
 Но жизнь не так же дешева!
 Не оправданий я ищу,
 Я только суд твой отвергаю.
 Я жить в позоре не хочу,
 Но умереть за что — не знаю.

ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лихой, лихая тройка
 И колокольчик под дугой,
 И дождь и грязь, но кони бойко
 Телегу мчат. В телеге той
 Сидит с осанкою победной
 Жандарм с усами в аршин,
 И рядом с ним какой-то бледный
 Лет в девятнадцать господин.
 Все кони взмылены с натугой,
 Весь ад осенней русской вьюги
 Навстречу; не видать небес,
 Нигде жилья не попадает,
 Всё лес кругом, угрюмый лес...
 Куда же тройка поспешает?
 Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
 Кто ты, преступник молодой?
 Быть может, ты имел свиданье
 В глухую ночь с чужой женой?
 Но подстерег супруг ревнивый
 И длань занес — и оскорбил,
 А ты, безумец горделивый,
 Его на месте положил?
 Ответа нет. Бушует вьюга,
 Завидев кабачок, как друга,
 Жандарм командует: стоять!
 Девятый шкалик выпивает...
 Чу! тройка тронулась опять!
 Гремнит, звенит — и улетает
 Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
 Но соблазнительный металл?
 Дитя корысти современной,
 Добра чужого ты взалкал,
 И в доме пздавна знакомом,
 Когда все погрузились в сон,
 Ты совершил грабеж со взломом
 И пойман был и улечен?
 Ответа нет. Бушует вьюга;
 Обняв преступника, как друга,
 Жандарм напившийся храпит;
 Ямщик то свистит, то зевает,
 Поет... А тройка всё гремит,
 Гремнит, звенит — и улетает
 Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
 Ты не был, друг? и просто мы
 Теперь столкнулись с нигилистом,
 Слм кровожадным чадом тьмы?
 Какое ж адское коварство
 Ты помышлял осуществить?
 Разрушить думал государство
 Или инспектора побить?
 Ответа нет. Бушует вьюга,
 Вся тройка в сторону с плуга
 Шарахнулась. Озясь, кнутом
 Ямщик по всем по трем стегает;
 Телега скрылась за холмом,
 Мелькнула вновь — и улетает
 Куда Макар телят гоняет!..

1 8 6 8

Не рыдай так безумно над ним,
 Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
 Положить не успела на нем, —

Становись перед ним на колени,
 Украшай его кудри венком!
 Перед ним преклониться не стыдно:
 Вспомни, сколько пали в борьбе,
 Сколько раз уже было тебе

За великое пмя обидно!
 А теперь его слава прочна:
 Под холодною крышкою гроба
 На нее не наложат пятна
 Ни ошибка, ни спла, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
 Не был гордою волей богат,
 Но, ты знаешь, кто ближнего любит
 Больше собственной славы своей,
 Тот и славу сознательно губит,

Если жертва спасает людей.
 Но у жизни есть мрачные силы —
 У кого не слабел шаг
 Перед дверью тюрьмы и могилы?
 Долговечность и слава — враги.

Русский генпй издавна венчает
 Тех, которые мало живут,
 О которых народ замечает:
 «У счастливого недруги мрут,
 У несчастного друг умирает...»

МАТЬ

Она была исполнена печалью,
 И между тем, как шумны и резвы
 Три отрока вокруг нее играли,
 Ее уста задумчиво шептали:
 «Несчастные! зачем родились вы?
 Пойдете вы дорогою прямою,
 И вам судьбы своей не избежать!»
 Не омрачай веселья их тоскою,
 Не плачь над ними, мученица-мать!
 Но говори им с молодости ранней:
 Есть времена, есть целые века,
 В которые нет ничего желанней,
 Прекраснее — тернового венка...

ДОМА — ЛУЧШЕ!

В Европе удобно, но родны ласки
 Ни с чем несравнимы. Вернувшись домой,
 В телегу спешу пересесть из коляски
 И марш на охоту! Денек недурной,

Под солнцем осенним родная картина
 Отвыкшему глазу нова...
 О матушка Русь! ты приветствуешь сына
 Так нежно, что кругом идет голова!

Твой мужик на меня выгонял
 Зверей из лесов целый день,
 А ночью возвратный мой путь освещали
 Пожары твоих деревень.

. . .

Душно! без счастья и волн
 Ночь бесконечно длинна.
 Буря бы грянула, что ли?
 Чаша с краями полна!
 Грянь над пучиною моря,
 В поле, в лесу засвищи,
 Чашу вселенского горя
 Всю расплещи!..

. . .

Наконец, не горит уже лес,
 Снег прикрыл почерневые пеня,
 Но помещик душой не воскрес,
 Потеряв половину пмения.

Прпуным и мужик. — Чем я буду топить? —
 Говорит он, лицо свое хмуря.
 «Ты не будешь топить — будешь нить»,
 Завывает в ответ ему буря...

1870

ДЕДУШКА

(Посвящается З-н-ч-е)

I

Раз у отца, в кабинете,
 Саша портрет увидал,
 Изображен на портрете
 Был молодой генерал.
 «Кто это?» — спрашивал Саша,
 «Кто?»... — Это дедушка твой. —
 И отвернулся папаша,
 Низко поклонив головой.
 «Что же не вижу его я?»
 Папа ни слова в ответ.
 Внук, перед дедушкой стоя,

Зорко глядит на портрет:
 «Папа, чего ты вздыхаешь?
 Умер он... жив? говори!»
 — Вырастешь, Саша, узнаешь.
 «То-то... ты скажешь, смотри!..»

II

«Дедушку знаешь, мамаша?»
 Матери сын говорит.
 «Знаю», — и за руку Саша
 Маму к портрету тащит,

Мама идет против воли.
 «Ты мне скажи про него,
 Мама! недобрый он, что ли,
 Что я не вижу его?
 Ну, дорогая! ну, сделай
 Милость, скажи что-нибудь!»
 — Нет, он и добрый и смелый,
 Только несчастный. — На грудь
 Голову скрыла мамаша,
 Тяжко вздыхает, дрожит —
 И зарыдала... А Саша
 Зорко на деда глядит:
 «Что же ты, мама, рыдаешь,
 Слова не хочешь сказать!»
 — Вырастешь, Саша, узнаешь.
 Лучшие пойдем-ка гулять...

III

В доме тревога большая.
 Счастливы, светлы лицом,
 Заново дом убирал,
 Шепчутся мама с отцом.
 Как весела их беседа!
 Сын подмечает, молчит.
 — Скоро увидишь ты деда! —
 Саше отец говорит...
 Дедушкой только и бредит
 Саша, — не может уснуть:
 «Что же он долго не едет?..»
 — Друг мой! Далеко ему пути! —
 Саша тоскливо вздыхает,
 Думает: «Что за ответ!»
 Вот, наконец, приезжает
 Этот таинственный дед.

IV

Все, уж давно поджидая,
 Встретил старого вдруг...
 Благословил он, рыдая,
 Дом и семейство, и слуг,
 Пыль отряхнул у порога,
 С шеп торжественно спял
 Образ распятого бога
 И, покрестившись, сказал:
 «Днесь я со всем примирился,
 Что потерял на веку!..»
 Сын пред отцом преклонился,
 Ноги омыл старику;
 Белые кудри чесала
 Дедушке Сашина мать,
 Гладила их, целовала,

Сашу звала целовать.
 Правой рукою мамашу
 Дед обхватил, а другой
 Гладила румяного Сашу:
 — Экой красавчик какой! —
 Дедушку пристальным взглядом
 Саша рассматривал, — вдруг
 Слезы у мальчика градом
 Хлынули, к дедушке внук
 Кинулся: «Дедушка! где ты
 Жил-пропадал столько лет?
 Где же твои эполеты,
 Что не в мундир ты одет?
 Что на ноге ты скрывался?
 Ранена, что ли, рука?..»
 — Вырастешь, Саша, узнаешь.
 Ну, поделий старика!..

V

Повеселед, оживился,
 Радостью дышит весь дом.
 С дедушкой Саша сдружился,
 Вечно гуляют вдвоем.
 Ходят лугами, лесами,
 Рвут васильки среди пшвы;
 Дедушка древен годами,
 Но еще бодр и красив,
 Зубы у дедушки целы,
 Поступь, осанка тверда,
 Кудри пушисты и белы,
 Как серебро борода;
 Строен, высокого роста,
 Но как младенец глядит,
 Как-то апостольски-просто,
 Ровно всегда говорит...

VI

Выйдут на берег покатый
 К русской великой реке —
 Свищет кулик вороватый,
 Тысячи лап на песке;
 Барку везут бечевою,
 Чу, бурлаков голоса!
 Ровная гладь за рекою —
 Нпвы, покосы, леса.
 Легкой прохладою дует
 С медленных, дремлющих вод...
 Дедушка землю целует,
 Плачет — и тихо пост...
 «Дедушка, что ты роняешь
 Крупные слезы, как град?..»

— Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

VII

— Рад я, что вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенок крестьянских
Как на ладони на пей!
У лесу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — непсходно горька!
Ропот: «Полейте же руку
Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, —
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли? — «Дедушка, надо!»
— То-то! попомни же, внук!..

VIII

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у дела
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

IX

— Скоро дадут им свободу, —
Внуку старик замечал: —

Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, впядал:
Горсточку русских сослал
В страшную глушь за раскол,
Волю да землю им дал;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стопт,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельнику выстроит скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

X

— Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Длинные дивы творят!
Всё принялось, раздобрею!
Сколько там, Саша, свиной,
Перед селением бело
На полверсты от гусей:
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивые
Жители, бодрые всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

XI

— Дети до возраста в неге,
Конь хоть сейчас на завод,
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну, уж зато и народ!

Взросшие в нравах суровых,
 Самы творят они суд,
 Рекрутов ставят здоровых,
 Трезво и честно живут,
 Подати платят до срока,
 Только ты им не мешай.
 «Где ж та деревня?» — Далеко,
 Имя ей: *Тарбагатай*,
 Страшная глушь, за Байкалом...
 Так-то, голубчик ты мой,
 Ты еще в возрасте малом,
 Вспомнишь, как будешь большой...

XII

— Ну... а куда подумай,
 То ли ты впалшь кругом:
 Вот он, наш пахарь угрюмый,
 С темным, убитым лицом:
 Лапти, лохмотья, шапчонка,
 Рваная сбруя; едва
 Тянет косулю клячонка,
 С голоду еле жива!
 Голоден труженик вечный,
 Голоден тоже, божусь!
 — «Эй! отдохни-ко, сердечный!
 Я за тебя потружусь!»
 Глянул крестьянин с испугом,
 Барину плуг уступил,
 Дедушка долго за плугом,
 Пот отирая, ходил;
 Саша за ним торопился,
 Не успевал догонять:
 «Дедушка! где научился
 Ты так отлично пахать?
 Точно мужик, управляешь
 Плугом, а был генерал!»
 — Вырастешь, Саша, узнаешь,
 Как я работником стал!

XIII

— Зрелище бедствий народных
 Невыносимо, мой друг;
 Счастье умов благородных
 Видеть довольство вокруг.
 Нынче полегче народу:
 Стих, притаился в тени
 Барин, прослышав свободу...
 Ну, а как в наши-то дни!

Словно как омут, усадьбу
 Каждый мужик обвезжал.
 Помню ужасную свадьбу:
 Поп уже кольца менял,
 Да, на беду, помолиться
 В церковь помещик зашел:
 «Кто им позволил жениться?
 Стой!» и к попу подошел...
 Остановилось венчанье!
 С барином шутка плоха —
 Отдал наглец приказанье
 В рекруты сдать жениха,
 В девицу — бедную Грушу!
 И не перечил никто!..
 Кто же смеющийся душу
 Мог это вынести?.. кто?..

XIV

— Впрочем, не то еще было!
 И не одни господа,
 Сок из народа давила
 Подлых подлых орда.
 Что ни чиновник — стяжатель,
 С целью добычи в поход
 Вышел... а кто неприятель?
 Войско, казна и народ!
 Всем доставалось исправно.
 Стачка, порука кругом:
 Смелые грабили явно,
 Труссы тащили тайком.
 Неопидаемой ночью
 Мрак над страной висел...
 Видел — смеющийся очей
 И за отпизну болел.
 Стоны рабов заглушая
 Лестью да свистом бичей,
 Хитриков алчная стая
 Гибель готовила ей...

XV

— Солнце не вечно сияет,
 Счастье не вечно везет:
 Каждой стране наступает
 Рано или поздно черед,
 Где не покорность тупая —
 Дружная сила нужна;
 Грядет беда роковая —
 Скажется миготом страна.
 Единодушие и разум
 Всюду дадут торжество,

Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего, —
Красноречивым воззванием
Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталой!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...

XVI

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Попцеловавши, как брата,
Ласково с ним говорил:
— Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!

XVII

— А не доволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплется градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перецуганный полк,
Жертв покрупнее приищет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!»
Слушал — смеющийся уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..

«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?... скажи!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...

XVIII

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть. —
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иглой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

XIX

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном парде
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных,
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданьи
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влияньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена помнишь
Ты иногда по ночам...»
— Вырастешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я пел...

«Ну! приучусь я к терпенью!»
Саша уныло сказал...

XX

Часто катался летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом
Дед приближался к реке:
— Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил. —
«Где ж пропадал ты так долго?»
Саша несмело спросил.
— Был я далеко, далеко...
«Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит.
— Лучше не спрашивай, милый! —
(Голос у деда дрожит) —
Глухо, пустынно, безлюдно,
Стень полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно тасешь...
«Что ж ты там, дедушка, жил?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронил...

XXI

«Господи! слушать паскучит.
Вырастешь! мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
Вырастешь — тоже твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..»

(Стал на скамеечку чёлна)
«Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит.
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется, как голубь, оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Все непременно узнать!»
Дедушка, внука целует,
Шепчет: — Тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погодя!
Пособерись-ка ты с сплосой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже. —
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как случится. —
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!»
Издали громко кричит.

XXII

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург и Читту,
Лучше большого расскажет
Много в русском быту.
Глухых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

Н. А. Некрасов.
Фотография 1860-х годов.

СТРАШНЫЙ ГОД

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О любовь! — где все твои усилья?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилия,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстят — кунаются в кровь,
Сон стоит над миром не смолкая;

Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бесплоден ныне!
Сгинет он, не нужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! — сомненья роковыя,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смуглились,
И, как птицы в бурю, припались
В ожидании света и тепла.

СТИХОТВОРЕНИЯ,

посвященные русским детям

I

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе около «Малых Весей»
С старым Мазаем я был дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солиде сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красно,
Исстари хмель в ней родится на-диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домик в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода поиммает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой изменившийся край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука.
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорок верст в Кострому напрямком
Сбегать лесамн ему пшпочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А лешпй? «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую почь, — шкого не впадал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мпмоходом бруснику, малину;

Вечером пшпочка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рпсованы очп.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в деркви, когда отслужили
Службу п накрепко дверь затворили,

Разве какал сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Для не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза пзмснять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпадут дедушка, — залд уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Слдет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с уголькамп?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над угоleckамп руки погрею,
Да уж потом п палю по злодею! —

Вот так охотник! — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

4

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, пзмменном крае
Вытерю больше бы дичи велось,
Кабы сетямн ее не ловили,
Кабы силкамн ее не давили;
Зайцы вот тоже, — пх жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, п топят, п бьют пх баграмп
Где у них совесть?... Я раз за дровамп
В лодке поехал — пх много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —

*Дедушка Мазай и зайцы.**Акварель Петра Соколова.*

Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Впью один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,

Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушам,
Сам ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сам!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то!» сказал я: «не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гудора, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тигота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Ее жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —

Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло;
Сня и стоя и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятнишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают.
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рошу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...
И во весь дух

Пошел зайчишки.

А я им: «у-ух!»
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур — зимой
Не попадайся!
Приделюсь — бух!
И ляжешь... Уу-ух!..

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно пзмокли, ослабли; в мешок
Я их покчал — и домой приволок,
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, высыпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; пз мешка
Вытряхнул, ухнул — и дал стрелка!
И проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косой»...

II

СОЛОВЬИ

Качая младшего сына,
Крестьяника старшим говорил:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас бурёнку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей... —
Да не мешай же мне, проказник! —

У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девиды красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только — (Клим, не трогай Сашу!) —
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь нап-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугались сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал вам дед,
Весна, а роща, как немая,
Стоит — гостей заметных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, сляков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что дель, то новый хор прибудет...

Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам:
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Средний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,

А старший с важностью спросил,
Кубарь пускал перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рошцы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рошцы и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

1871

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

А. Н. Ермаков

I

Нынче скромн наш клуб писанный,
Редки в нем и не громки шпы.
Где ты, время ух знаменитой?
Где ты, время безумной игры?
Воротили бы, если б могли мы,
Но, увы! не воротиться ты!
Прежде были легко уловимы
Характерные клуба черты:
В молодом поколении — фатство,
В стариках, если смею сказать,
Застарелой тоски тунейства,
Самодурства и лени печать.
А теперь элемент старобарский
Вытесняется быстро: в швейцарской
Уж лакей не спят по стенам;
Изменились и люди и нравы,
Только старые наши уставы
Неизменны, на зло временам,
Да Крылов роковым переменам
Не подвергся (во время оно
Старый дедушка был у нас членом,
Бюст его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
Разносилась в другие кружки,
Мы не знали, что думать, покуда
Не заявят тузы-старпки,
Как смотреть на такое-то дело,

На такую-то меру; ключом
Самобытная жизнь здесь кипела,
Клуб снабжал всю Россию умом...

Не у нас ли впервые раздался
Слух (то было в тридцатых годах),
Что в Совете вопрос обсуждался:
Есть ли польза в железных путях?
— Что ж, признали?—до новостей лаком,
Я спросил у туза-старика.
«Остается покрытая лаком
Резолюция в тайне пока...»

Крепко в душу запавшее слово
Также здесь услышал я впервой:
«Привезли из Москвы Полевого...»
Возвращаясь в тот вечер домой,
Думал я невеселые думы
И за труд неохотно я сел.
Тучи на небе были угрюмы,
Ветер что-то насмешливо шел.
Напевал он тогда, без сомненья:
«Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом»,
Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне ее пояснили потом...

Получив роковую повестку,
Сбрл усы и пошел я туда.
Сняв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу...
Я в ответ заикнулся сказать:
— Если б даже имел я отвагу
Столько дерзких вещей написать,
То цензура... — «К чему оправдания?
Император помпировал вас,
Но смотрите!! Какого вы звания?»
— Дворянин. — «Пробежал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вам ваше дворянство?...
Завирайтесь вы, господа!
За опасное дело беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти...»

Помню я Истрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно путнуло,
Поседали иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что всё ж
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь.

А война? До царя не скорее
Доходили известия о ней:
Где урон отзывался сильнее?
Кто победу справлял веселей?
Прискакавшего прямо из боя
Здесь не раз мы видали героя
В дни, как буря кипела в Крыму.
Помню, как мы внимали ему:
Мы к рассказчику густо теснились,
И героев войны ждали
В нашу память глубоко ложилась...
Впрочем, нам пзменила она!
Замечательно странное свойство
В нас суровый наш климат разви —
Забыли ливших героизм,
Помним тех, кто себя посрамил:
Кто нагрел свои грязные руки,
У солдат убавляя паек,

Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую коринию впрок
И потом продавал англичанам, —
Всех и мелких и крупных воров,
Отдыхающих с полным карманом,
Не забудем во веки веков!

Все, кем славилась наша столица,
Здесь бывали: куда ни взгляни —
Именитые, важные лица.
Здесь, я помню, в парадные дни
Странен был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.
Гость-помещик из глуши далекой,
Только рот разевай да гляди:
Здесь посланники всех государей,
Здесь банкиры с тугим кошельком,
Цвет и соль министерств, канцелярий,
Откупные тузы, — и притом
Симметрия рассчитана строго:
Много здесь и померкнувших звезд,
Говоря прозаичнее: много
Генералов, лишившихся мест...

Зажигались сотнями свечи,
Накрывались пышно столы,
Говорились парадные речи...
Говорили министры, послы,
Наши Фоксы и Роберты Пилл
Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали питимны они...

Есть и нынче парадные дни,
Но пропала их важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь течение свое изменила,
Как река изменяет русло...

II

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть,
Тут бы нужен второй Грибоедов...
Впрочем, Муза! не будем робеть!
Начинаю.

— Москва. День субботний.
(Петербург не лишен слогов,
Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип.) Среди полных столов
Вот рядом старики-объедалы:
Впятером им чтыреста лет,

Вид их важен, чины их не малы,
Толщиною же равных им нет.
Раздражаясь пз каждой безделки,
Порипают неловкость слуги,
И от жадности, вместо тарелки,
На салфетку валят прогни;
Шевелясь как осенние мухи,
Льют, ропают, — беспамятны, глухи;
Взор их медлен, беспцветен п туп.
Скушав суп, старина засыпает
И, проснувшись, слугу вопрошает:
«Человек! подавал ты мне суп?...»
Впрочем, честь их чужда укорины:
Добывали места для родни
И в сенате на пользу отчины
Подавали свой голос они.
Жаль, уж их потеряла Россия,
И оплакал москвич от души:
Подкосила их «ликантропия»,
Их заели подкожные вши...

— Петербург. Вот пптух престарелый,
Я так живо припомнил его!
Окружен батареею целой
Разных вин, он не пьет ничего.
Пить любил он; я думаю, море
Выпил в долгую жизнь; но давно
Пить ему запретили (о, горе!..)
Старый грешник играет в вино:
Наслаждение его роковое
Нюхать, чмокать, к свече подносить
И раз двадцать вино дорогое
Из стакана в стакан перелить.
Перельет—п воды подмешает,
Поглядит—п опять перельет,
Кто послушает, как он вздыхает,
Тот мучения старца поймет.
«Выпить, что ли?» — Опаснее яла
Вам вино! — закричал ему врач...
«Ну, не буду! не буду, палач!»
Это сцена из Дантова «Ада»...

Рядом юноша стройный, красивый,
Схожий в профиль с великим Петром,
Наблюдает с усмешкой ленивой
За соседом своим чудакон.
Этот юноша сам возбуждает
Много мыслей: он так еще млад,
Что в приемах большим подражает:
Приправляет кайеном салат,
Портер пьет, объедается мясом;
Наливая с эффектом вино,

Замечает пскусственным басом:
— Отчего перегрето оно?

Очень мил этот юноша свежий!
Меток на слово, в деле удал,
Он уж был на охоте медвежьей,
И медведь ему ребра помял,
Но Сережа осплил медведя.
Кстати тут он узнал п друзей:
Убежали п Мппа п Федя,
Не бежал только сгерь — Корней.
Это в нем скептицизм породило:
«Люди — свппны!» Сережа решил
И по-своему метко п мило
Всех знакомых своих окрестил.

Знаменит этот юноша русский:
Отчеканено имя его
На подарках всей труппы французской!
(Говорят, миллион у него).
Признак русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою
Насыщает он в юные годы
Удальством в рукопашном бою,
Гомерической, липкой попойкой,
Приводящей в смятение трактир,
Да игрой, да отчаянной тройкой.
Он своей молодежк кумир,
С ним хорошее общество дружно,
И он счастлив, доволен собой,
Полагая, что больше не пужно
Ничего человеку. Друг мой!
Маловато прочесть два романа
Да поэму «Монго» изучить
(Эту шалость поэта-улана),
Чтоб разумно п доблестно жить!
Недостаточно ухарски править,
Мчась на бешеной тройке стремглав,
Двадцать тысяч на карту поставить
И глазком не моргнуть, проиграв, —
Есть иное величие в мире,
И не торный ведет к нему путь,
Человеку прекрасней п шпре
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутинным путем,
И недремлющий дух беспокойства
Разрешится одним кутежом;
Если с жизни получишь ты мало, —
Не судьба тому будет виной:
Ты другого не знал идеала,
Не провидел ты дели иной!

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... Светел твой путь вперед!
Не одно, целых три состоянья
На своем ты веку прожвешь:
Как схватит отцов достоянья,
Ты жену с миллионом возьмешь;
А потом ты повысишься чином —
Подоспест казенный оклад.
Но таким-то разумным причинам
Твоему я бездействию рад!

Жаль одно: на пустые приманки,
Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти дыганки,
А друзья твои — точно скоты.
Ты, чей образ в порыве желанья
Ловит женщина страстной мечтой,
Идешь ты покупного лобзанья,
Ты бежишь за продажной красой!
Ты у старцев, чьи пкры на вате,
У кого разжижение в крови,
Отбиваешь с оркестром кровати!
Ты — не знаешь блаженства любви!..

Очень милы балетные феи,
Но не стоят хороших цветов,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоих кучеров.
Те же деньги и то же здоровье
Мог бы ты поумнее убить,
Не хочу я впадать в пустословье
И о честном труде говорить.
Не ленив человек современный,
Но на что расточается труд?
Чем работать для дела презренной,
Лучше пусть эти баловни пьют...

.....

Знал я юношу: в нем сочетались
Дарованье, ученость и ум,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сделалю шум.
Но, к несчастью, был он помешан
На комфорте — столичный недуг, —
Каждый час его жизни был взвешен,
Вечно было ему недосуг:
Чтоб приставить кушетку к камину,
Чтоб друзей угощать за столом,
Он по месяцу, сгорбивши спину,
Изнывал за постылым трудом.
Знаю сам, говорил он частенько,

Что на лучшее дело гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потом и серьезно займусь.
Суетился, спешил, торопился,
В день по несколько лекций читал;
Секретарствовал где-то, учился
В то же время; статейки писал...
Так трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дел,
Ничего он не сделал изрядно,
Да и сам-то пожить не успел,
Не потешил ни бога, ни чорта,
Не увлекся ничем никогда,
И бессмысленной жертвой комфорта
Пал — под игом пустого труда!

Знал я мужа: командой пожарной
И больницей он заправлял,
К дыму, к пламени в бане угарной
Он нарочно солдат приучал.
Вечно ревностный, вечно не спящий,
Столько делал фальшивых тревог,
Что случится пожар настоящий, —
Смотришь, лошади, люди без ног!
«Смирно! кутай башку в одеяло!»
В лазарете кричат фельдшера;
Настежь форточки — ждут генерала, —
Вся больница в тревоге с утра.
Генерал на минуту предст, —
Смотришь, к вечеру в этот денек
Десять новых горячечных бредит,
А пной и умрет под шумок...

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
Что погубит нас Запад зловерный.
Бледный, худенький, в синих очках,
Он недавно еще попадался
В книжных лавках, в кофейных домах,
На журналы, на книги бросался,
С карандашиком вечно в руках:
Поясенья, заметки, запросы
Составлял трудолюбец-старик,
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.
Все его инстинктивно дичилось,
Был он грязен, жил в крайней нужде,
И злое слово слухи носилась
Об его бескорыстном труде.

Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,

Как у нас отразились они.
 Подоспело удобное время —
 И в комиссию мрачный донос
 На погибшее блудное племя
 В три приема доносчик принес.
 И вещал он властям предержащим:
 «Многолетний сей труд рассмотри
 И мечом правосудья разящим
 Буесловия гидру сотри!..»
 Суд отказом его не обидел,
 Но старик уже слишком наврал:
 Демагога в Бугарине видел,
 Робеспьером Сенковского звал.
 Возвратили!.. В тоске безысходной
 Старец скорбные очи смежил,
 И Липяев, сатирик холодный,
 Эпиграфню старцу сложил:

*«Здесь обрел даровую квартиру
 Муж злокачествен, подл и плешив,
 И оставил в наследие миру
 Образцовых доносов архив».*

Так погиб бесполезно, бесследно
 Труд почтенный; не правда ли, жаль?

«Иногда и лениться не вредно»,
 Такова этих притчей мораль...

III

Время в клуб воротиться, к обеду...
 Нет, уж поздно! Обед при конце,
 Слишком мы протянули беседу
 О Сереже, лихом молодце.
 Стариков полусонная стая
 С мест своих тяжело поднялась,
 Животами друг друга толкая,
 До диванов кой-как доплелась.
 Закурив дорожные сигары,
 Непугающий люд на кружки
 Разделился; пошли тары-бары...
 (Козыряют давно игроки.)

Нынче множество тем для витийства:
 Утром только газеты взгляни —
 Интересные кражи, убийства, —
 Но газеты молчали в те дни.
 Никаких «современных вопросов»,
 Слухов, толков, живых новостей,
 Исключение одно: для доносов —
 Допускалось. Доносчик Авдей
 Представлялся печадием ада

В добродушные те времена,
 Вообще же в стенах Петрограда,
 По газетам, была тишина.
 В остальной необъятной России
 И подавно! Своим чередом
 Шли дожди, бунтовали стихии,
 А народ... мы не знали о нем.
 Правда, дикие, смутные вести
 Доледали до нас иногда
 О мужицкой расправе, о мести,
 Но не верилось как-то тогда
 Мрачным слухам. Покой нарушался
 Только голодом, мором, войной,
 Да случайно впросак попадался
 Колоссальный ворюге порой —
 Тут молва создавала поэмы,
 Оживало всё общество вдруг...
 А затем обиходные темы
 Сокращали наш мирный досуг.

Две бутылки бордо уничтожа,
 Не касаясь общественных дел,
 О борзых, о лоретках Сережа
 Говорить бесподобно умел:
 Берты, Минны и прочие... дуры
 В живописном рассказе его
 Соблазнительней самой натуры
 Выходили. Но лучше всего
 Он дразнил петербургских актеров
 И жеманных французских актрис.
 Темой самых живых разговоров
 Были скачки, парад, бенефис.
 В офицерском кругу говорили
 О тугом производстве своем
 И о том, чьи полки победили
 На маневрах под Красным Селом:
 — Верно, явится завтра в приказе
 Благодарность войскам, господа:
 Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе:
 «Подавайте Европу сюда!..»
 Тут же шли бесконечные споры
 О дуэли в таком-то полку
 Из-за Клары, Арманс или Лоры,
 Да шептались стихи в уголку
 На игривые, милые темы...
 (Может быть, вам знакомы они?..)

Интересами личными все мы
 Занимались больше в те дни.
 Впрочем, были у нас русофилы
 (Те, что видели в немцах врагов),
 Наезжали к нам славянофилы,
 Светский тип их тогда был таков:

В Петербурге шампанское с квасом
 Попивали из древних ковшей,
 А в Москве восхваляли с экстазом
 Дюпетровский порядок вещей,
 Но, живя за границей, владел
 Очень плохо родным языком
 И понятия они не имели
 О славянском призвании своем.
 Я однажды смелся до колик,
 Слыша, как князь NN говорит:
 — «Я, душа моя, славянофил».
 — А религия ваша?—«Католик».

Не задеты ничем за живое,
 Всякий спор мы бросали легко,
 Вот за картамп,—дело другое!—
 Волновались мы тут глубоко.
 Чу! какой-то игрок крутонравный,
 Проклиная несчастье, гремит,
 Чу! наш друг, путешественник славный,
 Монотонно и дерзко ворчит:
 Дух какой-то враждой непонятной
 За игрой омрачается в нем;
 Человек он весьма деликатный
 С добрым сердцем, с развитым умом,
 Несомненным талантом владел,
 Он прославился книгой своей,
 Он из Африки негра-лакея
 Вывез (очень хороший лакей,—
 Впрочем, смысла в подобных затеях
 Я не вижу: по воле судеб
 Петербург недостатка в лакеях
 Никогда не имел)... Но свиреп
 Он в игре, как гнена: осадок
 От сблрсских лпхх непогод,
 От египетских злых лпхорадок
 И от всяких житейских невзгод
 Он бросает в лицо партнера
 Так язвительно, тонко и зло,
 Что игра прекращается скоро,
 Как бы жертве его ни везло...

Генерал с поврежденной рукою
 Также здесь налицо; до сих пор
 От него еще дышит войною,
 Пахнет дымом Федюхных гор.
 В нем героя война отлпчила,
 Но игрок навсегда пострадал:
 Пуля пальцы ему откусила...
 Праздно бродит селой генерал!

В тесноте, доходящей до давки,
 Весь в камнях, подрумянен, завит,

Принпмающий всякие ставки
 За столом миллионщик сплит:
 Тут идут смертоносные схватки.
 От надменных игорных тузов
 До копеечных трех игроков
 (Называемых: *тери от девятки*)
 Все участвуют в этом бою,
 Горячась и волнуясь немало...
 (Тут и я, мой читатель, стою
 И пытаю фортуны бывало...)
 При счастливой игре нехорош,
 Жаден, дерзок богач-старичник,
 Придпрается, спорит за грош,
 Рад удаче своей, как мальчишка,
 Но зато при несчастье он мил!
 Он бывало нас много смешил...
 При несчастье вздыхал он нервически,
 Потирал раскрасневшийся нос
 И певал про себя пронпчески:
 «Веселюсь, храбрый Росс!...»

Бой окончен, старик удаляется,
 Взяв добычи порядочный пук...
 За три комнаты слышно: стук! стук!
 То не каменный гость приблпжается...
 Стук! стук! стук! равномерно стучит,
 словно ступа, нога деревянная:
 Входит старый, седой пивалпд,
 Тоже личность престранная...

Муза! ты отступаешь от плана!
 Общий очерк затеял мы,
 Так не тронь же, мой друг, ни Ивана,
 Ни Лукп, ни Фомы, ни Кузьмы!
 Дорпсуй висчатление—и мирно
 Удались, не задев едпппц!
 Да, играли и кушали жирно,
 Много было типпческих лпц,—
 Но припевшие дружно реформы
 Дали обществу новые формы...

IV

Благодатное время надежд!
 Да! прошедшим и ты уже стало!
 К удовольствию лпких невежд,
 Ты обетов своих не сдержало.
 Но, шумя и куда-то снеса
 И как будто оковы сбпвал,
 Русь! была ты тогда хороша!
 (Разуметь надо: Русь городская.)
 Как невольник, покинув тюрьму,
 Разгпбается, вольно вздыхает

И, не веря себе самому,
 Богатырскую мощь ощущает,
 Ты казалась сильна, молода,
 К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
 В прегрешениях тяжких тогда,
 Как блудница, ты громко винилась,
 И казалось нам в первые дни:
 Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
 Проклиная бесправье, безгласность,
 Произвол и господство бича,
 Далеко мы зашли сгоряча!
 Между тем как народ неразвитый
 Ел кору и молчал, *как убитый*,
 Мы сердечно болели о нем.
 Мы зывали: «Даруйте свободу
 Угнетенному нами народу,
 Мы прошедшее сами клянем!
 Посмотрите на нас: мы обжоры,
 Мы ходячие трупы, гробы,
 Казнокрады, народные воры,
 Угнетатели, трусы, рабы!»
 Походя на толпу сумасшедших,
 На самих себя выющих бичи,
 Сознаться в недугах прошедших
 Были мы до того горячи,
 Что превысили всякую меру...
 Крылось что-то неладное тут,
 Но не вдруг потеряли мы веру...
 Призывая на дело, на труд,
 Понял горькую истину сразу
 Только юноша-гений тогда,
 Произнесший бессмертную фразу:
 «В настоящее время, когда...»

Дело двинулось... волею власти...
 И тогда-то во всей наготе
 Обнаружились личные страсти
 И слышались речи — не те:
 «Это яд, уж давно отравлявший
 Наше общество, сплу забрал!»
 Восклидал, словно с неба упавший,
 Суясь всюду, сморчок-генерал
 (Как цветы, что в ночи распускаются,
 Эти люди в чинах повышаются
 В строгой тайне, — и в жизни потом
 С испонятым апломбом являются
 В роковом ореоле своем).
 «Со времен Петрашевского строго
 За развитием его я следил,
 Я наметил поборников много,
 Но... напрасно я труд потубил!

Горе! горе! Имею сынишку,
 Тяжкой службой, бессонным трудом
 Приобрел я себе деревнишку...
 Что ж... пойду я теперь нагишом?...
 Любо вам рисоваться, мальчишки!
 А со мной-то что сделали вы?..»

Если б только такие людишки
 Порисали реформу... увь!
 Радикалы вчерашние тоже
 Восклидали: «Что будет?... о боже!..»
 Уступать не хотели земли...
 (Впрочем, — надо заметить, — не много,
 Разбирая прошедшее строго,
 Мы бы явных протестов начали:
 По обычаю мудрых холопов,
 Мы держались больше подкопов
 Или рабски за временем шли...)

Некто, слывший по службе за гения,
 Генерал Фердинанд фон-дер-Шпехт
 (Об отводе лесов для сечения
 Подававший обширный проект)
 Нам предсказывал бунты народные.
 («Что, не прав я?...» потом он кричал.)
 — Всё они! всё мальчишки негодные! —
 Негодующий хор повторял.

Та вражда к молодым поколениям
 Здесь начальные корни взяла,
 Что впоследствии диким явлением
 В нашу жизнь так глубоко вошла.
 Учрежденным тогда комитетам
 Потерявшие ум старики
 Посылали, сердясь не по летам,
 Брань такую: «Мальчишки! щепки!..»
 (Там действительно люди засели
 С средним чинком, без лент и без звезд,
 А иные тузы полетели
 В то же время с наспяженных мест.)
 Не щадя даже сына родного,
 Уничтожить иной был готов
 За усмешку, за резкое слово
 Безбородых, безусых бойцов;
 Их ошибки встречались шипеньем,
 Их несчастье — скаканьем и пеньем:
 «Ну! теперь-то припрут молодцов!
 Лезут на стену, корчат Катонов,
 Посевают идею Прудонов,
 А пугни — присмирест любой,
 Станет петь превосходство неволи...»

Правда, правда! народ молодой
 Брал подчас непосильные роли.

Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решением вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои родятся?..

Клубу нашему тоже на долю
Неприятностей выпало вволю.
Чуть тронулся крестьянский вопрос
И порядок нарушился древний.
Стали «плохо писать из деревни».
— Не сыграть ли в картишки? «На что-с?»
Отвечал вопрошаемый грубо:
«Своротили вы, сударь, с ума!..»
Члены мирно дремавшего клуба
Разделились; пошла кутерьма:
Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
А в ответ якобинец салонный
Говорил, говорил, говорил...

Сам себе с наслаждением вшмал,
Формируя парламентский слог,
Всем недугам родимого края
Подводил он жестокий итог;
Человеком идей прогрессивных
Не без дела старался прослыть,
Убеждал старикашек напивших
Встрепенуться и Русь полюбить!
Все отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту песню мы знаем давно!
Осуждаешь ты старое смело,
Недоволен и новым слегка,
Ты способен и доброе дело
Между фразами сделать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подледа оборвешь,
Но получишь ты ключ камергерский
И уста им навеки запрешь!
Пусть тех «гуртовых» генералов,
Над которыми ныне острить,
Станешь ты нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратишь, —
Этим ты стариков успокоишь,
И помогут тебе старики.
Ловко ты свое зданье строишь,
Мастерски расставляешь силки!..

Словом, мирные дни миновали,
Много выбыло членов тогда,
А иные ходить перестали,

Остальных разделяла вражда.
Хор согласный — стал дик и нестройен,
Ни игры, ни богатых пиров!
Лишь один оставался спокоен —
Это дедушка медный Крылов:
Не бездушным глядел пестуканом,
Он лукавым сатиром глядел,
Игрокам, бюрократам, дворянам
Он, казалось, насмешливо пел:

«Полю вам — благо сами вы делы —
О наделах своих толковать,
Смерть придет, уравниет наделы!
Если вам мудрено уравниять...»

Полю вам враждовать меж собою
За чины, за места, за кресты —
Смерть придет и отнимет без бою
И чины, и места, и кресты!..

Пусть вас минус в игре не смущает
Игроки! пусть не радуется плюс,
Смерть придет — все итоги сравняет:
Будет, будет у каждого *плюс*!..»

Губернаторы, места лишенные,
Земледельцы-дворяне стесненные,
Откупные тузы разоренные,
Игроки, прогоревшие в прах, —
Генерал, проигравший сраженья,
Адмирал, потерпевший крушение, —
Находили ли вы утешение
В этих кратких и мудрых словах?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С плеч упало тяжелое бремя,
Написал я четыре главы.
«Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы?»
Замечает читатель, живущий
Где-нибудь в захолустной дали:
«Сцены, очерки жизни текущей
Мы бы с большей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копаться,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?»

Для людей, в захолустьях живущих,
Мы действительно странны, смешны,
Но, читатель! в вопросах текущих
Права голоса мы лишены,

Прикасаться к ним робко, несмело
Значит पुще запутывать их,
Шить на мертвых не трудное дело,
Нам желательнее шить на живых.
Устарелое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,
Государь мой! не тронули мы
(Да и то с подобающим тактом)...
Погоди, если мы проживем,

Дав назад отодвинуться фактам,
И вперед мы расскажем поведем, —
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь... Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх дном,
И всегда, по возможности, будем
Верны песнине — *задним числом*...

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

(Декабристки)

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

ПОЭМА

(1826 год)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покосен, прочен и легок
На-дливо слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал;

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то слет в эту ночь...

I

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, по, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

II

«Бог весть, увидимся ли вновь, —
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

III

«О, видит бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
По стальною я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!

IV

«Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,

*Русские женщины.**Акварель В. Кучумова. 1921.*

Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим. —

V

«Счастлива молодость моя
Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
Катанья с гор крутых,
Любила плеск Невы твоей
В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
С героем на коне...

VI

«Мне не забыть... Потом, потом
Расскажут нашу быль...
А ты, будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадрыль
Я танцевала... Та рука
Досель мне руку жжет...
Ликвой.
.

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
Свища бичом, крича: «нади!»

Ямщик столпу миновал...
Далек княгине путь лежал,

Была суровая зима...
На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрыгайте лошадей!»

И сыщет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей»,

Сказал княгине секретарь:
«Не ездит так и государь!..»

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога все трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплетли
В две русые косы,
Цветы, наряды припесали
Невиданной красы.
Пришел папаша, — сед, румян, —
К гостям ее зовет.
«Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!»
Ей любо, любо без границ.
Кружитесь перед ней
Цветник из мпых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старпкн:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблучки...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них...

«О мпый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоём?»

— Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем! —

И вот уехала она
С пзбраником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!
Танцует, ест, дерется голя,
Довольная собой,
И косу черную, как смоля,
Рпмянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен чернп гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.

Святых и ангелов толной
Вверху украшен храм,
Норфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем...

До солида горною троной
Взберешься высоко—
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росники нет... Уйдем под тень
Зонтообразных шин...

Княгини памяты те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Незгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых сю слез!...

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!

Ей снятся группы бедняков
На пивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Напвным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросам спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
—Ты в царстве нищих и рабов!—
Короткий был ответ...

Она проснулась—в руку сон!
Чу, слышен вперед
Печальный звон—кандалный звон!

—Эй, кучер, погоди!—
То ссыльных партия идет,
Больней заняла грудь,
Княгиня деньги им дает,—
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
По след их выюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

Мороз сильней, пустыней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок.
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов.
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаёк от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Курапты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!», и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо—горы и река,
Налево — темный лес...

Кипит больной, усталый ум
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей—
Бог знает почему,
Что небо звездное—песком
Посыпанный листок,
А месяц—красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого дерева.

«А вот и тупдра!» говорит
 Ямщик, бурят степной.
 Книгиня пристально глядит
 И думает с тоской:
 Сюда-то жадный человек
 За золотом плет!
 Оно лежит по руслам рек,
 Оно на дне болот.
 Трудна добыча на реке,
 Болота страшны в зной,
 Но хуже, хуже в руднике,
 Глубоко под землей!..
 Там гробовая тишина,
 Там безрассветный мрак...
 Зачем, проклятая страна,
 Нашел тебя Ермак?..

Чредой спустилась ночи мгла,
 Опять взошла луна.
 Книгиня долго не спала,
 Тяжелых дум полна...
 Уснула... Башня снится ей...
 Она вверху стоит;
 Знакомый город перед ней
 Волнуется, шумит;
 К обширной площади бегут
 Несметные толпы:
 Чпновный люд, торговый люд,
 Разносчики, попы;
 Пестреют шляпки, бархат, шелк,
 Тулупы, армякы...
 Стоял уж там какой-то полк,
 Пришли еще полки,
 Побольше тысяч солдат
 Сошлось. Они «ура!» кричат,
 Они чего-то ждут...

Народ галдел, народ зевал,
 Едва ли сотый понимал,
 Что делается тут...
 Зато посмеивался в ус,
 Лукаво щуя взор,
 Знакомый с бурями француз,
 Столичный куафер...

Приспели новые полки:
 «Славайтесь!» тем кричат.
 Ответ им—пули и штыки,
 Славаться не хотят.
 Какой-то brave генерал,
 Влетев в каре, грозиться стал—
 С коня снесли его.

Другой приблизился к рядам:
 «Прощенье царь дарует вам!»
 Убили и того.

Явился сам митрополит
 С хоругвями, с крестом:
 «Покайтесь, братия!» гласит,
 «Падите пред дарем!»
 Солдаты слушали, крестясь,
 Но дружен был ответ:
 «Уйди, старик! молись за нас!
 Тебе здесь дела нет...»

Тогда-то пушки навели,
 Сам царь скомандовал: па-ли!..

Книгиня, память потеряв,
 Упала с высоты стремглав.

Пред нею длинный и сырой
 Подземный коридор,
 У каждой двери часовой,
 Все двери на запор.
 Прибоем волн подобный плеск
 Снаружи слышит ей;
 Внутри—бряцанье, ружей блеск
 При свете фонарей,
 Да отдаленный шум шагов
 И долгий гул от них,
 Да перекрестный бой часов,
 Да крики часовых...

С ключами старый и седой
 Усатый инвалид—
 «Иди, печальница, за мной!»
 Ей тихо говорит:
 «Я проведу тебя к нему,
 Он жив и невредим...»
 Она доверилась ему,
 Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
 Дверь взгнула—и вдруг
 Пред нею он... живой мертвец...
 Пред нею—бедный друг!
 Упав на грудь ему, она
 Торопится спросить:
 «Скажи, что делать? Я спына,
 Могу я страшно мстить!
 Достанет мужества в груди,
 Готовность горяча,
 Просить ли надо?...» — Не ходи,

Не тронешь палача!—
«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— Напвеи твой вопрос.—

— «Пора! пробил урочный час!»
Тот «третий» произнес...

Княгиня вздрогнула, —глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо—Енисей.
Темно! Навстречу им души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Произительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играл на реке,
Да пнороец где-то пел
На странном языке.
Суровым нафосом звучал
Неведомый язык
И пуше сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не попукал коней,
Передней тройки не слышать,—
«Эй! жив ли ты, ямщик?»
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык...

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины большой
Мгновенно покорил,

И, как волшебник, в край пной
Ее переселил.
Тот край—он ей уже знаком,—
Как прежде, негн полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда им поглядит:
«Да, это—юг! да, это—юг!»
Всё взору говорит...

Им тучки в небе голубом,
Должна вся в цветах,
Всё солнцем залито,—на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да—это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избраником своим.
Дорога их—роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдаль,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь занескрился топаз
По белым их хребтам...
Вот выюнный мул плет шагком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом—женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!»
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... Да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это юг! да, это юг!»
(Поет ей добрый сон.)

«Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!...»

часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На-диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней—кресты, мундир,
На шляпе—перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня (*входит в станционный дом*)
В Нерчпвск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж не далек мой путь...

Губернатор

Всё ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе,—и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!
(*Отворяя дверь в сени*)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не поладут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть записка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же—там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Русские женщины.
Акварель Д. Н. Кардовского. 1922.

Губернатор

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отда,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Беспокойна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клеюма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть.
Минуты глаз-на-глаз:
В казарме общей надо жить,

А пища — хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийство и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из поздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары
Непротопленных болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосущая ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — валицей снеговой,
Родив, омост дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,

А будит дикий зверь, рыча
 Близ хижин лесной,
 Да пурга, бешено стуча
 В окно, как домовою.
 С глухих лесов, с пустынных рек
 Сбирая дань свою,
 Окреп туземный человек
 С природою в бою,
 А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
 Мне нечего жалеть!..
 Я еду! еду! я должна
 Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
 Измучите того,
 Чья безвозвратно голова
 Погибла. Для него
 Прошу: не ездите туда!
 Сноснее одному,
 Устав от тяжкого труда,
 Притти в свою тюрьму,
 Притти — и лечь на голый пол
 И с черствым сухарем
 Заснуть... а добрый сон пришел —
 И узник стал царем!
 Летя мечтой к родным, к друзьям,
 Увидя вас самих,
 Проснется он к дневным трудам
 И бодр, и сердцем тих,
 А с вами?.. с вами не зная
 Ему счастливых грез,
 В себе он будет сознавать
 Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
 Вам лучше для других.
 Всем вашим пыткам не извлечь
 Слезы из глаз моих!
 Покинув родину, друзей,
 Любимого отца,
 Приняв обет в душе моей
 Исполнить до конца
 Мой долг, — я слез не принесу
 В проклятую тюрьму —
 Я гордость, гордость в нем спасу,

Я силы дам ему!
 Презренье к нашим палачам,
 Сознание правоты
 Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
 Но их достанет на пять дней.
 Не век же вам грустить?
 Поверьте совести моей,
 Захочется вам жить.
 Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
 Нужда и вечный гнет,
 А там балы, блестящий двор,
 Свобода и почет.
 Как знать? Быть может, бог судил...
 Поправится другой,
 Закон вас права не лишит...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
 Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
 За добрый ваш совет!
 И прежде был там рай земной,
 А ныне этот рай
 Своей заботливой рукой
 Расчистил Николай.
 Там люди заживо гниют —
 Ходячие гробы,
 Мужчины — сборище Иуд,
 А женщины — рабы.
 Что там найду я? Ханжество,
 Поруганную честь,
 Нахальной дряни торжество
 И подленькую месть.
 Нет, в этот вырубленный лес
 Меня не заманил,
 Где были дубы до небес,
 А ныне пни торчат!
 Вернуться? жить среди клевет
 Пустых и темных дел?..
 Там места нет, там друга нет
 Тому, кто раз прозрел!

Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забуть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достался вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станет с женой,
Увлёкся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?... бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пусть горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
— Ну, что ж? Велите, генерал,

Готовить мой возок? —
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумьи произнес:
«До завтра» — и ушел...

Назавтра тот же разговор.

Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убеждения истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: «Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!..»

— Да что же мне еще терять?

«За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!»

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?... Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

Ушел и не был целый день...
 Когда спустилась тьма,
 Княгиня, слабая, как тень,
 Пошла к нему сама.
 Ее не принял генерал:
 Хворает тяжело...
 Пять дней, покуда он хворал,
 Мучительных прошло.
 А на шестой пришел он сам
 И круто молвил ей:
 «Я отпустить не в праве вам,
 Княгиня, лошадей!
 Вас по этапу поведут
 С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
 Но так ведь месяцы пройдут
 В дороге?..

Губернатор

Да, весной
 В Нерчинск придете, если вас
 Дорога не убьет.
 Навряд версты четыре в час
 Закованный идет;
 По середине дня — привал,
 С закатом дня — ночлег,
 А ураган в степи застал —
 Закапывайся в снег!
 Да-с, промедленьям нет числа, —
 Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
 Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
 С оружием в руках
 Этапом водим мы воров
 И каторжных в цепях.
 Они дорогою шалят,
 Того гляди сбегут,
 Так их канатом прикрутят
 Друг к другу — и ведут.

Трудненок путь! Да вот-с каков:
 Отправится пятьсот,
 А до нерчинских рудников
 И трети не дойдет!
 Они, как мухи, мрут в пути,
 Особенно зимой...
 И вам, княгиня, так идти?...
 Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О, нет! я этого ждала...
 Но вы, но вы... злодей!..
 Неделя целая прошла...
 Нет сердца у людей!
 Зачем бы разом не сказать?..
 Уж шла бы я давно...
 Велите ж партию собирать —
 Иду! мне всё равно!..

«Нет! вы поедете!..» вскричал
 Неждано старый генерал,
 Закрыв рукой глаза:
 «Как я вас мучил... Боже мой!..
 (Из-под руки на ус седой
 Скатилась слеза.)
 «Простите! да, я мучил вас,
 Но мучился и сам,
 Но строгий я имел приказ
 Преграды ставить вам!
 И разве их не ставил я?
 Я делал всё, что мог,
 Перед царем душа моя
 Чиста, свидетель бог!
 Острожным жестким сухарем
 И жизнью взаперти,
 Позором, ужасом, трудом
 Этапного пути
 Я вас старался напугать, —
 Не испугались вы!
 И хоть бы мне не удержать
 На плечах головы,
 Я не могу, я не хочу
 Тираниль больше вас...
 Я вас в три дня туда домчу...
 (Отворяя дверь, кричит)
 Эй! запрягать, сейчас!..»

1872

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

(Декабристки)

КНЯГИНЯ М. П. ВОЛКОНСКАЯ

(БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ)

(1826—1827 гг.)

Глава I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной сядем,
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!... Родная,
Еще что-нибудь расскажи!...» По углам
Уселась. Но их прогнала я:
«Успесте слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я всё рассказала доступное вам
По вашему ребяческому летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры — Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет...
Пусть берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но нуде отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчины — не знал ничего

Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, двенадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Войнская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно сплелась
С великим 12-м годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не zapomним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит:
В ряду полководцев России,
Покуда отчество наше стоит,
Он памятен будет! Витни
Отца моего осыпали хвалою,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевае. Воинственный дар
Явля в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе непобедимой:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.

Отца мы любили — в герое.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном доме.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И шла весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пирры задавал; насажали к отцу
Седы, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время дарницею бала:
Очей моих томных огонь голубой
И черпал с ним отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красном,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — плескал
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лести...
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Женых уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видела
На царском смотре... и у нас он бывал,
Но парку с тобой всё шатался!»
— Да, помню! Высокий такой генерал...
«Он самый!» Старик засмеялся...
— Отец! он так мало со мной говорил! —
Заметила я, покраснела...
«Ты будешь с ним счастлива!» круто
решил.
Старик, — возражать я не смела...

Прошло две недели, — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Немного я знала его женихом,
Немного и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,

Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я, между тем, расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бего, снеса,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкала...
Потом он сказал: «Мы поедem сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три
дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава II

«Уехал!.. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делала со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная:
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем-сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. — Еще не бывал!
«Писал ли?» — И писем нет даже.
«А где мой отец?» — В Петербург усекал.
«А брат мой?» — Уехал туда же.

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец усекали»,
Сказала я матушке: «Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» отца я спросила.
— В Молдавию муж твой ушел воевать.
«Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели, — ни слова от них!
Я плачу, я слезы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, —
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удваивал горе...
Узнала, узнала я всё наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:

Стояли они настороже,
Готова войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» в уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые:
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал? —
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся!»
Так думала я. — «Пусть беда велика,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула, — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, — расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей»
(Сказала сестра) «содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни
друзей!..»

Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..
Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доныне о мщеньи они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,

Русские женщины.
Акварель Д. Н. Кардовского. 1937.

Он вышел. С дверей не спускала я глаз,
 Минуты казались часами.
 Шаги постепенно смолкали вдали,
 За ними я мыслью летела.
 Мне чудилось: связку ключей принесли,
 И ржавая дверь заскрипела,
 В угрюмой каморке с железным окном
 Измученный узник томился.
 «Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
 Он весь задрожал, оживился:
 — Жена!.. — Коридором он быстро бежал,
 Довериться слуху не смея...

— Вот он! — громогласно сказал генерал,
 И я упала Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
 Морщины на лбу появились,
 Лицо было мертвенно бледно, глаза
 Не так уже ярко светились,
 Но больше в них было, чем в прежние

дни

Той тихой, знакомой печали;
 С минуту пылливо смотрели они
 И радостью вдруг заблестали, —
 Казалось, он в душу мою заглянул...
 Я горько, прижав к его груди,
 Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
 «Здесь есть посторонние люди».
 Потом он сказал, что полезно ему
 Узнать добродетель смиренья,
 Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
 И несколько слов ободренья
 Прибавил... По комнате важно шагал
 Свидетель: нам было неловко...
 Сергей на одежду свою показал:
 «Поздравь меня, Маша, с обновкой»,
 И тихо прибавил: «пойми и прости», —
 Глаза засверкали слезою,
 Но тут соглядатай успел подойти,
 Он нзко поник головою.
 Я громко сказала: «Да, я не ждала
 Найти тебя в этой одежде»,
 И тихо шепнула: *я всё поняла.*
Люблю тебя больше, чем прежде...
 «Что делать? И в каторге буду я жить»
 (Покуда мне жизнь не наскучит).
 — Ты жив, ты здоров, так о чем же

тужить?

(Ведь каторга нас не разлучит?)

«Так вот ты какая!» Сергей говорил,
 Лицо его весело было...

Он вынул платок, на окно положил,
 И рядом я свой положила,
 Потом, расставаясь Сергей платок
 Взяла я — мой мужу остался...
 Нам после годичной разлуки часок
 Свиданья короток казался,
 Но что ж было делать! Наш срок
 миновал —
 Пришлось бы другим дожидаться...
 В карету меня посадил генерал,
 Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
 Целуя его, увидала
 Я несколько слов на одном уголке;
 Вот что я, дрожа, прочитала:
«Мой друг, ты свободна... Пойми — не
пейля

Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...

Была в Петербурге большая родня
 У мужа; всё знать — да какая!
 Я ездила к ним, волновалась три дня,
 Сергея спасти умоляя.
 Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
 Я все испытал — бесполезно!»
 И правда: они уж пытались помочь,
 Моля императора слезно,
 Но просьбы до сердца его не дошли...
 Я с мужем еще повидалась,
 И время пришло: его увезли!..
 Как только одна я осталась,
 Я тотчас послышала в сердце моем,
 Что надо и мне торопиться,
 Мне душой казался родительский дом,
 И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
 Мою роковую победу.
 Вся дружно и грозно восстала семья,
 Когда я сказала: «я еду!»
 Не знаю, как мне удалось устоять,
 Чего натерпелась я... Боже!..
 Была пз-под Киева вызвана мать,
 И братья приехали тоже:
 Отец «образумить» меня приказал.
 Они убеждали, просили,
 Но волю мою сам господь подкреплял,
 Их речи се не сломил!
 А много и горько поплакать пришлось...
 Когда собрались мы к обеду,

Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — Я еду!
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец, — я вздрогнула...
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую слезу!
Напрасна всякая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя...
«Я сам виноват! Я тебя погубил!»
Воскликнул он вдруг, негодуя:
«Где был мой рассудок? Где были глаза?
Уж знала вся армия наша...»
И рвал он седые свои волосы:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
— «Поеду!» я тихо сказала...

«Посмотрим!..» И вдруг распрямился
старик,

Глаза его гневом сверкали:
«Одно повторяет твой глупый язык:
Поеду! Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать и отца? Или глупы они...
Что спорить ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...»

Ушел он грозный и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава III

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал

Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?

Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостинных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве бывало сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говорил строго;
Осымнадцать лет я пошла под венец,
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Поселя в душе моей бедной.

Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны успенья!
И гнев мою душу большую палил,
И я волновалась нестройно,
Гривалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорожки.
Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — Я долг исполняю, отец!
— «За что ты себя обрекаешь
На муку?» — Не буду я мучиться там!

Здесь ждет меня страшная мука.
 Да, если останусь, послушная вам,
 Меня пстерзает разлука.
 Не зная покоя ни ночью, ни днем,
 Рыдая над бедным спроткой,
 Всё буду я думать о муже моем
 Да слышать упрек его кроткий.
 Куда ни пойду я, — на лицах людей
 Я свой приговор прочитаю:
 В их шопоте — повесть измены моей,
 В улыбке укор угадаю:
 Что место мое не на пышном балу,
 А в дальней пустыне угрюмой,
 Где узник усталый в тюремном углу
 Терзается лютою думой
 Одиш... без опоры... Скорее к нему!
 Там только вздохну я свободно.
 Делила с ним радость, делить и тюрьму
 Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
 Мое подсказало решение.
 И верю я твердо: от бога оно!
 А в вас говорит — сожаленье.
 Да, ежели выбор решить я должна
 Меж мужем и сыном — не боле,
 Иду я туда, где я больше нужна,
 Иду я к тому, кто в неволе!
 Я сына оставляю в семействе родном,
 Он скоро меня позабудет.
 Пусть дедушка будет малютке отцом,
 Сестра ему матерью будет.
 Он так еще мал! А когда подрастет
 И страшную тайну узнает,
 Я верю: он матери чувство поймет
 И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
 Он тайну узнает и спросит:
 «Зачем не пошла ты за бедным отцом?..»
 И слово укора мне бросит?
 О, лучше в могилу мне заживо лечь,
 Чем мужа лишить утешенья
 И в будущем сына презренья навлечь...
 Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
 Я первого мужа забуду,
 Условиям новой семьи подчинюсь
 И сыну не матерью буду,
 А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
 Прости меня, бедный изгнанник!

Тебя позабыть! Никогда! никогда!
 Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
 Его ты не знаешь! Сначала,
 В блестящем наряде, на гордом коне,
 Его пред полком я видала;
 О подвигах жизни его боевой
 Рассказы товарищей боя
 Я слушала жадно — и всею душой
 Я в нем полюбила героя...

Позднес я в нем полюбила отца
 Малютки, рожденного мною.
 Разлука тянулась меж тем без конца.
 Он твердо стоял под грозою...
 Вы знаете, где мы увиделись вновь, —
 Судьба свою волю творила! —
 Последнюю, лучшую сердца любовь
 В тюрьме я ему подарила!
 Напрасно чернила его клевета,
 Он был безупречней, чем прежде,
 И я полюбила его, как Христа...
 В своей арестантской одежде
 Теперь он бесценно стоит предо мной,
 Величием кротким сияя.
 Терновый венец над его головой,
 Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
 Умру я, тоскуя по муже...
 Ты, долгу служа, не щадил ничего,
 И нас научил ты тому же...
 Герой, выводивший своих сыновей
 Туда, где смертельней сраженье, —
 Не верю, чтоб дочери бедной своей
 Ты сам не одобрил решение!

Вот что я продумала в долгую ночь,
 И так я с отцом говорила...
 Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!»
 И вышел; молчали уныло
 И братья и мать... Я ушла паконед...
 Тяжелые дни потянулись:
 Как туча ходил недовольный отец,
 Другие домашние дулись.
 Никто не хотел ни советом помочь,
 Ни делом; но я не дремала,
 Опять провела я бессонную ночь,
 Письмо к государю писала
 (В то время молва начала разглашать,
 Что будто вернуть Трубецкую

С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был эlegantен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — позволил хвалюю почти
Решимость мою, сожалел,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволение;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...

Волнение
Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!..»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь
собралась,

Все ценное я заложила,
Надежную шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе, упав на ручки его
Лбом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебе для отца твоего,
Мой бедный, пощадить должна я...»

А он улыбался; не думал он спать,
Любуясь красным пакетом;
Большая п красная эта печать

Его забавляла...

С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заделали.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...

Я вмиг собралась.
Сестру закликала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Всё милое, всё дорогое
Терю... нет счета печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сделала,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сдел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, —
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку спесли,
Я плакала, болрость теряя.
Минулы мучительно медленно шл...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!»
Сказала я, братьев целуя.
Отду подражая, молчали они...
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..»

Я упала...

Глава IV

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась,
И мчалась без отдыха с личиком три дня;

Меня быстрота увлекала.
 Она была лучшим врачом для меня...
 Я скоро в Москву прискакала,
 К сестре Зинаиде. Мила и умна
 Была молодая княгиня.
 Как музыку знала! Как пела она!
 Искусство ей было святыня.
 Она нам оставила книгу новелл,
 Исполненных грации нежной,
 Поэт Вешевитинов стансы ей пел,
 Влюбленный в нее безнадежно;
 В Италии год Зинаида жила
 И к нам — по сказанью поэта —
 «Цвет южного неба в очах принесла»...
 Царица московского света,
 Она не чуждалась артистов, — житье
 Им было у Зины в гостиной:
 Они уважали, любили ее
 И Северной звали Кориншой...

Поплакали мы. По душе ей была
 Решимость моя роковая:
 «Крепись, моя бедная! будь весела!
 Ты мрачная стала такая.
 Чем мне эти темные тучи прогнать?
 Как мы распростились с тобою?
 А вот что! ложись ты до вечера спать,
 А вечером пир я устрою.
 Не бойся! все будет во вкусе твоём,
 Друзья у меня не повесы,
 Любимые песни твои мы споём,
 Сыграем любимые пьесы...»
 И вечером весть, что приехала я,
 В Москве уже многие знали.
 В то время несчастные наши мужья
 Внимание Москвы занимали:
 Едва огласилось решение суда,
 Всем было неловко и жутко,
 В салонах Москвы повторялась тогда
 Одна ростовчinskая шутка:
 «В Европе — сапожник, чтоб баринном
 Бунтует, — понятное дело!
 У нас революцию сделала знать:
 В сапожники, что ль, захотела?...»

И сделалась я «героиней дня».
 Не только артисты, поэты —
 Вся двинулась знатная наша родня;
 Нарядные, дугом кареты
 Гремели; наудрив свои парики,
 Потемкину ровня по летам,
 Явились бывшие тузы-старички

С отменно-учтивым приветом;
 Старушки статс-дамы бывшего двора
 В объятья меня заключали:
 «Какое геройство!.. Какая пора!..»
 И в такт головам качали.

Пу, словом, что было в Москве повидней,
 Что в ней мимоездом гостило,
 Всё вечером съехалось к Зине моей:
 Артистов тут множество было,
 Певцов-итальянцев тут слышала я,
 Что были тогда знамениты,
 Отца моего сослуживцы, друзья
 Тут были, печалью убиты.
 Тут были родные ушедших туда,
 Куда я сама торопилась,
 Писателей группа, любимых тогда,
 Со мной дружелюбно простилась:
 Тут были Одоевский, Вяземский; был
 Поэт вдохновенный и милый,
 Поклонник кузины, что рано почил
 Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
 Он другом был нашего детства,
 В Юрзуфе он жил у отца моего.
 В ту пору проказ и кокетства
 Смеялись, болтали мы, бежали с ним,
 Бросали друг в друга цветамп.
 Всё наше семейство поехало в Крым,
 И Пушкин отправился с нами.
 Мы ехали весело. Вот наконец
 И горы, и Черное море!
 Велел постоять экипажам отец,
 Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
 Гибка, высока не по летам,
 Покрыв сестрой, я стрелою вперед
 Умчалась с курчавым поэтом;
 Без шляпки, с распушенной длинной косой,
 Полуденным солнцем палима,
 Я к морю летела, — и был предо мной
 Вид южного берега Крыма!
 Я радостным взором глядела кругом,
 Я прыгала, с морем играла;
 Когда удалился прилив, я бегом
 До самой воды добегала,
 Когда же прилив возвращался опять
 И волны грядой подступали,
 От них я спешила назад убежать,
 А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила:
«Молчите! идет гувернантка моя!»
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далёки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде
сказать,

В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волнения ее и печали...

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевести иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след

В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис спротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...
Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Вспомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пыльную правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно воляется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

Да, верю! недолго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...

Но если придется в степи умереть,
 Помянут вас словом сердечным:
 Пленителен образ отважной жены,
 Явившей душевную силу,
 И в снежных пустынях суровой страны
 Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
 Поймется живыми сердцами,
 И за-полночь правнучки ваши о вас
 Беседы не кончат с друзьями.

Они им покажут, вздохнув от души,
 Черты незабвенные ваши,
 И в память прабабки, погибшей в глуши,
 Осушатся полные чаши!..

.....

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
 А там и увидаться можно:
 Мне дарь «Пугачева» писать поручил,
 Пугач меня мучит безбожно,
 Расправиться с ним я на славу хочу,
 Мне быть на Урале придется.
 Поеду весной, поскорей захвачу,
 Что путного там соберется,
 Да к вам и махну, переехав Урал...»

Поэт написал «Пугачева»,
 Но в дальние наши снега не попал.
 Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти plena,
 Я пению жадно внимала;
 Сама я не пела, — была я больна,
 Я только других умоляла:
 «Подумайте: я уезжаю с зарей...
 О, пойте же, пойте! играйте!..
 Ни музыки я не услышу такой,
 Ни песни... Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились без конца!
 Торжественной песней прощальной
 Окончился вечер, — не помню лица
 Без грусти, без думы печальной!
 Черты неподвижных, суровых старух
 Утратили холод надменный,
 И взор, что, казалось, навеки потух,
 Светился слезой умирной...
 Артисты старались себя превзойти,
 Не знаю я песни прелестней
 Той песни-молитвы о добром пути,

Той благословляющей песни...
 О, как вдохновенно играли они!
 Как пели!.. и плакали сами...
 И каждый сказал мне: «Господь вас
 храни!»
 Прощаясь со мной со слезами...

Глава V

Морозно. Дорога бела и гладка,
 Ни тучи на всем небосклоне...
 Обмерзли усы, борода ямщика,
 Дрожит он в своем балахоне.
 Спина его, плечи и шапка в снегу,
 Хрипит он, коней понукая,
 И капают кони его на бегу,
 Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
 Пустынного русского края,
 Угрюмо шумят строевые леса,
 Гигантские тени бросая;
 Равнины покрыты алмазным ковром,
 Деревья в снегу потонули,
 Мелькнул на пригорке помещичий дом,
 Церковные главы блеснули...
 Обычные встречи: обоз без конца,
 Толпа богомолок-старушек,
 Почтовая тройка, фигура купца
 На груди перни и подушек;
 Казенная фура! с десятков подвод:
 Навалены ружья и рапиды.
 Солдатики! Жидкий, безусый народ,
 Должно быть, еще новобранцы;
 Сынков провожают отцы-мужики
 Да матери, сестры и жены:
 «Уводят, уводят сердечных в полки!»
 Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
 Непстово мчитесь фельдъегерь.
 На самой дороге догнав русака,
 Усатый помещичий егерь
 Махнул через ров на проворном коне,
 Добычу у псов отбивает.
 Со всей своей свитой стоит в стороне
 Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
 Ругаются, спорят, толкуются.
 «Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
 Попы у харчевни дерутся;

У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, баюясь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знать
Веселья... я еду на мук!..»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубешкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволение со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. — Готов ли ямщик?
«Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета», заметил смотритель старик:
«Метель начала подыматься!»
— Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами.
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой захохот: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу пекать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув дыновку, гляжу я вперед —
Поврежнему вьюга кружится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!

Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко»,
Сказал он: «рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы часом. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Федя
Огромных два камня к дверям привалил.
— Зачем? — «Одолели медведи!»

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, задравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?... И, подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но лезть принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защитит,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы, по мере пути,
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою,
И темно, и страшная скука.
Что делать? Стихи вспоминаю, пою, —
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет,
И путь мой заносит метел,
А все-таки, я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Дыновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обшпримым селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Нылали костры на дороге моей...

Русские женщины.
Акварель Д. Н. Кардовского. 1937.

Группа декабристов в Чите, у ворот острога.

Акварель неизвестного художника первой половины XIX века.

Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
— Вы видите их? — я спросила детей.
«Да, видим! — Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Поидем мы
теперь,
Прощай!...» Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да проснется слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнании, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.

Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делай чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породили..
«Вас в каторге самый закон не спасет!»
На родные мне говорил;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменный:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь зашывает с тоской,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняги!

Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..

Рыданием моим часовой уступил,
Как бога его я просила! —
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила,
И долго спускалась все ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами кипзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был

зол,

Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала...
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь, —
Как бог уберет во мне душу!
Попавший в трясину псуганый конь,
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенья:
Какая-то площадь... и тени на ней...

Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливой стали...
Вот ближе, сплывшей замелькали огни.
Должно быть, меня упдала...
И кто-то, стоявший на самом краю,
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не

в раю:

Проклятая шахта похожей
На ад! — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

— Волконская! — вдруг закричал
Трубецкой

(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялась стрелой!
Все люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участия...
Но где же Сергей мой? «За ним уж
пошли,

Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России, —
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастью, были при мне,
С приветом из края родного;
Спешила я их передать. Между тем
Визу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Помните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!»... (Но никто не подставил ее...)
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..» Но

мы

Все вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,

Русские женщины.
Акварель Д. Н. Кардовского. 1937.

Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь вперед,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с пошью узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он!
идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед, —
Канавы были перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели,
Сказал Трубедкой, «чтоб на горе нам

всем
В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, щеп! Палач не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!)
Но кроток он шел, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два сильных его поддерживали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей много голоса звук
Мгновенно послал обновенье,

Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо неспитое...
И я подбежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал, и умел он страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени — и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог испослал
В подземные копцы, — в мгновенье
И говор и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна. —

«Да где же вы все запропали?»
Вдруг спизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите!» сказал со слезами старик:
«Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забрают!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Выпизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша, — в остроге!..»

КУЗНЕЦ

ПАМЯТИ Н. А. МИЛЮТКИНА

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.

В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал — исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доныне во всем.

С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

1873

ДЕТСТВО

НЕОКОНЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

I

В первые годы младенчества
Помню я дерковь убогую,
Стены ее деревянные,
Крышу неровную, серую,
Мохом зеленым поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его с прихожанами,
Что угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.
Часто они совещались,
Как обвить отслужившую
Бедную дерковь приходскую;
Поговорив, расходились,
Храм окружали подпорками,
И продолжалось служение.
В ветхую дерковь бестрепетно
В праздники шли православные, —
Шли старики престарелые,
Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами.
В ней причащались, венчались,
В ней отпевали покойников...

Спелее небо виднелось
В трещины старого купола,

Дождь иногда в эти трещины
Падал: по лицам молящихся
И по иконам угодников
Крупные капли струились.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали... Боялась я, —
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые,
С мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
Ветром окошко непрочное,
И в заунывно-печальное
Пение гимна дерковного
Звонкая песня вторгалась,
Полная горя житейского, —
Песня сурового пахаря!..

Помню я службу последнюю:
Гром загредел неожиданно,
Всё сотрясенное здание
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампы горящие,
Пашикала качалась,
С звоном упали тяжелые

Ризы с пконы спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
В ужасе ниц преклонились —
Божьего ждали решения!..

II

Ближе к дороге красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняет развалины
Старой. Из ветхого здания
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатков строения
Руки мирян не коснулись.
Словно больной, от которого
Врач отказался, оставлено
Времени старое здание.
Ласточки там поселились —
То вылетали оттуда,
То возвращались стремительно,
Громко приветствуя птенчиков
Звонким своим щебетанием...

В землю вращая медленно,
Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые;
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие
В зелени стены терялись,
И простирали в раскрытые
Окна — березы соседние
Ветви свои многочисленные...

Их семена, занесенные
Ветром на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась там, стройная,
С бледно-зелеными листьями.
Точно вчера только ставшая
На ноги резвая девочка,
Что уж сегодня вскарабкалась

На высоту, — и бестрепетно
Смотрит оттуда с смеющимся,
Смелым и ласковым личиком...

Птицы носились там стаями,
Там стрекотали кузнечики,
Да деревенские мальчишки
И русокудрые девочки
Живя там жили: по тропочкам
Между высокими травами
Бегали, звонко аюкались,
Пели веселые песенки.
Там мое детство бесценное
Мирно летело... Играла я,
Помню, однажды с подругами
И набегала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдав меня, дерево
Вдруг подо мною рассыпалось:
Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...

Объятая

Трепетом, я огляделась:
Гнездышек ряд под карнизами,
Ласточки смотрят из гнездышек,
Словно кивают головками;
А по стенам молчаливые,
Строгие лица угодников...
Перекрестилась невольно я, —
Жутко мне было! дрожала я,
А уходить не хотелось.
Чудилось мне: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голос отца престарелого,
Пение гимнов божественных,
Вздохи и шопот молитвенный
Слышались мне, — простояла бы
Долго я тут неподвижная,
Если бы вдруг не услышала
Криков: «Нараша! да где же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули
Дети гурьбой, — и наполнились
Звуками жизни развалины,
Где столько лет уж не слышались
Голос и шаг человеческий...

НАКАНУНЕ СВЕТОГО ПРАЗДНИКА

Из стихотворений, посвященных русским детям

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забыть не могу,
Ни деревни на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Малыр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь, и ругаться,
Да — день не такой!

Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сюртучнике,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пыльщики: сайку
Угрюмо жуют,
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А плыли стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые
На плечах дрожат!

Я доброго всем пм
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее притти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить святую
С веселой душой...

III

Степсело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом,

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы, — толпы...
У божьего храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была! ..

ТРИ ЭЛЕГИИ

(А. Н. Плещееву)

I

Ах! что познать, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспредель,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ты, кем полны
Мои ревнивые мечты.
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не спяст горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мною не делит уж давно...

И тайна всё: печаль и мучу
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль.

И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?...
О, нет! живет в душе моей
Неотразимое сознанье,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас, —
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту спротива и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце белое свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса...

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седает голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?... О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца.
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

1874

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетой
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

Раз сказал я за пирушкой:
 «До свидания, друзья!
 Вечер с матушкой старушкой
 Проведу сегодня я:
 Нездорова — ей не спится,
 Надо бедную занять...»
 С той поры, когда случится
 Мне с друзьями пировать,
 Как запас вестей псякнет
 И настанет тишина,
 Кто-нибудь наверно брякнет:
 «Человек! давай вина!
 Выпьем мы еще по чаше
 И — *туда...* живей, холоп!
 Ну... а ты — иди к мамаше!
 Ха! ха! ха!...» Хоть пулю в лоб!

Водовоз воды бочонок
 В гололедицу тащил;
 Стар и слаб, как щепка тонок,
 Бедный выбился из сил.
 Я усталому салазки
 На бугор помог ввезти.
 На беду, в своей коляске
 Мчался Митя по пути —
 Как всегда, румян и светел,
 Он рукою мне послал
 Поцелуй — он всё заметил
 И друзьям пересказал.
 С той поры мне нет проходу:
 Филантроп да филантроп!
 «Что? возил сегодня воду?...
 Ха! ха! ха!...» Хоть пулю в лоб!

УНЫНИЕ

I
 Сгорело ты, гнездо моих отцов!
 Мой сад загдох, мой дом бесследно стпнул,
 Но я реки любимой не покинул.
 Вблизи ее песчаных берегов
 Я и теперь на лето укрываюсь
 И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
 С запасом сил и ворохом стихов.
 Мой черный конь, с Кавказа приведенный,
 Умен и смел, — как вихорь он летит,
 Еще отцом к охоте приученный,
 Как вкопанный при выстреле стоит.
 Когда «Кадо» бежит опушкой леса
 И глухаря нечаянно спугнет,
 На всем скаку остановив «Черкеса»,
 Спущу курок — и птица упадет.

II
 Какой восторг! За перелетной птицей
 Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
 Сметает сор, навеванный столицей,
 С души моей. Я духом бодр и жив,
 Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
 Не чувствовать над мыслью молотка

Я не могу, как сильно ни желаю,
 Но если он приподвиг хоть слегка,
 Но если я о нем позабываю
 На полчаса — п тем я дорожу:
 Я сам себя, читатель, *нахожу*,
 А это всё, что нужно для поэта.
 Так шли дела; но нынешнее лето
 Не задалось: не заряжал ружья
 И не писал еще ни строчки я.

III

Мне совестно признаться: я томлюсь,
 Читатель мой, мучительным недугом.
 Чтоб от него отделаться, делюсь
 Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
 Довериться тебе я не боюсь.
 Недуг не нов (но сила вся в размере),
 Его зовут унынием; встарину
 Я храбро с ним выдерживал войну,
 Иль хоть смягчал трудом по крайней мере.
 А нынче с ним не оберусь хлопот.
 Быть может, есть причина в атмосфере,
 А может быть, мне знать себя дает,
 Друзья мои, пятидесятый год.

IV

Да, он настал — и требует отчета!
 Когда зима нам кудри убелит,
 Приходит к нам неожиданная забота
 Свести итог... О юноши! грозит
 Она и вам, судьба не пощадит:
 Наступит час рассчитывать строго
 За каждый шаг, за целой жизни труд
 И мстящего, зовущего на суд
 В душе своей вы ощутите бога.
 Бог старости — неумолимый бог.
 (От юности готовьте ваш итог!)

V

Приходит он к прожитому полвека
 И говорит: «Оглянемся назад,
 Поищем дел, достойных человека...»
 Увы! их нет! одних ошибок ряд!
 Жестокый бог! Он дал двойное зренье
 Моим очам; пылкое волненье
 Роши в уме, душою овладел.
 — «Я даром жил, забвенье мой удел», —
 Я говорю, с ним жизнь мою читал:
 Прости меня, страна моя родная:
 Бесплоден труд, напрасен голос мой!
 И вижу я, поверженный в смятенье,
 В случайности несчастной — преступленье
 Предательство — в ошибке роковой...

VI

Измученный, тоскою удрученный,
 Жестокостью судьбы неблагоприятной
 Мои вины желаю объяснить,
 Гошу врага, хочу его забыть,
 Он тут как тут! В любимый труд, в забаву —
 Мешает он во всё свою отраву,
 И снова мы идём рука с рукой.
 Куда? увы! опять я проверяю
 Всю жизнь мою, — найти итог желаю, —
 Угодно ли последовать за мной?

VII

Идем! Пути утопанные гладко
 Я пренебрег, я шел своим путем,
 Со стороны блюстителей порядка
 Я, так сказать, был вечно под судом.
 И рядом с ним — такая есть возможность! —
 Я знал другой недружелюбный суд,
 Где трусостью зовется осторожность,

Где подлостью умеренность зовут.
 То юншества суд неумолимый.
 Меж двух огней я шел неумолимый.
 Куда пришел? Клянусь, не знаю сам,
 Решить вопрос предоставляю вам.

VIII

Враги мои решат его согласно, —
 Всех меряя на собственный аршин,
 В чужой душе они читают ясно,
 Но мой судья — читатель-гражданин.
 Лишь в суд его храню слепую веру.
 Суди же ты, кем изыскан я не в меру!
 Еще мой труд тобою не забыт,
 И знаешь ты: во мне нет сил героя, —
 Тот не герой, кто лавром не увит
 Иль на щите не вынесен из боя, —
 Я рядовой (теперь уж инвалид)...

IX

Суди, решай! А ты, мечта больная,
 Воспринь и мир бесстрашно облетал,
 Мой ум к труду, к покою возврати!
 Чтоб отдохнуть душою несвободной,
 Иду к реке — кормилице народной...
 С младенчества на этом мне пути
 Знакомо всё... Знакомой грусти полны
 Лепивые, медлительные волны...
 О чем их грусть?... Бывало каждый день
 Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
 И слышал я в их ропоте тоскливом
 Тоску и скорбь спопутных деревень...

X

Под берегом, где вечная прохлада
 От старых ив, нависших над рекой,
 Стоит в воде понуренное стадо,
 Над ним шмелей неугомонный рой.
 Лишь овцы рвут траву береговую,
 Как рекруты острижены вплотную.
 Не весел вид реки и берегов.
 Свистит кулик, кружится рыболов,
 Добычу карауля, как разбойник;
 Таинственно снастями шевеля,
 Проходит барка; виден у руля
 Высокий крест: на барке есть покойник...

XI

Чу! конь заржал. Травы кругом наславу,
 Но лошадям невесело пришлось

И, позабыв зеленую отаву,
Под дым костра, спасающий от ос,
Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь.
Он не бежит проворно на огонь, —
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально тучный,
Ты поражен недугом роковым.

XII

Я подошел: аела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
Как вкопанный, стоял он час — и боле
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
Слугнул его, но он вернется к ночи
И выключет ей острым клювом очи...

XIII

Иду на шелест нивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжалится над нами,

Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоят?

XIV

Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?... Чу! женщина пост!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.
Народ! народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, — плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седины!
Люблю тебя, пою твои страдания.
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?... На смену колебания
Твоих судеб чего дождемся мы?..

XV

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел, и гром готов уж грянуть.
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуюсь,
Пишу стихи — и, недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье
На северном пустынном берегу...

...Но первые шаги не в нашей власти!
Отец мой был охотник — и игрок,
И от него в наследство эти страсти
Я получил, — они пошли мне в прок.

Не зол, но крут, детей в суровой школе
Держал старик, растил как дикарей.
Мы жили с ним в лесу да в чистом поле,
Травя волков, стреляя глухарей.

В пятнадцать лет я был вполне воспитан,
Как требовал отцовский идеал:
Рука тверда, глаз верен, дух испытан,
Но грамоту весьма нетвердо знал.

И я таким остался до седины
(Мне грамота потом далась, однако),
Мой лучший друг — лягавая собака
Да острый нож, да меткий карабин.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

(из «записной книжки»)

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро уж там не останется клычи...
Ехать в деревню? Теперь-то? Мегсі!

Прусский барон, ополсавиш выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолюстьям несчастной страны:

— Как у вас хлебушко? — «Нет ни ковриги!»
— Где у вас скот? — «От заразы подохи!»
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. «Помплуй нас бог!»

Книг нам не надо — неси их к жацдару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей!»

Думает немец: «Уж я не оглох ли?
К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?»
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку,
И наблюдай, немчура, аппетит...

НОЧЛЕГИ

I
НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вступили кони под навес,
Гремя бесчеловечно.
Усталый я с телеги слез,
Ночлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
Наполнил всю деревню.
Впустил нас дворник Николай
В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидел уж там прохожий
В пальто с господского плеча:
«Спознались, сударь, тоже?»

Он, низко кланяясь, сказал.
— Да, нынче дни коротки. —
Уселся я, а он стоял.
— Садитесь! выпьем водки! —

Прохожий выпил рюмки две
И разболтался сразу:
«Иду домой... а жил в Москве...
До царского указа»

Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили.
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили;

Наш барин стал куда как лих,
Сердился, придирался.
А перед самым сроком стих
С рабами попрощался,

Сказал нам: «Вольны вы теперь»,
И очи помутились:
«Идите с богом!» Верь, не верь,
Мы тоже прослезились.

И потянулись кто куда...
Пришел я в городишко,

А там уж целая орда
Таких же — нет местишка!

Решился я идти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову.
Не барин — клад попался!

Сначала, правда, злился он, —
Чем больше угождаю,
Тем он грубей: прогонит вон...
За что?... Не понимаю!

Да с ним — как я смекнул позднеей —
Знать надо было штучку:
Сплошал — сознайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку!

Не то рассердишь: — «Ермолай!
Опомнись! как не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно!

Ты человек! ты гражданин!
Знай: сила не в богатстве,
Не в том, велик ли, мал ли чин,
А в равенстве и братстве!

Я раболепства не терплю, —
Не льсти, не унижайся!
Случиться может: сам вспылю —
И мне не подавайся!..»

Работы мало, да и той
Сам половину правил;
Я захворал — всю ночь со мной
Сидел — пиявки ставил;

За каждый шаг благодарил.
С любовью, не со страхом
Три года я ему служил —
И вдруг пошло всё прахом!

Однажды он сердитый встал,
Порезался, как брызнул, —
Всё не по нем! Весь день ворчал,
И вдруг совсем озянул.

Кастит!.. — Потихе, господин! —
Сказал я, вспыхнув тоже.

— «Как! что?... Зазнался, хамов сын!»
И хлоп меня по роже!

По старой памяти, я прочь.
А он за мной — бедовый!..
— Так вот, продумал я всю ночь,
Каков он — барин новый!

Также речи поведет,
Что слушать любо-милу,
А кончит тем же, что прпбьет!
Нет, прежде проще было!

Обидно! Я его считал
Не барином, а братом...
Настало утро — не позвал;
Свернувшись под халатом,

Стонал, как раненый, весь день,
Не выпил чашки чаю...
А ночью барин, словно тень,
Прокрался к Ермолаю:

Вперед уставился лицом:
— «Ударь меня скорее!
Мне легче будет!..» (Мертвецом
Глядел он, был белее

Своей рубахи.) — «Мы равны,
Да я сплошал... я знаю...
Как быть? Сквитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

Не так ли, друг? Скорее хлоп —
И снова правы, святы...»
— Не так! Вы барин — я холоп,
Я беден, вы богаты! —

Сказал я. — Должен я служить,
Пока стаёт терпенья,
И я служить готов... а бить
Не буду... с позволенья!.. —

Он всё свое, а я свое, —
Спор долго продолжался.
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расстался.

Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста...
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?...»

II НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

Слава богу, хоть ночь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли дотла.
А кругом деревеньки не видно.

Накопец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли.
И под ними дымился костер,
Мы с Трофимом¹ туда побежали.

«Горевали, а вот и ночлег!»
— Табор, что ли, дыганский там? —
«Нету!

Не видать ни коней, ни телег.
Незаметно и красного цвету.

У дыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет — это первое дело!
— Косарь? — «Кабы были они.
Хоть одна бы тут женщина пела».

— Пастухи ли огонь развели?... —
Через них погорелого бора
К пешпрокой реке мы пришли
И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стаи.
К нам навстречу ребята бежали:
«Не вдали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да пропали!»

— Не вдали!... — Весь табор иртых...
Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы нянчат младенцев грудных,
Утешает ребят старушонка:

— Воля божья: усните скорей!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги... Глядите-ка сколько!

— Где ты, баушка, денег взяла?
«У оконца, на месячном свете,
В ночи зимние пряжу пряла...»
Побренчали казной ее дети...

Старый дед, словно царь Соломон,
Раздал им кой-какую одежду.
Патрпархом библейских времен
Он глядел, завернувшись в рогожу:

Велпчаява строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых ногах
След недавних обжогов и кровл.

Мой вожатый к нему подлетел:
— Здравствуй, дедко! — «Живите
здоровы!»
— Погорели? А хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы?..

«Хлебу было сгореть мудрено»,
Отвечал патрпарх неохотно:
«Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!»

А к костру не ложитесь: огонь
Подползет — опалит волосенки.
Уцелел — пз двенадцати — конь,
Из семнадцати — три коровенки».

— Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в педелю пропали!
«Соблазняли они мужиков,
Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, осторожно поставил.
Я сказал: — Беспощадней огня
Нет врага — ничего не оставил!

«Не скажи. Рассудила судьба,
Что нельзя же без древа-то в мире,
И оставила нам на гроба
Эти сосны...» (Их было четыре...)

III У ТРОФИМА

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей;
Конь бережно ступают,
Реки налило с дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нестерпеннем томим,

¹ Проводник. *Примечание Некрасова.*

Жадно я курю сигару
И молчу. Молчит Трофим,

Он сказал мне: «Месяц в небе
Словно сайка на столе» —
Значит: думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем... едем... Тучи выются
И бегут... конда им нет!
Если разом все прольются —
Номинай, как звали свет!

Вот и паша деревенька!
Встрепетулся спутник мой:
«Есть тут валенки, надень-ка!»
— Чаю! рому!.. Всё долой!..

Вот погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

— Что ты охачишь, Степаныч?
«Страшно, барин! мочи нет.
Вспомнил то, чего бы на ночь
Вспоминать совсем не след!

И откуда чорт приводит
Эти мысли? Бороню,
Управляющий подходит, —
Низко голову клоню,

Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею.
Шея — веришь ли? — трещит!

Только стану забываться,
Голос барина: «Трофим!
Недонму!» Кувыркатся
Начинаю перед ним...»

— Страшно, видно, воротиться
К недалекой старине?
«Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

И теперь уйдешь весь в пятки,
Как носредник налетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пошумит — и укатит!

И теперь в квашне солома
Перемешана с мукой,
Да зато покойно дома,
А бывало — волком вой!

Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей:
Как дыпят из-под наседки
Вырвет — пикнуть не посмей!

Как томили! Как порол! —
Сыну сказывать начну —
Сын не верит. А давно ли?...
Дочку баринюм пугну —

Девка прыснет, захохочет:
— Шутить, батька!» — Погоди!
Если только бог захочет,
То ли будет впереди!

Есть у вас в округе школы?
«Есть». — Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы стали поумней.

Перестанет есть солому,
Трусю праздновать парод...
И твой впуск отцу родному
Не поверит в свой черед.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже вполголоса мы не певали,
Мы — горемыки-певцы!
Под берегами мы ведро прождали,
Словно лентяп-пловцы.

Старость приходит — недуги да горе!
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море дарящего зла,

Прямо и смело направить бы лодку.
 Сунься-ка!.. Сделаешь шаг,
 А на втором перервут тебе глотку!
 Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
 Счел ты за лучшее кинуть.
 Жить для нее — надо силу железную,
 Волю железную — согнуть.

НА ПОКОСЕ

(из «записной книжки»)

Сын с отцом косили в поле,
 Дед траву сушил.
 «Десять лет, как вы на воле,
 Что же, братцы, хорошо ли?»
 Я у них спросил.

— Запивили поясницы, —
 Отвечал отец.
 «Кабы больше нам землицы»,
 Молвил молодец:
 «Я работал бы прилежно
 И поменьше пил».
 — Неужно, да уежно,¹ —
 Дедушка решил...

ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
 Он будет сам судьбы своей виной!..»
 Не хуже нас он видит невозможность
 Служить добру, не жертвуя собой.

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
 Не скажет он, что жизнь его нужна,
 Не скажет он, что гибель бесполезна:
 Его судьба давно ему ясна...

Но любит он возвышенней и шире,
 В его душе нет помыслов мирских.
 «Жить для себя возможно только в мире,
 Но умереть возможно для других!»

Его еще покамест не распяли,
 Но час придет — он будет на кресте;
 Его послал бог гнева и печали
 Царям земли напомнить о Христе.

В избе лесника на 125 версте
 М. ж. д., ночь 8 августа.

¹ Пословица (Ярославской губернии), которую можно истолковать так: не сытно, да покойно.
 Примечание Некрасова.

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(ВОЛЖСКАЯ БЫЛЬ)

I

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянщину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —

Так обращен нагой пустырь.
В картофельное поле...
Вблизи — «Бабайский» монастырь,
Село «Большие Соли»,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;
Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!
И сам не оплошает...

Кипит работа до утра:
Всё весело, довольно.
Итак, пет худа без добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жался бедняк,
Мелешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

II

Люблю я браткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месад медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход;
Бежит и пскры мечет,

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно пногола
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожпл до седня,
Но изменялся мало.
Иных времен, пных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

III

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена.
Но это будет смело.
А смелость в наши времена —
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет,
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг, —
Она же рада шипать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду наклепать...

О Русь!

Живая кровь в твоей груди
Иль только гной тлетворный?

IV

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни женки.
Наум был сердцем суховат.
Любил один лежбончик.

Он говорил: «Жениться — взять
Обузу! а «сударки»
Еще тошней: и время тратить
И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось.
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны;

Пускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!»

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отлупить
От ночи день несчастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихрь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошный край лэзурп,
И буря новая пришла
На смену старой бурп.

И новым сплам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погбили идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на музу!

V

Стреляя серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов
И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
И бляхи, и чешуйки.
В личных, высокых сапогах,
В солидной, спней чуйке,

В московском новом картузе,
Сам правя пристяжную,
Наум катит во всей красе.
Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
Пора чайку покушать!..»

Наум любил поговорить,
А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар —
Иantarную стерлядку.

Наум усердно предлагал
Рябиновку, вишневку,
А расхолодившись, обивал
«Смоленую головку».

— Ну, как делишки? «В барыше»,
С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
Подробно пещисляет,

Что дало в год ему вино
И сколько от завода.
«Накопчено, насолено, —
Чай, хватит на три года!

Всё лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят;
Работы много — свистну я:
Соседи не оставят;

Обрѹга вся в горсти моей,
Казна — надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепки.

Судью за денежки куплю,
Умилостивлю бога...
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного)...

VI

Полвека прожил так Наум
И не тужил нисколько,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольню дуб красивый

В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По топкой паутинке,
Как по канату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья,
А пообедав, продолжал
Обычные заплатья.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какая ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
Нашли себе могилы,
Понали бабочки туда —
Летуны пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен,
А мой — отъелся воп из рук!
Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
То мухою закусит...
Живется славно пауку:
Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком;
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
Я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал.
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

VII

Сидел он позно у ворот,
В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной,

И потянулся на покой
И человек и птица.

Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
И голубые очи,
У Вапи выются волоса.
«Укрой от темной ночи!»

— А самоварчик надо греть?
«Пожалуй»... Ни мнютки
Не могут гости посидеть:
У них и смех и шутки,

Задеть друг дружку нороят
Ногой, рукой, плечамп,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернись, губамп!

То вспыхнет личико у ней,
То белое, как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки.

«Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!»
— А кто вы? — «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: — Врет! подп сманп
Купеческую дочку!
Да что мне? лишь бы заплатил!
Пускай ночуют ночку.

Он им подушек пару дал:
— Уснете на диване. —
И доброй ночи пожелал
И молодцу и Тане.

В своей каморке на часах
Поддернул кверху пери
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
Кваску ему желалось,
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай, спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий топот:

«Покурим, Вапя!» говорит
Молодчику девица.
И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Вапино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вапи,

Нагая, полная рука!
У Тапи грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест,
И к ночи лишь вернется.
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великий!

На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко пил, я сладко ел»,
Он думает уныло:
«А кто мне в очи так смотрел?...»
И всё ему постыло...

ЭЛЕГИЯ

А. Н. Е[рако]ву

Пускай нам говорит изменчивая мода,
 Что тема старая — «страдания народа»
 И что поэзия забыть ее должна, —
 Не берите, юноши! не стареет она.
 О, если бы ее смогли состарить годы!
 Провел бы божий мир!.. Увы! пока народы
 Влечутся в нищету, покорствуя бичам,
 Как тощие стада по выжженным лугам,
 Оплакивая их рок, служить им будет муза,
 И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
 Толпе напоминать, что бедствует народ
 В то время, как она ликует и поет,
 К народу возбуждать вниманье
 сильных мира —
 Чему достойнее служить могла бы лпа?..

Я лиру посвятил народу своему.
 Быть может, я умру неведомый ему,
 Но я ему служил — и спокоен...
 Пускай наносит вред врагу не каждый
 воин,
 Но каждый в бой иди! А бой решит
 судьба...
 Я видел красный день: в России нет раба!
 И слезы сладкие я пролил в умленье...
 «Довольно ликовать в наивном увлеченьи»,
 Шепнула муза мне: «Пора идти вперед:
 Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»
 Внимаю ль песни жниц над жатвой
 золотой,

Старик ли медленный шагает за сохой,
 Бежит ли по лугу, играя и свистя,
 С отцовским завтраком довольное дитя,
 Сверкают ли серпы, звенят ли дружно
 косы, —
 Ответа я ищу на тайные вопросы,
 Кипящие в уме: «В последние года
 Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
 И рабству долгому пришедшая на смену
 Свобода, наконец, внесла ли перемену
 В народные судьбы? в напевы сельских
 дев?
 Иль так же горестен нестройный их
 напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
 По нивам, по лугам, уставленным стогами,
 Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
 И песнь сама собой слагается в уме,
 Недавних, тайных дум живое воплощенье:
 На сельские труды зову благословенье,
 Народному врагу проклятия сулю,
 А другу у небес могущества молю,
 И песнь моя громка!.. Ей вторят доли,
 нивы,
 И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки.
 И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
 Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
 Кому посвящены мечтанья поэта —
 Увы! не внимлет он — и не дает ответа...

ПОЭТУ

(ПАМЯТИ ШИЛЛЕРА)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
 И доблести?.. Век «крови и меча»!
 На трон земли ты посадил банкира,
 Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «певцы не нужны веку!»
 И нет певцов... Замолкло божество...
 О, кто ж теперь напомнит человеку
 Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
 И возвратись!.. Волшебный факел свой,
 Погашенный рукою дерзновенной,
 Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
 Наш надший дух взнеси на высоту,
 Чтоб человек не мертвыми очами
 Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венды с предательских голов,
Увлекших мир с пути любви и братства,
Стяжанным усилями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

1875

М. Е. САЛТЫКОВУ

ПРИ ОТЪЕЗДЕ ЗА ГРАНИЦУ

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабуду
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье кушим
Трудом у мыслящих людей.

Трудом — и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.

СОВРЕМЕННОСТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Швырнул далеко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг читатель мой?..

Конечно, нет! Конечно, нет!
Клеветает наш зопл.
Лакей принес пучок газет;
Я жадно их раскрыл, —

Минуя кражу и пожар
И ряд самоубийц,
Встречаю слово: «юбiliar»,
Читаю список лиц,

Стяжавших лавры. Счета нет!
Стипендия... медаль...
Аренда... памятник... обед...
Обед... обед... О враль!

Протри глаза!.. Иду к друзьям:
Готовит сич один,
Другой десяток телеграмм —
В Москву, в Рязань, в Тульчии.

Пошел я с ним «на телеграф».
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподняв,
Толпились там с утра.

Мелькают крупные слова:
«Герою много лет...»
«Ликуй, Орел!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привет...»

Не мало тут «друзей добра»,
«Отцов» не перечесать,
А вот листов: одно — «ура!..»
Пора, однако, есть.

Я пришел в трактир и тоже
Счет теряю торжествам.
Книга дерзкая! за что же
Ты укор послала нам?..

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают пздавна
Триумфаторы-орлы.

Посмотрите — что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.

Заказав бульон и личи,
Коридором я брожу;
Дверь растворят — слышу спичи.
На пирующих гляжу:

Люди заняты в трактирах,
Не мешают... я и рад...

Зала № 1

В первой зале, все в мундпрах,
В белых галстуках, стоят.
Юбилер-администратор,
Древен, весь шпьем залит,
Две звезды... Ему оратор,
Тоже старец, говорит:
«Ты отец! До населяя
Добр и милостив ты был,
Не довел до разоренья,
Пипши, крова не лишил!
Ты герой — до кассы частной,
До казенного добра

Не простер руки всевластной —
Благодарность п... ура!..»

Вдруг курьер вошел, спая,
Заспая и юбиляр.
Юбилеру, поздравляя,
Поднесли достойный дар.

№ 2

Речь долго, долго длилась,
Расплакался старик...
Я сделал шаг... открылась
Другая дверь — на миг,
И тут героя читал,
Кричал: много лет!
Герою подносили
Магницкого портрет:
Крамольники лукавы,
Рази — и не жалеи!

Исчезла сцена славы —
Захлопнул дверь лакей...

№ 3

На столе лежат «подарки»,
В Петербурге лучших ист.
Две бриллиантовые арки —
Восхитительный браслет!
Бриллиантовые звезды...
Чудо!.. Несколько ребят
С упоением невесты
На сокровища глядят.
(Были тут и личеисты,
И пажи, и юнкера,
И незрелые юрпсты,
И купцы... et cetera...)

— Чудо! — дядька их почтенный
Восклицает, князь Иван,
И, летам удрученный,
Упадает на диван...

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожпревшая щека.
По устройству верхней губы
Он — бульдог; с оскалом зубы.
Под гребенку волоса
И добрейшие глаза.
Он — известный объедало.

*М. Е. Салтыков-Щедрин.
Фотография конца 1860-х годов.*

Говорит умно,
Словно в бочку пз-под сала
Льет в себя вино.
Дома редко пребывает,
До шестидесяти лет
Водовилл посещает,
Оперетку и балет.
У него друзья — кадеты,
Именитый дед его
Был шутком Елизаветы,
Сам он — ровно ничего.
Презирает аксельбанты,
Не охотник до чпнов.
Унаследовав таланты
Исторических шутков,
С языком своим проворным,
С дерзким смехом, в век пной
Был бы он шутком придворным,
А теперь он — шут простой.

«Да! дары такие редки!»
Восклицает князь Иван:
«Надо спрыснуть... спрыснуть, детки!..
Наливай полней стакан!..
Ист, постой! В начале шпра
Совершим один обряд:
Перед нами нет кумира,
Но... и камни говорят!
Эта брошка приютится
У богини на груди,
Значит, должно поклониться
Перед нею... Подходи!..»

И почтительно к алмазам
Приложился князь Иван;
И потом уж выпил разом
Свой вместительный стакан.
И, вслед за командиром,
Приложился юнцы
К бриллиантам и сафирам...

— «На колени, молодцы!
Гимн!..»

Глядит умным взглядом
Старый шут на небеса,
И поют согласным хором
Молодые голоса:

Мадонны лпк,
Взор херувима...
Мадам Жюдпк
Непостижима!

Жизнь наша — пуф,
Пустей ореха,
Засхаты в Буфф —
Одна утеха.

Восторга крпк,
Порыв блаженства...
Мадам Жюдпк
Верх совершенства!

№ 4

«... Первоприсутствуя в сенате,
Радел ли ты о меньшем брате?
Всегда ли ты служил добру?
Всегда ли к истине стремишься?..»

— «Позвольте-с!»

Я посторонился
И дал дорогу острую...

№ 5

Большая зала... шума нет...
Ученое собрание,
Агрономический обед,
Вернее — заседание.
Встает известный агроном,
Член общества — Коленов
(Докладчик пасмурен лицом,
Печальны лица членов).
Он говорит: «Я посвятил
Досуг мой скотоводству,
Я восемь лет в Тироле жил,
Поверив превосходству
Швейцарских, английских пород,
В отечестве любезном
Старался я улучшить скот
И думал быть полезным.
Увы! напрасная мечта!
Убил я даром годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
В крови у русской княжк есть
Привычка золотая:
«Работать много, мало есть» —
Основа вековая!
Печальный вид: голодный конь
На почве пестоценной,
С голодным пахарем... А тронь
Рукой непосвященной —
Еще печальней что-нибудь
Получится в итоге...

Попнул я опасный путь,
Увы! на полдороге...
Трудитесь дальше без меня...»

— «Прискорбны речи ваши!
Придется с нынешнего дня
Закреть соборья наши!»
Сказал ученый президент
(Толстяк, заплывший жиром):
«Разделим скромный дивиденд
И разойдемся с миром!
Оставим бедный наш народ
Судьбам его — п богу!
Без нас скорее он найдет
К развитию дорогу...»

«Закреть! закрыть, хотя п жаль!»
Решло всё собрание:
И дать Колесову медаль:
«За ревность и старание».
«Ура!.. Подписку!»... Увлёклся —
Не скупю подписал, —
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 6

Шаг вперед — п снова зала,
Всё заводчики-тузы;
Слышен голос: «Ты сначала
Много выдержал грозы.
Весь души прекрасной пламень
Ты принес на подвиг свой,
Но пошел ко дну, как камень,
Броненосец первый твой!
Смертоносные гранаты
Изобрел ты на врагов...
Были б чудо-результаты,
Кабы дельных мастеров!
То-то их принять бы в прутья!..
Ты гранатою своей
Переранил из орудья
Только собственных людей...
Ты поклялся, как заразы,
Новых опытов бежать,
Но казенные заказы
Увлекал тебя опять,
Ты вступил...»

Лакей суровый
Дверь захлопнул, как на зло.

№ 7

Я вперед... Из залы новой
Мертвечиной понесло...

Пир тут, видно, не секретный —
Настежь дверь... пароду тьма...
Господин Ветхозаветный
Говорит:

«Судьба сама
Нас свела сегодня вместе;
Шел я радостно сюда,
Как жених грядет к невесте, —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкин
Из могилы... Наконец,
Отозвался п Тютюшкин,
Скромный труженик-певец:
Драгоценную находку
Отыскал товарищ наш!
В бедной лавочке селедку
Завернул в нее торгош.
Грязный синенький листочек,
А какпе перлы в нем!..»

— Прочитай-ка хоть кусочек! —
Закричали...

«Мы начнем
С детства. Видно, что в разъезды
Посылал его отец:
Где пной считал бы звезды,
Он...» — Читай же! — Начал чтец:

*Отрывок из путевых заметок юноши Тя-
пушкина, введенных им во время разъездов
его по России по делам отца*

(Найден случайно между оберточной бумагой в
лавке купца С. С. Подтекина; подлинник — соб-
ственность Зосима Терентьевича Ветхозаветного).

На реке на Свири
Рыба, как в Сибире.
Окунь, линь
Средней длины.
На реке же Лене
Хуже, чем на Оби:
Ноги по колену
Отморозил обе,
А прибив в Ирбит,
Дядей был прибит...

— Превосходно! поэтично!.. —
Каждый в лупу смотрит лжет.
«И при том характерно»,
Замечает журналист:
«То-то мы ударим в трубы!
То-то праздник будет нам!»

И прикладывает губы
К полуграмотным строкам.
Прпложил — и к делу рьяный
Примечанне строчит:
«Отморозил ноги — пьяный
И — за пьянство был побит;
Чужды нравственности узкой,
Не решаемся мы скрыть
Этот знак натуры русской...
Да! «веселье Руси — пить!»!

Прим. ред.

«Уж знакомлюсь я с поэтом,
Биографию пишу...»

— Не снабдите ли портретом?

«Дорогонько... погляжу...
Случай редкий! Мы России
Явим вновь труды свои:
Восстановим запятые,
Двоеточие над і;
Можно будет в духе «Мшши»
Предисловье написать:
Поощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидения печать!..
Позавидует Бартенев,
И Ефремов зашпипит,
Но заметку сам Тургенев
В «Петербургских» поместит...»

— Верно! царь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецам:
Все живые интересы
Уступают поле нам...

«Так... и так да будет вечно!..
Дарованья в наши дни
Гибнут рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы
В начертаниях своих!
Нам без смерти — нет поживы,
Как аптеке без больных!
Дарованьем богатый
Служит обществу пером,
Служим мы ему лопатой...
Други! пьем! За мертвых пьем!..»

Вместо влаги искрометной,
Пили запросто марсал,

А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:

«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — при гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорей!..

№ 8

«Получай же по проценту!»
Говорит седой банкир
Полпдейскому агенту:
«В честь твою сегодня при!»
Рад банкир, как сумасшедший;
Все довольны; сыщик пьян;
От детей сюда зашедший,
По знакомству, князь Иван
Держит спич:

— «Свои законы
Есть у века, господа!
Как пропал миллион,
Я подумал: не беда!
Верьте, нет глупей несчастья:
Потерять последний грош —
Ни пропажи, ни участия,
Хоть повесься, не найдешь!
А украдут у банкира
Из десятка миллион —
Растревожится полмира...
«Миллион!..» Со всех сторон
Сожаленья раздадутся,
Все правительства снесутся,
Телеграммами в набат
Приударят! Все газеты
Похитителя приметы
Многokратно возвестят,
Обозначат каждый прыщик...
И глядишь: нашелся вор!
На два дня банкир и сыщик —
Самый модный разговор!
Им улыбки, им поклоны,
Поздравленья добрых душ...
Уж терять — так миллионы,
Царь вселенной — куш!..»

№ 9

Чу! пенье! Я туда скорей,
То пела светская плеяда

Благотворителей посредством лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

Да-с! Марья Львовна
За бедных в воду,
Мы Марье Львовне
Сложили оду.

Где Марья Львовна?
На вдовьем бале!
Где Марья Львовна?
В читальной зале...

Кто на эстраде
Поет романсы?
Чьи в маскараде
Вернее шансы?

У Марьи Львовны
Так милы речи,
У Марьи Львовны
Так круглы плечи!..

Гласит афиша:
«Народный праздник».
Купил корову
Один проказник:

«Да-с, Марья Львовна,
Не ваши речи,
Да-с, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

С народом нужны
Иные шансы...»
В саду корова
Поет романсы,

В саду толпится
Народ напивший,
Рискуют прачки
Последней гривной,

За грош корову
Кому не надо?
И побелели
Дорожки сада,

Как будто в мае
Послал бог снегу...

Пустых билетов
Свезли телегу

Из сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Да процветает
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-с, Марья Львовна
За бедных в воду...
Ее призвание —
Служить народу!

№ 10

Слышен голос — и знакомый:
«Ананас — не огурец!»
Возложив гастрономы
На товарища венец.
Это — круг интимный, близкий.
Тише! слышен жаркий спор:
Над какою-то соспской
Прозносят приговор.
Поросенку ставят баллы,
Рассуждая о вине,
Тычут градусник в бокалы...
«Как! четыре — ветчине?...»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро к вам приду и я.
Буду новую сосиску
Каждый день изобретать,
Буду мнение без риска
О салате подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Обленюсь, как верблюд,
И засну навеки мирно
Между двух изящных блюд...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЕРОИ ВЪ ЕМЕНИ

ТРАГИКОМЕДИЯ

«Кушать подано!» — Мне дали
Очень маленький салон.
За стеной «ура!» кричали,
По тарелкам шел трезвон.
Кто ж они — с моим чуланом
Рядом пьющие теперь?
Я чуть-чуть открыл диваном
Загороженную дверь,
Поглядел из-за портьеры:
Зала публичкой кишит —
Всё тузы-акционеры!
На ловца и зверь бежит...

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании,
В группе директоров Шкурин сидит
(Спится чуйка и крупные губы).
Старец, прошедший сквозь медные трубы,
Савва Антихристов спич говорит.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генерал, и банкир, и кулак.)

— «Да, господа! самородок-русак
Стоит немедких философов пары!
Был он мужик, не имел ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.
Дальше скажу вам словами его
(Тут и отвага, и ум, и смекалка):

«Я — уроженец степей;
Дав пастухам по алтыну,
Я из хребта у свиней
В младости дергал щетину.

Мечется стадо, ревет.
Знамо: живая скотина!
Мальчик не трусит — дерет,
Первого сорту щетина!

Стал я теперь богачом;
Дом у меня как картинка,
Думаю, глядя на дом:
Это — свинья щетинка!..»

Великорусская, меткая речь!..
С детства успел он добыть и сберечь.

Спали мы лишнюю; много заботы:
Надо сдавать земляные работы.
Еду я раз по делам в Перекоп,
Впью, с артелью плет землекоп.
— Кто ты? «Я — Федор Пикифоров
Шкурин».

(Обращается к Шкурину)

Чокнемся! Выпьем, Христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!..
Выбор-то мой оказался недурен...

(Чокаются и пьют)

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки, с одним «глазомером»,
Ездит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не пдет!
Земля кругом тут дворянские были —
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый «кустарь»,
Пренебреженной охраны царь.
Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданный из пеньев смолу,
Брали морощку, опекли солили
И говорили: «Нейдем в кабалу!»
Нет послушанья, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут
«рабочего».
Как же создашь его? Шкурин не
спит:

Земли, озера, болота, графит —
Всё откупил у помещика,
«Всё — до последнего леушка!»

(Как эвергически сам говорит).
Дрогнула грубая спина «кустарная»,
Как из-под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать, лучезарная,
Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
Разом поумножился труд!..

Ходко пошла земляная работа.
Шкурин, трудясь до кровавого пота,
Не раздевался в ночи,
Жил без семейства в степи безотрадной,
Обувь, одежду, пердovsky, харчи

Сам поставлял для артели громадной.
Он, разделял с рабочим труды,
Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды,
Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Красноречивее слов говорит!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
С находчивым «янки». А я, между тем,
Покамест здоровье подрядчика шлю,
Успел присмотреться ко всем:
Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видят столнца
В сенате, в палате, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях.
Тут были плебей, из праха и пыли
Достигшие денег, крестов,
И рядом вельможи тут русские были,
Погрызшие в тине долгов
(То имя, что деды в безумной отваге
Прославили — гордость страны —
Они за пап подмахнут на бумаге,
Не стоящей трети цены)...
Сидели тут важно, в сознании слы
«Зацепа» и «Савва» — столпы-воротилы
(Зацепа был мрачен, а Савва спял).
Тут были банкиры, дельцы биржевые,
И земская спла — дворяне стешные,
Тут было с десятков менял.
Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
Остзейские, русские, прусские немцы,
Еврей и греки и много других —
В Варшаве, в Одессе, в Крыму,
в Петербурге
Банкирские фирмы у них —
На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
Кончаются прозвища их.
Зацепа — красивый старик белокудый,
Наживший богатство политикой мудрой, —
Был сборщик главным вождем.
Профессор, юрист, адвокат знаменитый
И два инженера — с ученым значком —
Его окружали почетною свитой.

Григорий Аркадьич Задешин стяжал
В коммерческом мире великую славу
И львиную долю себе выделял
Из каждого крупного дела по праву.
Сей старец находчив, умен, даровит,
В нем чудная тайна успеха таится,
Недаром он в каждом правлении сидит...
Придет вам охота в аферы пуститься,
Старайтесь его к предприятию привлечь —
Пойдет как по маслу!..

Герой-триумфатор
Раскланился... Выступил новый оратор,
Месяло — испоконна была его речь:

«Мм. гг.

Времена наступают тревожные,
Кризис близится: мало дают
Предприятия железнодорожные,
Банки тоже не бойко плут:
«Половину закрыть не мешало бы!»
Слышен в публичке хор голосов,
Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время вытти на поприще новое,
Честь имею проект предложить,
Всё обдуманно — дело готовое,
Стоит только устав сочинить.

(Пауза. Выпив глоток воды, оратор продолжает с одушевлением)

Мысль — «Центрального Дома Терпимости»
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский целковыми вымостил,
И на то я согласен дам! —
Вам порукою наше серьезное
Отношение к делам вообще,
Что развитие сей грандиозное
Мы надеемся дать не вotide:
Лишь бы нам разрешили концессию...
Учредим капитал на паях
И, убив мелочную профессию,
Двинем дело на всех парусах!
Нет сомненья, что цель учреждения
Наше общество скоро поймет:
Понесут нам свои сбережения
Все, кутившие ныне вразброд!
Предприятия с точки вещественной
Невозможно вернее желать,
Равным образом, с точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Без надзора строжайшего, честного
Не оставим мы дело никак,
Мы найдем адвоката известного
Для разбора скандалов и драк.

Будет много у нас подражателей,
Но не будет такого нигде
Наблюденья: возьмем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде...

— В тихом омуте водятся черти! —
Кто-то рядом со мной прошептал;
Некто Грош испугался до смерти
Остроумной затей меняя
И подвинулся дальше со стулом.
На проект отвечала толпа
Нерешительным, сдержанным гулом,
Ждали миссия Зацепы-стопа.

«Да (сказал он), доходное дело,
Но советую вам подождать.
Ново... странно... до дерзости смело...
Преждевременно, смею сказать!
Кто не знает? Пророки событий,
Пророки путей,
Провозвестники важных открытий —
Побиваются грудой камней.
Двинув раньше вперед спекуляцию,
Чем прогресс узаконит ее,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело свое.
Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца...»

«Браво!» Залп громоподобный...
На арену вышел Грош
И проекту сичч надгробный
Довершил: «Проект хорош,
Исполнители опасны!»
Он язвительно сказал.
Преня были долги, страстны, —
Впрочем, я их не слыхал,
Я заснул...

Мне свились планы
О походах на карманы
Благодушных россиян,
И, ощутив мой кармап,
Я проснулся...

Шумно... В ушп
Словно бьют колокола,
Гомерическе кушп,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банкп, вклады —

Ничего не разберешь!..
Я сидел тупой и мрачный,
Долго мне понять мешал
Этот крпк и дым табачный:
Где я? Как сюда попал?..

Через дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лиц усталых ряд,
Вижу жонку недонитую,
Землянику, винограп.
К англичанину с объятьями
Лезет русский человек.
— Выьем, Борух! Будем
братьями! —

Говорит еврея грек.
Кто-то нпзко клонит голову,
Кто-то на пол льет вино,
Кто-то Утина Ермолу
Уподобил... Всё пьяно!..

Я понял: кончили дела
И нараспашку закутилп.
Одни сидели у стола,
Другие парамп ходилп.
Сюда пришел и князь Иван
И, на диване отдыхая,
Не умолкал, как барабан,
Чужие речи заглушая.
Старик с друзьями продолжал
Пить вдохновляющую жонку
И мимо шедшим посылал
Свои любезности влогонку.
Теперь динизм у них дарил,
И разговор был часто страшен:
— С какой пконы ты скуспл
Тот перл, которым ты украшен?
«Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду...»
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись доупада,
Другие хмурились... Журча,
Лился поток суждений, споров...
Вот вам отрывки разговоров,
Ищите сами к ним ключа...

1-й голос

Отложили на неделю,
Миллиончик пропадет.
Вот господь послал Емелю!
Доложил наоборот:
Позабыл о братьях Прпмах,
Знай наладил: Цах да Цах!

Образец непроходимых
Государственных нерях!
С ним теперь и смех и горе.
Прежний много лучше был:
Не сажал нас на мель в море
И на суше не топил.

2-й голос (*князя Ивана*)

Чу! как орут: «Казань!..», «Ветлуга!..»
Адепты севера и юга.
Немного фактов, бездна слов...
Одно тут каждый понимает,
Что на пути до рудников
Постлатъ соломки не мешает!

3-й голос

У нас был директор дороги,
Кондукторам красть не давал:
В вагоны, как тать, проникал,
У сонных сосчитывал ноги,
Чтоб видеть: придется ли нет
На каждую пару билет?
Но дальше билетов и ног
Считать ничего он не мог!..

Голос князя Ивана (*кому-то навстречу*)

Сотню рублей серебра
В день получаю...
Сорок четыре ребра
В сутки ломаю...
А! господин костолом!
Радуюсь встрече случайной.
Правда ли? мы создаем
Новый проект чрезвычайный:
Предупредительных мер
Мы отрицаем полезность...
(Так! господин инженер!
Благодарим за любезность).
Вечно мы будем ломать
Едущим руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженьи дорог,
С правого боку возвесть
Раненым нужно жилища,
А для убитых отвести
С левого боку кладбища.
Так-с! Выражался точнее,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей...
Мало еще вы кутите!

Что же? Дай бог вам успеть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагреть,
И пассажирам приятно:
Вместо того, чтоб зевать,
В наших пустынях унылых —
Впредь до крушенья — считать
Будут кресты на могилах!

Двос (4-й и 5-й) (*проходя мимо двери, не громко*)

— Вам дадут пай стронтели,
Я готов держать пари
На тысчонку! Не хотите ли?
— «В чем же дело, говори!»
— Это — путь из самых прибыльных,
Но, ведь, это — тоже дверь
Для обмена мыслей гибельных...
Понимаете теперь?
— «Верно! малый ты практический!
Как пари не заплатить?
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Голос князя Ивана (*кому-то вдогонку*)

Пестрый галстук с черным фраком,
Ряд нечищенных зубов
И подернутая лаком
Рожа — признак дураков.
В перстне камень изумрудный.
Неотесанный болван:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный сан!
Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен:
Залезать в чужой карман!
И на нем дух века виден:
Он по трусости — скупец,
По невежеству — бесстыден
И по глупости — подлец!

6-й голос

За что швырнул в меня он карточкой своей
И завтра обещал прислать мне секунданта?
Ведь, я не отрицал у Душкиной таланта,
Я только говорил, что Радица милей!
Военный человек, не спорю я, прекрасен,
Но дальше от него держаться должно нам.
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.

Голос князя Ивана (*кому-то навстречу*)

Тысяч восемьдесят в банках
Получает этот франт,
Он живет бесценно в санках —
В этом весь его талант.
Есть другой счастливцев в мире,
Полунемед, полугрек,
Получает *сто четыре*...
Заурядный человек!
Дай мне легонькие санки
И рысистого коня,
Я и сам все наши банки
Облечу в течение дня!

7-й голос

Человека накачали
И забыли... Как тут быть?
Если нет дыган, нельзя ли
Хоть арфисток пригласить?
Без прекрасного-то пола
Скучновато во хмелю.
Пить так пить — *до протокола*,
Середины не люблю!

Голос князя Ивана

На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборец!
Железнодорожник
И гостинодворец,
И во всем — художник!

8-й голос

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,
Фортель их таков:
Меж собой распределяют
Весь наличный капитал
Из осьми... а выручают
Сорок... Подло! я отстал.

Голос князя Ивана (*кому-то вдогонку*)

Смысл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию;
Попал на министерский стул
И — нагнул на всю Россию!

9-й голос

... Говорю: помпритесь добром!
Не советую знаться с судом!..

На Лптейной такое есть зданье,
Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие —
Юный пристав меня пстерзал;
Прокурор, посевевший во бленни,
Так копался в моем поведении,
Что с натуги в пстерпку впал;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Воскликнул мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чпще снега альпийских вершин!..»

Невеселое выпло решение:
Без лишения прав заключение.
Две недели пришлось проскучать,
Да с полгода ругала печать!

10-й голос

Печать? У ней строптель — вор!
Железные дороги — душегубки!
Суды?.. По платью приговор!
А им любезны только полущубки.

Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званью...
Как? под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанью?..

11-й голос

Не щадят ни заслуг, ни звания!
Адвокатам одним только рай:
За лишение прав состояния
И за то теперь деньги подай!

Голос князя Ивана (*кому-то вдогонку*)

Не люблю австрийца!
Думается мне:
Вот — сыноубийца!
Чу! призыв к войне!
Брошены парады,

Дети в бой идут,
А отцы подрады
На войска берут...
Юные герои
Гибнут в каждом бое,
Не поймут никак:
Отчего в атаке,
В самой жаркой драке,
Невредим пруссаки?
Дети! вас надул
Ваши старики:
Глупые люди
Ставили в полки!

Неразлучной бродят парой
Суетливый коммерсант
И еврей, процентщик ярый,
В драгоценных камнях франт.
Вот подходят к самой двери,
Продолжая рассуждать:
— Мне «товарища на веревку»
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остается ты один.
Выручай! ты — безупречный,
Полноправный гражданин!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентах» заявил
Связь свою с литературой,
Ты Тиблету кумом был.
Ты — художник по натуре...
— «Нежелательно прослыть
Подставным в литературе...»
— Вот нашел о чем тужить!
Полно! Мы с тобой — не детки.
Нынче — царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спроса нет на них.
Погляди: моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже
И не лучше на земле.
Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
Был же Гейсфельд, есть же Гоппе...
Ты бы ярче их сиял!
Прессе нужны коммерсанты.
Поспешив на помощь ей,
Как направим мы таланты,
Как устроимся! —

Еврей

Отвечает, убежденно

Начиная уступать:
— «Если нужно просвещенью
Руку помощи подать,
Я готов, но — бог свидетель —
Я от грамоты отвык...»
— Тут нужна лишь добродетель! —
Восклицает биржевик...

— Дай еще им пять бутылок! —
Испустил внезапный крик
Некто — стриженый затылок,
Голова «à la мужик».
Рост высокий, шаг не гибкий,
А лицо... страшней всего,
Как не высклип ошибкой
По лицу его!
Выпив первую бутылку,
Лизоблюдов пьяный хор
Тороватому затылку
Лестно выпалил в упор:
— Сколько вы божьих храмов построили!
— Сколько выдал замуж невест!
— Сколько вдов и спрота успокоили!
— Сколько роздали пенсий и мест!
— «А как же вы строите мосты!
Подвиг ваш — достойные веков!»
Поправляя очки свои спящие,
Заключил запевало льстедов:
«На Урале, на Лене, на Тереке
Предстоят еще подвиги вам.
Были люди в Европе, Америке,
А таких не встречалось и там!»

— Будто? Вот как! Скажите! Неужели? —
Воскликнул осовевший герой. —
Мы, однако, так плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И вскочили «орлы» его верные.
И героя домой повели...

Про таланты его непомерные
Очень громкие слухи прошли.
Как шаман, он обвешан жетонами
(А на шее владимирский крест).
С телеграммами, свистками, звонами
Колокольными — эдак и ест.
Упивается тонкими винами,
Сыплет золото щедрой рукой,
В предприятиях долями львинными
Наделяется... Чем не герой?...
Есть, однако, и мнение противное:

Говорят у него никакких
Дарований, богатство фиктивное;
Говорят: он — игрушка других,
Нужен он для одной декорации;
Три-четыре пекунных дельца
В омут самой шальной спекуляции,
Словно мячик, бросают глупца.

Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Эти люди, с виду смелые,
Обрывают их с него,
И потом дружка сердечного
В новый омут повлекут...
Ничего нет в мире вечного —
Скоро будет он банкрот!

Голос князя Ивана (*навстречу вновь
вошедшему*)

А! Авраам пзыскатель!
Мимо прошел: не узнал;
Чем возгордился, приятель?
Я настухом тебя знал...

Лота отда попрекает,
Берка от Лоты бежит,
Месяца три пропадает
И, возвратясь, говорит:

«Радуйся, дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сын!
Дети! купил я болота
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделась в шубку,
Янкель за шапкой бежит,
Едут смотреть на покупку —
Лошадь с натугой хрипит,

Местность всё ниже и ниже,
Множество кочек и ям.
«Вот оно! Лота! смотри же!»
Лота не верит глазам:

Нету ничем ничего-то,
Кроме трясины и мхов!
Только слетели с болота
Семьдесят семь куликов!

Едучи шагом обратно,
Янкель трунил над отцом,
Лота работала знатно
Длинным своим языком.

Берка на жалобы эти
Молвил, подъехав к крыльцу:
«Не угодил я вам, дети,
Да угодил продавцу!»

Утром он с ними простился,
Месяца три пропадал.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» снова сказал.

Янкель и Лота не рады,
Думают: глушьность опять!
«Взял я большие подряды!»
Берка пустился плясать.

«Четверть с рубля обойдется,
Четверть с рубля... без гроша...
Семьдесят семь остается,
Семьдесят семь барыша!»

Денег у Берки без счета,
Берка — давно дворянин,
Благословляя болота
Семьдесят семь десятин!..

Чу! песня! Полные вином,
Два пшжепера ликовали
И пели песенку о том,
Как «непреклонного» сломали:

Я проект мой излагал
Ясно, непреложно —
Сухо молвил генерал:
«Это невозможно!»

Я протекцию сыскал,
Всё обставил чудно,
Грустно молвил генерал:
«Это очень трудно!»

В третий раз понять я дал:
Будет — гривна со ста,
И воскликнул генерал:
«Это — очень просто!»

Голос князя Ивана

На уме чины да куш,
Пассажиров бьет гуртом:
Христианские-то души
Жидовине ни почем.
Добиваясь генеральства,

Минут высоко о себе.
«Плутуловатость п нахальство» —
Два слова в его гербе.
До пределов незаконных
Глуп, а денежки гребет...
Всё равно что резать сочных —
Обпрать народ!

Слышны толки: «леность... пьянство...
Земство... волюсть... мужик...»
Это — местное дворянство
И дворяне-степняки.
У степного дворянина
Речь любимая своя:
«Чебоксарская шетпина»,
«Мпргородская свпнья»,
«Свекловица, мерпинос»,
«Спрос на водку п барду»,
А у местного вопросы
«Вссословные» в ходу,
Граф Давыдов князь Лобанов
В центре этого кружка
Излагают пользу планов,
Неудавшихся пока.

«Вся беда России
В недостатке власти!»
Говорят витии
По сословной части.

— «Мало толку в словопрении, —
Гринул некто Хватунов, —
Лучше петь об орошении
(Был уж он давно «готов»).»

Песня об «орошении»

Комитету «Поощрения
Земледельческих Трудов»
Сделать опыт орошения
Наших наших п лугов

Предложил я: снаряжил
Две комиссии в наш край
И потом благословил,
Дал денег: «Орошай!»

Я поехал за границу,
Пожупровал; затем
Начал сеять свеклович.
Время мчалось, между тем,

Дом мой стал богаче, краше,
Сам толстею, что ни год.
Вдруг запрос: «Успешно ль ваше
Орошение пдет?»

— «При ближайшем наблюдении»,
Отвечаю в комитет:
«Нахожу, что в орошении
В нашем крае — нужды нет,

Труд притом безмерно дорог...»
Согласился: Нет нужды!
А задаток — тысяч сорок —
За поспынные труды

Комитет — не без участия
Добрых душ — с меня сложил,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я оросил!..

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
Замечаю ренегатов
Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил
И, служа науке честно,
Плутократию громил,
Был профессором, ученым
Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...
Вдруг — конец истории —
В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!..

Вот москвич — родоначальник
Этой фракции дельцов:
Об отечестве печальник,
Лучший тип профессоров,
Встарь он цел пные пески,
Искандер был друг его,
Кроме каменной болезни,
Не имел он ничего;
Под епалой в опыты годы
Находился демократ,
Друг народа п свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки

Этот старый патрпот...
 Вот другой — слывет за чудо:
 Говоруи и остролгов
 («Леонид» — ему поука
 Кличка у тузов).
 Он машинным красноречьем
 Плутократию дивит;
 Никаким противоречьем
 Не смущаясь, говорит
 В интересах господина.
 Заплати да тему дай,
 Говорильная машина
 Загудит: поднимет лай,
 Будет плакать и смеяться,
 Цифры, факты пзвращать,
 На Бутовского ссылаться,
 Марксом тону задавать.
 Предпочтя ученой славе
 Соблазнительный металл,
 Леонид сперва при Савве
 На посылках состоял,
 Подавал ему «идейки»
 (И сигары — иногда),
 Знал к редакторам лазейки,
 К представителям суда,
 Составлял «записки», «мнения»,
 Сметки прессы отражал,
 И в директоры правленья
 Наконец попал!
 Тут уж торная дорога:
 Нахватав десяток мест,
 Как за пазухой у бога,
 Он живет; по-барски ест,
 На балы к кондесоперам
 Возит куколку-жену
 И поет акционерам
 Вечно песенку одну;
 Смысл пзвестный: «дипвидендов
 Нет покамест — ожидай!
 И немедля шесть процентов
 Нам в награду отчислай!»
 Кризис: дело не спорится,
 Денег нет, должны кругом,
 В дверь правленья стучится
 С неполнотельным листом
 Пристав: кассу запрает,
 Мебель штемелем клеймит.
 Леонид не унывает
 И дипломатски острит:
 «Мат, конечно, предпринять,
 А правленью — не беда!
 Стул с казенною печатью
 Так же мягок, господи!..»

Нынче счету пет артистам,
 Чтò таким путем пошли
 И на помощь аферистам
 Сплу знания принесли.
 Всякий план, в основе шаткий,
 Как на сваях утвердят:
 Исторической подкладкой,
 Перспективами снабдят!
 Дело их — стоять на страже
 «Государственных идей».
 Нет еще идеи даже,
 Есть один намек о ней,
 Уж бегут они к патронам,
 Выговаривают пай.
 Начинают скромным тоном:
 «Нужный банк»... «Забытый край»...
 Дальше — громче пропаганда,
 Загорается война,
 Кто за Шипта, кто за Странда!
 Правду вывернув до дна,
 Чудо сделают из края,
 Этнографией блеснут,
 И статистика такая...
 Где они ее берут?
 Аргумент эконоимический,
 Аргумент патрпотический,
 И важнейший, наконец,
 С точки зренья стратегической
 Аргумент — всемо венед!..

Из пяти одна зател
 Удалась — набит кармап!
 А гуманный идея
 Отошла на дальний план.

Новый туз-богач — в итоге,
 И сказался барышник
 Лишней гривною в налоге
 С податной души!..

Надо честь отдать почину —
 Разбудили Русь они:
 И кунду и дворянину
 Плохо спится в наши дни;
 Прежде Русь стихи писала,
 Рифмам не было числа,
 А теперь практичной стала:
 На проекты налегла!
 Предпринимчивостью чудной
 Преполнились сердца,
 Нет теперь задачи трудной,
 Каждый план найдет дельца.
 Запрудят Неву, каналы

По Сахаре проведут!..
Дайте только капиталы,
Обеспечьте риск и труд...

Да, постигла и Россия
Тайну жизни наконец:
Тайна жизни — гарантия,
А субсидия — внец!
Будешь в славе равен Фидию,
Антокольский! пзвляй
ГАРАНТИЮ и СУБСИДИЮ,
Идеалам форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый и герой;
Пусть идут израильтяне
И другие пришельцы,
И российские дворяне,
И моршакские скопцы...

Беседа кипит, не смолкая,
И льется рекою вино,
Великих и малых равняя;
Все группы смешались давно.
Зацепил в ударе, как воду
Венгерское пьет; Леонид,
Великому мужу в угоду,
Вступает ему и лепит.
Из оперы новые лица
Явились; затеялся спор:
Которая выше певица,
Который пошлее актёр.
Веселый толстяк, красноречивый,
Хохочет Иванушка-шут,
И муж государственный тоже,
Подвыпив, беседует тут:
«Да-с, наша тропа не без терний!
Энергия — свойство мое,
Но на сорок восемь губерний
Всегда ли достанет ее?..»

Но был один — он общества чуждался;
Постропши дорогу в восемь верст,
На собственном величии помешался
Остзейский туз — барон фон-Клоппенгорст.
Он вынуждал к невольному респекту —
Торжественность в осязке и в лице;
Пусти нагим по Невскому проспекту —
Покажется он — в тоге и венде.
Он не сгибал своей баронской выпя
Ни перед кем; на лбу его крутом
Начертано: «Трудился для России

И памятник воздвиг себе притом!»
Он был смешон картиною, грандиозно
И шумный при эффектно оттенял.
Он был один, нахмурив брови грозно,
По слову в час медленно ронял.
Молчит ли он — особая манера
Молчать... глядит — победоносный взор!
Идет ли он — незыблемая вера,
Что долг других давать ему простор.
Среди судов обычного размера
Так шествовал в Россию «Монитор»...

Остроумная случайность!
На соседа не похож,
Представлял другую крайность
Эдуард Иванович Грош —
Господни на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
К человеку обезьян.
К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмет
И головкою кивает,
И хихикает, и врет.
Голосок его пискливый
Раздается там и тут,
Толстый, маленький, плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он, как ртуть, на всяком месте,
Слышит — кто-то говорит:
— Нужно завтра акций двести...
«На наличность? на кредит?..»
По рукам в мигнуто хлопнула
И бежит туда бегом,
Где услышал слово: хлопнула.
«Кто? Какой торговый дом?..»
— Хлопнула — шар!..

Зимою в сапках
Вечно встретите его;
Он на бирже, в думе, в бабках,
Нет собравья без него:
Это высшего разряда
Фактор — сила наших дней.
Телеграфов с ним не надо,
Ни газетных новостей.
Светский мир и мир подпольный
Дань равно ему несут,
Как револьвер шестиствольный,
Он заряжен! С виду шут,
Он неспроста бьет баклуши,
Он трудится больше нас:
Настороженные уши,
Волчий зуб и лисий глаз!

Что вам нужно? Закладную?
 Моську, мужа... дачу, дом,
 Капитал?... Рекомендую:
 Не ударит в грязь лицом!
 Честолюбье ль вас тревожит?
 Он карьере даст толчок,
 Даже выхлопотать может
 Португальский орден!
По руке принять перчатку —
 Дело Гроша! Всюду вхож,
 Он туда протиснет взятку,
 Что руками разведешь!...
 Гроша вывели из мрака
 Случай, ловкость и родня;
 Не выходит он из фрака;
 Пробудясь, кричит: коня!
 В девять рыщет по трущобам,
 Ищет нужного дельца;
 В десять — шествует за гробом
 Сановитого лица;
 До двенадцати — в передних
 У влиятельных господ;
 В час — в приюте малолетних,
 Где молебн и отчет;
 В два — за завтраком с кокоткой
 (Он — кокоток первый друг);
 С трех — на бирже... День короткий —
 Пообедать недосуг!
 Вечер: два, три компета,
 Оперетка и балет
 И у дамы полусвета
 За рулеткой — дня рассвет!

Тише!... новый гость явился;
 Все вскочили, сам барон
 Клоппенгорст пред ним склонился,
 Подал руку... Кто же он?

Кто он? Действуя практически,
 Я обязан умолчать,
 Но могу аллегорически
 Петухом его называть.
 Нет вернее аттестации:
 Золото клюст —
 Возвращает... ассигнации!
 Плавно он идет
 С видом скромного достоинства:
 Словно пред вождем
 Дрессированное воиство,
 Смогло всё кругом...

Поздоровался с Саввой Степанычем,
 Крепко палец Задспе сжав,

Пошутил с Эдуардом Ивановичем:
 «У! как бледен! Опять пошамп!»

— «Испугался проекта Дериппына:
 Об общественной пользе поет,
 А в душе — идеалы Плотиппына!
 Зазевайся —»

А затем, неизвестность полнейшая!
 К сожаленью, беседа дальнейшая
 Шла вполголоса... «Время на бал!»
 Уходя, незнакомец сказал.

К счастью, он вернулся снова,
 На минуту сел,
 И тогда четыре слова
 Я поймать успел.
 «Нужно выждать две недели»,
 Савве он сказал:
 «Нужно выждать: не созрели...»
 И, допив бокал,
 Вышел...

Экс-писатель бледнолицый
 Появился Пьер Кульков;
 Был он долго за границей
 По комиссиям дельцов
 И друзьям поклон собрата
 Из Италии привез.
 Вожделенный плутократа,
 Так сказать, апофеоз
 Совмещал в себе фон-Руге:
 Ухватив громадный куш,
 Он ушел — на светлом юге
 Отдыхать. «Великий муж!»
 Говорят ему витип:
 «Не пугайся клеветы!
 Предприимчивость России
 На такие высоты
 Ты вознес, что миллиарда
 Увезенного не жаль!...»
 Не без чувства и азарта,
 Устремляя очи в даль,
 Рассказал турист свиданье
 С удалившимся дельцом;
 Было общее молчанье,
 Пел рассказчик соловьем:

Я посетил отшельника Севпыль,
 На выплу Мирт хотелось мне взглянуть;
 Пред ней поэт преклонится — в бессильи
 Вообразить прекрасней что-нибудь!

Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,
И в воздухе висят балконы,
И с одного — в Европе лучший вид!

Там он любил сидеть после обеда
И несколько тревожился лишь тем,
Что тот же вид доступен для соседа;
Его девиз: я не делюсь ни с кем!

Он этим был глубоко опечален
И наконец соседа победил:
Настроил он искусственных развалин
И чудный вид соседу заградил!..

Весь под шатром навесов виноградных
Шел путь к нему извилистой тропой;
Не пожалев расходов беспощадных,
Он срыл сады — и сделал путь прямой!

Так он живет, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему...
Кругом цветы... искусственные воды...
Его оркестр обходится ему

В огромный куш. Устроив род престола,
Уходит он в свой музыкальный зал,
И, так сказать, оркестру внемлет solo.
Вот жизнь его... вот жизни идеал!..

«По такому идеалу
Может только жить — кретин!»
Вдруг сказал вошедший в залу
Незадолго господин.
(Сумасшедший или гений?
Возникал в уме вопрос
После кратких наблюдений
Над вошедшим): «Он унес
Из России миллионы
И, построив пышный гроб,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственных особ
Он рассчитывал, сгорая
Честолюбием... Увы!
Едут мимо, не склоняя
Перед Руге головы!
У него в груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Перед боем франко-прусским
Переписывался он

С императором французским,
За серебряный миллион
Титул герцога — я слышал —
Уж совсем приторговал...
Вдруг скандал седанский вышел —
Продавец банкротом стал!
И теперь о том герое
(Не забавный ли пассаж?)
В деловом мире плачут трое —
Сын, жена... да Руге наш!
Пожалей, честная публика!
Где купить высокий сан?
Уж во Франции — республика!
Титлов нет у англичан
На продажу... а Германия?...
Он и так — немецкий фон...
Таковы его страдания...
Где же счастье?... Дурень он!

Дайте мне его миллионы,
Я бы им протер глаза!
Не висят балконы —
Я бы создал чудеса!
Петр Великий в Сестербеке
Порт громадный замыслил;
Здесь в великом человеке
Гений, видимо, дремал,
Но и в малом человечке
Он не дремлет никогда:
Нужен порт... на Черной реке!
Вот идея, господа!
Все другие планы к чорту!
Составляйте капитал:
Смело строй дорогу к порту
И веди к нему канал!
Подойдут вагон и барка
И корабль... Славай, грузы!
Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружие дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!
С деньгами, с гением
Чудным движением

Русь оживим.
Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!

Вот занятие! вот дело!
Можно душу положить!
Ненавижу нежить тело,
Нервы праздностью томить.

Уж давно я был бы Крезом,
Мог бы лавры пожинать,
Но беспошлинным железом
Не хочу я торговать.
Металлических заводов
С пивоваренным котлом
Я не строю для доходов...
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!

*(Уходит быстро и с эффектом,
еще в комнате надев шляпу)*

Голос князя Ивана

Появился метеором,
Метеором—и пропал!
Никогда он не был вором,
А людей с сумой пускал.
У него своя контора:
«Переписки вексель»,
Нужно штат удвоить скоро.
В день до тысячи рублей
Платит он одним процентом.
То-то жизнь! тонн камин
Грудой старых документов,
Да на новых ставь: *Ладыин*.
А в стяжании не грешен,
Сам последнее отдаст...

Чье-то замечание

Но зато, ведь, он помешан?

Голос князя Ивана

Нет, большой энтузиаст!
Занимая всюду деньги
И *пристрои*, в их спеша,
Ищет он по *шанке Сеньки*...
Идеальная душа!..

В летний день у пристани капала
Собралась толпа, чего-то ждет...
Духовенство шествует сначала,
А за ним комиссия идет:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали запели бурлаки!
Но они не тощи, как скелеты,
Ныподбор красавды-мужики.

«В шелковых рубахах!» шепчут бабы.
— «Глянь: и Савва!» гаркнула толпа.
С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа,
Сам купец-подрядчик бечевою
Тянет барку... К пристани пришли...
Отслужив молебен чередую,
Пировать в палатку побрели.
В торжестве открытия канала
Сам министр участие принимал,
Но не струсил Саввушка нимало—
Речь его сиятельству сказал!
Был тогда вельможа этот в силе,
Затеявал громадные дела...
Эта речь «в шаролном, русском стиле»
Миллионы Савве принесла.
Нынче он... да словом: нет другого!
Савву надо в летописи внести;
Савву бог сподобил *даром слова*
На Руси богатство приобрести!

Но, начав карьеру бечевою,
Любит он простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напевает песню бурлака,
Ту, что пел когда-то на канале...
Выпив тост за «братьев мужиков»,
Он запел... что было русских в зале
Подожли—и стройный хор готов:

В гору!

(Бурлацкая песня)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем! напрем!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлебушка дай!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Камушка! сколько мы слез в тебя
пролили!

Мы ли, родная, тебя не довели?

Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напред!...
Кости трешшат!
На печь бы лечь
Зиму проспать,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денёк!
Эка жара!

Ухнп, ребята! гора-то высокая!..

Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нет те конца!..
Эдак бы впрямь
В лямку купца —
Лег бы богач!..

Экой песок!
Эка гора!
Экой денёк!
Эка жара!
Эй! ветерок!
Дуй поспильней!
Нам хоть часок
Дай повольней!..

Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В песне душу кладут;
Спой так певец — наградили бы славой!
За сердце звуки берут.
Что ж это, господи! Всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Всё лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Всё в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

Э П И Л О Г

«Я—вор!» вдруг громко прозвучал
Какой-то голос иступленный.
По зале шопот пробежал
И смолк. Глубоко удивленный,
Плотнее к двери я приник:
Изнеможенный и печальный,
Перед столом сидел старик...
Ужель Зацепя гениальный?
Да, верно! Бледен, как мертвец,
В очах глубокое страданье...
Чу! новый вопль! И наконец —
Неудержимое рыданье!

Князь Иван

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядем лучше в домино.
Посторопному — обидно,
А друзьям твоим — смешно!
Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней
Горько плачет о потере
Добродетели своей!
Не воротится невинность,
Как глубоко ни грусти,

Лишь нарушивши пира чинность
И заставивши нас уйти!

Ушел Эфрусси, важный грек,
Кивнув собранью величаво...
«Куда же вы?» воскликнул Савва:
«Зацепин — умный человек,
Но человек немного странный:
Впадает он, напившись пьян,
Как древле Грозный Иоанн,
В какой-то нафос покаянный...
Но — ничего! Гроза пройдет,
И завтра ж — побожиться смею —
Великий ум изобретет
Золотоносную идею!
Как под дождем цветы растут
Сильней, — прибавил он к свреям, —
Так эти бури придают
Наутро блеск его идеям!..»

Зацепин

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,

Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля!

Как огорошенные градом,
Ушли остзейские тузы,
Жиры вскочили... стали рядом...
«Куда? Сейчас — конец грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздух душен стал...
Задепа рвал рубашку с шеи
И истерически рыдал...

Князь Иван

На миллион согреша,
На миллиарды тоскует!
То-то святая душа!
Что же сей сон знаменует?

Бедный Задепа — поэт,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нет.
Как ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдем!
Нынче твердит и борода:
«Американский прием»,
«Великорусская смета!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготеет сердечной...
Шуйско-ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал» — говорят —
«Заатлантический брат:
Бог его — тоже, ведь, доллар!..»

Правда! по разнице в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

Задепин

К религии склонность я питал,
Мечтал носить железные вериги,
А кончил тем, что утверждал
Заведомо подчищенные книги...

(Рыдает)

Князь Иван

Ты книги подчистил? И только!
Уйми щекопливую честь!
Ах! если б все выпили столько,
Не то услышали б мы здесь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратным путем?

Позорные пятна на чести,
Торжественный, крупный скандал
И тысяч четыреста... двести
В итоге — вот наш идеал!

Тебя угнетает сознание,
Что шатко общественный крест
Ты нес, получая дающие
С пятнадцати прибыльных мест?

Утешься! Под жертвою крупной
Таится подход к грабежу.
Под маской добра неприступной
Холодный расчет докажу!

Завидуешь доблестям мужа,
Что несколько раз устоял
И, плутни других обнаружив,
Копеечки сам не украл?

Гонитель воров беспощадный,
Блещающий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросит с лица...
Утешься! Блаженство паденья —
Конечная цель мудреца!..

Редела дружная семья,
Поочередно подходили
К Зацепе верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрешен только бог,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Ответ: рыданье, тяжкий вздох
Или извительное слово!

Тронут ближнего несчастьем,
Миллионщик-мукомол
К удрученному с участьем
И с советом подошел:
«Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
Богадельный дом.
Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получишь, без отстоя,
Масло наливай!»

Подошел и Федор Шкурин.
— Прочь! не подходи!
Вместо сердца, грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драг щетину
Из живых свиней,
А теперь ты жижи тянешь
Из живых людей!

Шкурин голову повесил,
«Тык-с!» пробормотал...
Князь Иван один был весел,
«Браво!» он сказал.

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел —
Укротить порыв свирепый
В свой черед хотел...

Князь Иван

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль чересчур венгерского хлебнул!
Кто не мечтал... и кто не оказался
Отступником? Кто круто не свернул
С прямых путей — по воле... по неволе?...
Припомним-ка товарищей по школе:

Окончив курс, на лекции студентам
Ученый Швабс с энергией внушал
Любовь к труду, презрение к процентам,

Грозя тариф, налоги, капитал.
Сочувственно ему внимали классы...
А ныне он — директор ссудной кассы...

«Судья лишь тот, кто богу сам не грешен,
А мой принцип — прощение и любовь!»
Говаривал Володя Перелешин:
«Кто низко пал — воспрянуть может вновь,
Не бичевать, жалеть должны мы вора...»
А ныне он — товарищ прокурора...

Князь Трубедкой... уж он ли над Россией,
Над мужичком голодным не грустил?
А кончил тем, что с земской гарантией
По пустырям дорогу проложил
И с помощью ненужной той дороги
Отяготил крестьянские налоги...

Зацепин (внезапно вскакивает)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое!

Князь Иван

Эх, ты! некстати перервал!
Шумит, как угли в самоваре!
А я бы верно перебрал
Весь Петербург: я был в ударе!

Зацепин

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный,
И — случится крррах!

Он осушил стакан воды,
Порывы грусти тише стали;
Не уходившие жижи
Его почти не понимали;

Они подумали, что он
Свершил в России преступление,

Украден казенный миллион,
И — предложили наставленья.

Еврейская мелодия
Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жида,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте пап,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К нашей финансовой матерп.¹
Денежки — добрый товар —
Вы поселитесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте, как — *царр!*..

Зацепин

Прочь! гнушаюсь ваших уз!..
Проклинаю процветающий,
Всёберущий, всёхватающий,
Всёворующий союз!..

Ушли, полны негодованья,
Жида-банкиры... Леонид
С последним словом увещанья
Перед Зацепиным стоит.

Леонид

Явленье — строго говоря —
Не ново с русскими великими умами:
С Ивана Грозного царя
До переписки Гоголя с друзьями
Самобичующий протест —
Российских граждан достойные!
Его, как ржа железо, ест
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь в России невозможна...
Мы искалечены безбожно,
И разве наша в том вина?

(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза)

Русской души не понять иноверду...
Пусть он бичует себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нет в покаяньи стыда.
Что за нелепость — крестьянни
не сеченый?
Нечем тут хвастать, а лучше молчать:
Темные пятна души пзвеченной
Русскому глуно скрывать,
Непчислимы орудья клеймящие!
Если кого не коснулись они,
Это — не Руси сыны настоящие,
Это — уроды! Куда ни взгляни,
Всё под гребенку подстрижено,
Сбито с прямого пути,
Неотразимо обижено...
Где же спасенье найти?
Где? «В миллионах!» так жизнь подсказала,
Гений достигнуть помог...
Горе одно: он убить идеала
В сердце прекрасном не мог...
О роковая судеб неизбежность!
В практике — строгий делец,
Голубь в душе — благородство и нежность!..
Вот его драма... Уснул наконец...

(Пауза. Оратор снова всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами, и продолжает более развязным тоном)

Уж лучше бить, чем битым быть,
Уж лучше есть арбузы, чем солону...
Сознал ты эту аксиому?
Так, стало, не о чем тужить!
Знай свой шесток и дань плати культуре!
На Западе — Мишле, Эдгар Кинне,
Овсянников — в родной твоей стране
Явленья — верные натуре!
И то уж хорошо, что выиграл ты бой...
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты...
О господи! удвой желудок мой!
Утрой гортань! учетвери мой разум!
Дай ножницы такие пзобрести,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом —
Вот русская незыблемая честь!

(Зацепин кидается к Леониду с кулаками, его удерживают)

¹ Англия. Примечание Некрасова.

Князь Иван

Дай венгерского старейшего!
Дружно тост провозгласим:
«За философа новейшего!»
Вы — мальчишки перед ним!
Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!
Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет
Деликатнее, опрятнее...
Миллионы наживет!

Савва

*(хлопоча, между тем, около Зацепы, говорит
бюролога)*

Опомнись, Гриша! что с тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Нехорошо! уйди домой
И там беснуйся, сколько хочешь.
Или ты выгодным нашел
Пустить молву между врагами,
Что состояние приобрел
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сын...
Услышит...

Зацепин

У меня нет сына...

(Бросает Савве телеграмму)

Савва *(читает)*

«Сегодня умер Константин».
Так вот разгадка! вот причина!
Недаром он с утра ходил
Угрюм и зол, в хандре глубокой,
Недаром так безумно пил...
Удар, действительно, жестокий!..

Гриша — образчик широких натур —
Смолodu в крайности дерзко бросался,
То миллионov желал самодур,
То в монастырь запереться сбирался.
И богомолец, и ротмистр лихой,
И хлебосол — предводитель дворянства,
Стал он современем туз откупной —
Эксплуататор народного пьянства.

Откуп решили; герой не хотел
Праздно сидеть на своем капитале
И провалился — по новости дел...
Многие так провалились вначале.
Бывший гусар, зарядив пистолет,
Дерзко на бирже сыграл на остатки —
Вывезло счастье!.. Уверовал свет
В гений Зацепы... Постигнув порядки
Новой эпохи, и он не дремал:
Счастливо, нет ли, на бирже играя,
Давние связи Зацепа скреплял,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободные» взять у друзей
И возратить с дивидендом высоким —
Чудное средство для скрепы связей!
Гриша прослыл финансистом глубоким.
Стали к нему, как ручьи в океан,
Тайные нити успеха стекаться,
Мысль озаряла — неси к нему план,
А без Зацепы не смей и соваться...

Слух по столице пронесся один —
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:
«Правда ли? Правда ли?» юноша смело
Сыплет вопросы — и нет им конца;
Вспыхнула ссора. Зацепа взбесился.
Чтоб не встречать и случайно отца,
Сын непокорный в Москву удалился.
Там он окончивал курс, голодал,
Письма и деньги отцу возвращал.
Втайне Зацепа о нем тосковал...
Вдруг телеграмма пришла роковая:
«Ранен твой сын». Через сутки письмом
Друг объяснил и причину дуэли:
«Вором отца обозвали при нем»...
Черные мысли отцом овладели,
Утром он к сыну поехать хотел,
Но и другая пришла телеграмма...
Как ни крепился старик — не стерпел,
И разыгралась воочию драма...

Князь острял, бурлил Зацепа,
Леонид не уходил,
Он посматривал свирепо
Да с азартом соду пил.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядем в горку!» вдруг сказал.
Стол раскрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!
Рассчитал недурно Савва:
И Зацепин к ним подстал.

1863—1876

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ПРОЛОГ

В каком году—рассчитывай,
В какой земле—угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временно-обязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Тершгорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень—
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобшина,
Горслова, Неелова,
Неурожайка тож,
Сошлись—и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: пону.
Купчине толстопузому!
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: дарю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь,
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеял,
Что думают прохожие—
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофья
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые

Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою—
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале—то скорей.
Идут—перекосятся!
Кричат—не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметил,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночь целую
Так шли, куда—не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы, на ночь глядячи,
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялась,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

Куда?.. Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглись звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать—обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,

*Кому на Руси жить хорошо.
Рисунки Б. М. Кустодиева. 1925.*

Глядел—умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! лесный шутку славную
Над нами подиутыл!
Никак, ведь, мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солища отдохнем!..»

Свалив беду на лесного,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Припела скоро водочка,
Припела и закусочка —
Пируют мужички!
Косышки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготню на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: пону;
Куцкие толстопузому,
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что впечятся
Друг другу в волосы...

Гляди — уж и впечились!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два брата Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,

Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими,
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надувала
Кому-то куковать;
Раз десять принималась,
Да всякий раз сбивалась
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать!¹
Слетелся семь филинов,
Любуются побойщем
С семи больших деревьев,
Хохочут полупочинки!
А их глазки желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Припел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да чорту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилась

¹ Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ). *Примечание Некрасова.*

От стада, чуть слышала
 Людские голоса,—
 Пришла к костру, устала
 Глаза на мужиков,
 Шальных речей послушала
 И начала, сердечная,
 Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глухая,
 Пищат галчата малые,
 Кричат ребята буйные,
 А эхо вторит всем.
 Ему одна заботушка
 Честных людей поддразнивать,
 Пугать ребят и баб!
 Никто его не выдвигал,
 А слышать всякий слышал,
 Без тела—а живет оно,
 Без языка—кричит!

Сова,—замоскворецкая
 Книгиня—тут же мычется,
 Летает над крестьянами,
 Шарахаясь то о землю,
 То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
 По любопытству бабьему,
 Подкралась к мужикам,
 Послушала, послушала,
 И прочь пошла, подумавши:
 «И чорт их не поймет!»
 И выравду: сами спорщики
 Едва ли знали, помнили—
 О чем они шумят...

Намыв бока порядочно
 Друг другу, образумились
 Крестьяне наконец,
 Из лужицы напились,
 Умылись, освежились,
 Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
 Но малю, по полсаженки,
 Низком перелетаючи,
 К костру подобрался.
 Поймал его Пахомушка,
 Поднес к огню, разглядывал,
 И молвил: «Пташка малая,
 А ноготок востер!
 Дыхну—с ладони скатишься,
 Чихну—в огонь укатись,

Щелкну — мертва покатишься,
 А все ж ты, пташка малая,
 Сильнее мужика!
 Окрепнут скоро крылышки,
 Тю-тю! куда ни вздумаешь,
 Туда и полетишь!
 Ой ты, ничуга малая!
 Отдай свои нам крылышки,
 Всё царство облетим,
 Посмотрим, поразведем,
 Поспросим—познаемся:
 Кому живется счастливо,
 Вольготно на Руси?»

— Не надо бы и крылышек,
 Кабы нам только хлебушка
 По полупуду в день,—
 И так бы мы Русь-матушку
 Ногами перемеряли! —
 Сказал угрюмый Пров.

— «Да по ведру бы водочки»,
 Прибавили охочие
 До водки братья Губины,
 Иван и Митродор.

— «Да утром бы огурчиков
 Соленых по десяточку»,
 Шутли мужики.

— «А в полдень бы по жбанчику
 Холодного кваску».

— «А вечером по чайничку
 Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
 Вилась, кружилась пелочка
 Над ними: всё прослушала
 И села у костра.
 Чивикнула, подпрыгнула
 И человеческим голосом
 Пахому говорит:

— «Пусти на волю птенчика!
 За птенчика за малого
 Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь?

— «Дам хлебушка
 По полупуду в день,
 Дам водки по ведерочку,
 Поутру дам огурчиков,
 А в полдень квасу кислого,
 А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая,—
Спросили братья Губины,—
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

— «Найти—найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

— Скажи!

— «Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее,—
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
— Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!
По вашему хотению,
По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь—пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю,—
Ответил ей Пахом:—
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь—одёжу старую
На нас заворжи!

— Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились!—
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились,—
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная,
В рубахах не плодилась,—
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки...—
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
— «Всё скатерть самобранная

Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилась пепочка
И на лету прибавила:
— «Смотрите, чур одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба—то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Если вы больше спросите,
И раз и два—исполните
По вашему желанью,
А в третий быть беде!»

И улетела пепочка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу, по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку—
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь—скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

Кому на Руси жить хорошо.

Акварель Петра Соколова.

— Что нет кваску холодного?

Всё появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселся,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести—
В домик не ворочаться,
Не видаться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведает
Как ни на есть—доподлинно:

Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро, как убитые,
Заснули мужики...

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Глава I

Поп

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протяпулася,
Песчапа и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,

Стоят деревни новые
 У речек, у прудов...
 Леса, дуга поемные,
 Ручьи и реки русские
 Весною хороши.
 Но вы, поля весенние!
 На ваши всходы бедные
 Невесело глядеть!
 «Недаром в зиму долгую
 (Толкуют наши странники)
 Снег каждый день валит.
 Пришла весна — сказался снег!
 Он смирен до поры:
 Летит — молчит, лежит — молчит,
 Когда умрет, тогда ревет.
 Вода — куда ни глянь!
 Поля совсем затоплены,
 Павоз возить — дороги нет,
 А время уж не раннее —
 Подходит месяц май!»
 Не любо и на старые,
 Больней того на новые
 Деревни им глядеть.
 Ой, избы, избы новые!
 Нарядны вы, да строит вас
 Не лишняя копейка,
 А кровная беда!..

С утра встречались странникам
 Всё больше люди малые:
 Свой брат крестьянин-лапотник,
 Мастеровые, нищие,
 Солдаты, ямщики.
 У нищих, у солдатиков
 Не спрашивали странники
 Как им — легко ли, трудно ли
 Живется на Руси?
 Солдаты шилом бреются,
 Солдаты дымом греются,
 Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
 Идут путем-дорогою,
 Навстречу едет поп.
 Крестьяне сняли шапочки,
 Низенько поклонился,
 Повыстроился в ряд
 И мерину саврасому
 Загородил путь.
 Священник поднял голову,
 Глядел, глазам спрашивал:
 Чего они хотят?

— Небось! мы не грабители! —
 Сказал попу Лука.
 (Лука — мужик присадистый,
 С широкой бородинею,
 Упрям, речист и глуп.
 Лука похож на мельницу:
 Одним не птица мельница,
 Что как ни машет крыльями,
 Небось, не полетит.)

— Мы мужики степенные,
 Из временно-обязанных,
 Уезда Терпигорева,
 Пустопорожней волости,
 Окольных деревень —
 Заплатова, Дырявина,
 Разутова, Знобешина,
 Горелова, Неелова,
 Неурожайка тож.
 Идем по делу важному:
 У нас забота есть,
 Такая ли заботушка,
 Что из домов повыжила,
 С работой раздружила нас,
 Отбила от еды.
 Ты дай нам слово верное
 На нашу речь мужицкую
 Без смеху и без хитрости,
 По совести, по разуму,
 По правде отвечать,
 Не то с своей заботушкой
 К другому мы пойдем...

— «Дая вам слово верное:
 Коли вы дело спросите,
 Без смеху и без хитрости,
 По правде и по разуму,
 Как должно отвечать,
 Аминь!..»

— Спасибо. Слушай же!
 Идя путем-дорогою,
 Сошлись мы невзначай,
 Сошлись и заспорили:
 Кому живется весело,
 Вольготно на Руси?
 Роман сказал: помещику,
 Демьян сказал: чиновнику,
 А я сказал: попу.
 Купчине толстопузому,
 Сказали братья Губины,
 Иван и Митродор.
 Пахом сказал: светлейшему,

Вельможному боярину,
 Министру государеву,
 А Пров сказал: царю...
 Мужик что бык: втемяшится
 В башку какая блажь —
 Колом се оттудова
 Не выбьешь: как ни спорил,
 Не согласился мы!
 Поспоривши — повздорили,
 Повздоривши — подрался,
 Подравшись — одумали:
 Не расходиться врозь,
 В домишки не ворочаться,
 Не видаться ни с женами,
 Ни с малыми ребятами,
 Ни с стариками старыми,
 Покуда спору нашему
 Решенья не найдем,
 Покуда не доведем
 Как ни на есть — доподлинно:
 Кому жить любо-весело,
 Вольготно на Руси?
 Скажи ж ты нам по-божески:
 Сладка ли жизнь поповская?
 Ты как — вольготно, счастливо
 Живешь, честной отец?..

Потупился, задумался,
 В тележке сид, поп
 И молвил: «Православные!
 Роптать на бога грех,
 Несу мой крест с терпением,
 Живу... а как? Послушайте!
 Скажу вам правду-истину,
 А вы крестьянским разумом
 Смекайте!»

— Начинай!

«В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь?
 Не так ли, други милые?»

Они сказали: «так»...

«Теперь посмотрим, братия,
 Каков попу *покой?*
 Начать, признаться, надо бы
 Почти с рожденья самого,
 Как достается грамота
 Поповскому сынку,

Какой ценой поповичем
 Священство покупается,
 Да лучше помолчим!

.....

Дороги наши трудные,
 Приход у нас большой.
 Болящий, умирающий,
 Рождающийся в мир
 Не избирают времени:
 В житво и в сенокос,
 В глухую ночь осеннюю,
 Зимой в морозы лютые
 И в половодье вешнее
 Иди — куда зовут!
 Идешь безотговорочно.
 И пусть бы только косточки
 Ломались одни, —
 Нет! всякий раз намается,
 Переболит душа.
 Не верьте, православные,
 Привычке есть предел:
 Нет сердца выносящего
 Без некоего трепета
 Предсмертное хрипение,
 Надгробное рыдание,
 Спротскую печаль!
 Аминь!.. Теперь подумайте,
 Каков попу покой?..»

Крестьяне мало думали,
 Дав отдохнуть священнику,
 Они с поклоном молвили:
 — Что скажешь нам еще?

«Теперь посмотрим, братия,
 Каков попу *почет?*
 Задача щекотливая,
 Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
 Кого вы называете
 Породой жереблечью?
 Чур! отвечать на спрос!»
 Крестьяне позамыслился,
 Молчат — и поп молчит...

«С кем встречн вы боптеся,
 Идя путем-дорогою?
 Чур! отвечать на спрос!»

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

О ком слагаете
Вы сказки балагурные
И песни непристойные
И всякую хулу?..

Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?

Кому вдогон, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?..»

Потушились ребятушки,
Молчат — и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что вилки малые,
С румяным солнцем дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонка
Одной сплошной тучей
Покрылась — затуманилась,
Степсела и заплакала:
Рядами биты серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается, —
Быть сильному дождю.
А правая сторонка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божье:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакивали:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!»
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,

А по желанию вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...»

— Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?...
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодился и множился
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутоправные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверно
В деревню приезжал.
Когда умрет печально,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирынам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Расселись помещики
По дальней чужеземщины
И по Русь родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядом с отцами, с дедами,
Да и владенья многие

Барышникам пошли.
Ой, холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья... раскольников...
Не грешен, не живил я
С раскольников ничем.
Но счастью, нужды не было:
В моем приходе числятся
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Всё в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые поимерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышлет воздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается
И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит виноголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и разобьется
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!

Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла люта,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!»¹
(Сняв шляпу, пастырь крестится
И слушатели тож).

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, попилицы,
Рабыни, богомолницы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолстой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За потребу воздаяние;
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обожженный
Уйдешь домой... Аминь...»

¹ Крутая радуга — к ведру; пологая — к дождю. *Примечание Некрасова.*

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упрёками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку.

— Что взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у пона в работниках,
Малыня — не житье!
Попова каша с маслом,
Попов пироги — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое,
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?
Так с бородой козла
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И по сей час козел!..

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно бы так и сталося,
Да, к счастью крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лето попово строгое
Явилось на бугре...

Глава II

Сельская ярмонка

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелень
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Липы на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревней,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропал народ?..»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой рамке зеркало:

С краями полный пруд.
 Над прудом реют ласточки;
 Какие-то комарики,
 Проворные и тощие,
 Вприпрыжку, словно по суку,
 Гуляют по воде.
 По берегам, в ракитнике,
 Коростел скрипят.
 На длинном шатком плотике
 С вальком поповна толстая
 Стоит, как стог подщипанный,
 Подтыкавши подол.
 На этом же на плотике
 Спит уточка с утятами...
 Чу! лошадиный храп!
 Крестьяне разом глянули
 И над водой увидели
 Две головы: мужицкую,
 Курчавую и смуглую,
 С серьгой (мигало солнышко
 На белой той серьге),
 Другую — лошадиную
 С веревкой сажень в пять.
 Мужик берет веревку в рот,
 Мужик плывет — и конь плывет,
 Мужик заржал — и конь заржал.
 Плывут, орут! Под бабою,
 Под малыши утятами
 Плот ходит ходенём.

Догнал коня — за холку хват!
 Вскочил и на луг выехал
 Детина: тело белое,
 А шел как смола;
 Вода ручьями катится
 С копы и с седока.

— А что у вас в селении
 Ни старого, ни малого,
 Как вымер весь народ?
 «Ушли в село Кузьминское,
 Сегодня там и ярмонка
 И праздник храмовой».
 — А далеко Кузьминское?

«Да будет версты три».

— Пойдем в село Кузьминское,
 Посмотрим праздник-ярмонку! —
 Решили мужики,
 А про себя подумали:

Не там ли он скрывается,
 Кто счастливо живет?..

Кузьминское богатое,
 А хуже того — грязное
 Торговое село.
 По кособогу тянется,
 Потом в овраг спускается,
 А там опять на горочку —
 Как грязи тут не быть?
 Две церкви в нем старинные,
 Одна старообрядская,
 Другая православная,
 Дом с надписью: «Училище»,
 Пустой, забитый наглухо,
 Изба в одно окошечко,
 С изображеньем фельдшера,
 Пускающего кровь.
 Есть грязная гостиница,
 Украшенная вывеской
 (С большим носатым чайником
 Поднос в руках подносчика,
 И маленькими чашками,
 Как гусыня гусятам,
 Тот чайник окружен).
 Есть лавки постоянные
 В подобие уездного
 Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
 Товару много всякого
 И видимо-невидимо
 Пароду! Не потеха ли?
 Кажись, пет ходу крестного,
 А словно пред иконами
 Без шапок мужики.
 Такая уж сторонашка!
 Гляди, куда деваются
 Крестьянские шлыкы:
 Помимо складу виного,
 Харчевни, рестораны,
 Десятка штофных лавочек,
 Трех постоянных двориков
 Да «ренского погребца»
 Да пары кабаков,
 Одинадцать кабачников
 Для праздника поставили
 Палатки на селе.
 При каждой пять подносчиков;
 Подносчики — молодчики
 Наместанные, дошлые,
 А всё им не успеть,
 Со сдачей не управиться!

Гляди, что протянулося
Крестьянских рук, со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головешкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовые,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И шпритсы, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных гляючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не поднимаются,
А хлеба хоть не сей!»

— Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?...»

По конной потолкался,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бдроны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,

С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,
Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовую дубиную»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Подделкой деревянную —
И вывалил весь воз!
Пьяненок! Ось сломалась,
А стал се уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плеваю,
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шляпами, новой обувью,
Издельем кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмаки козловые
Дел внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар — первейший сорт!
— Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай! —
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
«Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
Купи гостинчик, делушка,
Купи! — Головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.

Постой, ползунья бóсая!
 Постой, юла! Козловыс
 Ботиночки куплю...
 Расхвастался Вавилушка,
 И старому и малому
 Подарков насылил,
 А пропился до грошика!
 Как я глаза бесстыжие
 Домашним покажу?..

Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
 Жена — плевать, пускай ворчит!
 А внучку жаль!..» Пошел опять
 Про внучку! Убивается!..
 Народ собрался, слушает
 Не смеючись, жалеючи;
 Случись, работой, хлебушком
 Ему бы помогли,
 А вынуть два двугривенных,
 Так сам ни с чем останешься.
 Да были тут человек,
 Павлуша Веретеников.
 (Какого роду, звания,
 Не знали мужики,
 Однако звали «баринном».
 Горазд он был баясничать,
 Носил рубаху красную,
 Поддевочку суконную,
 Смазные сапоги;
 Иел складно песни русские
 И слушать их любил.
 Его впадали многие
 На постоянных дворниках,
 В харчевнях, в кабаках.)
 Так он Вавилу выручил —
 Купил ему ботиночки.
 Вавило их схватил
 И был таков! — На радости
 Спасибо даже барину
 Забыл сказать старик,
 Зато крестьяне проче
 Так были разутешены,
 Так рады, словно каждого
 Он подарил рублем!

Была тут также лавочка
 С картинами и книгами,
 Офени запасался
 Своим товаром в ней.
 — А генералов надобно? —
 Спросил их купчик-выжига.
 «И генералов дай!
 Да только ты по совести,

Чтоб были настоящие —
 Потолще, погрозней».

— Чудные! как вы смотрите! —
 Сказал купец с усмешкою, —
 Тут дело не в комплекции...

«А в чем же? шутишь, друг!
 Дрянь, что ли, сбыть желательно?
 А мы куда с ней денемся?
 Шалишь! Перед крестьянином
 Все генералы равные,
 Как шишки на ели:
 Чтобы продать невзрачного,
 Попасть на доку надобно,
 А толстого да грозного
 Я всякому всучу...
 Давай больших, осанистых,
 Грудь с гору, глаз навывкате,
 Да — чтобы больше звезд!»

— А статских не желаете?
 «Ну, вот еще со статскими!»
 (Однако взяли — дешево! —
 Какого-то сановника
 За брюхо с бочку выпную
 И за семнадцать звезд.)
 Купец — со всем почтением,
 Что любо, тем и потчует
 (С Лубянки — первый вор!),
 Спустил по сотне Блюхера,
 Архимандрита Фотия,
 Разбойника Спика,
 Сбыл книги: «Шут Балакирев»
 И «Английский милорд»...
 Легли в коробку книжечки,
 Пошли гулять портретники
 По царству всероссийскому,
 Покамест не пристроятся
 В крестьянской летней горенке,
 На невысокой стеночке...
 Чорт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
 Когда (приди желанное!..
 Дадут понять крестьянину,
 Что розь портрет портретнику,
 Что книга книге розь?
 Когда мужик не Блюхера
 И не милорда глупого —
 Белинского и Гоголя
 С базара понесет?
 Ой, люди, люди русские!

Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти пмена?
То пмена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?»
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь?
«Да в балаган. Чу! музыка!..»
— Пойдем, я укажу!

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалоу, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекниутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Также есть любители —
Как кончится комедия,
За шпрмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
— Откуда, молодцы?
«А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»

— И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского — живей!..

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребятку угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колыхнется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,
Как вышли на пригорочек,
Что всё село шатается,
Что даже дерковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покпиули
Бурливое село...

Глава III

Пьяная ночь

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,

Барахтался пыльные,
И стоном стон стоял!

Скрипят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ падет — и падает,
Как будто пз-за валков
Картечью неприятел
Палат по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой пи разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Чтò море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прощенье пзготовили
К начальнику губернии...»

— Эй! с возу куль упал!

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам прищипка.
Ты, как блоха проворная,
Наслась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»
— Добра ты, дарска грамота,
Да не при нас ты писана...

«Посторонись, народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

— А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!

Также есть чиновники:
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою —
Так это наплевать!»

— Куда ты скачешь, Саввушка?
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
— В Кузьминское скачу
За становым. Оказал:
Там вперед крестьянина
Убили... «Эх!.. грех!...»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
«Не веретенце, друг!
Вот тò, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...»

«Эй, парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!...»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал:
— Чтò делаешь ты тут?
«А хороию я матушку!»
— Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды пей!
Авось, соскочит дурь!

— «А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жмутся и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»

Когда порядком борода
 Друг дружке поубавил,
 Вцепились за скулы!
 Пыхтят, краснеют, корчатся,
 Мычат, впзжат, а тлнутя!
 — «Да будет вам, проклятые!»
 Не разольешь водой!

В канаве бабы ссорятся,
 Одна кричит: «Домой птти
 Тошнее, чем на каторгу!»
 Другая: «Врешь, в моем дому
 Похуже твоего!»
 Мне старший зять ребро сломал,
 Средний зять клубок украл,
 Клубок плевок, да дело в том —
 Полтинник был замотан в нем,
 А младший зять всё нож берет,
 Того гляди убьет, убьет!...

— «Ну, полно, полно, мнленький!
 Ну, не сердись!» За валком
 Неподалеку слышится:
 «Я ничего... пойдем!»
 Такая ночь беловая!
 Направо ли, налево ли
 С дороги поглядишь:
 Идут друженько парочки,
 Не к той ли роще правятся?
 Та роща манит всякою,
 В той роще голосистые
 Соловухи поют...

Дорога многолюдная
 Что позже — безобразнее:
 Всё чаще попадают
 Избитые, ползущие,
 Лежащие пластом.
 Без ругани, как водится,
 Словечка не промолвится,
 Шальная, непотребная,
 Слышней всего она!
 У кабаков смятенные,
 Подводы перепутались,
 Испуганные лошади
 Без селок бегут;
 Тут плачут дети малые,
 Тоскуют жены, матери:
 Легко ли пз птейного
 Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
 Знакомый голос слышится,

Подходят наши странники
 И вгляд: Веретенников
 (Что башмачки козловые
 Вавле подарил)
 Беседует с крестьянам.
 Крестьяне открываются
 Милые по душе:
 Похвалит Павел песенку —
 Пять раз споют, записывай!
 Понравится пословица —
 Пословицу пиши!
 Позаписав достаточно,
 Сказал им Веретенников:
 «Умны крестьяне русские,
 Одно нехорошо,
 Что пьют до одурения,
 Во рвы, в канавы валяются —
 Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
 Подлакивали барину.
 Павлуша что-то в книжечку
 Хотел уже писать,
 Да выпскался пьяленький
 Мужик — он против барина
 На животе лежал,
 В глаза ему поглядывал,
 Помалчивал, — да вдруг
 Как вскочит! Прямо к барину —
 Хвать карандаш пз рук!
 «Постой, башка порожняя!
 Шальных вестей, бессовестных
 Про нас не разноси!
 Чему ты позавидовал!
 Что веселится бедная
 Крестьянская душа?
 Пьем много мы по времени,
 А больше мы работаем,
 Пас пьяных много видится,
 А больше трезвых нас.
 По деревням ты хаживал?
 Возьмем ведро с водкою,
 Пойдем-ка по пзбам:
 В одной, в другой навалятся,
 А в третьей не приптроятся —
 У нас на семью пьющую
 Непьющая семья!
 Не пьют, а так же маются,
 Уж лучше б пили, глухие,
 Да совесть такова...
 Чудно смотреть, как ввалятся
 В такую пзбу трезвую
 Мужичья беда,

И не глядел бы!.. Впывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые, —
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил — съел с горошину:
— Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонь! —

Сладка еда крестьянская!
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дощичка:
Бог, царь и господни!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Всё слопасть один!
У нас пристап третьсводни
Такой же барин плохонький,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по много ли
Кусков пишасшь в рот?
Иной уголья меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам пересчет,
А вот не сосчитали же,
По сколько в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому!
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,

Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодить?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди ноги,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноги пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по загоринам
Ползком-ползет с плетухами —
Треплет крестьянский цуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою презаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, —
Небось, мы тут красивее?

Жалеть — жалей умюч.
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Дни что туча черная —
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лишь дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жлам чарочка,
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно, —
Гляди кругом, — возрадуйся!
Ай, парил, ай, молодущи,
Умюют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удасть молодецкую
Про случай сберегли!..

Мужик стоял на валике,
 Притопывал лаптишками
 И, помолчав минуточку,
 Прибавил громким голосом,
 Любуясь на веселую,
 Ревущую толпу:
 «Эй! царство ты мужицкое,
 Бешапочное, пьяное,
 Шуми — вольней шуми!..»

— Как звать тебя, старпнушка?

«А что? запишешь в книжечку?
 Пожалуй, нужды нет!
 Пиши: *В деревне Босове*
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»

Крестьяне рассмеялись
 И рассказали барину,
 Каков мужик Яким.
 Яким старик убогопьющий,
 Живал когда-то в Питере,
 Да угодили в тюрьму:
 С кнутом тягаться вздумалось!
 Как личочка ободранный,
 Вернулся он на родину
 И за соху взялся.
 С тех пор лет тридцать жарится
 На полосе под солнышком,
 Под бороной снасается
 От частого дождя,
 Живет — с сохою возится,
 А смерть придет Якимушке —
 Как ком земли отвалится,
 Что на сохе присох...

С ним случай был: картиночек
 Он сыну закупил,
 Развешал их по стеночкам
 И сам не меньше мальчика
 Любил на них глядеть.
 Пришла немилость божья,
 Деревня загорелась —
 А было у Якимушки
 За целый век накоплено
 Целковых тридцать пять.
 Скорей бы взять целковые,
 А он сперва картиночки
 Стал со стены срывать;
 Жена его тем временем
 С иконами возилась,

А тут изба п рухнула —
 Так оплошал Яким!
 Спались в комок целковники,
 За тот комок дают ему
 Одиннадцать рублей...
 «Ой, брат Яким! не дешево
 Картинки обошлись!
 Зато и в избу новую
 Повесил их, небось?»

— Повесил — есть и новые, —
 Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
 Грудь впалая; как вдавненный
 Живот; у глаз, у рта
 Излучины, как трещины
 На высохшей земле;
 И сам на землю-матушку
 Похож он: шель бурая,
 Как пласт, сохой отрезанный,
 Кирпичное лицо,
 Рука — кора древесная,
 А волосы — песок.

Крестьяне как заметили,
 Что не обидны барину
 Якимовы слова,
 И сами согласились
 С Якимом: «Слово верное:
 Нам подобает пить!
 Пьем — значит силу чувствуем!
 Придет печаль великая,
 Как перестанем пить!..
 Работа не свалила бы,
 Беда не одолела бы,
 Нас хмель не одолит!
 Не так ли?»

«Да, бог милостив!»

— Ну, выпей с нами чарочку!

Доставил водки, выпили.
 Якиму Веретенников
 Два шкалика поднес.

«Ай, барин! не прогневался,
 Разумная головушка!
 (Сказал ему Яким)
 Разумной-то головушке
 Как не понять крестьянина?
 А свиньи ходят по земь —
 Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула
 Удаля, согласная:
 Десятка три молодчиков,
 Хмельшеньки, а не валяются,
 Идут рядком, поют,
 Поют про Волгу-матушку,
 Про удаля молодецкую,
 Про девицью красу.
 Притихла вся дороженька,
 Одна та песня складная
 Широко, вольно катится,
 Как рожь под ветром стелется,
 По сердцу по крестьянскому
 Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
 Раздумалась, расплакалась
 Молодушка одна:
 «Мой век — что день без солнышка,
 Мой век — что ночь без месяца,
 А я, млада-младешенька, —
 Что борзый конь на привязи,
 Что ласточка без крыл!
 Мой старый муж, ревнивый муж
 Напился пьян, храпом храпит,
 Меня, младу-младешеньку,
 И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
 Да с возу вдруг и спрыгнула!
 «Куда?» кричит ревнивый муж,
 Привстал — и бабу за косу,
 Как рельку за вихор!

Ой! почка, почка пьяная!
 Не светлая, а звездная,
 Не жаркая, а с ласковым
 Весенним ветерком!
 И нашим добрым молодцам
 Ты даром не прошла!
 Сгрустнулось им по женушкам,
 Оно и правда: с женушкой
 Теперь бы веселей!
 Иван кричит: «я спать хочу»,
 А Марьюшка: «и я с тобой!»
 Иван кричит: «постель узка»,
 А Марьюшка: «удяжемся!»
 Иван кричит: «ой, холодно»,
 А Марьюшка: «угреемся!»
 Как вспомнили ту песенку,
 Без слова — согласились
 Ларец свой попытать.

Одна, зачем — бог ведаст,
 Меж полем и дорогою
 Густая липа выросла.
 Под ней присели странники
 И осторожно молвили:
 «Эй, скатерть самобранная!
 Поют чужих мужиков!»

И скатерть развернулася,
 Откуда ни взялися
 Две дюжие руки:
 Ведро вина поставили,
 Горой наклали хлебушка
 И спрятались опять.

Крестьяне подкрепились,
 Роман за караульного
 Остался у ведра,
 А прочие вмешались
 В толпу — искать счастливого:
 Им крепко захотелось
 Скорей попасть домой...

Глава IV

Счастливые

В толпе горластой, праздничной
 Похаживали странники,
 Прокликивали клич:
 «Эй! нет ли где счастливого?
 Явись! Коли окажется,
 Что счастливо живешь,
 У нас ведро готовое:
 Ней даром, сколько вздумашь, —
 Наславу угостим!..»
 Таким речам неслыханным
 Смелись люди трезвые,
 А пьяные, да умные
 Чуть не плевали в бороду
 Ретивым крикунам.
 Однако и охотников
 Хлебнуть вина бесплатного
 Достаточно нашлось.
 Когда вернулись странники
 Под липу, клич прокликавши,
 Их обступил народ.
 Пришел дьячок увеселенный,
 Тощой, как спичка серная,
 И ласы распустил,
 Что счастье не в пажитях,
 Не в соболях, не в золоте,
 Не в дорогих камнях.

— А в чем же?

«В благодушестве!

Пределы есть владениям
Господ, вельмож, дарей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов!
Коль обогреть солнышко
Да пропушу косушечку,
Так вот и счастлив я!»

— А где возьмешь косушечку?

«Да вы же дать сулились...»

— Проваливай! шалишь!..

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, клянясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А впоперечь — аршин!»
Над бабой посмеялся,
А водки капли не дали:
«Ты дома вышей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями.
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» говорит.

— Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?

Да не тапсь смотри!

«А в том, во-первых, счастье,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!

А, во-вторых, важнее того,
Я и во время мирное
Ходил и сыт, и голоден,
А смерти не дался!

А, в-третьих, за провинности
Велю мне и малые
Нешадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив!»

— Па! выпивай, служивенький!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!

Пришел с тяжелым молотом
Камнотес олончанни,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуюсь, —
Сказал он: — с женой, с матушкой
Не знаем мы нужды!»

— Да в чем же ваше счастье?

«А вот гляди» (и молотом,
Как перышком, махнул):
«Колп преснух до солнышка
Да разогнух о полночь,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачиваю
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастье»
И, крикнувши порядочно,
Работнику поднес.

— Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..

«Смотри, не хвастай сплю»,
Сказал мужик с одышкой,
Расслабленный, худой
(Пос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек — комар).
«Я был — не хуже каменщик
Да тоже хвастал сплю,
Вот бог и наказал!

Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить.

А я-то слугу радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклял я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая.

«Что это? — говорит, —
Не узнаю Трофима я!
Ити с такою ношею
Не стыдно молодцу?»

— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,

И подложил, подлец!
 Сам слышу — тяга страшная,
 Да не хотелось пятиться.
 И внес ту пошу чортову
 Я во второй этаж!
 Глядит подрядчик, дивится,
 Кричит, подлец, оттудова:
 «Ай, молодец, Трофим!
 Не знаешь сам, что сделал ты:
 Ты снес один по крайности
 Четырнадцать пудов!»
 Ой, знаю! сердце молотом
 Стучит в груди, кровавые
 В глазах круги стоят,
 Спина как будто треснула...
 Дрожат, ослабли ноженьки.
 Зачах я с той поры!..
 Налей, брат, полстаканчика!»

— Налить? Да где ж тут счастье?
 Мы потчём счастливого,
 А ты что рассказал!

«Дослушай! будет счастье!»

— Да, в чем же, говори!

«А вот в чем. Мне на родине,
 Как всякому крестьянину,
 Хотелось умереть.
 Из Питера, ослабленный,
 Шальной, почти без памяти,
 Я на машину сел.
 Ну, вот мы и поехали.
 В вагоне лихорадочных,
 Горячих работников
 Нас много набралось,
 Всем одного желалось,
 Как мне, попасть на родину,
 Чтоб дома помереть.
 Однако нужно счастье
 И тут: мы летом ехали,
 В жарце, в духоте
 У многих номутились
 Вконец больные головы,
 В вагоне ад пошел:
 Тот стонет, тот катается,
 Как оглашенный, по полу,
 Тот бредит женой, матушкой.
 Ну, на ближайшей станции
 Такого и долой!
 Глядел я на товарищей,
 Сам весь горел, подумывал —

Не слобровать и мне.
 В глазах кружки багровые,
 И всё мне, братец, чудится,
 Что режу псунов
 (Мы тоже псунытки,
 Случалось в год откармливать
 До тысячи зобов).
 Где вспомнились, проклятые!
 Уж я молиться пробовал,
 Нет! всё с ума нейдут!
 Поверишь ли? вся партия
 Передо мной трепещется!
 Гортани перерезаны,
 Кровь хлещет, а поют!
 А я с ножом: «Да полно вам!»
 Уж как господь помиловал,
 Что я не закричал?
 Сижку, креплюсь... По счастью,
 День кончился, а к вечеру
 Похолодало, — сжалился
 Над спротами бог!
 Ну, так мы и доехали,
 И я добрал на родину,
 А здесь, по божьей милости,
 И легче стало мне...»

— Чего вы тут расхвастались
 Своим мужицким счастьем? —
 Кричит, разбитый на ноги,
 Дворовый человек: —
 А вы меня попотчуйте:
 Я счастлив, видит бог!
 У первого боярина,
 У князя Преметьева
 Я был любимый раб.
 Жена — раба любимая,
 А дочка вместе с барышней
 Училась и французскому
 И всяким языкам;
 Садиться позволялось ей
 В присутствии княжны...
 Ой! как кольнуло!.. батюшки!..
 (И начал ногу правую
 Ладонями тереть.)
 Крестьяне рассмеялись.
 — Чего смеетесь, дураки, —
 Озлившийся неожиданно,
 Дворовый закричал: —
 Я болен, а сказать ли вам,
 О чем молюсь я господу,
 Вставая и ложась?
 Молюсь: «Оставь мне, господи,
 Болезнь мою почетную,

По ней я дворилши!»
 Не вашей подлой хворостью,
 Не хрипотой, не грыжею —
 Болезнью благородною,
 Какал только водится
 У первых лиц в империи,
 Я болен, мужичье!
 По-да-грой импугнется!
 Чтоб получить ее,
 Шампанское, бургонское,
 Токайское, венгерское
 Лет тридцать надо пить...
 За стулом у светлейшего
 У князя Переметьева
 Я сорок лет стоял,
 С французским лучшим трюфелем
 Тарелки я лизал,
 Пашилки иностранные
 Из рюмок дошивал...
 Ну, наливай!

— Проваливай!

У нас вино мужицкое,
 Простое, не заморское —
 Не по твоим губам!

Желтоволосый, сгорбленный
 Подкрался робко к страпникам
 Крестьянин-белорус,
 Туда же к водке тянется:
 «Налей и мне манечечко,
 Я счастливы!» говорит.

— А ты не лезь с ручищами!
 Докладывай, доказывай
 Сперва, чем счастлив ты?

«А счастье наше — в хлебушке:
 Я дома в Белоруссии
 С мякиною, с кострикою
 Ячменный хлеб жевал;
 Бывало вошшишь голосом,
 Как роженца корчинься,
 Как схватит животы.
 А пыпе, милость божья! —
 Досыта у Губонина
 Дают ржаного хлебушка,
 Жую — не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
 Мужик с скулой свороченной,
 Направо всё глядит:
 «Хожу я за медведями,
 И счастье мне великое:

Тронх моих товарищей
 Сломал миншук,
 А я живу, бог милостив!»

— А ну-ка влево глянь!

Не глянул, как ни пробовал,
 Какие рожки страшные
 Ни корчил мужичок:
 «Свернула мне медведица
 Манечечко скулу!»
 — А ты с другой померяйся,
 Подставь ей щеку правую —
 Поправит... — Посмеялся,
 Однако поднеси.

Оборванные пицпе,
 Послышав запах пенного,
 И те пришли доказывать,
 Как счастливы они:
 «Нас у порога лавочник
 Встречает подалинем,
 А в дом войдем, так из дому
 Проводят до ворот...
 Чуть запоем мы песенку,
 Бежит к окну хозяйонка
 С краюхою, с пожом,
 А мы-то заливаемся:
 «Дагать давай — весь каравай,
 Не мнется и не крошится,
 Тебе скорей, а нам спорей...»

Смекнули наши страпники,
 Что даром водку тратили,
 Да кстати и ведерочку
 Конец. «Ну, будет с вас!
 Эй, счастье мужицкое!
 Дырявое с заплатами,
 Горбатое с мозолями,
 Проваливай домой!»

«А вам бы, други милые,
 Спросить Ермилу Гирппа»,
 Сказал, подсевши к страпникам,
 Деревни Дымогжотова
 Крестьянин Федосей:
 «Если Ермил не выручит,
 Счастливецем не объявится,
 Так и пшататься нечего...»

— А кто такой Ермил?
 Князь, что ли, граф спятельный?

«Не князь, не граф спятельный,
А просто он — мужик!»

— Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермпл?

«А вот какой: спротескую
Держал Ермпл мельницу
На Унге. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермпл с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермплом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копейке.
Ермпл как рассердился —
Хватит сразу пять рублей!
Купец опять копейку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысяч.
С Ермплом денег не было,
Уж сам ли он сплюшал,
Схитрил ли подьячье,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
— «Нет!» говорит Ермпл,
Подходит к председателю:
«Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»

— Что в полчаса ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»
— А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствие
Конеч, любезный мой!

«Так полчаса позвольте?»

— Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермпл; подьячье
С купцом переголянулся,

Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермпл (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, — и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермпл про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присваивался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкой
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Прпехал я без грошика,
Ан глядь — они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что часом ты подлаешь?»
Где денег ты найдешь?»
Авось, найду, бог милостив!
Хитры, сплыны подьячье,
А мир их поспыней,
Богат купец Алтынников,
А всё не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить — не выловить.
Ну, братцы! видит бог
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Копи Ермпла знаете,
Копи Ермплу верите,
Так выручайте, что ль!..»

И чудо сотворилось —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермплу денежки,
Дают, кто чем богат.

Ермилу парень грамотный,
 Да некогда записывать,
 Успей пересчитать!
 Накладил шляпу полную
 Целковиков, лобанчиков,¹
 Прожженной, битой, трепанной
 Крестьянской ассигнации.
 Ермилу брал — не брезговал
 И медным пятаком.
 Еще бы стал он брезговать,
 Когда тут понадалася
 Иная гривна медная
 Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
 А щедрота народная
 Росла: «Бери, Ермил Ильич, —
 Отдашь, не пропадет!»
 Ермил народу кланялся
 На все четыре стороны,
 В палату шел со шляпою,
 Зажавши в ней казну
 Сдвинувшись подъячие,
 Позеленел Алтынников,
 Как он сполна всю тысячу
 Им выложил на стол!..
 Не волчий зуб, так лисий хвост, —
 Пошли юлить подъячие,
 С покупкой поздравлять!
 Да не таков Ермил Ильич,
 Не молвил слова лишнего,
 Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
 Как в день базарный, пятницу,
 Через неделю времени
 Ермил на той же площади
 Рассчитывал народ.
 Упомнить где же всякого?
 В ту пору дело делалось
 В горячке, второпях!
 Однако споров не было,
 И выдать гроша лишнего
 Ермилу не пришлось.
 Еще — он сам рассказывал —
 Рубль лишний, чей — бог ведаст,
 Остался у него.
 Весь день с мощной раскрытою
 Ходил Ермил, допытывал
 Чей рубль? да не нашел.

¹ Лобанчики — полумперналы. *Примечание Некрасова.*

Уж солнце закатилось,
 Когда с базарной площади
 Ермил последний тронулся,
 Отдав тот рубль слепым...
 Так вот каков Ермил Ильич».

— Чудён! — сказали страшилки: —
 Однако знать желательно,
 Каким же колдовством
 Мужик над всею округою
 Таковую силу взял?

«Не колдовством, а правдою.
 Слыхали про Адовщину,
 Юрлова князя вотчину?»

— Слыхали, ну так что ж?

«В ней главный управляющий
 Был корпуса жандармского
 Полковник со звездой,
 При нем пять-шесть помощников,
 А наш Ермилу писарем
 В конторе состоял.

Лет двадцать было малому.
 Какая воля писарю?
 Однако для крестьянина
 И писарь человек.
 К нему подходил к первому,
 А он и посоветует
 И справку наведет;
 Где хватит силы — выручит,
 Не спросит благодарности,
 И дашь, так не возьмет!
 Худую совесть налобно
 Крестьянину с крестьянином
 Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
 В пять лет Ермилу Гирину
 Узнала хорошо.
 А тут его и выгнали...
 Жалели крепко Гирину,
 Трудненько было к новому,
 Хапуге, привыкать,
 Однако делать нечего,
 По времени приладинись
 И к новому писцу.
 Тот и строки без трешника,
 Ни слова без семишника,
 Прожженный, пз кутейников —
 Ему и бог велел!

Однако, волей божией,
Недолго он подарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденький,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам всел из вотчины
Бурмистра позвать.
Ну, мы недолго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: «Ермилу Гирину!»
Как человек один!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:

«Пу, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утверждён:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»

А мы: «Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!»
Пошел Ермил царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской консечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил вишновому,
Душой не покривил...»

— Стой! — крикнул укорительно
Какой-то пони́к седенький
Рассказчику: — грешнишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Колн взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирину...

— «А я, небось, не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...»

— А коли знал ты Гирину,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок.

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Пенни́ла Власьевна
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы,
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьёт, не ест: тем кончилось,
Что в дёшнике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покался:
«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отца его и брат,
Он всё одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.
«Сомелся мир, шумит, галдит, —
Такого дела чудного
Вовек не приходилось
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старался,
Чтоб мы им помирволпили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»

И в ноги поклонился нам.
 Ни дать, ни взять юродивый,
 Стоит, вздыхает, крестится,
 Жаль было нам глядеть,
 Как он перед старухой,
 Перед Ненцой Власьевной
 Вдруг на колени пал!
 Ну, дело всё обладилось,
 У господина сильного
 Везде рука: сын Власьевны
 Вернулся, сдали Митрия,
 Да, говорят, и Митрию
 Не тяжело служить,
 Сам князь о нем заботится.
 А за провинность с Гиррина
 Мы положили штраф:
 Штрафные деньги рекруту,
 Часть небольшая Власьевне,
 Часть мпру на вино...

Однако после этого
 Ермила не скоро справился,
 С год как шальной ходил.
 Как ни просила вотчина,
 От должности уволился,
 В аренду снял ту мельницу
 И стал он пуще прежнего
 Всему народу люб:
 Браг за помол по совести,
 Народу не задерживал —
 Приказчик, управляющий,
 Богатые помещики
 И мужики беднейшие —
 Все очереди слушались,
 Порядок строгий вел!
 Я сам уж в той губернии
 Давненько не бывал,
 А про Ермилу слыхивал,
 Народ им не нахвалится,
 Сходите вы к нему».

— Напрасно вы проходите, —
 Сказал, уж раз заспоривший
 Седоволосый поп: —
 Я знал Ермила Гиррина,
 Попал я в ту губернию,
 Назад тому лет пять
 (Я в жизни много странствовал,
 Преосвященный наш
 Переводить священников
 Любил)... С Ермилой Гирным
 Соседи были мы.
 Да! Был мужик единственный!

Имел он всё, что надобно
 Для счастья: и спокойствие,
 И деньги, и почет,
 Почет завидный, истинный,
 Не купленный ни деньгами,
 Ни страхом: строгой правдой,
 Умом и добротой!
 Да только, повторяю вам,
 Напрасно вы проходите:
 В остроге он сидит...

«Как так?»

— А воля божья!

Слышал ли кто из вас,
 Как бунтовалась вотчина
 Помещика Обрубкова,
 Испуганной губернии,
 Уезда Недыханьева,
 Деревня Столбняки?...
 Как о пожарах пишется
 В газетах (я их читывал):
 «Осталась неизвестною
 Причина» — так и тут:
 До сей поры неизвестно
 Ни земскому исправнику,
 Ни высшему правительству,
 Ни столбнякам самим,
 С чего стряслась оказия,
 А вышло дело дрянь.
 Потребовалось воинство,
 Сам государев посланный
 К народу речь держал,
 То руганью попробует
 И плечи с эполетами
 Подымет высоко,
 То ласкою попробует,
 Да брань была тут лишняя,
 А ласка непонятная:
 «Крестьянство православное!
 Русь-матушка! дарь-батюшка!»
 И больше ничего!
 Побившись так достаточно,
 Хотели уж солдаткам
 Скомандовать: пали!
 Да волостному писарю
 Пришла тут мысль счастливая,
 Он про Ермилу Гиррина
 Начальнику сказал:
 «Народ поверит Гирину,
 Народ его послушает...»
 — Позвать его, живей!

.....

Кому на Руси жить хорошо.

Рисунок С. Герасимова. 1933.

Вдруг крик: «ай, ай! помилуйте!»
 Раздавшись неожиданно,
 Нарушил речь священника,
 Все бросились глядеть:
 У валика дорожного
 Секут лакея пьяного —
 Попался в воровстве!
 Где пойман, тут и суд ему:
 Судей сошлось десятка три,
 Решили дать по лозочке,
 И каждый дал лозу!
 Лакей вскочил и, шлепая
 Худыми сапожниками,
 Без слова тягу дал.
 «Вишь побежал, как встрепанный!»,
 Шутили наши странники,
 Узнавши в нем балясника,
 Что хвастался какою-то
 Особенной болезнью
 От иностранных вин:
 «Откуда прыть явилась!
 Болезнь ту благородную
 Вдруг сняло, как рукой!»

— Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
 Ты доскажи историю,
 Как бунтовалась вотчина
 Помещика Обрубкова,
 Деревня Столбняки?

«Пора домой, родимые.
 Бог даст, опять мы встретимся,
 Тогда я доскажу!»

Под утро поразъезжалась,
 Поразбегалась толпа.
 Крестьяне спать надумали,
 Вдруг тройка с колокольчиком
 Откуда ни взялась,
 Летит! а в ней качается
 Какой-то барин кругленький,
 Усатенький, пузатенький,
 С сигарочкой во рту.
 Крестьяне разом бросились
 К дороге, сняли шапочки,
 Низенько поклонились,
 Повыстроились в ряд
 И тройке с колокольчиком
 Загородили путь...

Глава V

Помещик

Соседнего помещика
 Гаврилу Афанасьича
 Оболта-Оболдуева
 Та троечка везла.
 Помещик был румяный,
 Осанистый, присадистый,
 Шестидесяти лет;
 Усы седые, длинные,
 Ухватки молодецкие,
 Венгерка с бранденбурами,
 Широкие штаны.
 Гаврило Афанасьевич,
 Должно быть, перетрусился,
 Увидев перед тройкою
 Семь рослых мужиков.
 Он шестолетик выхватил,
 Как сам, такой же толстенький,
 И дуло шестиствольное
 На странников навел:
 — Ни с места! Если тронетесь,
 Разбойники! грабители!
 На месте уложу!.. —
 Крестьяне рассмеялись:
 «Какие мы разбойники,
 Гляди — у нас ни ножика,
 Ни топора, ни вила!»
 — Кто ж вы? чего вам надобно?

«У нас забота есть,
 Такая ли заботушка,
 Что из домов повыжила,
 С работой раздружила нас,
 Отбила от еды.
 Ты дай нам слово крепкое
 На нашу речь мужицкую
 Без смеху и без хитрости,
 По правде и по разуму,
 Как должно отвечать,
 Тогда свою заботушку
 Поведаем тебе...»

— Извольте: слово честное,
 Дворянское даю!
 «Нет, ты нам не дворянское,
 Дай слово христианское!
 Дворянское с побранкою,
 С толчком да с зуботычной,
 То непригодно нам!»

— Эге! какие новости!

А, впрочем, будь по-вашему!
 Ну, в чем же ваша речь?...
 «Спрячь пистолетик! выслушай!
 Вот так! Мы не грабители,
 Мы мужики смиренные,
 Из временно-обязанных
 Подтянутой губернии,
 Пустопорожней волости,
 Из разных деревень —
 Несытова, Неелова,
 Заплатова, Дырявина,
 Горелок, Голодухина,
 Неурожайка тож.
 Идя путем-дорогою,
 Сошлись мы невзначай,
 Сошлись мы — и заспорили:
 Кому живется счастливо,
 Вольготно на Руси?
 Роман сказал: помещику,
 Демьян сказал: чпновнику,
 Лука сказал: попу.
 Купчине толстопузому,
 Сказали братья Губины,
 Иван и Митродор.
 Пахом сказал: светлейшему,
 Вельможному боярину,
 Министру государеву,
 А Пров сказал: царю...
 Мужик что бык: втемяшится
 В башку какая блажь —
 Колом ее оттудова
 Не выбьешь! Как ни спорили
 Не согласились мы!
 Поспоривши — повздорили,
 Повздоривши — подрался,
 Подравшись — удумали:
 Не расходиться врозь,
 В домикки не ворочаться,
 Не видаться ни с женами,
 Ни с малыми ребятами,
 Ни с стариками старыми,
 Покуда спору нашему,
 Решенья не найдем,
 Покуда не доведем
 Как ни на есть — доподлинно:
 Кому жить любо-весело,
 Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
 Сладка ли жизнь помещичья?
 Ты как — вольготно, счастливо,
 Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
 Из тарантаса выпрыгнул,
 К крестьянам подошел:
 Как лекарь, руку каждому
 Пощупал, в лица глянул им,
 Схватился за бока
 И покатился со смеху...
 Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
 Здоровый смех помещичий
 По утреннему воздуху
 Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
 Помещик не без горечки
 Сказал: «Наденьте шапочки,
 Садитесь, *господа!*»

— Мы господа не важные,
 Перед твоею милостью
 И постопм...

«Нет! нет!
 Прошу садиться, *граждане!*»
 Крестьяне поупрямилась,
 Однако, делать нечего,
 Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
 Эй, Прошка! рюмку хересу,
 Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
 И выпив рюмку хересу,
 Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
 Ответ держать по совести,
 А нелегко оно!
 Хоть люди вы почтенные,
 Однако не ученые,
 Как с вами говорить?
 Сперва понять вам надо бы,
 Что значит слово самое:
 Помещик, дворянин.
 Скажите вы, любезные,
 О родословном древе
 Слыхали что-нибудь?»
 — Леса нам не заказаны —
 Видали древо всякое! —
 Сказали мужики.
 «Попали пальцем в небо вы!..
 Скажу вам вразумительней:
 Я роду пменитого,
 Мой предок Оболадуй

Впервые поминается
 В старинных русских грамотах
 Два века с половиною
 Назад тому. Гласит
 Та грамота: «Татарину
 Оболту Оболюеву
 Дано суконце доброе,
 Ценою в два рубля:
 Волками и лисицами
 Он тешил государыню,
 В день царских именин,
 Спускал медведя дикого
 С своим, и Оболюева
 Медведь тот ободрал...»
 Ну, поняли, любезные?»
 — Как не понять! С медведями
 Немало их пиздается,
 Прохвостов, и теперь.

«Вы все свое, любезные!
 Молчать! уж лучше слушайте,
 К чему я речь веду:
 Тот Оболюй, потешивший
 Зверями государыню,
 Был корень роду нашему,
 А было то, как сказано,
 С залишком двести лет.
 Прапрадед мой по матери
 Был и того древней:
 «Князь Щенин с Васькой Гусевым»
 (Гласит другая грамота):
 Пытал поджечь Москву,
 Казну пограбить думали,
 Да их казнили смертию»,
 А было то, любезные,
 Без мала триста лет.
 Так вот оно откудова
 То дерево дворянское
 Идет, друзья мои!»

— А ты, примерно, яблочко
 С того, выходишь, дерева? —
 Сказали мужики.

«Ну, яблочко, так яблочко!
 Согласен! Благо поняли
 Бы дело наконец.
 Теперь — вы сами знаете —
 Чем дерево дворянское
 Древней, тем именитее,
 Почетней дворянин.
 Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники: —
 Кость белая, кость черная,
 И поглядеть, так разные, —
 Им разный и почет!

«Ну, вижу, вижу: поняли!
 Так вот, друзья, — и жили мы,
 Как у Христа за пазухой,
 И знали мы почет.
 Не только люди русские,
 Сама природа русская
 Покорствовалась нам.
 Бывало ты в окружности
 Одни, как солнце на небе,
 Твои деревни скромные,
 Твои леса дремучие,
 Твои поля кругом!
 Пойдешь ли деревенькою,
 Крестьяне в ноги валятся,
 Пойдешь лесными дачами —
 Столетними деревьями
 Преклонятся леса!
 Пойдешь ли пашней, нивою,
 Вся нива спелым колосом
 К ногам господским стелется,
 Ласкает слух и взор!
 Там рыба в речке плещется:
 «Жирей-жирей до времени!»
 Там заяц лугом крадется:
 «Гуляй-гуляй до осени!»
 Всё веселило барина,
 Любовно травка каждая
 Шептала: «я твоя!»

Краса и гордость русская,
 Белели деркви божины
 По горкам, по холмам,
 И с ними в славе спорили
 Дворянские дома.
 Дома с оранжереями,
 С китайскими беседками
 И с английскими парками;
 На каждом флаг играл,
 Играл-манил приветливо,
 Гостеприимство русское
 И ласку обещал.
 Француз не привидится
 Во сне, какие праздники,
 Не день, не два — по месяцу
 Мы задавали тут.
 Свои индейки жирные,
 Свои наливки сочные,
 Свои актёры, музыка,
 Прислуги — целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился.
— Эй, Прощка! — закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушкам
Борзовишки-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлитники
Ревели, сорви-головы,
Варили-варом гонимые.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая вост! сгрудилась!
Никак по зверю красному
Погнали?... улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!
Присели, притаились,
Дрожа всем телом рылые,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостя жданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! — улю-лю!.. а-ту!..
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лесу...

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовались,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики,
Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во век веков!
Не о себе печалюсь,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало нас по осени
До полусотни съедается
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гонимых в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовишников верхом,
При каждом с кашеварам,
С провизней обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»

Вдруг, как струна порвалась,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
— Эй, Прощка! — закричал.
Глохнул — п мягким голосом
Сказал: «Вы сами знаете,
Нельзя же п без строгости?
Но я карал — любл.
Порвалась цепь велькая —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж п отечески
Не млим его.
Да, был я строг по времени,
А, впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.

Я в воскресенье светлое
 Со всей своею вотчиной
 Христосовался сам!
 Бывало накрывался
 В гостинной стол огромнейший,
 На нем и яйца красные,
 И пасха, и кулич!
 Моя супруга, бабушка,
 Сынишки, даже барышни
 Не брезгают, целуются
 С последним мужиком.
 «Христос воскрес!» — «Восстину!»
 Крестьяне разговляются,
 Пьют брагу и вино...

Пред каждым почитаемым
 Двенадцатым праздником
 В моих парадных горницах
 Поп всюнощну служил.
 И к той домашней всюнощной
 Крестьяне допускался,
 Молись — хоть лоб разбей!
 Страдало обоняние,
 Сбивали после с вотчины
 Баб отмывать полы!
 Да чистота духовная
 Тем самым сберегалась,
 Духовное родство!
 Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники,
 А про себя подумали:
 «Колом сбивал их, что ли, ты
 Молиться в барский дом?..»

«Зато, скажу не хвастая,
 Любил меня мужик!
 В моей сурминой вотчине
 Крестьяне всё подрядчики, —
 Бывало дома скучно им,
 Все на чужую сторону
 Отпроятся с весны...
 Ждешь — не дождешься осени,
 Жена, детки малые,
 И те гадают, ссорятся:
 Какого им гостничку
 Крестьяне принесут?
 И точно: поверх барщины,
 Холста, яиц и живности,
 Всего, что на помещика
 Сбиралось пекло, —
 Гостицы добровольные

Крестьяне нам несли!
 Из Клева — с вареньями,
 Из Астрахани — с рыбою,
 А тот, кто подостаточней,
 И с шелковой материей:
 Глядь, чмокнул руку барыне
 И сверток подаст!
 Детям игрушки, лакомства,
 А мне, седому бражнику,
 Из Питера вина!
 Толк выжили, разбойники,
 Небось, не к Кривоногову,
 К французам забежит.
 Тут с ними разгуляешься,
 По-братски побеседуешь,
 Жена рукою собственной
 По чарке им нальет.
 А детки тут же малые
 Посасывают прыщички
 Да слушают досужие
 Рассказы мужиков —
 Про трудные их промыслы,
 Про чуждаемые стороны,
 Про Петербург, про Астрахань,
 Про Клев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
 Я жил с моею вотчиной,
 Не правда ли, хорошо?..»

— Да, было вам, помещикам,
 Житье куда завидное,
 Не надо умирать!

— И всё прошло! всё минуло!..
 Чу! похоронный звон!..

Прислушался странник,
 И точно: из Кузьминского
 По утреннему воздуху
 Те звуки, грудь щемящие,
 Неслись. «Покой крестьянину
 И дарствие небесное!»
 Проговорили странники
 И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
 Снял шапочку — и набожно
 Перекрестился тож:
 «Звонят не по крестьянину!
 По жизни по помещицкой
 Звонят!.. Ой, жизнь шпрокал!
 Прости-прощай навек!

Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прощка!» (выпил водочки
И поспивстал).

«Невесело
Глядеть, как изменилось
Липо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто всё попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акузанные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалось
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещичья —
Тут маманьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушась всласть.
А нынче чем рассесешься?
Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:
Кладбищем вдруг поваяло,
Ну, значит, приближася
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любит,ся,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,

И Ганечка и Верочка
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонск помещичьи
Усадьбы пзводить!
Деревней схать совестно,
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит — топор разбойничий,
Шалют!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля — не доработаны,
Посевы — не досеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся, —
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распушенной,
С необрунным лицом!..

Усадьбы переводятся,
Взамен их распложатся
Питейные дома!..
Поют народ распушенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова надарапаны:
«На вынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталась...
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... «А кто велел?»
Кричат писаки праздные:
«Так вымогать, насловать
Кормилицу свою!»

А я скажу: а кто же ждал?
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь.
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький,
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «трудись!»

А если бы действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Царями, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?...
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорыл казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыка праведный!..»

Помещик зарыдал...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

КРЕСТЬЯНКА

(Из третьей части)

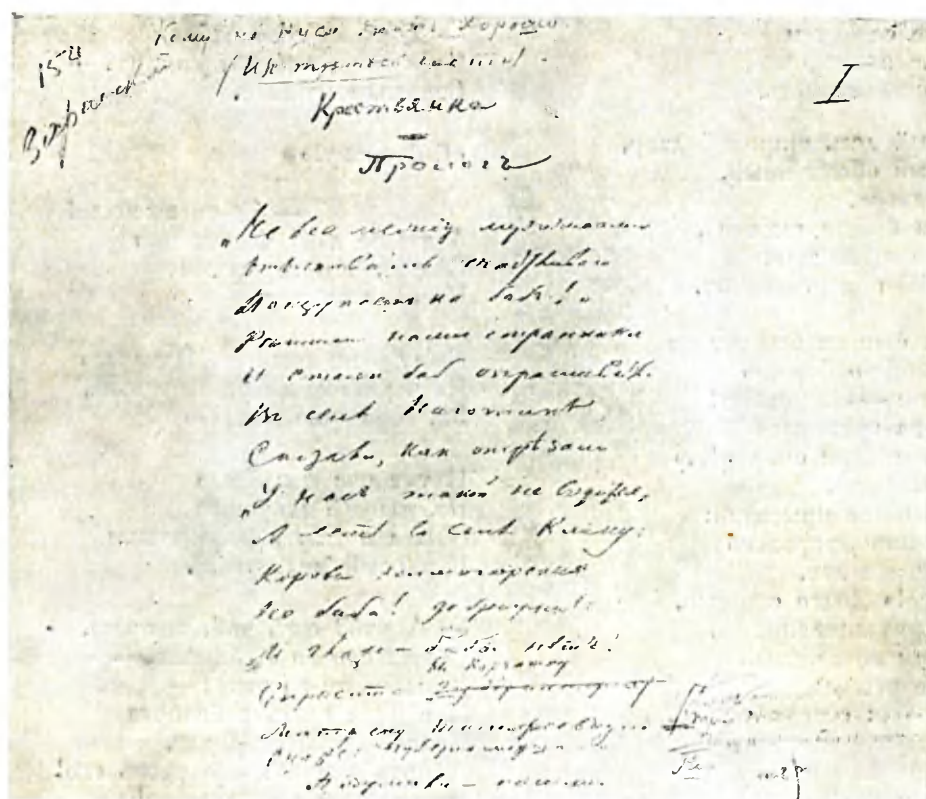
Пролог

«Не всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Подушаем-ка баб!»
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Паготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагинну,
Матрену Тимофеевну,
Она же губернаторша...»

Подумали — пошли.

Уж палились колоски.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, параднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божьи
Побились над тобой,
Покамест ты оделся
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед нахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажнили тебя!..»
Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилась,
Что кормишь ты по выбору,
Зато не налюбуются
На рожь, что кормит всех.

«Льны тоже не поче знатные...
Ай! бедненький! застрял!»

Автограф Некрасова. Отрывок из 3-ей части «Кому на Руси жить хорошо».

Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Попеловал: «лети!»
И птичка ввысь помчалась,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулся,
Как сарапча, на полюсу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щиплет!

Теперь горох у великого,
У старого, у малого, —
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела: дети носятся —
Кто с репой, кто с морковкою,

Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот, наконец, и Клии.
Селенье незавидное:
Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остоны,
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнизда галочки,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит...
Народ в полях — работает.

Замстив за селеннем
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока — глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, плавни обсаженный,
Посреди двора.
Над домом башня высятся,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: — «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..»
И шиню показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей шине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за паря диковинный,
Пока Пахом догадливым
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!..»

Как прусаки слоняются
По истоплённой горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялся
Голодные дворовые,
Покинутое баринном
На произвол судьбы.
Всё старые, всё хворые
И как в дыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на-помочь! Как ловится?..»

— Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь — свищи в кулак!

«Хоть бы пятючек вынул!»
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

— Точенные-то столбики
С балкону, что ли, умица? —
Спросили мужики.

«С балкону!»

— То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!

«Жду — не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе — не житье!»

И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

— А что? сму, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка, —
В железном-то тазу? —
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не влишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка,
Ведь, это у него!..»

Что шаг, то натывался
Крестьяне на диковину.
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отшнечивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?»
Окликнул с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. — «Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти!»

— Да что в них проку? зелены!

«Мы рады и таким!»

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!»

И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?
Беседка... стойте! с надписью!..
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» Хохочут странники...
Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадался,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
«Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолея Демьян.
— Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку,
Да сам ее читай!

«А тоже грамотеями
Считаетесь!» с досадою
Дворовый прошипел:
«На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»

— «Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холоя в зобу!
Что деркви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика!»
Решили мужики:
«Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике

Какой-то человек
И пел... В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас...
Гудел — и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие... «Умница,
Какой мужчина там?»
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

— Певец Ново-Архангельский.
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Судились, да уехали...
А он бы рад-радехонёк —
Какая уж Италия? —
Обратно в Конотоп,
Ему здесь делать нечего...
Собаки дом покинули»
(Озлилась круто жепщица)
«Кому здесь дело есть?...
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кроме голоса...»

— Зато уж голосок!

«Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дыкон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рявкнет наш: «Здо-ро-во ли
Йп-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрепчат!
А тот ему оттуда-то:
«Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Йду вод-ку пить!» — И-ду!..
«Йду»-то это в воздухе
Час целый откликается...
Такие жеребды!..

Домой скотина гонится,
Дорога запылелась,

Запахло молоком.
Вздыхнула мать Митюхина:
Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!
— Чу! песня за деревню,
Продай, горюшка бедная!
Идем встречать народ.

Легко вздохнули странники:
Им после двора ноющей
Красива показалась
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц,
Всё дело девки красны
(Толпа без красных девушек
Что рожь без васильков).

— Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?

«Что нужно, молодцы?»

Матрена Тимофеевна
Осанная женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осми.
Красива; волос с проседью,
Глаза больше, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький
Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочее
Не пошли вперед,
Потом поклон отвели:
— Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов новыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степные,
Из временно-обязанных,
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Несытова, Неслова,
Заплатова, Дырявина,

Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и засорили,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Русь?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чинovníку,
Лука сказал: попу;
Купчине толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласился мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрался,
Подравшись — удумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видаться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни па есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Русь?..

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам некать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?)
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески,
В чем счастье твое?

Не то, чтоб удивилась
Матрена Тимофеевна,

А как-то закручинилась,
Задумалась она...

— Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..

— Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал! —
Просили мужики.

— У нас уж колос сыплется,
Рук нехватает, милые...

— А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра, — к вечеру
Всю рожь твою сожнем!

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна», говорит:
«Такие-то вы brave, —
Нажмете, не заметите,
Спонов по десятку».

— А ты нам душу выложи!
«Не скрою ничего!»

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялась,
Крестьяне место знатное
Избрали за пзбой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос — дубов краса.
Под ним присели странники:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчий мужиков».

И скатерть развернулась,
Откудова ни взялся
Две дюжие руки:
Ведро впа поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины:
Такую редьку съедали
На огороде — страсть!

Уж звезды рассажались
По небу темно-спинему,

Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяйшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

Глава I

До замужества

Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Нешьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Пост: «вставай, сестра!
По избам обриваются,
В часовенках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малпшою
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахарь,
В лесу стучит топор!»
Управится с горшечками,
Всё вымоет, всё выскребет,
Посадит хлеба в печь, —
Идет родная матушка,
Не будит — пуше кутает:
«Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье — не долг сон!
Уложат спать позднехонько,
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На дощечке бросят корочку:
Сложи се — да полное
Лукошко набери!..»

Да не в лесу родилась,
Не пеньям я молилась,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества¹
По пятому годку,

¹ Деревенский обычай. *Примечание Некрасова.*

А на седьмом за бурушкой
 Сама я в стадо бегала,
 Отцу носила завтракать,
 Утяточек пасла.
 Потом грибы да ягоды,
 Потом: «Бери-ка грабельки
 Да сено вороши!»
 Так к делу приобькла я...
 И добрая работница,
 И петь-плясать охотница
 Я смолоду была.
 День в поле проработаешь,
 Грязна домой воротиться, —
 А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
 Березовому величку,
 Студеному ключу, —
 Опять белая свежихонька,
 За прильцей с подружками
 До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
 Няню обрывала я,
 А тихому шенцу:
 «Я личиком разгарчива,
 А матушка догадлива,
 Не тронь! уйдя!..» Уйдет...

Да как я их ни бегала,
 А выискался суженый,
 На горе — чужаки!
 Филипп Корчагин — питейщик,
 По мастерству печник.
 Родительница плакала:
 «Как рыбка в море снесет,
 Юркнешь ты! как соловушко
 Из гнездышка, порхнешь!
 Чужал-то сторонушка
 Не сахаром посыпана,
 Не медом полита!
 Там холодно, там голодно,
 Там холоду доченьку
 Обвеют ветры буйные,
 Обграют черны вороны,
 Облают псы косматые,
 И люди засмеют!..»
 А батюшка со сватами
 Подвыпил. Закручинилась,
 Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
 Нашел во мне хорошего?

Где высмотрел меня?
 О святках ли, как с горок я
 С ребятами, с подругами
 Каталась, смеючись?
 Ошибся ты, отедкий сын!
 С игры, с катанья, с беганья,
 С морозу разгорелось
 У девушки лицо!
 На тихой ли беседушке?
 Я там была нарядная,
 Дородства и пригожества
 Понакопила за зиму,
 Цвела, как маков цвет!
 А ты бы поглядел меня,
 Как лен треплю, как снопики
 На риге молочу...
 В дому ли во родительском?...
 Ах! кабы знать! Послала бы
 Я в город братца сокола:
 «Мил-братец! шелку, гарусу
 Куши — семи цветов,
 Да гариптуру синего!»
 Я по углам бы вышпила
 Москву, царя с царичею,
 Да Киев, да Царыград,
 А по середке — солнышко,
 И эту занавесочку
 В окошке бы повесила,
 Авось, ты заглядедся бы, —
 Меня бы промигал!..

Всю почку я продумала...
 «Оставь», я парню молвила:
 «Я в подневолье с волюшки,
 Бог видит, не пойду!»

— Таковую даль мы ехали!
 Иди! — сказал Филиппушка: —
 Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
 А дело девка делала:
 На суженого пскоса
 Поглядывала втай.
 Прогож-румян, широк-могуч,
 Рус волосом, тих говором —
 Нал на сердце Филипп!

— Ты стань-ка, добрый молодец,
 Против меня примехонько,
 Стань на одной доске!
 Гляди мне в очи ясные,
 Гляди в лицо румяное,

Подумывай, смекай:
 Чтоб жить со мной — не каяться,
 А мне с тобой не плакаться...
 Я вся тут такова!

— Небось, не буду каяться,
 Небось, не будешь плакаться! —
 Филиппушка сказал.

Пока мы торговались:
 Филиппу я: «уйди ты прочь!»
 А он: «иди со мной!»
 Известно: «ненаглядная,
 Хорошая... пригожая...»
 — Ай!.. — Вдруг рванулась я...
 «Чего ты? Эка силища!»
 Не удержи — не видать бы
 Вовек ему Матренушки,
 Да удержал Филипп!
 Пока мы торговались,
 Должно быть, так я думаю,
 Тогда и было счастье...
 А больше вряд когда!

Я помню, дочка звездная,
 Такая же хорошая,
 Как и теперь была...

Вздохнула Тимофеевна,
 Ко стогу приклонилась,
 Унылым, тихим голосом
 Пропела про себя:

Ты скажи, за что,
 Молодой купец,
 Полюбили меня,
 Дочь крестьянскую?
 Я не в серебре,
 Я не в золоте,
 Жемчугами я
 Не увешана!

— Чисто серебро —
 Чистота твоя,
 Красно золото —
 Красота твоя,
 Бел-крупен жемчуг —
 Из очей твоих
 Слезы катятся...

Велел родимый батюшка,
 Благословила матушка,
 Поставили родители

К дубовому столу,
 С краями чары налил:
 «Бери поднос, гостей-чужан
 С поклоном обноси!»
 Впервой я поклонился —
 Вздрыгнули ноги резвые;
 Второй я поклонился —
 Поблекло бело личико;
 Я в третий поклонился,
 И волюшка¹ скатилась
 С девичьей головы...

— Так значит: свадьба? Следует, —
 Сказал один из Губных, —
 Проздравить молодых.

— Давай! начин с хозяйшкн.
 — Пьешь водку, Тимофеевна?

— Старухе — да не пить?..

Глава II

Песня

У суда стоять —
 Ломит ноженьки,
 Под вендом стоять —
 Голова болит,
 Голова болит,
 Вспоминается
 Песня старая,
 Песня грозная.
 На широкий двор
 Гости въехали,
 Молоду жену
 Муж домой привез,
 А роденька-то
 Как набросится!
 Деверек ее —
 Расточихою,
 А золовушка —
 Щеголихою,
 Свекор-батюшка —
 Тот медведицей,
 А свекровушка —
 Людоелницей.
 Кто неряхою,
 Кто не пряхою...

¹ Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают волю, т. е. ленту, которую носят девицы до замужества. *Примечание Некрасова.*

Всё, что в песенке
Той певалось,
Всё со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

— Начинай, кума!
Нам подхватывать...

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Странник (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не даст:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клоптит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Странник (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не даст:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холм в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовах:
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,

На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекром приглядывай,
Сплошасешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с примстою,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рождь добрее родится
Из крадских семян.
Посхал ночью Тихоныч,
Поймал, — полумертвого
Подкинул в сарай...

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка.
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеришин день,¹
И горя словно не было!
Запела, как пела я
В родительском дому.
Мы были одполеточки,
Не трогай нас — нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...

— Уж будто не колачивал?

Замялась Тимофеевна:
— Раз только, — тихим голосом
Промолвила она.

— За что? — спросили странники.

— Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбился.
— Дай башмаки Оленушке,
Жена! — сказал Филипп.

¹ Первое катанье на санях. *Примечание Некрасова.*

А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тига: вымолвить
Я слова не могла.

Филипп Ильич прогисвался,
Иждал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
— Ну, благо ты приехала,
И такходишь! — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.

— Давненько не видались мы,
А знать бы — так не ехать бы! —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филиппика...
И все тут! Не годилось бы
Жене побой мужнины
Считать: да уж сказала я:
Не скрою ничего!

— Ну женщины! с таким-то
Змеям подколодным
И мертвый плетъ возьмет!

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случая,
По повой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается,
За шелкову плетъ
Принимается.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! леп! леп!
Кровь пробрызнула...

Свекру-батюшке
Поклонился:
Свекор-батюшка,
Отними меня

От лиха-мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! леп! леп!
Кровь пробрызнула...

Свекровь-матушке
Поклонился:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха-мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! леп! леп!
Кровь пробрызнула...

Филипп на Благовещение
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писанный был Дёмушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белзна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велит — работаю,
Как ни бранят — молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
— Ты писаная красавица,
Ты наливная ягодка...
«Отстань, бесстыдник! ягодка,

Да бору не того!»
 Укланяла золовущку,
 Сама нейдучи на барщину,
 Так в избу прикатит!
 В сарае, в риге спрячуся.—
 Свекровь оттуда вытащит:
 «Эй, не шутя с огнем!»
 — Гоня его, родимая,
 По шее!—«А не хочешь ты
 Солдаткой быть?» — Я к дедушке:

— Что делать? Научи!

Из всей семейки мужниной
 Один Савелий, дедушка,
 Родитель свекра-батюшки,
 Жалел меня... Рассказывать
 Про деда, молодцы?

— Вали всю подноготную!
 Наклещем по два снопики, —
 Сказали мужики.

— Ну, то-то! речь особая.
 Грех промолчать про дедушку,
 Счастливец тоже был...

Глава III

Савелий, богатырь святорусский

С большущей спивой гривою,
 Чай, двадцать лет не стриженной,
 С большущей бородой,
 Дед на медведя смахивал,
 Особенно как из лесу
 Согнувшись выходил.
 Дугой спина у дедушки.
 Сначала всё боллась я,
 Как в низенькую горелку
 Входил он: ну, распрямится?
 Пробьет дыру медведице
 В светелке головой!
 Да распрямиться дедушка
 Не мог: ему уж стукнуло,
 По сказкам, сто годов.
 Дед жил в особой горнице,
 Семейки недолюбливал,
 В свой угол не пускал;
 А та сердилась, лаялась,
 Его «клеименым, каторжным»
 Честил родной сынок.
 Савелий не рассердится.
 Уйдет в свою светелочку,

Читает святцы, крестится,
 Да вдруг и скажет весело:
 «Клейменый, да не раб!..»
 А крепко досадят ему,
 Подшутит: «Поглядите-тко,
 И нам сваты!» Незамужняя
 Золовущка — к окну:
 Аи вместо сватов — нищие!
 Из оловянной пуговки
 Дед вылепил двугривенный,
 Подбросил на полу —
 Попался свекор-батюшка!
 Не пьяный из питейного, —
 Побитый припелел!
 Спят, молчат за ужином:
 У свекра бровь рассечена,
 У деда, словно радуга,
 Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
 Дед брал грибы да ягоды,
 Сплочки становил
 На глухарей, на рябчиков,
 А зиму разговаривал
 На печке сам с собой.
 Имел слова любимые,
 И выпускал их дедушка
 Но слову через час.

«Погибшие... пропащие...»

«Эх вы, Анпки-вопны!
 Со стариками, с бабами
 Вам только воевать!»

«Недотерпеть — пропасть,
 Перетерпеть — пропасть!..»

«Эх, доля святорусского
 Богатыря сермяжного!
 Всю жизнь его дерут,
 Раздумается временем
 О смерти — муки адские
 В ту-светной жизни ждут».

«Надумалась Корёжина,
 Наддай! наддай! наддай!..»

И много! да забыла я...
 Как свекор развоюется,
 Бежала я к нему.
 Запремся. Я работаю,
 А Дёма, словно яблочко

Кому на Руси жить хорошо.

Литография А. Н. Лебедева, 1877 г., запрещенная царской цензурой (перечеркнута карандашом цензора).

В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький...

Вот раз и говорю:
— За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?

— Я каторжником был.
— Ты, дедушка?

— Я, внушенька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христьяныча
Живого закопал...

— И, полно! шутишь, дедушка!

— Нет, не шушу. Послушай-ка! —
И всё мне рассказал.

«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем»,

— Да как же так, Савельюшка?

«А были благодатные
Также времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонники
Три года чорт искал:
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топики,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был —
К нам достигаться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году,—
Вот были времена!
А нынче—барщина под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожат

Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С пожизнем да с рогатиной
Я сам страшной сохатого.
По заповедным тропочкам
Иду: «мой лес!» кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок — завертелась
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулась.
Не правда ли, Матренушка,
На охоту я похож?»

— Ты начал, так досказывай!
Ну, жили—не тужили вы,
Что ж дальше, голова?

«По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явился мы,
Притихли, не шеломнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей — медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников).
«Оброк!» — Оброку нет!
Хлеба не уродился,
Сметочки не ловились...
«Оброк!» — Оброку нет!
Не стал и разговаривать:

¹ Жердь, принадлежность деревенского колхоза. *Примечание Некрасова.*

«Эй, перемена первая!»
И начал нас пороть.

Туга мошна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешались,
Мозги уж потрясались
В головушках—дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: «Постой, дай срок!»
Онучи распорол мы
И барину «лобанчиков»
Полшанки поднесли.

Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то — вот бог! — решился я
Сдрать с вас шкуру начисто...
На барабан напаял бы
И подарил полку!
Ха-ха, ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
(Хочет — рад придумочке):
«Вот был бы барабан!»

Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подошвою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие,
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
Ну, ладно ж! черти спые,
Вперед не доведется вам
Смелиться надо мной!
И прочим стало совестно,
На дерков побожился:
«Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!»

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год — зовет... дерет...

Отменно драг Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:

Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпывал:
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дерп, собачий сын,
А всей души не выпибешь,
Оставишь что-нибудь!»
Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталось!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешлась над баринном
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрепину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцам жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один, как перст: фуражка
Да тросточка, а в тросточке,
Для уженья снаряд.
И был сначала тихошкий:
«Платите, сколько можете».
— Не можем ничего!
«Я барина уведомлю».
— Уведомь!.. — Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Спит на речке с удочкой
Да сам себя то по посу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялся мы: «Не любишь ты
Корёжского комарика...
Не любишь, немчура?..»

Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полкѣ...

С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!
«Если платить не можете,
Работайте!» — А в чем твоя
Работа? «Окопать
Капавами желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»
— Ну, хорошо! — Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечны
Велел по ней возить:
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялся
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До шитки разорил!
А драл... как сам Шалашишков!
Да тот был прост: пакнётся
Со всей войсковой сплюю,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать, ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клец.
У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя, сосет!»

— Как вы терпели, дедушка?

«А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатырство русское.

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремлет-катается
На колеснице огненной...
Всё терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

— Ты шутишь шутишь, дедушка! —
Сказала я. — Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши засядят!

«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по груди
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет. Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как были вьюги зимние,
Как были кости старые,
Лежал я на печи;
Полсживал, подумывал:
Куда ты, спля, делаешься?
На что ты пригодилась?
— Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»

— А что же немец, дедушка?

«А немец, как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмипацать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодезь рыть.
Вдвигатером копали мы,
До полдня проработали,

Позавтракать хотим.
 Приходит немец: «Только-то?...»
 И начал нас по-своему,
 Не торопясь, плыть.
 Стояли мы голодные,
 А немец нас поругивал,
 Да в яму землю мокрую
 Пошвыривал ногой.
 Была уж яма добрая...
 Случилось, я легонечко
 Толкнул его плечом,
 Потом другой толкнул его,
 И третий... Мы поспрудились...
 До ямы два шага...
 Мы слова не промолвили,
 Друг другу не глядели мы
 В глаза... а всей гурьбой
 Христьяна Христьяныча
 Поталкивали бережно
 Всё к яме... всё на край...
 И немец в яму бухнулся,
 Кричит: «Веревку! лестницу!»
 Мы девятью лопатами
 Ответили ему.
 «Надай!» я слово выронил, —
 Под слово люди русские
 Работают дружнее, —
 «Надай! надай!» Так надали,
 Что ямы словно не было —
 Сравнялась с землей!
 Тут мы переглянулись...»
 Остановился дедушка.
 — Что ж дальше?

«Дальше: дрянь!»
 Кабак... острог в Буй-городе,
 Там я учился грамоте,
 Пока решили нас.
 Решение вышло: каторга
 И плети предварительно;
 Не выдрали — помазали,
 Плохое там дрянь!
 Потом... бежал я с каторги...
 Поймали! не погладили
 И тут по голове.
 Заводские начальники
 По всей Сибири славятся —
 Собаку съели драть.
 Да нас драл Палашников
 Больней — я не поморщился
 С заводского дрянья.
 Тот мастер был — умел пороть!

Он так мне шкуру выделал,
 Что носится сто лет.

А жизнь была не легкая.
 Лет двадцать строгой каторги,
 Лет двадцать поселения.
 Я денег прикопил,
 По манифесту дарскому
 Попал опять на родину,
 Пристроил эту горенку,
 И здесь давно живу.
 Покуда были денежки,
 Любили дела, холили,
 Теперь в глаза плюют!
 Эх вы, Анпки-воины!
 Со стариками, с бабами
 Вам только воевать...»

Тут кончил речь Савельюшка...

— Ну, что ж? — сказали странники: —
 Досказывай, хозяйюшка,
 Свое житье-бытье!

— Невесело досказывать.
 Одной беды бог миловал:
 Холерой умер Ситников, —
 Другая подошла.

«Надай!» сказали странники
 (Им слово полюбилось)
 И выпили вина...

Глава IV

Дёмушка

Зажгло грозою дерево,
 А было соловьиное
 На дереве гнездо.
 Горит и стонет дерево,
 Горят и стонут птенчики:
 «Ой, матушка! где ты?
 А ты бы нас похлила,
 Пока не оперились мы:
 Как крылья отрастим,
 В долины, в рощи тпхпе
 Мы сами улетим!»
 Дотла сгорело дерево,
 Дотла сгорели птенчики,
 Тут прилетела мать.
 Ни дерева... ни гнездышка...
 Ни птенчиков!.. Поет-зовет...

Пост. рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка.
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Посила я Демидушку
По поженкам... делала...
Да взъелась свекровь.
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Немного с ним пажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилась, —
Мы землю не ленись
Удобрить, ухотить, —
Трудишенько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопам нагрожула я
Телегу со стропами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А санн с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А санн — на базар!)
Вдруг стоны я слышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек, как смерть:
«Прости, прости, Матренушка!»
И повалился в поженки:
«Мой грех — не доглядел!..»

Ой, ласточка, ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день — то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.
Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побой лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталась.
Я червышком свивалась,
Знала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу! сбруя золоченая
Звешт... еще беда!
Ребята испугались.
По избам разбежались,
У окоп заметались
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля в дуга.
Собрал народ: идут — кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошенных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержались,
Саножки припотопались,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, усеялся
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге попятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятиника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу, порывивал...
«Эй! жепка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Вишишь?»
Я шепотком ответила:
«Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старку Савелию
Сто лет... Чай, знаешь сам?»
Как в стойле копь подкованный,
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»

Владычида! что вздумали!
 Чуть мироеда этого
 Не назвала я нехристом,
 Вся закипела я...
 Да лекаря увидела:
 Ножи, ланцеты, пожнпы
 Натачивал он тут.
 Взрогнула я, одумалась.
 — Нет, — говорю, — я Дёмушку
 Любила, берегла...
 «А зельем не поила ты?
 А мышьяку не сыпала?»
 — Нет! сохрани господь!.. —
 И тут я покорилась,
 Я в ноги поклонилась:
 «Будь жалостлив, будь добр!
 Вели без поругания
 Честному погребению
 Ребеночка предать!
 Я мать ему!..» Упросишь ли?
 В груди у них нет душевны,
 В глазах у них нет совести,
 На шею — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
 Пovyкатыли Дёмушку
 И стали тело белое
 Терзать и пластовать.
 Тут свету я не увидела, —
 Металась и кричала я:
 «Злодеи! иачи!..
 Падите мои слезоньки
 Не на землю, не на воду,
 Не на господень храм!
 Падите прямо на сердце
 Злодею моему!
 Ты дай же, боже господи!
 Чтоб тлен пришел на платице,
 Безумье на головушку
 Злодея моего!
 Жену ему неумиую
 Пошли, детей — юродивых!
 Прими, услыши, господи,
 Молитвы, слезы матери,
 Злодея накажи!..»¹
 — Никак, она помешана? —
 Сказал начальник сотскому: —
 Что ж ты не упредил?
 Эй! не дури! связать велю!..

Присела я на лавочку.
 Ослабла, вся дрожу.
 Дрожу, гляжу на лекаря:
 Рукавчики засучены,
 Грудь фартуком завешана.
 В одной руке — широкий нож,
 В другой ручник — и кровь на нем,
 А на носу очки!
 Так тихо стало в горнице...
 Начальничек помалчивал,
 Поскрипывал пером,
 Поп трубочкой понычивал,
 Не шелохнувшись, хмурые
 Стояли мужики.
 «Ножом в сердцах читаете»,
 Сказал священник лекарю,
 Когда злодей у Дёмушки
 Сердечко распластал.
 Тут я опять рванулась...
 «Ну, так и есть — помешана!
 Связать ее!» десятнику
 Начальник закричал.
 Стал попятых опрашивать:
 «В крестьянке Тимофеевой
 И прежде помешательство
 Вы примечали?»

— Нет!

Спросили свекра, деверя.
 Свекровушку, золовушку:

— Не примечали, нет!

Спросили дела старого:

— Не примечал! ровна была...
 Одно: к начальству кликнули,
 Пошла... а ни деловника,
 Ни новины, пропащая,
 С собой и не взяла!

Заплакал навзрыд дедушка.
 Начальничек нахмурился,
 Ни слова не сказал.
 И тут я спохватилась!
 Прогневался бог: разуму
 Аппил! была готовая
 В коробке новина!
 Да поздно было каяться.
 В моих глазах по косточкам
 Изрезал лекарь Дёмушку,
 Цыновочкой приперыл.
 Я словно деревянная

¹ Взято почти буквально из народного при-
 читания. *Примечание Некрасова.*

Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: прошу покорнейше!
А поп ему: «Что просите?
Без прутика, без кнута
Все ходим, люди грешные,
На этот водоной!»

Крестьяне пастоялись,
Крестьяне надрожались
(Откуда только брались
У коршуна налетного
Корыстные дела!),
Без церкви намолились,
Без образа наклалились!
Как вихорь, налетал —
Рвал бороды начальнический,
Как лютый зверь, насканивал —
Ломал перстни злаченные...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шопотом
Поп плакался ему:
«У пас народ — всё голы да пьяны,
За свадьбу, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат!»
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу, пляска! чу, гармония!...
И вдруг затихло всё...
Заснула, видно, что ли, я?...
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Успи, многокручинная!
Успи, многострадальная!»
И крестит... С рук скатились
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего...

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.

Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вопила — п всё я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный,
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перицушки...
Ой, жестко будет Дёмушке,
Ой, страшно будет спать!...»

«Уйди!...» вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Дёмою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна кричала я:
«Уйди! убил ты Дёмушку!
Будь проклят ты... уйди!...»

Старик ни с места. Крестится,
Читает... Уходила я,
Тут дедко подошел:
«Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь мою рассказывал,
Да рассказал не всё:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелидные,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогаминой,
Сплошасяшь — сам пропад!
А господни Шалашипки
С своей войскою сплю?
А немед-душегуб?
Потом острог да каторга...
Окаменел я, вученька,
Люте зверя был.
Сто лет зима бессменная

Стояла. Растопила ее
 Твой Дёма-богатырь!
 Однажды я качал его,
 Вдруг улыбнулся Дёмушка...
 И я ему в ответ!
 Со мною чудо сталося:
 Третьеводни прищелся
 Я в белку: на суку
 Качалась белка... лапочкой,
 Как кошка, умывалась...
 Не выпалил: живи!
 Брожу по рощам, по лугу,
 Любуюсь каждым цветиком.
 Иду домой, опять
 Смеюсь, играю с Дёмушкой...
 Бог видит, как я много
 Младенца полюби!
 И я же, по грехам моим,
 Сгубил дитя невинное...
 Кори. казни меня!
 А с богом спорить нечего.
 Стань! помолись за Дёмушку!
 Бог знает, что творит:
 Сладка ли жизнь крестьянина?»

И долго, долго дедушка
 О горькой доле пахаря
 С тоскою говорил...
 Случись купцы московские,
 Вельможи государевы,
 Сам царь случись: не надо бы
 Ладнее говорить!
 «Теперь в раю твой Дёмушка,
 Легко ему, светло ему...»

Заплакал старый дед.

— Я не ропщу, — сказала я, —
 Что бог прибрал младенчика,
 А больно то, зачем они
 Ругались над ним?
 Зачем, как черны вёроны,
 На части тело белое
 Терзали?... Неужли
 Ни бог, ни царь не вступится?..

«Высоко бог, далеко царь...»

— Нужды нет, я дойду!

«Ах! что ты? что ты, внученька?...
 Терпи, многокручинная!
 Терпи, многострадальная!
 Нам правды не найти».

— Да почему же, дедушка?

«Ты — крепостная женщина!»
 Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
 Гром грянул, окна дрогнули,
 И я вздрогнула... К гробику
 Подвел меня старик:
 «Молись, чтоб к лику ангелов
 Господь причислил Дёмушку!»
 И дал мне в руки дедушка
 Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
 Молилась я, а дедушка
 Протяжным, ровным голосом
 Над Дёмою читал...

Глава V

Волчица

Уж двадцать лет, как Дёмушка
 Дерновым одеялечком
 Прикрыт, — всё жаль сердечного!
 Молюсь о нем, в рот яблока
 До Спаса не беру.¹
 Не скоро я оправилась,
 Ни с кем не говорила я,
 А старика Савелья
 Я видеть не могла.
 Работать не работала.
 Надумал свекор-батюшка
 Вожжам поучить,
 Так я ему ответила:
 «Убей!» Я в ноги кланялась:
 «Убей! один конец!»
 Повесил вожжам батюшка.
 На Дёмпиной могилочке
 Я день и ночь жила.
 Платочком обметала я
 Могилу, чтобы травушкой
 Скорее поросла,
 Молилась за покойничка,
 Тужила по родителям:
 Забыл дочь свою!
 Собак моих бонтеся?

¹ Примета: если мать умершего младенца ста-
 нет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают),
 то бог в наказание не даст на том свете ее
 умершему младенцу «яблочка поиграть». *При-
 мечание Некрасова.*

Семья моей стыдитесь?
 — Ах, нет, родная, нет!
 Собак твоих не боюсь,
 Семья твоя не совестно,
 А ехать сорок верст
 Свои беды рассказывать,
 Твои беды выпрашивать —
 Жаль бурушку гонять!
 Давно бы мы приехали,
 Да ты мы думу думали:
 Приедем — ты расплачешься,
 Уедем — заревешь!

Пришла зима: кручиною
 Я с мужем подслепая,
 В Савельевой пристройке
 Тужили мы вдвоем.

— Что ж, умер, что ли, дедушка?

— Нет. Он в своей каморочке
 Шесть дней лежал безвыходно,
 Потом ушел в леса,
 Так шел, так плакал дедушка,
 Что лес стонал! А осенью
 Ушел на покаяние
 В Несочинский монастырь.

У батюшки, у матушки
 С Филиппом побывала я,
 За дело принялась.
 Три года, так считаю я,
 Неделя за неделю,
 Одним порядком шла,
 Что год, то лето: некогда
 Ни думать, ни печалиться,
 Дай бог с работой справиться
 Да лоб перекрестить.
 Посешь — когда останется
 От старших да от деточек,
 Уснешь — когда больна...
 А на четвертый новос
 Подкралось горе лютос —
 К кому оно привяжется
 До смерти не пазыть!

Вперед летит — ясным соколом,
 Позади летит — черным вороном,
 Впереди летит — не укатится,
 Позади летит — не останется...

Аншлаась я родителей...
 Слыхали ночи темные,

Слыхали ветры буйные
 Сиротскую печаль,
 А вам нет нужды сказывать...
 На Демину могилочку
 Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
 На деревянном крестике
 Складная, золоченая
 Икона. Перед ней
 Я старца распростертого
 Увпдела. — Савельюшка!
 Откуда ты взялся?

— «Пришел я из Несочного...
 Молюсь за Дему бедного,
 За все страдное русское
 Крестьянство я молюсь!
 Еще молюсь (не образу
 Теперь Савелпий кланялся),
 Чтоб сердце гневной матери
 Смягчил господь... Прости!»

— Давно простила, дедушка!

Вздохнул Савелпий... — «Внушенька!

А, внушенька!» — Что, дедушка?
 «Нопрежнему взгляни!»

Взглянула я попрежнему.

Савельюшка засматривал
 Мне в очи; сплну старую
 Пытался разогнуть.
 Совсем стал белый дедушка,
 Я обила старинушку,
 И долго у креста
 Сидели мы и плакали.
 Я деду горе новос
 Повелада свое...

Недолго прожил дедушка.
 Но осени у старого
 Какал-то глубокал
 На шее рана сделалась,
 Он трудно умрал:
 Сто дней не ел; хпел да сох,
 Сам над собой подтрунивал:
 «Не правда ли, Матренушка,
 На комара корёжского
 Костлявый я похож?»
 То добрый был, сговорчивый,

То злился, привередничал,
 Пугал нас: «Не паши,
 Не сей, крестьянин! Сгорбившись
 За пряжей, за полотнами,
 Крестьянка, не сиди!
 Как вы ни бейтесь, глупые,
 Что на роду написано,
 Того не миновать!
 Мужчинам три дороженьки:
 Кабак, острог да каторга,
 А бабам на Руси
 Три петли: шелку белого,
 Вторая — шелку красного,
 А третья — шелку черного,
 Любую выбирай!..
 В любую ползай!..
 Так засмеялся дедушка,
 Что все в каморке вздрогнули, —
 И к ночи умер он.
 Как приказал — исполнили:
 Зарыли рядом с Дёмою...
 Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
 Как близнецы похожие,
 Прошли потом... Всеми
 Я покорилась: первая
 С постели Тимофеевна,
 Последняя — в постель;
 За всех, про всех работаю,
 С свекрови, с свекра пьяного,
 С золовочки бракованной¹
 Снимаю сапоги...
 Лишь деточек не трогайте!
 За них горой стояла я...
 Случилось, молодцы,
 Зашла к нам богомолочка;
 Сладкоречивой странницы
 Заслушивались мы;
 Спасаться, жить по-божески
 Учила нас угодница,
 Но праздникам к заутрене
 Будила... а потом
 Потребовала странница,
 Чтоб грудью не кормили мы
 Детей по постным дням.
 Село перенюшилось!
 Голодные младенчики
 Но середам, по пятницам

Кричат! Иная мать
 Сама над сыном плачущим
 Слезами заливается:
 И бога-то ей боязно,
 И дитятка-то жаль!
 Я только не послушалась.
 Судила я по-своему:
 Коли терпеть, так матери,
 Я перед богом грешница,
 А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
 Как восемь лет исполнилось
 Сыночку моему,
 В подпаски свекор сдал его.
 Однажды жду Федотушку —
 Скотина уж пригнала —
 На улиду плу.
 Там видимо-невидимо
 Народу! Я прислушалась
 И бросилась в толпу.
 Гляжу, Федота бледного
 Сплантый держит за ухо.
 — Что держишь ты его?
 «Посечь хотим маненечко:
 Овечками прикармливать
 Надумал он волков!»
 Я вырвала Федотушку,
 Да с ног Силантья старосту
 И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
 Пастух ушел; Федотушка
 При стаде был один.
 «Сижу я — так рассказывал
 Сынок мой — на пригорочке,
 Откуда ни возьмись
 Волчица преогромная
 И хватъ овечку Марьину!
 Пустился я за ней,
 Кричу, кнутищем хлопаю,
 Свищу Валетку, уськаю...
 Я бегать молодец,
 Да где бы окаленую
 Нагнать, кабы не дённая:
 У ней соседы волочились,
 Кровавым следом, матушка,
 За нею я гнался!

«Пошла потише серая,
 Идет, идет — оглянется,
 А я как прищушу!
 И села... Я кнутом ее:

¹ Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя называется бракованной.
 Примечание Некрасова.

«Отдай овцу, проклятая!»
 Не отдаст, сидит...
 Я не сробел: «так вырву же,
 Хоть умереть!..» И бросился,
 И вырвал... Ничего —
 Не укусила, серая!
 Сама едва жпвехонька,
 Зубамп только щелкает
 Да лышит тяжело.
 Под ней река кровавая,
 Сосцы травой пзрезаны,
 Все ребра на счету,
 Глядит, поднявши голову,
 Мне в очи... п завыла вдруг!
 Завыла, как заплакала.
 Пощупал я овцу:
 Овца была уж мертвая...
 Волчица так ли жалобно
 Глядела, выла... Матушка!
 Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем сталося.
 Пришел в село, да, глупенький,
 Всё сам п рассказал,
 За то п сечь надумал.
 Да благо подоспела я...
 Сплантй осерчал,
 Кричит: «Чего толкаешься?
 Самой под розгп хочется?»
 А Марья, та свос:
 «Дай, пусть проучат глупого!»
 И рвет из рук Федотушку.
 Федот, как лист, дрожит.

Трубят рога охотничьи,
 Помещик возвращается
 С охоты. Я к нему:
 — Не выдай! Будь заступником!
 «В чем дело?» Кпкнул старосту
 И мнгом порешил:
 «Подпaska малолетнего
 По младости, по глупости
 Простить... а бабу дерзкую
 Примерно наказать!»

«Ай, барин!» Я подпрыгнула:
 «Освободил Федотушку!
 Иди домой, Федот!»

— Исполним повеленное! —
 Сказал мцрянам староста: —
 Эй! погоди плясать!

Соседка тут подсунулась.
 — А ты бы в ноги старосте...

«Иди домой, Федот!»

Я мальчпка погладила:
 «Смотри, колп оглянeshься,
 Я осержусь... Иди!»

Из песни слово выкинуть,
 Так песня вся нарушится.
 Легла я, молодцы...

.....

В Федотову каморочку,
 Как кошка, я прокралася:
 Спит мальчик, бредит, мечется;
 Одна ручонка свесилась,
 Другая на глазу
 Лежит, в кулак зажатая:
 Ты плакал, что ли, бедненький?
 Спи. Ничего. Я тут!
 Тужила я по Дёмушке,
 Как им была беременна, —
 Слабенец родился,
 Однако вышел умища:
 На фабрике Алферова
 Трубу такую вывели
 С родителем, что страсть!
 Всю ночь над ним сидела я,
 Я пастушка любезного
 До солнца подняла,
 Сама обула в лапотки,
 Перекрестила, шапочку,
 Рожок п кнут дала.
 Проснулась вся семейошка,
 Да я не показалась ей,
 На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
 Избрала я место тихое
 У ракитова куста.
 Села я на серый камушек.
 Подперла рукой головушку,
 Зарыдала сирота!

Громко я звала родителя:
 Ты приди, заступник-батюшка!
 Посмотри на дочь любимую...
 Понапраспу я звала.
 Нет великой оборонушки!

Рано гостя бесподсудная,
Бесплемянная, безродная
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь — ночная богомолница!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дорожку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — как травка пристипляюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Глава VI Трудный год

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его
Метут метлою огненной
Перед стопами божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на антихриста,
И чуяли беду.
Сбылось: пришла бескормица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год...
Волчиду ту Федоту
Я вспомнила — голодную:
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилась,
Соседкам напела,
Что я беду накликаю,
А чем? *Рубашу чистую*

*Надела в Рождество.*¹
За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бескормицей —
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сию одну, работаю,
И муж и оба девера
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лидоружкой
Беременная: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где влдано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в погн кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубил,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости

¹ Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество: не то жди неурожая. (Есть у Далл.)
Примечание Некрасова.

Очередные росписи
 Поверить повелел.
 Да сунься-ка!..» Заплакали
 Свекровушка, золовушка,
 А я... То было холодно,
 Теперь огнем горю!
 Горю... Бог весть, что думаю...
 Не дума... бред... Голодные
 Стоят сиротки-деточки
 Передо мной... Неласково
 Глядит на них семья:
 Они в дому шумливые,
 На улице драчливые,
 Обжоры за столом...
 И стали их пощипывать,
 В головку поколачивать...
 Молчи, солдатка-мать!

Теперь уж я не дольщика
 Участку деревенскому,
 Хоромному стросеньцу,
 Одеже и скоту.
 Теперь одно богатство:
 Три озера наплакано
 Горючих слез, засеяно
 Три полосы бедой!

Теперь, как виноватая,
 Стою перед соседями:
 Простите! я была
 Спесива, непоклончива,
 Не чаяла я, глупая,
 Остаться сиротой...
 Простите, люди добрые,
 Учите уму-разуму,
 Как жить самой? Как деточек
 Понть, кормить, растить?

Послала деток по миру:
 Просите, детки, ласкою,
 Не смейте воровать!
 А дети в слезы: «Холодно!
 На нас одежда рваная,
 С крылечка на крылечко-то
 Устанем мы ступать,
 Под окнами натопчемся,
 Иззябнем... У богатого
 Нам боязно просить,
 «Бог даст!» ответят бедные...
 Ни с чем домой воротимся —
 Ты станешь нас бранить!..»

Собрала ужин; матушку

Зову, золовок, деверя,
 Сама стою голодная
 У двери, как раба.
 Свекровь кричит: «Лукавая!
 В постель скорей торопиться?»
 А деверь говорит:
 «Немного ты работала!
 Весь день за деревиночкой
 Стояла: дождалась,
 Как солнышко зайдет!»

Получше нарядилась я,
 Пошла я в церковь божью,
 Смех слышу за собой!

Хорошо не одевайся,
 Добела не умывайся:
 У соседок очи зорки,
 Востры языки!
 Ходи улицей потише,
 Носи голову пониже,
 Коли весело — не смейся,
 Не поплачь с тоски!

Пришла зима бессменная,
 Поля, луга зеленые
 Попрятались под снег.
 На белом, снежном саване
 Ни талой пет талиночки —
 Нет у солдатки-матери
 Во всем миру дружка!
 С кем думушку подумати?
 С кем словом перемолвиться?
 Как справиться с убожеством?
 Куда обиду сбыть?
 В леса — леса появили бы,
 В луга — луга сгорели бы!
 Во быструю реку?
 Вола бы остоялася!
 Носи, солдатка бедная,
 С собой ее по гроб!

Нет мужа, нет заступника!
 Чу, барабан! Солдатики
 Идут... Остановились...
 Построились в ряды.
 «Живей!» Филиппа вывели
 На середину площади:
 «Эй! перемена первал!»
 Шалашиников кричит.
 Упал Филипп! — Помилуйте!
 «А ты попробуй! слобится!»
 Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!

Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»

.....
И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала —
Все тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собирався,
Гремела песня складная,
Любимая моя...

«На горе стоит ёлочка,
Под горою светёлочка,
Во светёлочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит ёлочка,
Под горою светёлочка,
Во светёлочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит ёлочка,
Под горою светёлочка,
Во светёлочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр, сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозки есть,
Леса темны, караулы есть».

Глава VII

Губернаторша

Почти бегом бежала я
Через деревню, — чудилось,

Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, — словно радостью
Так и взмывало грудь...
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеную,
Больную наполни:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, мать божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетлинутой,
Кровинки нет испорченной —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, владычица,
Ты можешь всё, заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом божьим
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет — вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилось,
И силы прибавлялось,
Чем чаще я касалась
До белой, снежной скатерти
Горящей головой...

Потом — в дорогу тронулась.
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поседьш ранным вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.

Высокие, высокие
 Возы сенда крестьянского.
 Жалела я коней:
 Свои кормы законные
 Везут с двора, сердечные,
 Чтоб после голодать.
 И так-то всё, я думала:
 Рабочий конь солому ест,
 А пустош — овес!
 Нужда с кулем тащилася, —
 Мучица, чай, не лишняя,
 Да подати не ждуть!
 С посада подгородного
 Торговцы-колотырники
 Бежали к мужикам, —
 Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрене,
 Как в город я вошла.
 Ищу соборной площади,
 Я знала: губернаторский
 Дворец на площади.
 Темна, пуста площадочка,
 Перед дворцом начальника
 Шагает часовой.

— Скажи, служивый, рано ли
 Начальник просыпается?
 «Не знаю. Ты иди!»
 Нам говорить не велено!»
 (Дала ему двугривенный.)
 «На то у губернатора
 Особый есть швейцар».
 — А где он? как назвать его?
 «Макаром Федосеичем...
 На лестницу поди!»
 Пошла, да двери заперты.
 Присела я, задумалась,
 Уж начало светать.
 Пришел фонащик с лестницей,
 Два тусклые фонарика
 На площади задул.

«Эй! что ты тут расселась?»

Вскочила, испугалась я:
 В дверях стоял в халатике
 Плешивый человек.
 Скоренько я делковенький
 Макару Федосеичу
 С поклоном подала:

— Такая есть великая

Нужда до губернатора,
 Хоть умереть — дойти!

«Пускать-то вас не велено,
 Да... ничего!.. толкнись-ка ты
 Так... через два часа...»

Ушла. Бреду тихохонько...
 Стоит из меди кованный,
 Точь-в-точь Савелий делушка,
 Мужик на площади.
 — Чей памятник? «Сусанина».
 Я перед ним помешкала,
 На рынок побрела.
 Там крепко испугалась я,
 Чего? Вы не поверите,
 Коли сказать теперь:
 У поваренка вырвался
 Матерый серый селезень,
 Стал парень догонять его,
 А он как закричит!
 Такой был крик, что за душу
 Хватил — чуть не упала я:
 Так под ножом кричат!
 Поймали! Шею вытянул
 И зашипел с угрозой,
 Как будто думал повара,
 Бедняга, испугать.
 Я прочь бежала, думала:
 Утихнет серый селезень
 Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
 С балконом, с башней, с лестницей,
 Ковром богатым устланной,
 Весь стал передо мной.
 На окна поглядела я:
 Завешаны. «В котором-то
 Твоя опочиваленка?
 Ты сладко ль спишь, желанный мой,
 Какие видишь сны?..»

Сторонкой, не по коврику,
 Прокралась я в швейцарскую.

«Раненько ты, кума!»

Опять я испугалась,
 Макара Федосеича
 Я не узнала: выбрился,
 Надел ливрею шитую,
 Взял в руки булаву,
 Как не бывало лысины.

Смеется. — «Что ты вздрогнула?»
— Устала я, родной!

«А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенький,
Увидишь — удружу!»

Дала еще целковенький.
«Пойдем в мою каморочку,
Попьешь пока чайку!»

Каморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
«Вот он!» сказал Макар:
«Его превосходительство!»
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

— Да добрый ли? — спросила я.

«Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем
Как пес бываю зол».

— Скучаешь, видно, дяденька?
«Нет, тут статья особая,
Не скука тут — война!
И сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В каморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накурнешься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой!..»

Я вспомнила
Про богатство дедово:
— Ты, дядюшка, — сказала я, —
Должно быть, богатырь.

«Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал!»

В каморку постучался,
Макар ушел... Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.

К крыльцу карету подали.
— Сам едет? «Губернаторша!»
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалась
В собольей шубе барыня,
Чпновничек при ней.

Не знала я, что делала.
(Да, видно, надоумила
Владычица!)... Как брошусь я
Ей в ноги: «Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!»

— Откуда ты, голубушка?

Впопад ли я ответила —
Не знаю... Муча смертная
Под сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня — кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком спит:
— Чье дитячко, красавица?
«Твое!» — Поцеловала я
Рожное дитя...

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталая долгая,
Истома непомерная,
Успердилось времечко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лподорушка
Младенцу избрала...

— А что же с мужем сталося?

— Послали в Клин нарочного,
Всю истину довели —
Филиппушку спасли.
Елена Александровна

Ко мне его, голубчика,
Сама — дай бог ей счастье! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Всё время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.

Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли...

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, дуга
Полюбujemy,
Полюбujemy
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды веиние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим...
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего,
Подадим ему
Мы копеечку.
«Не за нас молись»,
Скажем старому:
«Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»

А увидим мы
Церковь божню,
Перед дерковью
Долго крестимся:
«Дай ей, господи,
Радость-счастье

Доброй душеньке
Александровне!»

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где пизиночка —
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божием,
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка;
Поклонилась
Мать-свекровушка;
Деверья, зятья
Поклонились,
Поклонились,
Повинились!

Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильнее меня, —
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!

Глава VIII

Бабыя притча

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И, видя, что хозяйка
Ко стогу приклонилась,
К ней подошли гуськом:
— Что ж дальше?

— Сами знаете:

Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры...
Что дальше? Домом правлю я,
Рошу детей... На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы —
Уж взяли одного!

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилась
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. — Ну, хозяйшкa!
Что скажешь нам еще?

— А то, что вы затеяли
Не дело — между бабами
Счастливую искать!..

— Да всё ли рассказала ты?

— Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог спбирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я
Как мерки в бороде!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вам еще?
Суплась душу выложитъ,
Да, видно, не сумела я, —
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,

И плоть по мне прошла!
Я только не отвела —
Спасибо! умер Спирников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте,
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилась
Одна старушка божья:
Вся жизнь убогой старцы
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Фаворские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалась...
И та святая старца
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынники
И жены непорочные
И книжники-начетники
Их ищут — не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглотнула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города —
И у волхвов выспрашивать,
И по звездам высчитывать
Пытался — нет ключей!
Весь божий мир изведали,
В горах, в подземных пропастях
Искали... Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё — не те ключи!
Пришлись они, — великое
Избранным людям божьим
То было торжество, —
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворились,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..

А к нашей женской волюшке
 Всё нет и нет ключей!
 Великие сподвижники
 И по сей день стараются —
 На дно морей спускаются,
 Под небо поднимаются —
 Всё нет и нет ключей!
 Да вряд они и сыщутся...
 Какою рыбой слопуты
 Ключи те заповедные,
 В каких морях та рыбина
 Гуляет — бог забыл!...

ПОСЛЕДЫШ

(Из второй части)

I

Петровки. Время жаркое.
 В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
 Безграмотной губернии,
 Старо-Вахлацкой волости,
 Большие Вахлаки,
 Пришли на Волгу странники...
 Над Волгой чайки носятся;
 Гуляют кулики
 По отмели. А по лугу,
 Что гол, как у подъячего
 Щека, вчера побритая,
 Стоят «князя Волконские»¹
 И детки их, что ранее
 Родятся, чем отцы.²

— Прокосы широчайшие! —
 Сказал Нахом Онисимыч: —
 Здесь богатырь народ! —
 Смеются братья Губины:
 Давно они заметили
 Высокого крестьянина
 Со жбаном — на стогу;
 Он пил, а баба с вилами,
 Задравши кверху голову,
 Глядела на него.
 Со стогом поровнялся —
 Всё пьет мужик! Отмерили
 Еще шагов пол-ста,
 Все разом оглянулись:

Попрежнему, загнувшись,
 Стоит мужик; посудина
 Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
 Шатры; старухи, лошади
 С порожними телегами
 Да дети видны тут.
 А дальше, где кончается
 Отава подкошенная,
 Народу тьма! Там белые
 Рубахи баб да пестрые
 Рубахи мужиков,
 Да голоса, да звяканье
 Проворных кос. «Бог на помощь!»
 — Спасибо, молодцы!

Остановились странники...
 Размахн сенокосные
 Идут чредою правильной:
 Все разом запесенные
 Сверкнули косы, звякнули,
 Трава мгновенно дрогнула
 И пала, пропшумев!

По неизменному берегу
 На Волге травы рослые,
 Веселая косьба.
 Не выдержали странники:
 «Давно мы не работали,
 Давайте — покосим!»
 Семь баб им косы отдали.
 Проснулась, разгорелась
 Привычка позабытая
 К труду! Как зубы с голоду,
 Работает у каждого
 Проворная рука.
 Валят траву высокую,
 Под песню, незнакомую
 Вахлацкой стороне, —
 Под песню, что навелна
 Метелями и выюгами
 Родных деревень:
 Заплатова, Дырявина,
 Разутова, Зиобишина,
 Горелова, Неелова,
 Неурожайка тож...

Натешившись, усталые,
 Присели к стогу завтракать...

— Откуда, молодцы? —

¹ Стоги. *Примечание Некрасова.*² Копны. *Примечание Некрасова.*

Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабёнки звали Власушкой): —
Куда вас бог несёт?

— А мы... — сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается»,
Промолвил Влас — и бросился
К рабочим: «Не зевать!
Коси дружной! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится — поклон ему!
Похвалит вас — ура кричи...
Эй, бабы! не галдеть!»
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан — и барина
Бежит встречать. «Что за люди?»
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу:
«Снимите шапки!»

К берегу
Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой — кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей — господа:
Две барыни красивые
(Погоныше — белокуроая,
Потолице — чернобровая),
Усатые два барина,
Три барченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой, как зайцы зпмне,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные
И — разные глаза:
Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

При них: собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах...

Старик, поднявшись на берег,
На красном, мягком коврике
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою
И с белыми собачкам,
Всё поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнул странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!»
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище матерой,
Сегодня только смётанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
«Недосмотрел маненечко!
Сыренько: виноват!»
Созвал народ — и вилам
Богатыря кряжистого
В присутствии помещика
По клочьям разпесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромаст: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать.
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется

На самом берегу...

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: — Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?

«Помещик наш: Утятин князь!»

— Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить;

«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое,
И пожня — не его!»

— А чья же?

«Нашей вотчины».

— Чего же он тут суется?
Или вы у бога не люди?

«Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая...»

— Какая же статья?

Под стогом лег старинишка
И — больше ни слова!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
— Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!
И скатерть развернулася,
Откуда она взялася
Две лужие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»

— Да пустяки! Тут ничего
Рассказывать... А сами вы

Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?

«Мы люди чужестранные,
Давно по делу важному
Доминики мы покинули,
У нас забота есть...
Такая ли заботушка,
Что из домов новыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды...»

Остановились странники...

— О чем же вы хлопочете?

«Да помолчим! После мы,
Так отдохнуть желательно». —
И улеглись. Молчат!

— Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!
«А сам, небось, молчишь!»
Мы не в тебя, старинишка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы идем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошеной волости,
Избытка села!..»

И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрался, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шаталися,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси.

Влас слушал — и рассказчиков
Глазами мерял: «Вижу я,
Вы тоже люди странные!»
Сказал он наконец:
«Чудим и мы достаточно,
А вы — и нас чудней!»

— Да что ж у вас-то дется?
Еще стаканчик, дедушка! —

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

II

— Помещик наш особенный,
 Богатство непомерное,
 Чин важный, род вельможеский,
 Весь век чудил, дурил,
 Да вдруг гроза и грянула...
 Не верит: врут, разбойники!
 Посредника, исправника
 Прогнал! дурит по-старому.
 Стал крепко подозрителен,
 Не поклонись — дерет!
 Сам губернатор к барину
 Приехал: долго спорили,
 Сердитый голос барина
 В застольной дворя слышала;
 Озлился так, что к вечеру
 Хватил его удар!
 Всю половину левую
 Отбил: словно мертвая,
 И как земля черна...
 Пропал пи за копеечку!
 Известно, не корысть,
 А спесь его подрезала, —
 Соринку он терял.

— Что значит, други милые,
 Привычка-то помещичья! —
 Заметил Митродор.

— Не только над помещиком,
 Привычка над крестьянином
 Сильна, — сказал Пахом. —
 Я раз, по подозрению
 В острог попавши, чудного
 Там видел мужика.
 За копокрадство, кажется,
 Судился, звал Сидором, —
 Так из острога барину
 Он посылал оброк!
 (Доходы арестантские
 Известны: подающие,
 Да что-нибудь сработает,
 Да стащит что-нибудь.)
 Ему смеялись прочие:
 — А ну, на поселение
 Сошли! — пропали денегки!
 «Всё лучше», говорит...

— Ну дальше, дальше, дедушка!

— Соринка дело плевое,
 Да только не в глаза:

Пал дуб на море тихое,
 И море всё заплакало —
 Лежит старик без памяти
 (Не встанет, так и думали)!
 Приехали сыны,
 Гвардейцы черноусые
 (Вы их на пожне видели,
 А барыни красивые,
 То жены молодых).
 У старшего уверенность
 Была: по ней с посредником
 Установили грамоту...
 Ах вдруг и встал старик!
 Чуть загнулись... Господи!
 Как зверь метнулся раненый
 И загремел, как гром!
 Дела-то всё недавние,
 Я был в то время старостой,
 Случился тут — так слышал сам,
 Как он честил помещиков,
 До слова помню всё:
 «Корят жидов, что предали
 Христа... а вы что сделали?
 Права свои дворянские,
 Веками освященные,
 Вы предали!..» Сынам
 Сказал: «Вы трусы подлые!
 Не дети вы мои!
 Пускай бы люди мелкие,
 Что вышли из поповчей,
 Да, понажившись взятками,
 Купили мужиков,
 Пускай бы... им простительно!
 А вы... князя Утятны?
 Какие вы У-тя-ти-ны!
 Идите вон!.. подкидыши,
 Не дети вы мои!»

Орбелл наследники:
 А ну, как перед смертью
 Лишит наследства? Мало ли
 Лесов, земель у батюшки?
 Что денег наакоплено,
 Куда пойдет добро?
 Гадай! У князя в Питере
 Три дочери побочные
 За генералов выданы, —
 Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек...
 Чтоб только время выиграть,
 Придумать: как тут быть?
 Которая-то барыня

(Должно быть, белокурал:
Она сму, сердечному,
Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брикни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверпл! Проще малого
Ребёнка стал старпнушка,
Как паралич распиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьёю молится,
Велит служить молебствис,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.
С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибежал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Инатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верпл ей:
«Шалишь! Князя Утятны
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явлось «Положение»,
Ипат сказал: «Балуйтесь вы!
А я князей Утятных
Холоп — и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости
Да и о самой старости
Рассказы у него
(Придешь бывало к барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Прпехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!

Да как чудно! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет —
И волки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь — затейник же! —
И посадил фалетуром
Меня, раба последнего,
Со скрипкой — впереди.
Любил он крепко музыку.
«Играй, Ипат!» А кучеру
Кричит: «Пошел живей!»
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попрдавили груль.
Не то беда, а холодно, —
Замерзнешь — нет спасения,
Кругом пустыня, снег...
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики, —
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь» (закапали
Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!),
«Одел меня, согрел меня,
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В саних привез домой!»

Похохотали странники...
Глонул вина (в четвертый раз)
Влас продолжал: — Наследники
Ударили и вотчине
Челом: «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нонешних
Ему не перенести,
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное,
За всё заплатим вам.

Не долго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца, —
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам дуга посминые
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»

Собрался мир, галдит!

Дуга-то (эти самые)
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Сместся! «Дело доброе,
Да и дуга хороше, —
Дурачьтесь, бог простит!
Нет па Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
— Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?
Что ни случится — к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурачки
Приказы исполнять?
«Ты стой пред ним без шаночки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь — и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!»

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Не хитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелось.
И так я на веку,
У притолоки стоюч.
Поялся перед баринном
Досыта! «Колн мир
(Сказал я, миру кланяясь.)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В оставные часы,
Молчу и я — покоретвую,
А только что от должности
Увольте вы меня!»

Чуть дело не разладилось,
Да Клипка Лавин выручил:
«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика и вас.
Бог приберет «Поседыша»
Скоренько, а у вотчины
Останутся дуга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки наведем,
Что надорвет животик
Вся вотчина... Увидите!»

Долгонышко думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клип мужик: и пьяница
И на руку нечест.
Работать не работает,
С дыганами вожжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А, впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь съезжал с купечеством, —
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадаетя
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: атчество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я — русский мужичок!»
Горланил диким голосом
И, кинув в лоб посудю,
Пил залпом полуштоф!
Как рукомоиник, кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна — поделится,
Со встречным всё пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А улчишь — отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычком по роже бьют!»

Подумавши, оставили
 Меня бурмистром: правлю я
 Делами и теперь.
 А перед старым барином
 Бурмистром Климку назвали, —
 Пускай его! По барину
 Бурмистр! перед «Последышем»
 Последний человек!

У Клима совесть глиняна,
 А бородаща Минина,
 Посмотришь, так подумаешь,
 Что не найти крестьянина
 Степенней и трезвей.
 Наследники построили
 Кафтан ему: одел его,
 И сделался Клим Яковлч
 Из Климки бесшабашного
 Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
 Последышу-то нашему,
 Как на беду, приказаны
 Прогулки. Что ни день
 Через деревню катится
 Рессорная колясочка:
 Вставай! картуз долой!
 Бог весть с чего накинется,
 Брашн, корит; с угрозою
 Подступит — ты молчи!
 Увидит в поле пахаря
 И за его же полосу
 Област: п лентяй-то
 И лежбоки мы!
 А полоса сработана,
 Как никогда на барина
 Не работал мужик,
 Да невдомек Последышу,
 Что уж давно не барская,
 А наша полоса!
 Сойдемся — смех! У каждого
 Свой сказ про юродивого
 Помещика: пкается,
 Я думаю, ему!
 А тут еще Клим Яковлч.
 Придет, глядит начальником
 (Горда свинья: чесалась
 О барское крыльцо!),
 Кричит: «приказ по вотчине!»
 Ну, слушаем приказ:
 «Докладывал я барину,
 Что у вдовы Терентьевны
 Избенка развалилася,

Что баба побирается
 Христовым подающим,
 Так барин приказал:
 На той вдове Терентьевой
 Жених Гаврилу Жохова,
 Избу поправить заново,
 Чтоб жили в ней, плодились
 И правили тягло!»
 А той вдове — под семьдесят,
 А жениху — шесть лет!
 Ну, хохот, разумеется!..
 Другой приказ: «Коровушки
 Вчера гнались до солнышка
 Близ барского двора
 И так мычали, глупые,
 Что разбудили барина, —
 Так пастухам приказано
 Впредь унимать коров!»
 Опять смеется вотчина.
 «А что смеется? Всякпе
 Бывают приказания:
 Сидел на губерниаторстве
 В Якутске генерал.
 Так на кол тот коровушек
 Сажал! Долгопко слушались:
 Весь город разукрасили,
 Как Питер монументами,
 Казненными коровами,
 Пока не догадались,
 Что спятил он с ума!»
 Еще приказ: «У сторожа,
 У ундера Софронова
 Собака непочтительна:
 Залаяла на барина, —
 Так ундера прогнать,
 А сторожем к помещичьей
 Усадьбе назначается
 Ерёмка!..» Покатились
 Опять крестьяне со смеху:
 Ерёмка тот с рождения
 Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
 По праву должность! Бегаёт,
 Чудит, во всё мешается,
 Пить даже меньше стал!
 Бабенка есть тут бойкал,
 Орефьевна, кума ему,
 Так с ней Климаха барина
 Дурачит заодно.
 Лафа бабенкам! бегают
 На барский двор с полотнами,
 С грибами, с земляникою:

Кому на Руси жить хорошо. (Последыш).

Рисунок А. Н. Лебедева. 1892 г.

Всё покупают барыни
И кормят и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутился
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас кормил:
«Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охоты...
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!...»
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Вино-то он любил).
Да чорт его современем
Напес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес — среди бела дня!)
Навстречу та колясочка,
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?...»
А сам смекнул откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: плыл, плыл его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько вышел.
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неетвизная,
Жужжит под ухо самое...

Захотел Агап!
«Ах, шут ты, шут гороховый!
Никшни!» да и пошел!
Досталось тут Последышу
За делов и за праделов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская

Что жало комариное,
Мужидкая — обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешил и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: «Убью!...
Что брага, раскуражились
Подопки из поганого
Корыта... Цыц! Никшни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужидкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пипка — и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Полжавши хвост, по горнидам,
А нас оставь! Никшни!...»

— Ты — бунтовщик! — с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал!
«Теперь конец!» подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло — не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали последники
И жены их — к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
«Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные:
«Комм обман откроется,
Пронали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом был до вечера;
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Понял его — и пьяного
Привел на барский двор.
Всё обошлось любезонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш — так расстроился...
Ну, Климе и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
«Ней, да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агап,
Чу, вопит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает,
Чуть мы не рассмеялись,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!»
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!»
Он ласково сказал...
— «Вишь, тоже добрый! сжалился»,
Заметил Пров, а Влас ему:
— Не зол... да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Всё лучше, кабы бог его
Прибрал... Уж нет Агапушки...

— Как! умер?

— Да, почтенные:
Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи пона просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест...
С чего? Одни бог ведаст!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами —
И пальцем. Ну, а все ж,
Нет, нет — да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка не поклончива,
А тут: пид, ложись!
Положим, ладно кончилось,
А всё Агап надумался:
Упрешься — мир осердится,
А мир дурак — доймёт!
Всё разом так подстроилось:

Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще — Клим бессовестный
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

Вон от барина
Посол идет: откушали!
Совет, должно быть, старосту, —
Пойду взгляну камедь!

III

Пошли за Власом странник;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось, —
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу — поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ...

За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте — старый князь,
Седой, олетый в белое,
Лицо перекошенное,
И — разные глаза.
В петлице крестик белепыкий
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстук
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла губы красные,
По яблоку — глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой.
Ай, косынька! как золото,
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —

Кому на Руси жить хорошо.

Рисунок С. Герасимова, 1933 г.

Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмазывает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед барнином
Стоят бурмистр.

«А скоро ли»,
Спросил помещик, кушая,
«Окончим сенокос?»

— Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,

С тягла: работник с лошадыю,
Подросток или женщина
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...

— «Тсс! тсс!» сказал Утятин князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил:
«Какой такой *господский срок*?
Откуда ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливого глаз.
Бурмистр потупил голову.
— Как приказать позволюте!
Два-три денька хороши,
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребятушки?... —
(Бурмистр воротит к барщине

Широкое лицо.

За бардину отцепила

Проворная Орефьевна,

Бурмистрова кума:

— Вестимо так, Клим Яковлич,

Покуда ведро держится,

Убрать бы сено барское,

А наше — подождет!

— «Бабенка, а умней тебя!»

Помещик вдруг ослабился

И начал хохотать.

«Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!

Дурак! дурак! дурак!

Придумали: господский срок!

Ха-ха... дурак! ха-ха-ха-ха!

Господский срок — вся жизнь раба!

Забыли, что ли, вы:

Я божиею милостью,

И древней царской грамотой,

И родом и заслугами

Над вами господин!..»

Влас наземь опускается.

— Что так? — спросили странники.

«Да отдохну пока!

Теперь не скоро князюшка

Сойдет с коня любимого!

С тех пор, как слух прошел,

Что воля нам готовится,

У князя речь одна:

Что мужику у барина

До светопреставления

Зажату быть в горсти!..»

И точно: час без малого

Последыш говорил!

Язык его не слушался:

Старик слюною брызгался,

Щипел! И так расстроился,

Что правый глаз задергало,

А левый вдруг расширился

И — круглый, как у филина, —

Вертелся колесом.

Права свои дворянские,

Веками освященные,

Заслуги, имя древнее

Помещик поминал,

Царевым гневом, божьим

Грозил крестьянам, ежели

Взбунтуются они,

И накрепко приказывал,

Чтоб пустиков не думала,

Не баловалась вотчина,

А слушалась господ!

— Отцы! — сказал Клим Яковлич

С каким-то визгом в голосе,

Как будто вся утроба в нем,

При мысли о помещиках,

Заликовала вдруг: —

Кого же нам и слушаться?

Кого любить? надеяться

Крестьянству на кого?

Бедами ушваемся,

Слезами умываемся,

Куда нам бунтовать?

Всё ваше, всё господское —

Домишки наши ветхие,

И животикши хворые,

И сами — ваши мы!

Зерно, что в землю брошено,

И овощь огородная,

И волос на нечесаной

Мужицкой голове —

Всё ваше, всё господское!

В могилах наши прадеды,

На печках деды старые

И в зыбках дети малые —

Всё ваше, всё господское!

А мы, как рыба в неводе,

Хозяева в дому!

Бурмистра речь покорная

Поправилась помещику:

Здоровый глаз на старосту

Глядел с благоволением,

А левый успокоился:

Как месяц в небе стал!

Налив рукою собственной

Стакан вина заморского,

«Пей!» барин говорит.

Вино на солнце искрится,

Густое, масленистое.

Клим выпил, не поморщился

И вновь сказал: «Отцы!

Живем за вашей милостью,

Как у Христа за пазухой:

Попробуй-ка без барина

Крестьянин так пожить!»

(И снова, плут естественный,

Глонул вина заморского.)

«Куда нам без господ?

Бояре — кипарисовы,

Стоят, не гнут головушки!

Над ними — дарь один!
 А мужики вязовые —
 И гнутся-то и тянутся,
 Скрипят! Где мат крестьянину,
 Там барину спологору:
 Под мужиком лед ломится,
 Под барином трещит!
 Отцы! руководители!
 Не будь у нас помещиков,
 Не наготовим хлебушка,
 Не запасем травы!
 Хранители! радетели!
 И мир давно бы рушился
 Без разума господского,
 Без нашей простоты!
 Вам на роду написано
 Блюсти крестьянство глупое,
 А нам работать, слушаться,
 Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
 Стоял за стулом с веткою,
 Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
 По старому лицу.
 «Помолимся же господу
 За долголетье барина!»
 Сказал холуй чувствительный
 И стал креститься дряхлою,
 Дрожащею рукой.
 Гвардейцы черноусые
 Кисленько как-то глянули
 На верного слугу,
 Однако — делать нечего! —
 Фуражки сняли, крестятся.
 Перекрестились барыни,
 Перекрестилась нянюшка,
 Перекрестился Клим...

Да и мигнул Орефьевне:
 И бабы, что протискались
 Поближе к господам,
 Креститься тоже начали,
 Одна так даже всхлипнула
 В подобие дворового.
 («Урчи! вдова Терентьевна!
 Старуха полоумная!»
 Сказал сердито Влас.)
 Из тучи солнце красное
 Вдруг выглянуло; музыка
 Протяжная и тихая
 Послышалась с реки...

Помещик так растрогался,
 Что правый глаз заплаканный

Ему платочком вытерла
 Сноха с косою распушенной
 И чмокнула старинушку
 В здоровый этот глаз.
 «Вот!» молвил он торжественно
 Сынам своим наследникам
 И молодым снохам:
 «Желал бы я, чтоб видели
 Шуты, врази столичные,
 Что обзывают дикими
 Крепостниками нас,
 Чтоб видели, чтоб слышали...»

Тут случай неожиданный
 Нарушил речь господскую:
 Один мужик не выдержал —
 Как захохочет вдруг!

Задержало Последыша.
 Вскочил, лицом уставился
 Вперед! Как рысь, высматривал
 Добычу. Левый глаз
 Заколесил... «Сы-скать его!
 Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
 Не идет виноватого,
 А думает: как быть?
 Пришел в ряды последние,
 Где были наши странники,
 И ласково сказал:
 «Вы люди чужестранные,
 Что с вами он поделает?
 Подите кто-нибудь!»
 Замялись наши странники:
 Желательно бы выручить
 Несчастных вахлаков,
 Да барин глуп, — судись потом,
 Как влечет сотню добрую
 При всем честном миру!
 — Иди-ка ты, Романуша! —
 Сказали братья Губины: —
 Иди! ты любишь бар!
 «Нет, сами вы попробуйте!»
 И стали наши странники
 Друг дружку посылать.
 Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
 Придумай, что тут сделаем?
 А я устал; мне мочи нет!»

— Ну, да и врал же ты!

«Эх, Влас Ильич! где враки-то?»

Сказал бурмистр с досадою:
«Не в их руках мы, что ль?...
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб,¹
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

— Что ж там-то будет, Климушка?

«А будет, что назначено:
Они в котле кипятить,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
— «Эх! Клим-чудак! до смеху ли!
Старик прислал нас: сердится,
Что долго нет виновного...
Да кто у вас сплосал?»

— А кто сплосал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да всё испортит он!
Мужик богатый... Питерщик...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...»

— Нет! разбегутся все...

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».

— А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?

«Что ж делать?... Вот беда!»

— Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу! —
Вдруг объявила бойкая

Бурмистрова кума
И побежала к барину;
Бух в ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурпл!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешнек:
Идет из бани — чешется!
Лаптишком, вместо коврика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай, скалит зубы белые,
Смешлив... так бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив... что с ним поделасшь?
Из дурака, родиненький,
И горе смехом прет!»

Такая баба ловкая!
Орет, как на левишнике,
Целует ноги барину.
— «Ну, бог с тобой! Иди!»
Сказал Последыш ласково:
«Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
— Какой ты добрый! — молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отды!
Отды! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина пипучего.
Высоко пробки прынули,
Попадали на баб.

¹ Могила. *Примечание Некрасова.*

С испугу бабы визгнули,
 Шарахнулись. Старинушка
 Захотел! За ним
 Захотели барыни,
 За ними — их мужья,
 Потом дворедкий преданный,
 Потом кормилки, нянюшки,
 А там — и весь народ!
 Пошло веселье! Барыни,
 По приказанью барина,
 Крестьянам поднесли,
 Подросткам дали пряников,
 Девицам сладкой водочки,
 А бабы тоже выпили
 По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
 Красивых снох пощипывал.
 («Вот так-то! чем бы старому
 Лекарство пить», заметил Влас:
 «Он пьет вино стаканами.
 Давно уж меру всякую
 Как в гневе, так и в радости
 Последыш потерял».)

Гремит на Волге музыка,
 Поют и пляшут девицы —
 Ну, словом, пир горой!
 К девицам присоседиться
 Хотел старик, встал на ноги
 И чуть не полетел!
 Сын поддержал родителя.
 Старик стоял: притопывал,
 Присвистывал, прищелкивал,
 А глаз свое выделявал —
 Вертелся колесом!
 «А вы что ж не танцуете?
 Сказал Последыш барыням
 И молодым сынам:
 «Танцуйте!» Делать нечего!
 Прошлись они под музыку.
 Старик их осмел! —
 Качаясь, как на палубе
 В погоду непокойную,
 Представил он, как тешились
 В его-то времена!
 «Спой, Люба!» Не хотелось
 Петь белокурой барыне,
 Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
 Ласкала слух та песенка,
 Не громкая и нежная,

Как ветер, летним вечером
 Легонько пробегающий
 По бархатной муравушке,
 Как шум дождя весеннего
 По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
 Уснул Последыш. Бережно
 Снесли его в ладью
 И уложили сонного.
 Над ним с зеленым зонтиком
 Стоял дворовый преданный,
 Другой рукой отмахивал
 Слепней и комаров.
 Сидели молча бравые
 Гребцы: играла музыка
 Чуть слышно... лодка тронулась
 И мерно поплыла...
 У белокурой барыни
 Коса, как флаг распушенный,
 Играла на ветру...

— Уважил я Последыша! —
 Сказал бурмистр. — Господь с тобой!
 Куражься, колобродь!
 Не знай про волю новую,
 Умри, как жил, помещиком,
 Под песни наши рабские.
 Под музыку холопскую —
 Да только поскорей!
 Дай отдохнуть крестьянину!
 Ну, братцы! поклонитесь мне,
 Скажи спасибо, Влас Ильич:
 Я миру порадел!
 Стоять перед Последышем
 Напасть... язык приметется,
 А душе смех долит.
 Глаз этот... как завертится,
 Беда! Глядишь да думаешь:
 «Куда ты, друг единственный?
 По надобности собственной,
 Аль по чужим делам?
 Должно быть, раздобылся ты
 Курьерской подорожною!..»
 Чуть раз не прыснул я.
 Мужик я пьяный, ветренный,
 В амбаре крысы с голоду
 Полохли, дом пустехонек,
 А не взял бы, свидетель бог.
 Я за такую каторгу
 И тысячу рублей,
 Когда б не знал доподлинно,
 Что я перед *Последышем*

Стою... что он куражится
По воле по моей...

Влас отвечал задумчиво:
— Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... всё крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денёжки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром вахлаки!

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядом
И жениха с невестой
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрали.
Домашние их встретили
Известием неожиданным:
Скончался старый князь!
— Как так? — «Из лодки выпесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись... крестятся...
Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не пускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки...

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.
Со смертью Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поёмные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.

Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве... был в Питере...
А толку что-то нет!

ПИР — НА ВСЁ МИР

(Из второй части)

Посвящается Сергею Петровичу Боткину

Вступление

В конце села Вахлячина,
Где житель — пахарь исстари
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромной
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милоются,
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пиршества с речами, спичами,
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»
С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Уж девятнадцать лет,
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сели
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селеннем
 Шла Волга, а за Волгою
 Был город небольшой
 (Сказать точнее, города
 В ту пору тени не было,
 А были головни:
 Пожар всё снес третьеводни).
 Так люди мимоезжие,
 Знакомцы вахлаков,
 Тут тоже становились,
 Парома поджидая,
 Кормили лошадей.
 Сюда брели и нищие,
 И тараторка-странница,
 И тихий богомол.

В день смерти князя старого
 Крестьяне не предвидели,
 Что не дуга поёмные,
 А тяжбу наживут.
 И, выпив по стаканчику,
 Первей всего заспорили:
 Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
 Землицей: попадают
 Углы благословенные,
 Где ладно обошлось.
 Какой-нибудь случайностью —
 Неведеньем помещика,
 Живущего вдаль,
 Ошибкою посредника,
 А чаще пзворотами
 Крестьян-руководителей —
 В надел крестьянам изредка
 Попало п леску.
 Там горд мужик; попробуй-ка
 В окошко стукнуть староста
 За податю — осердится!
 Один ответ до времени:
 «А ты леску продай!»
 И вахлаки надумали
 Свои дуга поёмные
 Сдать старосте на подати:
 Всё взвешено, рассчитано,
 Как раз — оброк и подати,
 С залишком. «Так ли, Влас?»

— А коли подать справлена,
 Я никому не здравствую!
 Охота есть — работаю,
 Не то — валяюсь с бабою,
 Не то — пду в кабак!

«Так!» вся орда вахлацкая
 На слово Клима Лавина
 Откликнулась: на подати!
 «Согласен, дядя Влас?»

У Клима речь короткая
 И ясная, как вывеска,
 Зовущая в кабак.
 Сказал шутливо староста:
 — Начнет Климаха бабою,
 А кончит — кабаком!

«А чем же? Не острогом же
 Кончать-то? Дело верное,
 Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
 Влас был душа добрейшая,
 Болел за всю вахлачину,
 Не за одну семью.
 Служа при строгом барине,
 Нес тяготу на совести
 Невольного участника
 Жестокостей его.
 Как молод был, ждал лучшего,
 Да вечно так случалось,
 Что лучшее кончалось
 Ни чем или бедой.
 И стал бояться нового,
 Богатого посулами,
 Неверующий Влас.
 Не столько в Белокаменной
 По мостовой проехано,
 Как по душе крестьянина
 Прошло обид... до смеху ли?...
 Влас вечно был угрюм.
 А тут — силовал старинушка!
 Дурачество вахлацкое
 Коснулось и его!
 Ему невольно думалось:
 «Без барщины... без подати...
 Без палки... правда ль, господи?»
 И улыбнулся Влас.
 Так солнце с неба знойного
 В лесную глушь дремучую
 Забросит луч — и чудо там:
 Роса горит алмазами,
 Позолотился мох.
 «Пей, вахлачки, погулывай!»
 Не в меру было весело:
 У каждого в груди
 Играло чувство новое,
 Как будто выносила их

Могучая волна
 Со дна бездонной пропасти
 На свет, где нескончаемый
 Им уготован пир!
 Еще ведро поставил,
 Галденье непрерывное
 И песня началась.
 Как, схоронив покойника,
 Родные и знакомые
 О нем лишь говорят,
 Покамест не управятся
 С хозяйским угощением
 И не начнут зевать, —
 Так и галденье долгое
 За чарочкой, под пивом,
 Само собой сложилось
 В поминки по подрезанным
 Помещичьим «крепям».
 К дьячку с семинаристами
 Пристали: «пой веселую!»
 Запел молодец.
 (Ту песню — не народную —
 Впервые спел сын Трифона,
 Григорий, вахлакам,
 И с «Положенья» царского,
 С народа крепки снявшего,
 Она по пьяным праздникам
 Как плясовая пелась
 Попами и дворовым —
 Вахлак ее не пел,
 А, слушал, притопывал,
 Присвистывал; «веселую»
 Не в шутку называл.)

1. Горькое время — горькие песни

Веселая

— Кушай тюрю, Яша!
 Молочка-то нет!
 «Где ж коровка наша?»
 — Увели, мой свет!
 Барин для приходу
 Взял ее домой.
 Славно жить народу
 На Руси святой!

«Где же наши куры?»
 Девчонки орут.
 — Не орите, дуры!
 Съел их земский суд;
 Взял еще подводу
 Да сулил постой...

Славно жить народу
 На Руси святой!

Разломло спину,
 А квашня не ждет!
 Баба Катерину
 Вспомнила — ревет:
 В дворяне больше году
 Дочка... нет родной!
 Славно жить народу
 На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
 Глядь — и нет детей:
 Царь возьмет мальчишек,
 Барин — дочерей!
 Одному уроду
 Вековать с семьей.
 Славно жить народу
 На Руси святой!

Потом свою вахлаккую,
 Родную — хором грянули,
 Протяжную, печальную —
 Иных покамест нет.
 Не дивно ли? Широкая
 Сторонка Русь крещеная,
 Народу в ней тьма тём,
 А ни в одной-то душеньке
 Спокон веков до нашего
 Не загорелась песенка
 Веселая и ясная,
 Как всдрянный денек.
 Не дивно ли? не страшно ли?
 О время, время новое!
 Ты тоже в песне скажешься,
 Но как?.. Душа народная!
 Воссмейся ж наконец!...

Барщина

Беден, нечесан Калинушка.
 Нечем ему щеголять.
 Только расписана спинушка,
 Да за рубахой не знать.

С лаптя до ворота
 Шкура вся вспорота,
 Пухнет с мякны живот.

Верченый, крученый,
 Сеченый, мученый,
 Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
Горе потоцит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене...

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
— Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика,—
День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонды скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядя;
Мы потеряли речь.
Вмолчанку наживались,
Вмолчанку целовались,
Вмолчанку драка шла.
— Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка-то
Досталась солоней! —
Сказал соседней волости
Крестыяни, с сеном ехавший,
(Нужла пристигла крайняя,
Скосил — и на базар!) —
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покуда
Не перестали лаяться.
А мужику не лаяться
Едино, что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругались,
Что поп Иван обиделся
За звон колокольные,
Гудевшие в тот день. —

Такие сказы чудные
Посыпались... и диво ли?
Ходить далеко за словом
Не надо — всё прописано
На собственной спине.
«У нас была оказия»,
Сказал детина с черными

Большими бакенбардами:
«Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговид,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал.
А выше — ни дарашины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
— Так что же, брат, рассказывай!
«Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
— Так, подбегало-мученик,¹
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина²
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгну! За ним осталась
И кличка: «выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете дугом ездил
Четверкой по грибы...
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел. —³
Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

ПРО ХОЛОПА ПРИМЕРНОГО — ЯКОВА ВЕРНОГО

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице ездил на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами.

¹ Подбегало — человек нетутошный, припильный, приписавшийся к деревне.

² Тизенгаузена.

³ Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца. *Примечания Некрасова*

Был господин Попованов жесток;
 Дочь повенчав, муженька благоверного
 Высек — обоих прогнал нагишом,
 В зубы холопа примерного,
 Якова верного,
 Походя дул каблуком.

Люди холопского звания —
 Сущие псы иногда:
 Чем тяжелей наказания,
 Тем им милей господа.

Яков таким объявился пзмладости,
 Только и было у Якова радости:
 Барина холить, беречь, ублажать
 Да племянна-малолетка качать.
 Так они оба до старости дожили.
 Стали у барина ножки хиреть,
 Ездил лечиться, да ноги не ожили...
 Нолно кутить, баловаться и петь!
 Очи-то ясные,
 Щеки-то красные,
 Пухлые руки как сахар белы,
 Да на ногах — кандалы!

Смирно помещик лежит под халатом,
 Горькую долю клянет,
 Яков при барине: другом и братом
 Верного Якова барин зовет.
 Зиму и лето вдвоем коротали,
 В карточки больше играли они,
 Скучку рассеять к сестрице езжали
 Верст за двенадцать в хорошие дни.
 Вынесет сам его Яков, уложит,
 Сам на долгуше свезет до сестры,
 Сам до старушки доберется поможет.
 Так они жили ладком до поры.

Вырос племянничек Якова, Гриша,
 Барину в ноги: «Жениться хочу!»
 — Кто же невеста? — «Невеста — Ариша».
 Барин ответствует: «В гроб вкляччу!»
 Думал он сам, на Аришу-то глядя:
 «Только бы ноги господь воротил!»
 Как ни просил за племянника дядя,
 Барин соперника в рекруты сбывл.
 Крепко обидел холопа примерного,
 Якова верного,

Барин — холоп задурил!
 Мертвую заплл... Неловко без Якова;
 Кто ни послужит — дурак, негодяй!
 Злость-то давно накопела у великого, —
 Благо есть случай, груби, вымещай!
 Барин то просит, то пёски ругается,

Так две недели прошли.
 Вдруг его верный холоп возвращается...

Первое дело — поклон до земли.
 Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
 Кто де сумеет его соблюсти?
 «Не поминай только дела жестокого,
 Буду свой крест до могилы нести!»
 Снова помещик лежит под халатом,
 Снова у ног его Яков сидит,
 Снова помещик зовет его братом.
 «Чтò ты нахмурился, Яша?» — Мутит! —
 Много грибов напизали на питки,
 В карты сыграли, чайку напилсь,
 Ссыпали вишни, малину в напитки
 И поразвлекься к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,
 Ясному солнышку, зелени рад,
 Яков угрюм, говорит неохотно,
 Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
 Крестится. «Чур меня, сила нечистая!»
 Шепчет: «рассынься!» (мутил его враг).
 Едут... Направо трущоба лесистая,
 Имя ей нестарин «Чортов овраг»;
 Яков свернул и поехал оврагом,
 Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»
 Яков ни слова. Проехали шагом
 Несколько верст; не дорога — беда!
 Ямы, валежник; бегут по оврагу
 Вешние воды, деревья шумят...
 Стали лошади — и дальше ни шагу:
 Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,
 Начал коней отпирать,
 Верного Яшу, дрожащего, бледного,
 Начал помещик тогда умолять.
 Выслушал Яков посулы — и грубо,
 Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
 Стапу я руки убийством марать.

Нет, не тебе умирать!»
 Яков на сосну высокую прыгнул,
 Вожжи в верхние ее укрепил,
 Перекрестился, на солнышко глянул,
 Голову в петлю — и ноги спустил!..

Экие страсти господни! Висит
 Яков над баринном, мерно качается.
 Мечется барин, рыдает, кричит,
 Эхо одно откликается!

Вытянул голову, голос напряг
 Барин — напрасные крики!

Про холопа примерного — Якова верного.

Рисунок В. Д. Замиратова, 1931 г.

В саван окутался Чортов овраг,
 Ночью там росы велики, —
 Зги не видать! Только совы снуют,
 Оземь ширясь крылами;
 Слышно, как лошади листья жуют,
 Тихо звеня бубенцами.
 Словно чугунок подходит — горят
 Чьи-то два круглые яркие ока;
 Птицы какие-то с шумом летят, —
 Слышно, посели они недалеко.
 Ворон над Яковом каркнул один.
 Чу! их слетелось до сотни!
 Ухнул, грозит юстылем господин.
 Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
 Стонами птиц и волков отгоняя,
 Утром охотник его увидал.
 Барин вершуся домой, причитая:
 «Грешен я, грешен! Казните меня!»
 Будешь ты, барин, холопа примерного,
 Якова верного,
 Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи!» слышалось
 Со всех сторон: «Жаль Якова,
 Да жутко и за барина, —
 Какую приняв казнь!»
 «Жалей!..» Еще прослушали
 Два-три рассказа страшные
 И горячо заспорили
 О том, кто всех грешней.
 Один сказал: «кабатчики»,
 Другой сказал: «помещики»,
 А третий — «мужики».
 То был Игнатий Прохоров,
 Извозом занимавшийся,
 Степенный и зажиточный
 Мужик — не пустослов.
 Видал он виды всякие,
 Изъездил всю губернию
 И вдоль и поперек.
 Его послушать надо бы.
 Однако вахлаки
 Так обозлились, не дали
 Игнатью слова вымолвить,
 Особенно Клим Яковлев
 Куражился: «Дурак же ты!..»
 — А ты бы прежде выслушал...
 «Дурак же ты...»

— И все-то вы,
 Я вижу, дураки!

Вдруг вставил слово грубое
 Еремин, брат купеческий,
 Скупавший у крестьян
 Что ни попало, лапти лп,
 Теленка лп, бруснику лп,
 А главное — мастак
 Подстерегать оказии,
 Когда сбирались подати
 И собственность вахлацкая
 Пускалась с молотка.
 — Затял спор затяли,
 А в точку не утрафил!
 Кто всех грешней? подумайте!
 — Ну, кто же? говори!
 «Известно, кто: разбойники!»
 А Клим ему в ответ:
 — Вы крепостными не были,
 Была капель великая,
 Да не на вашу плешь!
 Набил мощу — мерещатся
 Везде ему разбойники;
 Разбой — статья особая,
 Разбой тут ни при чем!
 «Разбойник за разбойника
 Вступился!» прасол вымолвил,
 А Лавин — скок к нему!
 — Молись! — и в зубы прасола.
 «Прощайся с животными!» —
 И прасол в зубы Лавина.
 «Ай, драка! молодцы!»
 Крестьяне расступились,
 Никто не подзадоривал,
 Никто не разнимал.
 Удары градом сыпались.
 — Убью! пиши к родителям!
 — «Убью! зови попа!»
 Тем кончилось, что прасола
 Клим сжал рукой, как обручем,
 Другой вденился в волосы
 И гнул со словом: «кланяйся!»
 Купца к своим ногам.
 — Ну, баста! — прасол вымолвил,
 Клим выпустил обидчика,
 Обидчик сел на бревнышко,
 Платком широким клетчатым
 Отерся и сказал:
 — Твоя взяла! и диво ли?
 Не жнет, не пашет — шляется
 По коновальской должности, —
 Как сил не нагулять?
 (Крестьяне засмеялись.)
 «А ты еще не хочешь ли?»
 Сказал задорно Клим.

— Ты думал, нет? Попробуем! —
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!»
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиранный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помагивал. Уселся.
Настала тишина.

III. Странники и богомольцы

Бездомного, безродного
Немало попадаетея
Народу на Руси.
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пушай народу ведома,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, — им подают.
Пушай нередки случаи,
Что странника окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»
Паломник прыжком выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Троицы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленил сердца народные;
С согласия матерей,
В селе Крутые-Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красныс
С ним в риге запиралися,
Оттуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.

Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!..
Но видит в тех же странниках
И лицевою сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.
Чужден ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, всё выслушал.
— К допросу сомустителя! —
Он то же и ему:
«Ты враг Христов, антихристов
Посланник!» Сотский, староста
Мигали старику:
— Эй, покорись! — не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоячи,
Условцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, — будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутами, —
Будете биты железными прутьями!..

Правды в судилище, свету в ночи,
В мире добра — не ищи».

Усоловцы крестились,
Начальник бил глашатая:
«Помнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика
С испугу вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село не дальное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмиренье!
Тревога! по сподутности
Досталось и усоловцам:
Пророчество строптивого
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка
Посадская вдова:
Как божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радехоньки!
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе всё словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;

Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколоте
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилось,
Сидит, — зрачки расширены, —
Руками развела...
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся,
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешаны
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями, —
Услышишь шопот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяйюшки
Веретено пузатое
Скатилось с колен.
Кот Васька насторожился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметил,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него,
И как оно каталось,
Пока не размоталась
Напряженная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим

Еще народу русскому
 Пределы не поставлены:
 Пред ним широкий путь.
 Когда изменят пахарю
 Поля старозапашные,
 Ключки в лесных окраинах
 Он пробует пахать.
 Работы тут достаточно,
 Зато полоски новые
 Дают без удобрения
 Обильный урожай.
 Такая почва добрая —
 Душа народа русского...
 О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
 Сторонушку вахлацкую
 Издавна навещал.
 Не только не гнушался
 Крестьяне божьим странником,
 А спорили о том,
 Кто первый приютит его,
 Пока их спорам Ляпушкин
 Конца не положил:
 «Эй! бабы! выносите-ка
 Иконы!» Бабы вынесли;
 Пред каждою иконою
 Иона падал ниц:
 «Не спорьте! дело божие:
 Котора взглянет ласковей,
 За тою и пойду!
 И часто за беднейшею
 Иконою шел Ионушка
 В беднейшую избу.
 И к той избе особое
 Почтение: бабы бегают
 С узламп, сковородкамп
 В ту избу. Чашей полною,
 Но милости Ионушки,
 Становится она.

Не громко и не торопко
 Повел рассказ Ионушка
 «О двух великих грешниках»,
 Усердно покрестясь.

О двух великих грешниках

Господу богу помолимся,
 Древиною быль возвестим,
 Мне в Соловках ее сказывал
 Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
 Был Кудеяр — атаман;

Много разбойники пролили
 Крови честных христиан,

Много богатства нагнали.
 Жили в дремучем лесу;
 Вождь-Кудеяр из-под Киева
 Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницею тешился,
 Ночью набегив творил.
 Вдруг у разбойника лютого
 Совесть господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
 Пьянство, убийство, грабеж,
 Тени убитых являются,
 Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
 Господу зверь-человек,
 Голову снес полюбовнице
 И есаула засек.

Совесть злодея осплила:
 Шайку свою распустил,
 Роздал на церкви имущество,
 Нож под ракистой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
 К гробу господину идет,
 Страстствует, молится, кается,
 Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
 Грешник вернулся домой.
 Жил под навесом старейшего
 Дуба, в трущобе лесной.

Денно и ночью всевышнего
 Молит: грехи отпусти!
 Тело предай истязанию,
 Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
 Схимнику путь указал:
 Старцу в молитвенном бдении
 Неский угольник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
 Выбрал ты дуб вековой,
 Тем же ножом, что разбойничал,
 Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
 Будет награда за труд —

Только что рухнется дерево,
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище.
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет.
Годы плут — подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул — и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слышал,
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил.
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С пнока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

III. И старое и новое

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:
«Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!»
— Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют:
Паром у них худой, —
Пожди! Про Кудеяра-то...
«Паром! пар-ром! пар-ром!»
Ушел, с телегой возится:
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают —
Сказал им: «дуры! дыц!»
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажог коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
Шел месяц над дорогою, —
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем»,
Заметил Влас: «Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
— Велик, а всё не быть ему
Против греха крестьянского,
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул. — Эк приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галчентяточки
Всего мплей... Ну, сказывай,
Что за великий грех?

Крестьянский грех

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня

*И. А. Некрасов в начале 1870-х годов.
Фотография Левцкого.*

Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммипрал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Аммипрал-вдовец на столе лежит,
Дальний родственник хоронить катит.

Схоронил — забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Бсё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...

Глеб — он жаден был — соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Всё прощает бог, а Иудин грех

Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Грозовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшный грех!»
— И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!.. — сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас
И скоро подававшийся
Как горю, так и радости.
«Великий грех! великий грех!»
Тоскливо вторил Клим.

Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг,
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою.
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,

Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжнга
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую,
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар не купленный,
Из вас на солище тонится
Смола, как из сосны!»

Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши страшилки
Упомнили ее:

Голодная

Стоит мужик —
Кольшется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полюсу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Папкратушка!

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Всё съем один,
Управляюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

«Ой, батюшки, есть хочется!»
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху — ест.
— Поют они без голосу,
А слушать — дрожь по волосу! —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром — свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыбал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили пивца.

«Дерзай!» за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
— Хопь водки? — «Пил достаточно.
Что тут у вас случилось?
Как в воду вы опущены!..»
— «Мы?.. что ты?..» Насторожились.
Влас положил на крестника
Шпирюку ладонь.

— Неволя к вам вернулась?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобрали?
— «Луга-то?.. Шутить, брат!»
— Так что ж переменялось?..

Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется?
— «Никак и впрямь ништо!»
Клим как из пушки выпалил,
У многих зачесались
Затылки, шопот слышится:
— Никак и впрямь ништо!

— «Пей, вахлачки, погуливай!
Всё ладно, всё по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»

— По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?..

Потолковано
Не мало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаленного,
Всему виною — крепь!
«Змея родит змеенышей,
А крепь — грехи помещика,
Грех Якова-несчастливого,
Грех Глеба родила!
Нет крепь — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепь — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепь — Глеба нового
Не будет на Руси!»
Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Ослабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
— «Так, значит, и «Голодную»
Теперь навеки по боку?
Эй, други! Пой веселую!»
Клим радостно кричал...
Пошло, толпой подхвачено,
О крепь слово верное
Трепаться: «нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»

А Влас его поглаживал:
— Дай бог тебе и серебра
И золотица, дай умную,
Здоровую жену!
«Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!»
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий — и ушел.

Светает. Снаряжаются
Подводчики. — Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь! —
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом — наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где пидчие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одёжа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Пагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «бей его!»
Пнул в зубы каблучком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,
Народ кричал им: «бей его!»
Пока в лесу не скрылись
И парни и беглец.

— Чтò за мужнина? — старосту
Допытывали странники: —
За чтò его тузят? —
— Не знаем, так наказано

Нам из села из Тискова,
Чтò буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут. — Удовольли? —
Спросил старик вернувшихся
С погоня молодых.

— «Догнали, удовольли!
Побег к Кузьмо-Демьянскому:
Там, видно, переправиться
За Волгу поровит».

— Чудной народ! бьют сонного,
За чтò, про чтò, не знаячи...

— Коли всем миром велено:
Бей! — стало, есть за чтò! —
Прикрикнул Влас на странников: —
Не ветрогоны тисковцы!
Давно ли там десятого
Порол?.. Ой, Егор!..
Ай служба — должность подлая!..
Гнусь-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать,
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука? да прогневался
И так уж для Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затопились,
Мужик их нес подмышкою:
«Продай! помрут до городу!»
Купили ни за чтò).
Как пьет мужик, толковано
Не мало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.
Был тут пепьющий каменщик,
Так опьянел с гусятини, —
На чтò свое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!

Кто едет-то!» Наклонулось
 Еще подспорье шумному
 Веселью вахлаков.
 Воз с сеном приплбжается,
 Высоко на возу
 Сидит солдат Овсянников,
 Верст па двадцать в окружности
 Знакомый мужикам,
 И рядом с ним Устиньюшка,
 Спроточка-племянница,
 Поддержка старика.
 Райком кормился дедушка,
 Москву да Кремль показывал.
 Вдруг инструмент испортился,
 А капиталу нет!
 Три желтенькие ложечки
 Купил — так не приходится
 Заученные натьверло
 Присловья к новой музыке,
 Народа не смешат!
 Хитер солдат! по времени
 Слова придумал новые,
 И ложки в ход пошли.
 Обрадовался старому:
 «Здорово, дедко! спрыгни-ка,
 Да выпей с нами рюмочку,
 Да в ложечки ударь!»
 — Забраться-то, забрался я,
 А как сойду, не ведаю:
 Ведет! — «Небось, до города
 Опять за полной пенцией?
 Да город-то сгорел!»
 — Сгорел? И поделим ему!
 Сгорел? Так я до Питера!
 Там все мои товарищи
 Гуляют с полной пенцией,
 Там — дело разберут!
 «Чай, по чугушке тронешься?»
 Служивый посвистал:
 — Не долго послужила ты
 Народу православному.
 Чугунка бусурманская!
 Была ты нам любя,
 Как от Москвы до Питера
 Возила за три рублика,
 А коли семь-то рубликов
 Платить, так чорт с тобой!

— А ты ударь-ка в ложечки, —
 Сказал солдату староста: —
 Народу подгулявшего
 Покуда тут достаточно,
 Авось, дела поправятся.

Орудуй жпво, Клим!
 (Влас Клима недолюбливал,
 А чуть делишко трудное,
 Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!»
 А Клим тому п рад.)

Спустили с возу дедушку.
 Солдат был хрупок на ноги,
 Высок п тощ до крайности;
 На нем сюртук с медалями
 Висел, как па шесте.
 Нельзя сказать, чтоб доброе
 Лицо имел, особенно,
 Когда сводило старого, —
 Чорт чортом! Рот ощерится,
 Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки;
 Что было вилоть до берегу
 Народу — всё сбегается.
 Ударил — п запел:

Солдатская

Тошен свет,
 Правды нет,
 Жизнь тошна,
 Боль спльна.
 Пули немецкие,
 Пули турецкие,
 Пули французские,
 Палочки русские!
 Тошен свет,
 Хлеба нет,
 Крова нет,
 Смерти нет.
 Нутка, с реду-то с первого номеру,
 Нутка, с Георгием — по миру, по миру!
 У богатого,
 У богатини,
 Чуть не подпил
 На рогатину.
 Весь в гвоздях забор
 Ошестинился,
 А хозяин вор
 Оскотинился.
 Нет у бедного
 Гроша медного:
 Не взыщи, солдат!
 — И не надо, брат!
 Тошен свет,
 Хлеба нет,
 Крова нет,
 Смерти нет.

Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку шохнем,
А у трех Матрен
Провпант найдем.

У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,
У третьей водицы поною из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа!
Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Служивого задергало.
Опершись на Устинюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирию на весу;
Проделал то же с правою,
Ругнулся: «жизнь проклятая!»
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюду деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

Клим

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колою на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенький.
Взгляните: в чём душа!

Солдат

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

Клим

А пендиону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «второразрядные!»
По ним и пендион».

Солдат

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить, — скорчило!
Не будь при нем Устинюшки,
Упал бы старина.)

Клим

Какое в нашем городе
Начальство? Поделом его
Пожар загнал в острог!
Вершками раны смерили
И оценил каждую
Чуть-чуть не в медный грот.
Так мерял пристав следственный
Побой на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина,
Величиной с двугривенный,
В середине лба прободина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев»... Приравняем ли
К побойцу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

Солдат

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайдами, белками, дикими кошками,
Там и простился я с ножками
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

Клим

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых, —

Иш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

С о л д а т

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеюю шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!»
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувиркает,
Скоро весь русский народ
Чинше метлы подметет.

Солдат слегка притонывал,
И слышалось, как стучалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал; уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копечке
По грошу, — на тарелочках
Рублишко набрался...

IV. Доброе время — добрые песни

В замену спичей с песням,
В подспорье речи с дракою
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходятся
Народ. Уснув, остался
Под пвой пашп странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиранный богомол.
Качался, Савва с Гришнею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и спальные
Гревели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая,
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,

Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!..

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две каморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень — летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Здушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Гришне не сиделось,
Ушел в поля, в луга.

У Гришни — кость широкая,
Но спльно пехудалое
Лидо — их недокармливал
Хануга-эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно сптника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахланина,
Они в ней отъедались,
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчки
По мере сил работою,
Но их делишкам хлопоты
Справляли в городе.
Дядчок хвалился деткам,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на попки,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седни.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,

Зато и долговечности
 Бог не дал ей. Покойница
 Всю жизнь о соли думала:
 Нет хлеба — у кого-нибудь
 Попросят, а за соль
 Дать надо деньги чистые,
 А их во всей вахлачине,
 Сгоняемой на барщину,
 Не густо! Благо хлебушком
 Вахлак делился с Домною.
 Давно в земле пстлели бы
 Ее родные деточки,
 Не будь рука вахлацкая
 Щедра, чем бог послал.

Батрачка безответная
 На каждого, кто чем-нибудь
 Помог ей в черный день,
 Всю жизнь о соли думала,
 О соли пела Домнушка,
 Стирала ли, косила ли,
 Баюкала ли Гришеньку,
 Любимого сынка.
 Как ждалось сердце мальчика,
 Когда крестьянки вспомнили
 И спели песню Домнину
 (Прозвал ее «Соленою»
 Находчивый вахлак).

Соленая

Никто как бог!
 Не ест, не пьет
 Меньшой сынок,
 Гляди — умрет!

Дала кусок,
 Дала другой —
 Не ест, кричит:
 «Посыпь солью!»

А соли нет,
 Хоть бы щепоть!
 «Посыпь мукой»,
 Шепнул господь.

Раз-два куснул,
 Скривил роток.
 «Соль еще!»
 Кричит сынок.

Опять мукой...
 А на кусок

Слезла рекой!
 Поел сынок!

Хвалилась мать —
 Сынка спасла...
 Знать, солона
 Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
 И голосом молитвенным
 Тихонько в семинарии,
 Где было темно, холодно,
 Угрюмо, строго, голодно,
 Певал — тужил о матушке
 И обо всей вахлачине,
 Кормившей своей.

И скоро в сердце мальчика
 С любовью к бедной матери
 Любовь ко всей вахлачине
 Спелась — и лет пятнадцати
 Григорий твердо знал уже,
 Что будет жить для счастья
 Убогого и темного
 Родного уголка.

Довольно демон ярости
 Летал с мечом карающим
 Над русскою землей.
 Довольно рабство тяжкое
 Одни пути лукавые
 Открытыми, влекущими
 Держало на Руси!
 Над Русью оживающей
 Иная песня слышится:
 То ангел милосердия,
 Незримо пролетающий
 Над нею, души сильные
 Зовет на честный путь:

Средь мира дольного
 Для сердца вольного
 Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
 Взвесь волю твердую, —
 Каким идти?

Одна просторная
 Дорога — торная,
 Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели высшей
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Дружная — тесная
Дорога, честная,
По ней плут

Лишь души сильные,
Лювеобильные,
На бой, на труд.

За обойденного,
За угнетенного,
Стань в их ряды.

Иди к униженным,
Иди к обиженным,
Там нужен ты.

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет над русским юношей —
Не мало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
Не мало их оплакала
(Пока звездой падучею
Проползла она!).
Как ни темна вахлапина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она
Благословясь поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила

Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорожкой
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкой,
В нем сплывала мысль работала
И в песне плыла:

«В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар как коня выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свиристел в бич без боязни.
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбрасается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе покуда — раба,
Но мать уже вольного сына!»

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалце,
А душе злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сепцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко,
Ушел к реке. Купается, —
Три дня тому сгоревшего
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем.
Все спит еще, немощные
Проснулись: два подьячье,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкапами, стульями,
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет — как лист дрожит.
Восстав от сна, с молитвою
Причесывает голову
И держит наотлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тинутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагруженные:
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он — измученный

Бурлак! Походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
А с губ слова срывался
То шепотом, то громче.
Григорий думал вслух:

Бурлак

«Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевой,
Подневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он и вновь вставал,
Хрипя, «дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул.
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Заплатил в пояс три рубля;
Остатком — медью — шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крикнул от души,
Перекрестил на дерковь грудь:
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок пес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте копей.
Он шел домой — не близкий путь,
Дай бог дойти и отдохнуть!»

С бурлака мысли Гришкины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
И долго Гришка берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — не бужены,
Вышли — не прошены:
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Ненсчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,

Ты и забитая,
Ты и всепильная,
Матушка-Русь!..

v

«Удалась мне песенка!» молвил Гриша,
прыгая:
«Горячо сказалась правда в ней великая!
Завтра же спою ее вахлячкам — не всё же
им

Песни петь унылые... Помогай, о боже, им!
Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забитые!..» Прочитав торжественно
Брату песню новую (брат сказал:

«божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалось,
не спалось,
Краще прежней песенка в полусне
слагалась;
Быть бы нашим странникам под родною
крышею,
Если б знать могли они, что творилось
с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Усладжали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!

Разных годов

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

МОЛОДЫЕ ЛОШАДИ

Вчерашняя сцена

Лошади бойко по рельсам катили
Полный громадный вагон.
С рельсов сошел неожиданно он...

Лошади рьяны и молоды были —
Дружно рванулись... опять и опять —
Не поддается вагон ни на пядь,
С час они сплы свои напрягали,
Надорвались — и упали...
«Бедные!» кто-то сказал из окна.
«Глупые!» кто-то заметил с балкона...
О, поскорее на рельсы!.. Страшна
Тяжесть сошедшего с рельсов вагона.

2

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.
Мысль убивающий страх —
Не перейти бы гранц осторожности —
Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
Где я родился и вырос.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время — свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В белой отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «дурак!»

Я обругал его грубым невежею.
На телеграфную нить
Он пересел. «Не донос ли депешю
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицепился. Выстрел гремит:
Падают замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

3

К ПОРТРЕТУ

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычешь из заслуг
Ошибки юности и поздних лет уступки, —
Ничьи пропало, милый друг.

4

ЧТО НОВОГО?

Администрация — берет
И очень скупо выпускает,
Плутократия — дерет
И ничего не возвращает,
По приглашению властей
Дворяне ловят демагогов:
Крестьяне от земли, кормилицы своей.
Бегут под бременем налогов
И пропиваются вконец по кабакам.
И пьяным по колено море...
Да будет стыдно нам! да будет стыдно нам
За их невежество и горе!...

5

АВТОРУ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщины не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-
адъютантом,
Когда она жена и мать.

6

К ПОРТРЕТУ

Развенчан нами сей кумир
С его бездейственной, фразистой любовью.
Умны мы стали: верит мир
Лишь доблести, запечатленной кровью...

7

ПРАЗДНУМУ

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край.

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно —
Что же? начинай!

Иль тебе всё мелко, низко?
Или ждешь труда без рпека?
Времена не те!

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

8

ЭПИТАФИЯ

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

9

. . .

Ни стыда, ни состраданья!
Кудри в мелких завитках,
Стан, волнующийся гибко,
И на чувственных губах
Сладострастная улыбка.

10

. . .

За желание свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремленье к добру
Нам в тюрьме отведут конуру.

11

. . .

Но, любя, свое сердце готовь
Выносить непрестанные грозы:
В нашем мире, дитя, где любовь,
Там и слезы.

12

. . .

Он не был злобен и коварен,
Но был мучительно ревнив,
Но был в любви неблагодарен
И к дружбе нерадив.

13

. . .

Спрашивал я у людей
В жизни, в природе отчизны моей,
В книгах холодных,
В стопах народных —
Тщетно искал я ответа...

14

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

I

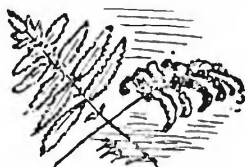
Сущность

Если в душе твоей ясны
Типы добра и любви,
В мире все темы прекрасны,
Музу смелее зови.
Муза тебя посетила:
Смутно блуждает твой взор;
В первом напяти сла!
Брось начатой разговор.

II

Форма

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.
Стих, как монета, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правь плу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

ПОСЛѢДНІЯ ПЬСНИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

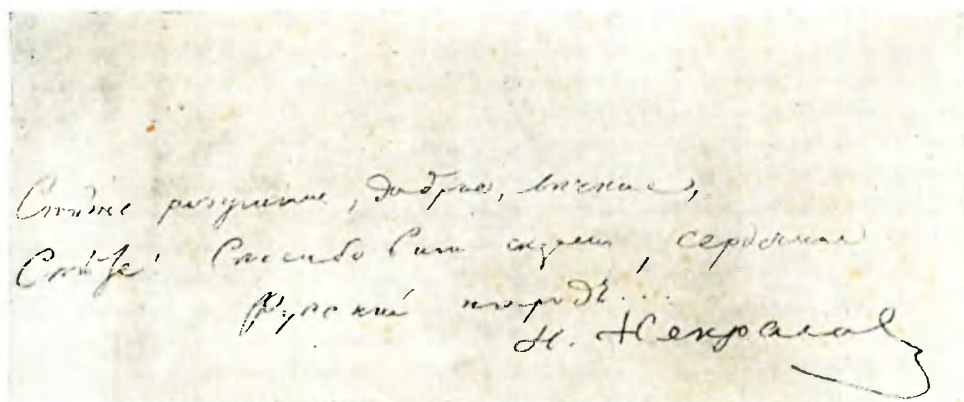

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Басманъ, № 2)

1877

Последнее из вышедших при жизни Некрасова изданий его стихотворений.

Автограф Некрасова — «Сейте разумное, доброе, вечное...»

1876—1877

ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ

ВСТУПЛЕНИЕ

к песням 1876—1877 годов

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься может
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости, покой!
Как ураган, недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынести помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победи,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
Воображенье насели
И от моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

Ночь с 8-го на 9-е января

Дни идут... всё так же воздух душен,
 Дряхлый мир — на роковом пути...
 Человек — до ужаса бездушен,
 Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гневе справедливом!
 Ни людей, ни века не кляни:
 Волю дав лирическим порывам,
 Изойдешь слезами в наши дни...

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знания на ниву народную!
 Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
 Худы ль твои семена?
 Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
 Труд награждается всходами хилыми,
 Доброго мало зерна!
 Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
 Где же вы, с полными жита кошницами?
 Труд засевающих робко, крупницами,
 Двиньте вперед!
 Сейте разумное, доброе, вечное,
 Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
 Русский народ...

МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
 Утро печальное — сырость, туман,
 Колокол глухо гудит в отдалении,
 В церковь зовет прихожан.
 Что-то суровое, строгое, властное
 Слышится в звоне глухом,
 В церкви провел я то утро ненастное —
 И не забуду о нем.
 Всё население, старо и молодо,
 С плачем поклоны кладет,
 О прекращении лютого голода
 Молится жарко народ.

Редко я в нем настроение строже
 И сокрушенной видал!
 «Милуй народ и друзей его, боже!»
 Сам я невольно шептал:
 «Внемли моление наше сердечное:
 О послуживших ему,
 Об осужденных в изгнание вечное,
 О заточенных в тюрьму,
 О претерпевших борьбу многолетнюю
 И устоявших в борьбе,
 Слышавших рабскую песню последнюю,
 Молимся, боже, тебе».

Скоро стану добычею тлснъя.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да п некому будет жалеть.

Я дворлискому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

*З. Н. Некрасова, жена поэта.
Фотографии 1870-х годов.*

ЗИНЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о пей!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим делам века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

ДРУЗЬЯМ

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — непраздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

МУЗЕ

О муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

ЗИНЕ

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются
Двести уж дней,
Двести ночей!
Тёмные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зина! закрой утомленные очи!
Зина! усни!

4-го декабря, ночь

ПРИГОВОР

«...Вы в своей земле благословенной
Парии — не знает вас народ,
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем холодным обдаёт.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами тёмной стороны —

На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены!...»

Камень в сердце русское бросая,
Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

Ночь с 7-го на 8-е января

. * .

Есть и Руси чем гордиться, —
С нею не шути!
Только славным поклониться
Далеко идти.
Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Мир подземного богатства
Снеговых степей.

. * .

Вам, мой дар любившим и ценившим,
Вам, ко мне участие заявившим
В черный год, простертый надо мной, —
Посвящаю труд последний мой!
Я примеру русского народа
Верен: «*в горе жить —
Некручинну быть*» —
И, больной работая полгода,
Я трудом смягчаю свой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!

. * .

Смогли честные, доблестно павшие,
Смогли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнужданы страсти жестокие.

Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная.

Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!

. * .

Устал я, устал я... мне время уснуть!
О Русь! ты несчастна — я знаю;
Но всё ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.

ПОЭТУ

Любовь и Труд — под горами развалин!
 Куда ни глянь — предательство, вражда,
 А ты молчишь, бездействен и печален,
 И медленно сгораешь со стыда,
 И небу плешь укор за дар счастливый:
 Зачем тебя венчало им оно,
 Когда душе мечтательно-пугливой
 Решимости бороться не дано?..

•
•

Скоро — приметы мои хороши! —
 Скоро покину обитель печали:
 Вечные спутники русской души —
 Ненависть, страх — замолчали...

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
 Хоть написать, смеясь, ты обещала...
 Уж не горит ли с ними и любовь,
 Которая их сердцу диктовала?

Их ложью жизнь еще не назвала,
 Ни правды их еще не доказала...
 Но та рука со злобой их сожгла,
 Которая с любовью их писала!

Свободно ты решала выбор свой,
 И не как раб упал я на колени;
 Но ты идешь по лестнице крутой
 И дерзко жжешь пройденные ступени!..
 Безумный шаг!.. быть может, роковой...

ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»

ОТРЫВКИ

(Посвящается Елене Осиповне Лихачевой)

I

В насмешливом и дерзком нашем веке
 Великое, святое слово: мать —
 Не пробуждает чувства в человеке,

Но я привык обычай презирать.
 Я не боюсь насмешливости модной.
 Такую музу мне дала судьба:
 Она поет по прихоти свободной,
 Или молчит, как гордая раба.

Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной... Час настал!..
Мир любит блеск, гремушки и литавры,
Удел толпы — не узнавать друзей,
Она несет хвалы, венцы и лавры
Лишь тем, чей бич хлестал ее больней;
Венец, толпой немыслищею свитый,
Ожжет чело страдальцы забытой —
Я не пишу ей позднего венца.
Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас среди полночи глубокой.
Полобно ей несчастные сердца!..

Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...

Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им верить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу, подвижница, пою!..

II

Я отроком покинул отчий дом
(За славой я в столицу торопился).
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.
Лет двадцати с усталой головой,
Ни жив ни мертв (я голодал подолгу),
Но горделив, приехал я домой.
Я посетил деревню, нивы, Волгу —
Всё те же вы — и нивы и народ...
И та же всё — река моя родная...
Заметил я новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая — дорога воляная,
А берега дремали кротким сном.
Дремало всё: расшивы, коповодки,
Дремал бурлак на дне завозной лодки...
Проснется он — и Волга оживет!

Я дождался тягучих мерных звуков...
Приду ль сюда еще послушать внуков,

Где слышу вас, отцы и сыновья!
Уж не на то ль дана мне жизнь моя?

Охвачен вдруг дремотою и ленью,
В полдневный зной вошел я в старый сад;
В нем семь ключей сверкают и гремят.
Внимая их порывистому пению,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленой сенью,
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидаться с тобой,
И опоздал! И жизни трудовой
Я предан был, и страсти, и невзгодам,
Захлестнут был я нескою волной...
Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена, — там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт...

.....
.....
.....
.....

И наконец вошел я в старый дом,
В нем новый пол, в нем новые порядки;
Но мало я заботился о том.
Я разобрал хранимые отцом
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом.
Оно с гербом, оно с бордюром узким,
Исписан лист то польским, то
французским
Порывистым и страстным языком.

Припоминал я что-то долго, смутно:
Уж не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты в младенчестве моем
Одна, в саду? Не зная ни о чем,
Я в нем тогда источник горя видел
Моей родной, — я сжечь его был рад,
И я теперь его возненавидел.
Глухая ночь! Иду поспешно в сад...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Где ты? прими сыновний мой привет!
Но встанет мне лишь эхо безучастно...
Я зарыдал; увя! ее уж нет!

Луна взошла и сад осеребрила,
Под сводом лип недвижно я стоял,
Которых сень родная так любила.
Я ждал ее — и не напрасно ждал...

Чу, тихий плач, чу, шопот! Я внимаю
Слова письма — знакомые слова!

Варшава, 1824 год

Твоей красе (сурова там природа)
Уж никогда вполне не расцвести;
Твоей косы не станет на полгода,
Там свой девиз: «любить и бить»...
прости.

Та бледная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшего огня
В младенчестве я сжигивал с тобою,
Мне в сумерки мерещилась порою,

И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.
И стал я понимать, где мысль твоя

блуждала,

Где ты душой, страдальца, жила,
Когда кругом насилье ликовало,
И стая псов на псарне завывала,
И вьюга в окна била и мела...

.....
.....
.....
.....

Незримой лестницей с недавних юных

дней

Я к детству нисходил, ту жизнь

припоминая,

Когда еще была ты нянею моей

И ангелом-хранителем, родная.

В ином краю, не менее несчастном,
Но менее суровом, рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Ты на письмо молчаньем отвечала,
Своим путем бесстрашно ты пошла.

.....
.....

Гремел роаяль, и голос твой печальный
Звучал, как вопль души многострадальной,
Но ты была тверда и весела:
«Несчастлива я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина-раба!

Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастлива ты, о родина! я знаю:
Весь край в крови, весь заревом объят...
Но край, где я люблю и умираю,
Несчастнее, несчастнее стократ!..»
Хаос! мечусь в беспамятстве, в бреду!
Хаос! едва мерцает ум поэта,
Но, юности священного обета
Не совершив, в могилу не сойду!
Поймут пль нет, но будет песня спета.

Я опоздал! я медленно и ровно
Заветный труд не в силах совершить,
Но я дерзну в картине малословной
Твою судьбу, родная, совместить.

И я смогу!.. Поможет мне искусство,
Поможет смерть — я скоро нужен ей...
Мала слеза — но в ней избыток чувства...
Что океан безбрежный перед ней!..

.....
Так двадцать лет подвижничества цепи
Влачила ты, пока твой час пробил.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключ — он жаждущих поил.
И не вотще любовь твоя сияла:
Как в небесах ни много черных туч,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Всё ж, наконец, проглянет солнца луч!

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец,
Семья давно вины твои простила,
Лобзает раб терновый твой венец...
Но... двадцать лет!.. Как сладко, умирая,
Вздохнула ты... как тихо умерла!
О, сколько сил явила ты, родная!
Каким путем к победе ты пришла!..

Душа твоя — она горит алмазом,
Раздробленным на тысячи крупин
В величьи дел, неуловимых глазом.
Я понял их — я пал пред ними ниц,
Я их пою (даруй мне силы, небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлеба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишний раз не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабам, —
Но лишний раз из трепета и праха

Он поднял взор бодрее к небесам...
 Быть может, дар беднее капли в море,
 Но двадцать лет! Но тысячам сердец,
 Чей идеал — убавленное горе,
 Границы зла открыты наконец!

Твой властелин — наследственные нравы
 То покидал, то бурно проявлял,
 Но если он в безумные забавы
 В недобрый час детей не посвящал,
 Но если он разнузданной свободы
 До роковой черты не доводил, —
 На страже ты над ним стояла годы,
 Покуда мрак в душе его дарил...

И если я легко страхнул с годами
 С души моей тлетворные следы

Поправшей всё разумное ногами,
 Гордившейся невежеством среды,
 И если я наполнил жизнь борьбою
 За идеал добра и красоты,
 И носит песнь, слагаемая мною,
 Живой любви глубокие черты, —
 О мать моя, подвигнут я тобою!
 Во мне спасла живую душу ты!

И счастлив я! уж ты ушла из мира,
 Но будешь жить ты в памяти людской,
 Пока в ней жить моя способна лира.
 Пройдут года — поклонник верный мой
 Ей посвятит досуг уединенный,
 Прочтет рассказ и о твоей судьбе;
 И, посетив поэта прах забвенный,
 Вздохнув о нем, вздохнет и о тебе.

ЗИНЕ

Пододвинь перо, бумагу, книги!
 Милый друг! Легенду я слышал:
 Пали с плеч подвижника вериги,
 И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, Зина.
 Труд всегда меня животворил.
 Вот еще красивая картина —
 Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
 Смейся, пой, как пела ты весной,
 Повторяй друзьям моим, как прежде,
 Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
 В торжестве одержанных побед
 Над своим мучителем недугом
 Позабыл о смерти твой поэт!

БАЮШКИ-БАЮ

Непобедимое страданье,
 Неутолимая тоска...
 Влечет, как жертву на закланье,
 Недуга черная рука.
 Где ты, о Муза! Пой, как прежде!
 «Нет больше песен, мрак в очах;

Сказать: умрем! конед надежде!
 Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
 Стучит... смолкает... и затих...
 И нет ее, мой всесильной,

И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:

«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Успи, усни, касатик мой!
Прими трудов венец желанный,
Уж ты не раб, — ты царь
венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшн гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стоны,
Ни человеческой слезы.

Успи, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

. . .

Пусть чуть слышен голос твой,
Не громки темы песнопенья;
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимого забвенья!

. . .

Черный день! как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я зываю к русскому народу:
Если можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду,
Или мертвой в меру дай.

ОТРЫВОК

... Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути Христовы,
Где стерегут оплошного врага.

В бездействии застала я дружны;
Окончив день, беспечно шлю ко сну

И женщины, и дети, и мужчины,
Лишь меж собой вождь вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, плущих дальне фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

СТАРОСТЬ

Простит отдыха слабое тело,
 Душу тайная жажда томит,
 Горько ты, стариковское дело!
 Жизнь смется, — в глаза говорит:
 Не делай никаких упований,
 Перед разумом сердце смри,
 В созерцании безмерных страданий
 И в сознании бессилья — умри!..

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

Я была вчера еще полезна
 Ближнему — теперь уж не могу!
 Смерть одна желанна и любезна —
 Пулю я недаром берегу...

Вот и всё, что ты нам завещала;
 Да еще узнали мы потом,
 Что давно ты бедным отдавала,
 Что добыть умела ты трудом.

Нон труслив — боится, не хоронит:
 Убедить его мы не могли, —
 Мы в овраг, где горько ветер стоит,
 На руках покойнику снесли.

Схоронив, мы камень обтесали, —
 Утвердили прямо на гробу,
 И на камне четко написали
 Жизнь, и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы, —
 И укор и поученье в них...
 Нужны нам великие могилы,
 Если нет величия в живых.

МУЖ И ЖЕНА

— Глашенка! пустошь Ивашево —
 Третий состояния нашего:
 Не продавай ее, ангельчик мой!
 Выдай обратно задаток... —
 Слезы, нервический хохот, припадок:
 «Я задолжала — и срок за спиной...»
 — Глаша, не плачь! я — хозяйка плохой.
 Делай что хочешь со мной.
 Сердце мое, психодическое кровью,
 Всевыносящей любовью
 Полно, друг мой!

Глаша! волнуется и мучит
 Чувство ревнивое душу мою.
 Этот учитель, что Петеньку учит...
 «Так! муженька узнаю!
 О, если б знал ты, как зол ты и гадо!»
 Слезы, нервический хохот, припадок...
 — Знаю, прости! Я — ревнивец большой!
 Делай что хочешь со мной.
 Сердце мое, психодическое кровью,
 Всевыносящей любовью
 Полно, друг мой!

Глаша! как часто ты нынче гуляешь,
 Ты хоть сегодня останься со мной.
 Много скопилось работы — ты знаешь;
 Чтоб одолеть ее, нужен покой! —
 Слезы, нервический хохот, припадок...
 — Глаша, пди! Я — безумец, я гадок,
 Я — эгоист бессердечный и злой.
 Делай что хочешь со мной.
 Сердце мое, псходящее кровью
 Всевыносящей любовью
 Полно, друг мой!

ОСЕНЬ

Прежде — праздник деревенский,
 Нынче — осень голодна;
 Нет конца печали женской,
 Не до пива и вина.
 С воскресенья почтой бредит
 Православный наш народ,
 По субботам в город едет,
 Ходит, просит, узнает:
 Кто убит, кто ранен летом,
 Кто пропал, кого нашли?
 По каким по лазаретам
 Уцелевших развезли?
 Так ли жутко!.. Свод небесный

Темен в полдень, как в ночи;
 Не сидится в хате тесной,
 Не ложится на печи.
 Сыт, согрелся, слава богу,
 Только спать бы! нет, не спишь —
 Так и тянет на дорогу,
 Ни за что не улежишь.
 И бойка ж у нас дорога!
 Так увечных возят много,
 Что за нами на бугре,
 Как проносятся вагоны,
 Человеческие стопы
 Ясно слышны на заре.

СОН

Мне спилось: на утесе стоя,
 Я в море броситься хотел,
 Вдруг ангел света и покоя
 Мне песню чудную запел:
 «Дождись весны! Приду я рано,
 Скажу: будь снова человек!
 Сниму с главы покров тумана
 И сон с отяжелелых век;
 И музе возвращу я голос,
 И вновь блаженные часы
 Ты обретишь, сбирая колос
 С своей нескатой полосы».

Великое чувство! у каждой двери,
В какой стороне мы заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей
Далеких, но рвущихся к детям.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем,
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

Так запой, о поэт, чтобы всем матерям
На Руси на святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын невредим и победа за ним,
«Не велит унывать, посылает поклон»...

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не надругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Нерусский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

*Н. А. Некрасов.
Рисунок И. Петровского 1852 года.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ,

не включенные автором в основной текст. — Стихи на злобу дня. — Юмористики. — Наброски, эскизы, отрывки

1842—1845

ГОВОРУН

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖИТЕЛЯ
А. Ф. БЕЛОПЯТКИНА

Глава I

Две строчки точек. — Раздумье. — Эфир и канцелярия. — Несколько автобиографических сведений. — Нечто о супруге моей, Агафье Леопардовне. — Вступление. — О Санктпетербурге. — Приятности столичной жизни. — Шарманщик и шарманка. — Литература. — Иллюстрированные издания. — Большой театр. — Девушка «Жизель». — Люция Гран. — «Руслан и Людмила». — Египетская магия. — Московские цыганы. — Груша, Матрена и я. — О том, какая история случилась с Гостиним двором. — Заключение.

I

Да, новый год! . . .
.
. . . Я предан сокрушению,

Не пьется мне, друзья:
Мир ближе к разрушению,
К могиле ближе я.
Льдом жизненного холода
Не сковано еще, —
В вас сердце, други, молодо,
Свежо и горячо.
Еще вам свет корыстно
Рассудка не растлил,
И жизни черной кистлю
Злой рок не зачернил.
За счастьем безбоязненно
Пока вы мчитесь вдаль,
И гостей неприязненной
Не ходит к вам печаль.

Увы!.. она пробудится:
 Час близок роковой!
 И с вами то же случится,
 Что́ сталося со мной:
 В дни возраста цветущего
 Я также был готов
 Взять грудью у грядущего
 И славу и любовь,
 Кипел чудесной силою
 И рвался все к тому,
 Чего душой остылою
 Теперь и не пойму.
 В житейских тревожениях
 Терпел и стыд и зло
 И видел в сновидениях
 В венке свое чело.
 Любил — и имя чудное
 В отчаяньи твердил, —
 То было время трудное:
 Насилу пережил!

II

Когда восторг лирический
 В себе я пробужу,
 Я вам биографический
 Портрет свой напишу.
 Тогда вы всё узнаете, —
 Как глуп я прежде был,
 Мечтал, как вы мечтаете,
 Душой в эфире жил,
 Бежать хотел в Швейцарию, —
 И как родитель мой
 С эфпра в канцелярию
 Столкнул меня клюкой.
 Как горд преуморительно
 Я в новом был кругу,
 И как потом почтительно
 Стал гнуть себя в дугу.
 Как прежде, чем освоился
 Со службой, все краснел,
 А после успокоился,
 Окреп и потолстел.
 Как гнаться стал за деньгами,
 Изрядно нажился,
 Детьми и деревеньками
 И домом завелся...

III

Но счастье скоротечное
 Изменчиво и зло!
 Друзья мои сердечные,

Не вечно мне везло!
 Терплю беду великую
 С семейной стороны:
 Я взял тигрицу дикую
 Во образе жены...
 Но что вперед печалиться?
 Покуда погожу...
 Наверно всякий сжалится,
 Как всё перескажу.
 Большой портрет к изданию
 Списать с себя велю
 И в Великобританию
 Гравировать pošлю.
 Как скоро он воротится,
 Явлюсь на суд людской,
 Без галстука, как водится,
 С небритой бородой.

IV

Чтоб дни мои смиренные
 В несчастья коротать,
 Записки современные
 Решился я писать.
 Дворянство и купечество
 И всех других чинов
 И званий человечество
 Я видел без очков.
 Как мир земной вращается,
 Где тихо, где содом, —
 Все мною замечается,
 Сужу я обо всем.
 Болтать мне утешительно,
 И публику прошу
 Все слушать снисходительно,
 Что́ я ей расскажу.

V

Столица наша чудная
 Богата через край,
 Житье в ней нищим трудное,
 Миллионерам — рай.
 Здесь всюду наслаждения
 Для сердца и очей,
 Здесь всё, без исключения,
 Возможно для людей.
 При деньгах вдвое вырасти,
 Чертовски разжиреть,
 От голода и сырости
 Без денег умереть

(Где розы, там и тернии —
 Таков закон судьбы!
 Бедняк, живи в губернии:
 Там дешёвы грибы).
 С большими здесь и с малыми
 В одном дому живешь,
 И рядом с генералами
 По Невскому идешь.
 Захочешь позабавиться, —
 Берешь газетный лист,
 Задумаешь прославиться, —
 На то есть журналист:
 Хвалы он всем славнейшие
 Печатно раздает,
 И как — душа добрейшая —
 Недорого берет!
 Чего б здесь не увидел,
 Чего бы не нашли?
 Портные, сочинители,
 Купцы со всей земли,
 Найлучшие сапожники,
 Актёры, повара,
 С шарманками художники
 Такие, что — ура!..
 Я в них влюблен решительно
 И здесь их воспою...

VI

Поют преуморительно
 Они галиматью.
 Прикрыв одеждой шкурочку
 Для смеха и красоты,
 С мартышками мазурочку
 Выплясывают псы,
 И сам в минуту пьяную,
 По страсти иль нужде,
 Шарманщик с обезьяною
 Танцует п а д е с.
 Все скачет, все волнуется,
 Как будто маскарад.
 А русский люд любит:ся
 «Как немцы-то хитрят!»
 Да, сильны их познания,
 Их ловкость мудрена...
 Действительно, Германия
 Ученая страна!
 (Захочешь продолжения
 Описанных чудес, —
 Ступай на представление
 Прославленных инес.)

VII

Придет охота страстная
 За чтение засестъ —
 На то у нас прекрасная
 Литература есть.
 Цепями с модой скованный,
 Изменчив человек —
 Настал иллюстрированный
 В литературе век.
 С тех пор, как шутка с «Нашими»
 Пошла и удалась,
 Тьма книг с политипажами
 В столице развелась.
 Увидишь тут Суворова
 (Известный был герой),
 Историю которого
 Состряпал Полевой.
 Одетого как барина
 Во всей его красе
 Увидишь тут Булгарина,
 В бекеше, в картузе.
 Различных тут по званию
 Увидишь ты гуляк
 И делую компанию
 Салопниц и бродяг.
 Рисунки чудно слажены,
 В них каждый штрих хорош,
 Иные и раскрашены:
 Ну, нехотя возьмешь!
 Издания тоже славные, —
 Бумага так бела, —
 Но часто презабавные
 Выходят тут дела.
 Чем книга напшигована,
 Постигнуть нет ума:
 В ней все иллюминировано,
 А в тексте — мрак и тьма!
 В рисунках отличаются
 Клот, Тимм и Нетельгорст,
 Все ими восхищаются...
 Художественный пёрст!

VIII

Когда беда случилась
 И хочешь, чтоб в груди
 Веселье пробудилось, —
 В Большой театр иди.
 Так ножки разлетаются,
 Так зала там блеснит,
 Так платья развеваются, —

Шарманщик.
Рисунок М. Пикколо.

Величественный вид!..
 Ох!.. много с трубкой зрительной
 Тут можно увидеть!
 Ее бы «подозрительной»
 Приличней называть.
 Недавно там поставили
 Чудесную «Жизель»
 И в ней плясать заставили
 Приезжую мамзель.
 Прекрасно! восхитительно!
 Виват, девица Гран!
 В партере все решительно
 Кричали: «се шарман!»
 Во мне зажглася заново
 Поэзией душа...
 А, впрочем, Андрянова
 Тут тоже хороша!

IX

В душе моей остылую,
 Лишенную всех сил
 «Русланом и Людмилою»
 Жизнь Глинка разбудил.
 Поэма музыкальная
 Исполнена красот,
 Но самое печальное
 Либретто: уши рвет!
 Отменно мне понравилась
 Полкана голова:
 Едва в театр усталилась
 И горлом здорова!
 Искусно всем украшена --
 От глаз и до усов.
 Как слышал я, посажено
 В ней несколько певцов
 (Должно быть, для полноты,
 Чтоб петь ее слова), --
 Не скажут тут и критики:
 «Пустая голова!..»

X

Извел бы десть бумаги я,
 Чтоб только описать,
 Какую Боско магию
 Умеет представлять.
 Ломал он вещи целые
 На мелкие куски,
 Вставлял сердечки белые
 В пунцовые платки,

Бог весть куда забрасывал
 И кольца и перстни,
 И так смешно рассказывал,
 Где явятся они.
 Ну, словом: Боско рубрики,
 Как фокусник и враль,
 Выманивал у публики
 Так ловко, что не жаль!

XI

Взамен его приехали
 Цыганы из Москвы, --
 Скажите, не потеха ли?..
 Не знаю, как-то вы,
 А я, когда их слушаю,
 Дыханье затаю,
 Чуть сам невольно с Грушею
 Не гаркну «Соловья».
 Раз собственной персоною,
 Забыв лета и класс,
 Я с пляшущей Матреною
 Пустился было в пляс.

XII

Проехав мимо нашего
 Гостиного двора,
 Я чуть, задетый заживо,
 Не закричал: ура!
 Бывало день колотиться
 На службе так и сяк,
 А чуть домой воротиться,
 Посешь -- и день писяк:
 Нет входа в лавки русские!
 Берешь жену и дочь
 И едешь во французские,
 Где грабят день и ночь.
 Теперь -- о восхищение
 Для сердца и для глаз! --
 В Гостином освещении:
 Проводят в лавки газ!
 Лпкуй, все человечество!
 Ршилось, в пользу дам,
 Российское купечество
 Сидеть по вечерам, --
 И газ распространяется
 Скорёхонько с тех пор:
 Ну, точно, просвещается
 У нас Гостиный двор!

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умаялся!.. Кончается
Здесь первая глава...

Глава II

Нет счастья под луной. — Романс. — Без трех
в червях. — Страшный обет. — Путешествие
в департамент. — Светлое воскресение. — Патри-
архальная жизнь. — Великий пост. — Петербург-
ские новости. — Рубини. — Его концерты. — Оперы:
Отелло, Луция и пр. — Лист. — Конское риста-
лище Сулье. — Арабы. — Скачущие мамзели. —
Некоторые любопытные и достоверные сведения
о ките. — О погоде. — О печальном расположении
духа, в котором находится г-н Белопяткин,
и о причинах того. — Звездочка. — Банк. —
Путешествие по Невскому проспекту в двена-
дцатом часу ночи. — Предсмертный приют. —
Биллиард. — Заключение. — Читатели. — Крити-
ки. — Барон Брамбеус, комета и г-н Белопят-
кин.

I

.....
.....
Недаром люди плакали,
Роптали на судьбу.
Сочувствую их ропоту
Растерзанной душой,
Я сам узнал по опыту —
Нет счастья под луной!
Какой предосторожности
В поступках ни держись,
Формально нет возможности
От жребия спастись.
Будь барин по сословию,
Приказчик, землемер,
Заставят плакать кровию —
Я сам тому пример!

II

На днях у эскуатора,
Чтоб скуку разогнать,
Рублишка по полутора
Засели мы играть.
Довольно флегматически
Тянулся преферанс;
Вдруг в зале поэтический
Послышался романс;
Согрет одушевлением,
Был голос так хорош,

Я слушал с восхищением,
Забыл весь мир... и что ж?..
Ошибкою малейшею
Застигнутый врасплох,
В червях игру сквернейшую
Сыграл — и был без трех!
Хотя в душе нотацию
Себе я прочитал,
Но тут же консоляцию
Сосед с меня взыскал.
Другие два приятеля
Огромные кресты
На бедного мечтателя
Черкнули за висты.
В тот вечер уж малинника
В глаза я не видал.
Сто тридцать два полтинника
С походом проиграл!..
Ох, пыльные движения
Чувствительной души!
От вас мне нет спасения,
В убыток — барыши!
Пропетый восхитительно,
Сгубил меня романс,
Вперед играть решительно
Не буду в преферанс!
Пусть с ним кто хочет водится,
Я — правилами строг:
В нем взятки брать приходится! —
Избави меня бог!
Занятым этим втянешься,
Пожалуй, в грех такой,
Что, чорт возьми! останешься
По службе без одной!

III

То ль дело, как ранёхонько
Пробудисься, зевнешь —
На дыпочках, тихохонько
Из спальни улизнешь
(Пока еще пронзительно
Жена себе храпит),
Побреешься рачительно,
Приличный примешь вид.
Смирив свою амбицию,
За ленью слуги
Почистишь амуницию
И даже сапоги.
Жилетку и так далее
Наденешь, застегнешь,
Приденишь все регалии,

Стакан чайку хлебнешь.
 Дела, какие б ни были,
 Захватишь, и, какмышь,
 Согнувшись в три погибели,
 На службу побужишь...
 Начальнику почтение,
 Товарищам поклон
 И вмиг за отношение —
 Ничем не развлечен!
 Молчания степенного
 День целый не прервешь,
 Лишь кстати подчиненного
 Прилично распечешь,
 Да разве снисходительно
 Подшутит генерал,
 Тогда мы все решительно
 Хохочем наповал!
 (Уж так издавна водится,
 Да так и должно быть:
 Нам, право, не приходится
 Пред старшими мудрить!)
 Его превосходительство
 Добрейший генерал,
 Он много покровительства
 Мне в службе оказал...

IV

Я с час пред умывальником
 Мучительный провел,
 Когда с своим начальником
 Христосоваться шел,
 Умылся так рачительно,
 Чуть кожу не содрал,
 Зато как снисходительно
 Меня он лобызал!
 Дал слово мной заботиться,
 Жал руку горячо,
 А я его, как водится,
 И в брюхо, и в плечо!
 Вот жизнь патриархальная,
 Вот служба без химер.
 О юность либеральная!
 Бери с меня пример!..

V

Я в пост, как бы на станции
 Задержанный, скучал,
 Да, к счастью, из Франции
 Рубини прискакал.

От чувства безотчетного
 Вдруг всякий присмирел,
 Как в зале Благородного
 Собранья он запел.
 На голову курчавую,
 Во всех концах земли
 Увенчанную славою,
 Все взоры навели
 И звуки изумрудные
 Впивали жадно в грудь.
 То были звуки чудные:
 Он пел не как-нибудь!
 Высокое искусство
 И выразить нет слов!
 Я слышал в жизни множество
 Отличнейших певцов, —
 Съезжаются на старости
 Сюда со всех сторон,
 Ревут, как волки в ярости,
 А все не то, что он!
 Начнет в четыре голоса,
 Зальется, как река,
 А кончит тоньше волоса,
 Нежнее ветерка.
 По свету благодарному
 Об нем недаром гул:
 Мне даже, титулярному,
 Он сердце шевельнул!

VI

Идешь ли в канцелярию,
 Уходишь ли от дел,
 Поешь невольно арию,
 Которую он пел.
 Выходит бестолковица,
 А думаешь, что так.
 Другой приостановится
 И скажет: «Вот дурак!»
 Отелло, мавра дикого,
 Так чудно он сыграл,
 Что им одним великого
 Название стяжал!
 Когда игралась Лючия,
 Я пролил реки слез:
 На верх благополучия
 Певец меня вознес.

VII

(Как всё по службе сделаю. —
 Нарочно поспешу, —

О Листе книгу целую
Тогда вам напишу.)

VIII

Как все, страстей игралище,
Покинув кучу дел,
На конское ристалище
Намедни я смотрел.
Шталмейстера турецкого
Заслуга велика:
Верхом он молодецкого
Танцует трепака.
Арабы взоры радуют
Отважностью своей,
Изрядно также падают
Мамзели с лошадей.
Ристалище престранное
По новости своей,
А, впрочем, балаганные
Их шутки веселей.
Начальник представления
Сулье, красив и прям,
Приводит в восхищение
В особенности дам.
Донные свет штукмейстера
Такого не видал:
Достоинство шталмейстера
Недаром он стяжал.

IX

Прилежно я окидывал
Заморского кита:
Не мало в жизни видывал
Я разного скота,
Но страшного, по совести,
Такого не видал,
Однажды только в повести
Брамбеуса читал.
Такой зверок — сокровище!
Аршинов сто длина,
Усищи у чудовища
Как будто два бревна,
Хвост длинный удивительно,
Башка — что целый дом,
Возможно всё решительно
В нем делать и на нем:
Плясать без затруднения
На брюхе контрадана,
А в брюхе без стеснения

Сражаться в преферанс!
Столь грузное животное
К нам трудно было ввезть;
Зато весьма доходное
Да и не просит есть.
Дерут за рассмотрение
Полтинник, четвертак,
А взглянешь — наслаждение
Почувствуешь в пятак!

X

Вот май... Все разъезжаются
По дачам отдохнуть...
Больные собираются
К водам, в далекий путь.
Лишь я один, тревогою
Измученный, грушу,
Душевных ран не трогаю
И сердца не лечу.
Изведал уж не мало я
Житейской суеты...
Ах, молодость удалая!
Куда исчезла ты?
Бывало лето красное
Мне счастье несло:
На сердце радость ясная,
Безоблачно чело!
Светила мне незримая
Звезда издалека,
Грудь, страстью шевелимая,
Вздыхалась, как река.
Тогда за что ни схватиться —
Всё с жаром; хоть порой
И дорого поплатиться,
Зато живешь душой!
Бывало заиграешься —
Огромный ставишь куш,
Дадут — не отгибашься,
Как будто триста душ!
Не мысля о погибели,
Рад сам себя на пе,
Согнувши в три погибели,
Пустить, на зло судьбе.
Дотла пропонтируешься,
Повеса нос уйдешь,
На всех день целый дуешься,
А там — опять за то ж.
Бывало за хорошенькой
Верст десять пробежишь,
Пристукиваешь ноженькой
Да в уши ей жужжишь:

«Куда идти позволите,
Куда вы, ангел мой?
Что пальцы вы мозолите,
Поседьте со мной!..»
Теперь... увы! — безжизненно
На целый мир глядишь,
Живешь безукоризненно —
Страстям не клинись.
Забывши и поэзию,
И карты, и лебеш,
Поутру ешь магнезию,
Микстуру на ночь пьешь,
Нейдут на разум грации...

XI

Кончаю, скромн, тих,
У Лерхе в ресторации
Остаток дней моих,
Из службы в биллардную
Прямехонько иду,
Игру там не азартную,
Но скромную веду.
Там члены всё отличные,
Хохочут и острят,
Истории различные
Друг другу говорят.
Никто там не заносится,
Играем чередой,
И генный Тюрип носится
Над каждой головой...

XII

Здесь будет заключение
Второй моей главы.
Итак, мое почтение,
Читатель добрый. Вы
Ценитель сплсходптельный,
Я знаю вас давно.
А, впрочем, мне решительно,
Поверьте, все равно:
За опыты в питнике
Я не прошу похвал.
Пускай иные критики
Отхлещут наповал, —
Ей-богу, не посетую!
Свое я получил:
Брамбеус сам с кометою
За ум меня сравнил.

Глава III

(БЕЗ ОГЛАВЛЕНИЯ. 1845.)

Мотивы итальянские
Мне не дают заснуть,
И страсти африканские
Волнуют кровь и грудь:
Всё грезятся балкончики,
И пскры черных глаз
Сверкают, как червончики,
В день по сту тысяч раз.
Отбою нет от думушки:
Эх, жизнь моя!.. увы!..
Зачем женили, кумушили,
Меня так рано вы!
На свете много водится
Красавиц, и каких!
А нам любить приходится
Курносых и рябых.
Что за красotka «Боржия»!..
Менялся весь в лице
И даже (не топор же я!)
Заплакал при конде;
Во всем талант, гармония...
Видал немного лиц
Таких, как у Альбони, я —
Певца из певцов.
В уме производящая
Содом и кутерьма,
Так много говорящая
И сердцу и уму:
Высокая и белая,
Красива и ловка
И уж заматерелая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишние
Заметны в ней души,
И верхние и нижние —
Все ноты хороши!..

Чтоб только петь, как Гарция,
И удивлять весь свет —
Не пожалел бы гарнца я
Серебряных монет.
На миг заботы вечные
Смолкают, не томят,
И струны все сердечные
В груди дрожат, звучат —
Звучат в ответ чудесные.
Могуча и легка,
Душа как бы по лестнице
Восходит в облака.
А мира тревожнения —

Служебный весь содом,
Начальник отделения
С запуганным лицом,
Скучнейшие нотаппи
Ревнующей жены,
Червонцы, ассигнации
И самые чины —
Всё в мелочь и ничтожество
Тотчас обращено...
Чего бы уж искусство
И делать не должно!
Подобные влечения
В неведомый предел
Ввергают в упущения
Житейских наших дел.
От итальянской арпы,
Исполненной красот,
К занятиям канцелярии
Труднее переход;
Спокойствие сменяется
Тревогою души,
И вовсе страсть терянется
Сколачивать гроши.
Но лишь предосторожности
Во-время стоить взять, —
Как не найти возможности
Всему противустать?
На то и волю твердую
Дал человеку бог,
Чтоб кетати душу гордую
Воздерживать он мог...
Вот мне ничто решительно
Не помешает спать,
Ни счет вести рачительно,
Ни даже... взятки брать —
(Не то, чтобы с проспителей,
А в картах... что сорвешь
С столичных наших жителей?
Голь продувная сплошь!)
А все же я признаюсь,
Что Гарцней порой
Так сильно восхищаюсь,
Что слезы лью рекой.
Растрогает татарина!
Так хорошо поет,
Что даже у Фиглярина
Ругательств не стаёт;
Глаза большие, черные,

И столько в них огня...
Жаль — силы стихотворные
Слабеньки у меня;
А будь-ка красноречие!..
Но про меня и так
Трубит давно злоречие,
Что будто я дурак.
Молчу! Где нам подобные
Предметы воспевать:
Мы дураки, способные
Взяточки только брать!
Над нами сочинители
Смеются в повестях...
А чем мы их обидели?
Будь я в больших чинах,
Тотчас благоразумие
Внушил бы им, ей-ей!
Давай нам остроумие,
Но трогать нас не смей!
Чем хуже я профессора,
Художника, врача?
Коллежского ассессора
Трудами получа,
Я никому не здравствую.
Небезызвестно вам,
Что я давно участвую
В литературе сам;
Но никогда решительно
(И бог храни вперед)
Не нападал презрительно
И на простой парод!
Без вздоров сатирических
Идет лишь Полевой
В инесах драматических
Дорогою прямой.
В нас страсти благородные
Умеет возбуждать
И, лица взяв почетные,
Умеет уважать;
Всем похвалы горячие,
Почтенье... а писцы
И мелкие подьячие
Глупцы и подлецы,
С уродливыми рожами...
И тут ошибки нет
(Не всё же ведь хорошими
Людьми наполнен свет)...

НОВОСТИ

(ГАЗЕТНЫЙ ФЕЛЬЕТОН)

Почтеннейшая публика! на днях
 Случилось в столице нашей чудо:
 Остался некто без пяти в червях,
 Хоть — знают все — играет он не худо.
 О том твердит теперь весь Петербург.
 «Событие вне всякого другого!»
 Трагедию какой-то драматург
 На пользу поколенья молодого
 Сбирается состряпать из него...
 Разумный труд! Заслуги, удайство
 Похвально есть; но все же не мешает
 Порою и сознание грехов,
 Затем, что прегрешение отцов
 Для их детей спасительно бывает.
 Притом, для нас не стыдно и легко
 В ошибках сознаваться — их немного,
 А доблестей — как милостей у бога...
 Из черного французского трико
 Жилеты, шелком шитые, недавно
 Вошли в большую моду: в самом деле
 славно!

Почтительный муж шестидесяти лет
 Женится на девице в девятнадцать
 (На днях у них парадный был обед,
 Не мог я, к сожалению, отказаться);
 Немножко было грустно. Взор ее
 Сверкал, казалось, скрытым слезам
 И будто что-то спрашивал. Но я
 Отвык, к несчастью, тешиться мечтами,
 И мне ее не жалко. Этот взор
 Унылый, длинный; этот вздох глубокий —
 Кому они? — Любезник и танцор,
 Гремящий саблей, статный и высокий, —
 Таков был напевский идеал
 Моей девицы... Что ж! распорядился
 Иначе случай...

Маскарад и бал
 В собрании был и очень долго длился;
 Люблю я наши маскарады; в них,
 Не говоря о прелестьях других,
 Образчик жизни петербургско-русской,
 Так ловко переделанной с французской.
 Уныло мы проходим жизни путь,
 Могло бы нас будить одно — искусство,
 Но редко нам разогревает грудь
 Из глубины поднявшееся чувство,
 Затем, что наши русские певцы
 Всем хороши, да есть не молодцы,

Затем, что наши русские мотивы,
 Как наша жизнь, и бедны, и сонливы,
 И тяжело однообразие их,
 Как вид степей пустынных и нагих.

О, скучен день, и долог вечер наш!
 Однообразны месяцы и годы:
 Обеды, карты, дребезжанье чаш,
 Визиты, поздравленья и разводы —
 Вот наша жизнь. Ее постылый шум
 С привычным равнодушьем ухо внемлет,
 И в действительности пустом кипящий ум
 Суров и сух, а сердце глухо дремлет;
 И, свыкшись с положением таким,
 Другого мы как будто не хотим,
 Возможность исключений отвергаем
 И словно по профессии зоваем...
 Но — скучны отступления!

Чудак,
 Знакомый мне, в прошедшую субботу
 Сошел с ума... А был он не дурак.
 И тысяч сто в год получал доходу.
 Спокойно жил, доволен и здоров,
 Но обонял его по службе чином,
 И вдруг, уныл, задумчив и суров,
 Он стал страдать славяно-русским

сплинном;
 И наконец в один прекрасный день,
 Тайком от всех, одевшись наизнанку
 В отличия, несвойственные рангу,
 Пошел бродить по улицам, как тень,
 Да и пропал. Нашли на третьи сутки,
 Когда сыном какой-то важной утки
 Уж он себя в принадлежках величал
 И в совершенстве кошкою кричал,
 Стараясь всех уверить в то же время,
 Что чин большой есть тягостное бремя,
 И служит он, ей-ей, не для себя,
 Но только благо общее любя...

История другая, в том же роде,
 С одним примерным юношей была:
 Женится он для денег на уроде,
 Она — для денег за него пошла,
 И что ж? — о срам! о горе! —

оказалось,
 Что им обоим только показалось:
 Она была как нищая бедна,
 И беден был он так же, как она.

Не вынес он неожиданного удара
И впал в хандру; в чахотке слег
в постель,
И не прожить ему пяти недель.
А нежный тесть, равнодушно глядя
На муки завербованного злтя
И положение дочери родной,
Вянит во всем «натуршку гиплюю»
И думает: «Для дочери другой
Я женишка покрепче завербую».

Собачка у старухи Хвастуновой
Пропала, а у скряги Сурмина
Бежала гувернантка — ищет новой.
О том и о другом извещена
Столица чрез известную газету;
Являсь тотчас разных свойств и лет
Тьма гувернанток, а собак нет.

Почтенный и любимый господин,
Прославившийся емкостью желудка,
Безмерным потреблением всяких вин
И неступенной тупостью рассудка,
Объелся и скончался... Был на днюх
Весь город на его похоронах.
О доблестях покойника, рыдая,
Какой-то друг три речи произнес,
И было много толков, много слез,
Потом была ширушка — и больная!
На голову обжоры не похож,
Был полон погреб дорогих бутылок,
И длился до заутренн кутеж...
При дребезге ножей, бокалов, вылок
Припомнились добрые дела
Покойника, хоть их, признаться, было
Весьма немного; но обычай милый
Святая Русь доныне сберегла:
Ко всякому почтенье за могилкой —
Ведь мертвый нам не может сделать зла!
Считается напомнить неприличным,
Что там-то он ограбил сироту,
А вот тогда-то пойман был с поличным.
Зато добра малейшую черту
Тотчас с большой горячностью подхватят
И разовьют, так истинно скорби,
Как будто тем скончавшемуся платят
За то, что их избавил от себя!
Поговорив — нечаянно напьются,
Напившись — слезами обольются,
И в эпитафии напишут: «Человек
Он был такой, какие ныне редки!»
И так у нас идет из века в век,
И с нами так поступят наши детки...

Литературный вечер был; на нем
Пронсходило чтение. Важно, чинно
Сидели сочинители кружком
И наслаждались мудростью невинной
Отставшей знаменитости. Потом
Один весьма достойный сочинитель
Тетрадищу пошенично развернул,
И три часа — о изверг, о мучитель! —
Читал, читал — и даже сам зевнул,
Не говоря о жертвах благосклонных,
С четвертой же страницы усыпленных.
Их разбудил восторженный поэт;
Он с места встал торжественно и строго,
Глаза горят, в руках тетради нет,
Но в голове так много, много, много...
Рекой липсы гремучие стихи,
Руками он махал, как неступенный...
Слышал я в жизни много чепухи
И много дичи видел во вселенной,
А потому я не был удивлен...
Ценителей толпа рукоплескала,
Младой поэт отвесил им поклон
И все прочел торжественно с начала.
Затем как раз и к делу приступить
Пришла пора. К несчастью, есть и пить
В тот вечер я не чувствовал желанья
И вон ушел тихонько из собрания.
А пили долго, говорят, потом
И говорили горячо о том,
Что движемся мы быстро с каждым
часом

И дурно, к сожалению, в нас одно,
Что небрежем отечественным квасом
И любим иностранное вино.

На петербургских барынь и девиц
Напал недуг свирепый и великий:
Вскружился мир чиновниц полудлкий
И мир ручных, но недоступных львиц.
Почто сия на лицах всех забота?
Почто сей шум, волнение умов?
От Невского до Козьего болота,
От Козьего болота до Песков,
От пестрой и роскошной Миллионной
До Выборгской унылой стороны —
Чем занят ум мужей неутомонно?
Чем души жен и дев потрясены?!
Все женщины, от пресловутой Ольги
Васильевны, купчихи в сорок лет,
До той, которую воспел поэт
(Его уж нет), помешаны на нольке!
Предчувствие явления ся
В атмосфере носилось заране.

Она теперь у всех на первом плане
И в жизни нашей главная статья;
О ней и меж великими мужами
Нередко прения, жаркий спор кипит,
И старец, убежденный сединами,
О ней с одушевленьем говорит!
Она в одной сорочке гонит с ложа
Во тьме ночной прелестных наших дев,
И дева пляшет, общий сон тревожа,
А горничная, барышню раздев,
В своей каморке производит то же.
Достоинейший сын века своего,
Пустейший фразист, исполнен гордой сплостью,
Ей предан без границ, — и для него
Средины нет меж пользой и мглою!
Проникнувшись величиною труда
И важностью предпринятого дела,
Как гладиатор в древние года,

С ней борется он ревностно и смело...
Когда б вы не были, читатель мой,
Аристократ и побывать в танкклассе
У Кессених решились со мной,
Оттуда вы вернулись бы в экстазе,
С утешенной и бодрою душой.
О юношество милое! Тебя ли
За хлестость и недвижность упрекнуть?
Не умерли в тебе и не ували
Младые силы, не зачахла грудь,
И сила там кипит твоя просторно,
Где все тебе по сердцу и покорно.
И, гордое могуществом своим,
Довольно ты своею скромной долей:
Твоими порывам смелым и живым
Такое нужно поприще — не боле,
И тратишь ты среди таких тревог
Души всю силу и всю силу ног...

ЧИНОВНИК

Как человек разумной сдержанности,
Он многого в сей жизни не желал:
Перед обедом был настойку из рыбных
И чихирем обед свой заправлял.
У Кинчерфа¹ заказывал одежду
И с давних пор (простительная страсть)
Питал в душе далекую надежду
В коллежские ассесоры попасть —
Затем, что был он крови не боярской
И не хотел, чтоб в жизни кто-нибудь
Детей его породой семинарской
Осмелился надменно попрекнуть.
Был с виду прост, держал себя сдержанно,
Смирненно все судьбе предоставлял,
Пред старшими подсказывал со стула
И в робость безотчетную впадал,
С начальником ни по каким причинам —
Где б ни было — не вмешивался в спор,
И было в нем все соразмерно с чином —
Походка, взгляд, усмешка, разговор.
Внимательным, уступчиво-смирненным
Был при родных, при теще, при жене,
Но поддержать умел пред подчиненным
Достоинство чиновника вполне;

Мог и распечь при случае (распечь-то
Мы, впрочем, все больше мастера),
Имел даже значительное нечто
В бровях...

Теперь тяжелая пора!

С тех пор, как стал пылкостью рассудка
Тревожно-беспокойного наш век
Задерживать развитие желудка,
Уже не тот и русский человек.
Выводятся раскормленные тупи,
Как ни одним героически, как ни пьем,
И хоть теперь мы так же бьем баклуши,
Но в толщину от них уже неидем.
И в наши дни, читатель мой любезный,
Лишь где-нибудь в косяющей глуши
Найдете вы, по благодати небесной,
Приличное вместилище души.

Но мой герой — хоть он и шел за веком —
Больных влияний века избегал
И был таким, как должно, человеком:
Ни толст, ни тощ. Торжественно лежал
Мясистый, двухэтажный подбородок
В воротничках, — но промежуток был
Меж головой и грудью так короток,
Что паралич — увы! — ему грозил.
Спина была — уж сказано — горбата,

¹ Тогдашний портной средней руки.

Примечание Некрасова.

И па ногах (шепну вам па ушко:
Кривых немножко — нянька виновата!)
Качалось солидное брюшко...

Сирот и вдов он не был благодетель,
Но нищим иногда давал гроши
И называл святую добродетель
Первейшим украшением души.
О ней твердил в семействе беспрерывно,
Но не во всем ей следовал подчас
И извинял грешки свои наивно
Женой, детьми, как многие из нас.

По службе вел дела свои примерно
И не бывал за взятки под судом,
Но (на жену, как водится) в Галерной
Купил давно пятиэтажный дом.
И радовал родительскую душу
Сей прочный дом — спокойствия залог.
И на Фому, Ванюшу и Феклушу
Без сладких слез он посмотреть не мог...

Вид нищеты, разительного блеска
Смушал его — приличье он любил.
От всяких слов, произносимых резко,
Он вздрагивал и тотчас уходил.
К писателям враждой — не беспричинной —
Пылал... бледнел и трясся сам не свой,
Когда из них какой-нибудь бесчинный
Ласкаем был чиновною рукой.
За лишнее считал их в мире бремя,
Звал книги побасенками: «Читать
Не то ли же, что праздно тратить время?
А праздность всех пороков наших
мать» —

Так говорил ко благу подчиненных
(Мысль глубока, хоть и весьма стара)
И из всех открытий современных
Знал только консолидацию...

Пора
Мне вам сказать, что, как чиновник
дельный

И совершенно русский человек,
Он заражен был страстью той
смертельной,
Которой все заражены в наш век,
Которая пустить успела корни
В обширном русском царстве глубоко
С тех пор, как вист в потеху нашей
дворян

Мы отдали... «Приятно и легко
Бегут часы за преферансом; право,
Кто выдумал — был малый с головой!»

Так иногда, прищурившись лукаво,
Говаривал почтенный наш герой.
И выше он не ведал наслаждений...
Как он играл?... Серьезная статья!
Решить вопрос сумел бы разве гений,
Но, так и быть, попробую и я.

Когда обед оканчивался чинный,
Крестясь, гостям хозяин руки жал
И, приказав поставить стол в гостиной,
С улыбкой добродушной замечал:
«Что, господа, сразиться бы недурно?
Жизнь коротка, а нам не десять лет!»
Над ним несло тогда дыханье бурно
И — вдохновен — он забывал весь свет,
Жену, детей; единой предан страсти,
Молчал, как жрец, бровями шевеля,
И для него тогда в четыре масти
Сливалось все — и небо и земля!

Вне карт не знал, не слышал и не видел
Он ничего, — но помнил каждый приз...
Прижимистых и робких ненавидел,
Но к храбрецам, готовым на ремиз,
Исполнен был глубокого почтения.
При трех тузах, при даме сам-четверт
Козырной — в вист ходил без опасенья,
В несчастии был, как многие, не тверд, —
Ощипанной подобен куропатке,
Угрюм, сердит, ворчал, повесил нос,
А в счастии любил при каждой взятке
Пристукивать и говорил: «а что-с?»

Острил, как все острият или острили,
И замечал при выходе с бубён:
«Ну, Петр Кузьмич! недаром вы служили
Пятнадцать лет — вы знаете закон!»
Валетов, дам красивых, по холодных,
Шушил слегка, как все; но никогда
Насчет тузов и прошлых карт почетных
Не говорил ни слова...

Господа!

Быть может, здесь надменно вы зевнете
И повесть благовражную мою
В подробностях излишних упрекнете...
Ответ готов: не пустяки пою!

Пою, что Русь и тешит и чарует,
Что наши дни — как средние века
Крестовые походы — знаменует,
Чем наша жизнь полна и глубока
(Я не шучу — смотрите в оба глаза);

Чем от «Москвы родной» до Иртыша,
От «финских скал» до «грозного Кавказа»
Волнуется славянская душа!..

При том, я сам страсть эту уважаю, —
Я ею сам восторженно киплю,
И хоть весьма несчастно прикупаю,
Но вечеров без карт я не терплю
И, где их нет, постыдно засыпаю...

Что ж делать нам?.. Блаженные отцы
И деды наши шировать любили,
Весной садили лук да огурцы,
Волков и зайцев осенью травили,
Их увлекал, их страсти шевелил
Поротый пест, статистый пноходец;
Их за столом и трогал и смешил
Какой-нибудь наряженный уродец.
Они сидеть любили за столом
И было им и любо и доступно
Перепивать друг друга и потом,
Повздоровив по-русски, дружелюбно
Вдруг утихать и засыпать рядком.
Но мы забав отцов не понимаем
(Хоть мало — все ж мы их переросли),
Что делать нам?.. играть!.. и мы играем,
И благо, что занятые наши —
Спеть грешно и вредно сложа руки...

В неделю раз, пресытившись игрой,
В театр Александринский, ради скуки,

Являлся нам почтеннейший герой.
Удвоенной ценой за бенефисы
Отечественный гений поощрял,
Но звание актера и актрисы
Постыдным, по преданию, считал.
Любил пальбу, кровавые сюжеты,
Где при конце карается порок...
И, слушая скоромные куплеты,
Толкал жену легонько под бочок.

Любил шепнуть в антракте плотной даме
(Всему научит хитрый Петербург),
Что страсти и движенье нужны в драме
И что Шекспир — великий драматург, —
Но, впрочем, не был твердо в том уверен
И через час другое подтверждал.
По службе был всегда благонамерен,
Он прочее другим предоставлял.
Зато, когда являлась сатпра,
Где автор — тунелдец и нахал —
Честь общества и украшение мира,
Чиновников, за взятки порпал, —
Свирепствовал он, не жался груди,
Дивился, как допущена в печать,
И как благонамеренные люди
Не совестятся видеть и читать.
С досады бил (сильна была досада!)
В удвоенном количестве чихирь
И говорил, что авторов бы надо
За дерзости подобные — в Сибирь!..

ОТРЫВОК

Родился я в губернии
Далекой и степной
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Мне будущиость счастливую
Отец приготовлял,
По жизни трудолюбивую
Сам в бедности скончал!
Немытый, непрглаженный,
Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашенный
Везли большим селом;
Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные

Мне ветер разведал...
Запомнил я сердитую
Улыбку мертвеца
И мать мою, убитую
Кончиною отца.
Я помню, как шептался,
Как в церковь гроб несли;
Как с мертвым целовался,
Как бросили земли;
Как сам мы лопатушкой
Сравнили бугорок...
Нам дядя с бедной матушкой
Дал в доме уголок.
К настоящей страсти великую
Сей человек питал,

Имел наружность дикую
И мне не потакал...
Он часто, как страшилище,
Пугал меня собой
И порешил в училище
Отправить с рук долой.
Мать плакала, томилась,
Не ела по три дня,
Вздыхала и молилась,
Просила за меня,
Пешком идти до Киева
Хотела, но слегла
И с просьбой: «Не губи его!»
В могилу перешла.
Мир праху добродетельной!
Старик потосковал;

Но тщетно благотельной
Я перемены ждал:
Не пзменил решение!
Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтниник в руку ткнул.
Влепил с немим рыданьем
В уста мне поделуи:
«Учился с прилежаньем,
Не шлййся! не балуй!»
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно —
И кляча поплелась...

.....

..

Стишки! стишки! давно ль и я был гений?
Мечтал... не спал... пописывал стишки?
О вы, источник столькох наслаждений,
Мои литературные грешки!
Как дельно, как благоразумно-мпо
На вас я годы лучшие уби!
В моей душе не много силы было,
А я и ту бесплодно расточил!
Увы!.. стихов слагатели молодые,
С кем я делил и труд мой и досуг,
Вы, люди милые, поэты преплохне,
Вам изменил ваш недостойный друг!..
И вы... как много вас уж — слава
богу — сгибло...

Того хандра, того жена зашибла,
Тот сам колотит бедную жену,
И сищу гнет другой... а встарину?
Как гордо мы на будущность смотрели!
Как ревностно бездействовали мы!
«Избранники небес», мы пели, пели
И песнями пересоздать умы,
Перевернуть действительность хотели,

И мнилось нам, что труд наш не пустой,
Не детский бред, что с пап сам
всевышний,
И близок час блаженно-роковой,
Когда наш труд благословит наш
блжнный!

А между тем действительность была
Попрежнему безвыходно попла,
Не убыло ни горя, ни пороков —
Смешон и дик был истинный бой
Не понимающих толпы пророков
С не внимающей пророчествам толпой!
И «блжнный пап» всё тем же глазом впдел,
Всё так же близоруко понимал,
Любил корыстно, пошло ненавпдел,
Бесславно и бессмысленно страдал;
Пустых страстей пустой и праздный
грохот

Попрежнему движение заменял,
И не смолкал тот сатапинский хохот,
Который в сень холодную могил
Отцов и дедов наших проводил!..

1851

СТАРЫКИ

Неизбежные напасти,
Время лет, трудов и зла
Унесли из нашей страсти
Много свету и тепла.

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой.
Расстаемся равнодушно,
Не торопимся домой.

Что таняться друг от друга?
Поседел я — виднись ты;
И в тебе, моя подруга,
Нету прежней красоты.

Что ж осталось в жизни нашей?
Ты молчишь... печальна ты...
Не случилось ли с Парашей —
Сохрани господь — беды?..

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Говорят, что счастье наше скользко, —
Сам, увы! я то же попытал!
На границе Юрьевец-Повольска
В собственном селе я проживал.
Недостаток внешнего движенья
Заменяв работой головы,
Принимал я в лето, без сомненья,
Десятин до двадцати травы;
Я лежал с утра до поздней ночи
При волшебном плеске ручейка
И мечтал, поднимая к небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и беспечной
Предо мной толпились ряд плей,
И витал я в сфере бесконечной,
Презирал мелкий труд людей.
Я лежал, гуляясь их тревогой,
Не пужаясь, к счастью, ни в чем,
Но зато широкою дорогой
В сфере мысли шел богатырем;
Гордый дух мой рос и расширялся,
Много тайн я совмещал в груди
И повелать миру собирался;
Но любовь сказала: погодь!
Я давно в сознанье идеала
Погружен был страстною душой:
Я желал, чтоб женщина предстала
В виде мудрой Кипи предо мной,
Чтоб и свет, и танцы, и парадь,
И беды не нужны были ей,

Чтоб она на все бросала взгляды,
Добытые мыслию своей;
Чтоб она не плакала напрасно,
Не смеялась втуне никогда,
Говори восторженно и страстно,
Вдохновенно действуя всегда;
Чтоб она не в рюмки и подносы,
Не в дела презренной суеты, —
Чтоб она в великие вопросы
Погружала мысли и мечты...
И пришел, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитию предавала.
Я читал ей Гегеля, Жан-Поля,
Демосфена, Галпча, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декабриста,
Вольтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шеллинга, Клопштока, Дидеро...
В ком жила великая идея,
Кто любил науку и добро;
Всех она, казалось, понимала,
Слушала без скуки и тоски,
И сама уж на ночь начинала
Тацита читать, надев очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разом сбить ей было, чем понять,
Как велик и плодотворен Гегель;
Но умел я вразумлять и ждать!

Видел я: не пропадет терпенье, —
 Даже мать красавицы моей,
 Бросивши варенье и соленье,
 Философских набралась идей.
 Так мы шли в развитии нашем дружно,
 О высоком гечно говоря...
 Но не то ей в жизни было нужно!
 Раз, увы! в начале сентября
 Прискакал я поутру к невесте.
 Нет ее ни в зале, ни в саду.
 Где ж она? «Они на кухне вместе
 С маменькой» — и я туда иду.
 Тут предстала страшная картина...
 Разом столько горя и тоски!
 Растерзав на клочья Ламартина,
 На бумагу клала прожжк
 И сажала в печь моя невеста!!
 Я смотреть без ужаса не мог,

Как она рукой месила тесто,
 Как потом отведала пирог.
 Я не верил зрению и слуху,
 Думал я, не перестать ли жить?
 А у ней еще достало духу
 Мне пирог проклятый предложить.
 Вот они — великие идеи!
 Вот они — развития плоды!
 Где же вы, поэзии затеи?
 Что из вас, успевая и труды?
 Я рыдал. Скопфузился обе.
 Видимо, перепугались вдруг;
 Я ушел в невыразимой злобе,
 Объявив, что больше им не друг.
 С той поры, я верю: счастье скользко,
 Я без слез не проживаю дня;
 От Москвы до Юрьевец-Новольска
 Нет лица несчастнее меня!

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Журналист (выходя утром в свой кабинет и садясь к рабочему столу)

Вот почта новая. Какая груда дел!
 Куда деваться мне от писем и посылок?
 В провинции народ взыскателен и пылок:
 Чуть к первому числу с журналом
 не поспел,
 Завалят письмами — тоска и разоренье!
 Тот делает упрек, тому дай объяснение,
 А тот с угрозам... досадная статья!
 Посылки также вздор, их ненавижу я!
 Плохие повести, а чаще рифмотворство!..
 Я, кажется, стихам не делаю

потворства —
 В них толку не пишу... Какая польза в том.
 Что чувствовал поэт то дома, то на бале?..
 Я положитель и в жизни, и в журнале.
 Девиз мой: интерес существенный во всем!
 И как их разлпчать? Хороших нет
 эстетик,
 А практик я плохой — я больше теоретик...

Слуга (входит и докладывает)

Помещик Свиштунов, презжий из Уфы.

Журналист

Проси его, проси: сегодня принимаю...

(Слуга уходит)

Всю жизнь я разделл на равные графы,
 Как счетную тетрадь, и только отмечаю,
 Куда, который час и как употреблен...
 В рот капли не беру и ем один бульон...

Подписчик (входит)

Семь лет подписчиком и данником
 покорным
 Я вашим был — и ныне состою.
 Пылая к вам почтеньем испритворным
 (Простите, батюшка, докучливость мою),
 Священным долгом счел, прибыв
 в столицу нашу,
 Сначала облететь ее во все концы,
 Кунсткамеру взглянуть, потом особу
 вапу..
 А там опять домой... чай, ждут мои
 птенцы!..

Журналист

Садитесь; очень рад. Как розы среди
террипий,
Как светлый ручеек во глубине степей —
Цветисто говоря — так жители губерний
Приютны нам всегда. Вы щедростью своей,
Поддерживая нас, конечно, заслужили,
Чтоб полное мы к вам почтение
хранили, —
И если в микроскоп рассматривать меня
Охота вам придет — я должен согласиться!

Подписчик

Поздненько, батюшка, мне оптике учиться:
Мне стукнет шестьдесят через четыре дня!

Журналист

Да я, ведь, пошутил. А говоря прямее,
Как дело всякое со стороны виднее,
То я доволен я, что завернули вы...
Трудами наших рук и нашей головы
Мы жертвуем для вас, журналы издавая...

Подписчик (перебивая с поклоном)

И благодарность вам, почтеннейший,
большая...

Журналист

Мы пишем день и ночь; торопимся,
спешим
Роман перевести; театр, литературу
За месяц обозреть, исправить
корректуру —
Все к первому числу... И сле мы дышим,
Отписуя, наконец, и выдав книжку нашу...
По какова она?... Которые статьи
Охотно вы прочли в кругу своей семьи?
Какие усынить успели милость вашу?
Не знаем ничего, и знать нам мудрено.
Конечно, судят нас собратья аккуратно:
Но замечать они умеют только пятна,
И в беспристрастии их упрекнуть грешно!
Купаясь в мелочной и тягостной борьбе,
Которая порой близка бывает к драке,
Увы! не знаем мы цепы самим себе,

И ощупью бредем в каком-то полумраке!
Кто ж может этот путь тернистый
осветить?
Кто на дурное нам беззлюбиво укажет?
Кто за хорошее нам благодарность скажет,
Умея покарать, умея и простить?

Подписчик

Конечно, публика...

Журналист

К тому и речь веду я.
Как умный человек и как подписчик мой,
Вы представителем явились предо мной
Всей нашей публики; и вас теперь
спрошу я:
Довольны ли вы тем, что производим мы?
Интересуют ли читателей умы
Словесность, Критика, Хозяйство, Смесь,
Науки?..
Что любит публика? к чему негоряча?..

Подписчик

Благодаря всевластной силе скупки
И рьяности чтецов, читаются сплеча,
За исключением Паук и Домоводства,
Все ваш рубрикп...

Журналист

О стыд!
о готтептотство!
Ужель еще читать не начали Паук?

Подписчик

Давно бы начали, но, батюшка, «Паук»
Так пишется у вас, что просто вон из рук!
Охотно ставлю вам семью свою в поруки:
Изятым надлежит достатком — сыновей
Я дома воспитал, а дочек в пансионе,
Страсть к чтению развита у всех моих
детей;
Засядем вечерком с журналом на балконе,
Читаем, и летят скорехонько часы...
Не спит моя жена; а как довольны дети!
Но чуть в «Науки» я — повесят все носы,

Как будто их поймал волшебник лютый
в сети!

Стараюсь убеждать, доказываю им,
Что с пользою теперь мы время посвятим
Не басенке пустой, а дельному трактату,
И дети верят мне... Поближе к ним

подсаду,
Читаю, горячусь... Но такова статья,
Что через час и сам спать начинаю я!
Ну, что вы скажете?

Журналист

Еще бы малым детям
Читать вы начали ученые статьи!..

Подписчик

Нет, дети, батюшка, не малы уж мои,
И в нашей публике ученых вряд ли
встретим:

Держал учителей, три года жил
в Москве...

Прислушивался я частехонько к молве
И слышал все одно: «Быть может,
и прекрасно,

Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Имейте, батюшка, слова мои ввиду!..

Притом, какие вы трактуете предметы?
«Прокказы домовых», «Пословицы»,
«Приметы»,

«О роли петуха в языческом быту»,
«Значение кочерги», «История ухвата»...
Пет, батюшка, таких статей нам не надо!

Журналист

Но ежели вопрос нас к истине ведет,
Ученый помышлять обязан ли о скуке?

Подписчик

Не спорю, батюшка, полезно все в науке.
И ваша кочерга с достоинством займет
В ученом сборнике достойные страницы...
Но если дилетант-читатель предпочтет
Ученой кочерге пустые небылицы,
Ужели он не прав?

Журналист

Да вы против пауки?

Подписчик

Напротив, батюшка, я их всегдашний друг!
И в вашем и в других журналах, хоть
не часто,

Случалось мне встречать ученые статьи —
Я сам, жена моя, домашние мои
Читали жадно их, как повести... Нет,
за сто

Изрядных повестей, поверьте, не отдам
Одной такой статьи: какое списхождение
К невинной публике! какое изложение!
Не путешествуя, по дальним городам
С туристом я блуждал; талантливый
ученый

Вопрос мне разъяснял в истории
мудреный...

Вот этаких статей побольше надо нам!

Журналист (со вздохом)

Ах, рады бы и мы всегда таким статьям,
Да где их доставать? Таланты так ленивы,
Что ежели статью в журнале в год прочли
вы

С известным именем — благополучный год.
Но часто журналист и по три года ждет
Обещанной статьи; а в публике толкуют,
Что шарлатанит он...

Подписчик

Куда как негодуют,
Что обещаний вы не держите своих!

Журналист (махнув рукой)

Мы нынче и давать уж перестали их!

Подписчик

Но прихотлив талант — в нем возбудить
охоту
Полезно иногда — скупитесь, видно, вы?

Журналист

Помпуйте! платить готовы мы без счету!
 Кто только прогремит по милости молвы,
 Тому наперехват и деньги и внимание...
 Ох, дороговько мне пришлось соревнованье!
 Набили цену так в последние года,
 Что наши барышни не годны никуда!
 Бог знает, из чего стараемся, хлопочем?
 «Известности» теперь так дорого берут,
 Что сбавил цену я своим чернорабочим...
 Романы, например... поверьте, приведут
 Мою и без того тщедушную особу
 К сухотке злой они, а может—и ко гробу!
 Спасение в одном—почаще перевод
 Печатай, и коней...

Подписчик

По мне, так переводы
 Пора бы выводить решительно из моды,
 А много перевести романа два-три в год...
 Не спорю: хороши французские романы,
 И в аглицких меня пленяет здравый ум...
 Но мы читаем их, как дети наобум:
 Нас авторы ведут в неведомые страны;
 Народности чужой неясные черты
 Нам трудно понимать, не зная той среды,
 В которой романист рисуется, как дома...
 То ль дело русский быт и русское житье?
 Природа русская?... Жизнь русская знакома
 Так каждому из нас, так любим мы ее,
 Что, как ни даровит роман ваш
 переводный,
 Мы слабую ему статейку предпочтем,
 В которой нам дохнет картиною народной,
 И русской грустью, и русским удалством,
 Где развернется нам знакомая природа,
 Знакомые черты знакомого народа...

Журналист

Вы судите умно. Все к сведенью приму.
 Теперь же вам вопрос последний
 предлагаю:
 Сужденья ваше знать о Критике желаю...

Подписчик

Позвольте умолчать.

Журналист

Скажите, почему?

Подписчик

Сегодня повод вам своей свободной речью
 Я подаю, сударь мой, и так
 к противоречью,
 И если мнение о Критике скажу,
 Название глупца, пожалуй, заслужу.

Журналист

Напротив, никогда! Ведь нет о вкусах
 спора!
 Прошу вас, и клянусь, что лболом
 раздора
 Не будет никакой строжайший приговор.

Подписчик

Ну, если так, я рад! Полезно разговор
 О чем бы он ни шел, довести
 до окончания.
 Я вашей Критики любитель небольшой:
 Не то, чтоб были в ней неверны
 замечанья,
 Но многословием, надутой пустотой,
 Самодовольством, задором и педантством
 Смущает нас она... а пуше
 шарлатанством!
 Ну что хорошего? Как только летний жар
 Немного поспадет и осенью суровой
 Повеет над селом, над полем и дубровой,
 Меж вами, так и жди, поднимется базар!
 Забыв достоинство своей журнальной
 чести,
 Из зависти, вражды, досады, мелкой местн
 Спешите вы послать врагам своим стрелу.
 Враги стремительно бросают вам

перчатку—
 И бурей роковой к известному числу
 Все разрешается... Ошибку, опечатку
 С восторгом подхватив, готовы целый том
 О ней вы сочинить... А публика? Мы
 ждем,

Когда окончится промышленная стычка,
 Критический отдел наполнившая весь
 И даже, наконец, забравшаяся в Смесь,

И думаем свое: «Несчастливая привычка,
Ошибка грустная испытанных умов,
К чему ты приведешь?..» О, выразить
нет слов,
Как сами вы себя роняете жестоко,
Как оскорбляете вы публику глубоко —
И все, ведь, из чего?.. Шумливая толпа
Газетных писунов, журнальных ратоборцев,
Напрасно мыслишь ты, что публика
слепа!..

Я верю вам, когда бездарных стихотворцев
Преследуете вы, трактую свисока
О рифме, о стихе, о формах языка,
Во имя Пушкина, Жуковского и Гете
Доказывал им, что хуже в целом свете
Не писался пикто, и что рубить дрова
Полезней, чем писать — «слова, слова,
слова!»

(Привычка водится за всем ученым миром
Суждение подкрепить то Данте, то
Шекспиром).

Я верю вам, когда озлобленным пером
Вонзаетесь порой в чуждые романы,
Пигмеям нанося решительные рапы,
В надежде щегольнуть и собственным
умом.

Когда неловкий стих или хромую фразу,
Вдобавок сказав и, на потеху глазу,
Косыми буквами поставив мне на вид,
Кричите вы: «И вот что автор говорит!
Где мысль, где логика, где истинное
чувство?

Тут поправ здравый смысл, поругано
искусство!

О муза русская! осиротела ты!..»
Горячность ваша мне хотя и непонятна
(Вы знаете, что есть и в самом солнце
пятна),

Но верить я готов, что чувство правоты
Внушило вам и желчь и едкие сарказмы
(Хотя противное выдали и не раз мы!).
Я также верил вам, сочувствовал душой,
Когда в своих статьях, приличных
и достойных,

Вы отзывались с разумной похвалой
О Пушкине и о других покойных.
Язык красноречив, манера хороша:
Кто страстно так любил, так понимал
искусство,

В том был глубокий ум, горело ярко
чувство,

Светилась прекрасная душа!..
Когда авторитет, давно шумевший ложно,

Вы разрушаете — вам также верить
можно;

Когда вы хвалите ученые труды,
Успех которых вам не сделает беды,
Я тоже верю вам (хоть страсть
к литературе

Вас в равновесии не держит никогда:
То вдруг расходится, подобно грозной
буре,

То так расхвалитесь, что новая беда),
Но иначе смотреть, нию думать думу
Привык я, господа, прислушиваясь к шуму,
Который иногда затеяв меж собой,
Вы разрешаетесь осенней грозой.
Тоска меня берет, по телу дрожь

проходит,
Когда один журнал, к другому подходя,
О совести своей журнальной речь
заводит.

Журналист

Ужель, мой журнал внимательно следя,
И в нем открыли вы уловки
самохвальства?

Подписчик

О, как же, батюшка, и даже
до нахальства!..

Журналист (вскакивая)

Но где ж? Помилуйте! еще подобных слов
Я сроду не слышал...

Подписчик

Уж будто?

Слуга (докладывает)

Хрипунов!

Журналист

А! нужный человек!

Подписчик (вставая)

Так, значит, до свиданья?
Оно и хорошо, а то, разгораясь,
До грубости свои довел я замечания,

И засиделся сам — прощайте! третий час!
Простите, что мой суждения был жесток
(А может, скажете, что даже просто
плоск),

Но льстить не мастер я и спину гнуть
в кольцо...

Не думайте, что мы трудов не ценим
ваших:
Нет, дельный журналст — полезное дело!
В вас благодетелей мы часто видим

наших,
Мы благодарны вам за честные труды,
Которых видимы полезные плоды, —
Вы развиваете охоту к просвещению,
Вы припрямите нас с собственной ленью,
И вам всегда открыт охотно наш

карман —
Нас опыт научил, что без статей
журнальных
Осенних вечеров, дождливых и печальных,
Нам некуда девать! Невежества туман
Рассеялся давно; смягчилось время правы,
Разгульные пры и грубые забавы
Времен невежества сменяло чередой

Стремление к знанию, искусствам
благородным.

И редкий дворянин, конечно, молодой,
Теперь не предпочтет собакам
превосходным

Журнал ваш... для чего ж грошовый
интерес

Над правдою берет в вас часто перевес?
К чему хвастливый тон, осенние раздоры,
Зацепки, выходки, улочки, желчь и споры?
К чему самих себя так глупо унижать?
Поверьте, публика поймет и без навета,
Что хорошо у вас, что дурно у соседа,
Да, право, и труда большого нет понять!
Поверьте, все пойдет и тихо и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —
И процветете все на многие года!..
Прощайте! надоел я вам своим болтаньем:
Но если речь мою почтяти вы вниманьем,
Готов я забрести, пожалуй, и опять...

Журналст

Весьма обяжете... Прощайте! буду ждать!

1853

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Шляпа, перчатки, портфель,
Форменный фрак со звездою,
Несколько впалая грудь,
Правый висок с седною.

Не до одышки я толст,
Не до мизерности тонок,
Слог у меня деловой,
Голос припятен и звонок...

Только прибавить бы лба,
Но дык как судьбам!
Волосы глупо торчат
Тотчас почти над бровями.

При несомненном уме,
Соображении быстром,
Мне далеко не пойти —
Быть не могу я мнимостром.

Да, представительный лоб
Необходим в этом сапе.
Вот Дикобразов Прокоп...
Счастье, подумаешь, дрян!

Случай вывозит слепой
Эту фигуру медвежью:
Лоб у него небольшой,
Но дополняется плешью...
.....

1854

ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

По моей громадной толщине
 Люди ложно судят обо мне.
 Помню, раз четыре господина
 Говорили: «Вот плет скотина!
 Видно, нет заботы никакой —
 С каждым годом прёт его горой!»
 Я совсем не так благополучен,
 Как румян и шаровидно тучен.
 Дочитав рассказ мой до конца,
 Содрогнулись многие сердца!
 Для поддержки брэнной плоти нужен
 Мне обед достаточный и ужин,
 И, чтоб к ним себя приготовить,
 Должен я — гулять, гулять, гулять!
 Чуть проснусь, не выпив чашки чаю,
 «Одевай!» команду Мпнаю.
 (Адеки глуп и копотлив Мпнай,
 Да зато повязывать мне шею
 Допускать его я не робею:
 Прелан мне безмерно негодлай...) —
 Как пройду я первые ступени,
 Подогнутся слабые колени;
 Стукотня ужасная в вспаках,
 Пот на лбу, и слезы на глазах,
 Словно кто свистит и дует в ухо,
 И, как волны в бурю, ходит брюхо!
 Отошедши несколько шагов,
 Я совсем разбит и нездоров;
 Сел бы в грязь, так жутко и так тяжело,
 Да грозит чудовище-кондрашка
 И твердит, как Вечному Жиду,
 Все: «пдп, пдп, пдп!...» Иду...

Кажется, я очень авантажен:
 Хорошо одет и напомажен,
 Трость в руке и шляпа набекрень...
 А терплю насмешки целый день!
 Из кареты высунется дама
 И в лицо мне засмеется прямо,
 Крикнет школьник с хохотом: «Ура!
 Посмотрите: катится гора!...»
 А дурак лакей, за мной шагая,
 Уваженье к барину теряя,
 Так и прыснет!... Праздный балагур
 Срисовать в альбом карикатур
 Норовит, рекомендуя дамам

Любоваться «спм гиппопотамом!»
 Кучера по-своему острят:
 «Этому», мерзавцы говорят,
 «Если б в брюхо и попало дышло,
 Так насквозь оно бы, чай, не вышло?...»
 Так извне насмешками лязвим,
 Изнутри пзжогою палим,
 Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
 Смех мужчин и дам нарядных тряпки,
 Экппаж, вывески, друзья —
 Ничего не замечаю я!...
 Наконец... Счастливая минута!...
 Скоро пять — неведомо откуда
 Силы вдруг возьмутся... Как зефир,
 Я лечу домой плп в трактир,
 Или в клуб... Теперь я жив и молод,
 Я легок: я ощущаю голод!...
 Ах, поверьте! счастье не в том,
 Чтоб блистать чинами и умом, —
 Наше счастье бродит меж холмами
 В бурой шкуре, с дюжины рогами!...
 Впрочем, мне распротраняться лень...
 Дней моих хранительная сень,
 Здравствуй, клуб!... Почти еще ребенок,
 В первый раз, и сухощав и тонок
 По твоим ступеням я всходил:
 Ты меня взлелеял и вскормил!
 Честь тебе, твоим здоровым блюдам!...
 Если кто тебя помянет худом,
 Не сердись, не улпчай во лжи:
 На меня безмолвно укажи!
 Уголок спокойный и отрадный!
 Сколько раз, в час бури беспощадной,
 Думал я, дремля у камелька:
 «Жизнь моя приятна и легка.
 Кто-нибудь теперь от стужи стонет,
 Кто-нибудь в сердитом море тонет,
 Кто-нибудь дрожит... а надо мной
 Ветерок не пролетит сквозной...
 Сколькох ты пригрел и успокоил
 И в объеме, как меня, утропил!
 Для какого множества людей
 Заменя семейство и друзей!...»

.....

1859

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1

Московское стихотворение

На дальнем севере, в гиперборейском крае,
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре,
Столица новая возникла при Петре.

Возникнув с помощью чухонского народа
Из топей и болот в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский

квас,

С немецким языком там перемешан

И над обоими господствует французский,
А речь истинно-народный оборот
Там редок столько же, как честный

патрют!

Да, патриота там напещься со свечкой:

Подбиться к спальному, прикинуться

овечкой,

Местечка теплого добиться, и потом
Безбожно торговать и честью и умом —
Таков там человек! — (Но, впрочем, без

сомнения,

Спешу оговорить, найдутся исключения.

Забота промысла о людях такова,
Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрал: вот, например,

Жуковский, —

Хоть в Петербурге жил, но был с душой
московской).

Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех концов земли
Затем роскоши — музеи просвещения,
Музеи древностей — «все признаки

ученья»

В том городе найдешь; нет одного: души!
Там высох человек, погрязнув в барыши,
Улыбка на устах, а на уме коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!

Итак, друзья мои! кляну тщеславный град!
Рыдаю и кляну... Прогрессу он не рад.
В то время, как Москва надеждами пылает,

2

Петербургское послание

Ты знаешь град, заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижинны, посады и деревни,
И храмы божии, и царские дворцы?
Тот мудрый град, где смелый

провозвестник

Московских дум и английских начал,
Как водопад, бушует «Русский Вестник»,
Где «Атеней», как ручеек, журчал.

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: «тот град славнее Рим»,
Прозанк «сердцем родины» зовет,
Поэт гласит: «Россия дочь любима»,
И «матушкою» чествует народ.
Недаром, нет! Невольно брызжут слезы
При имени заслуг, какие он свершил:
В двенадцатом году такие там морозы
Стоили, что француз досель их не забыл.

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин

и Пожарский

Торжественно стоят на площади.

Там уделел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди.

В купечестве, в сословии дворянском
Там бескорыстие, готовность выше мер:
В последней ли войне, в вопросе ли
крестьянском

Мы не один найдем тому пример...

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Волшебный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух,

Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отвсяду веет чисто русский дух;
Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,
На выпрениный настраивает лад —
Царь-колокол лежит, царь-пушка не
стрелляет,
И сорок сороков без умолку гудят.
Волшебный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там припились науки семена,
Там в головах у всех такая ясность,
Что комара не примут за слова.
Там, не в пример столице нашей невольской,
Подметят всё — оценят, разберут:
Анафеме там предан Чернышевский,
И Кокорева ум нашел себе приют!
Правдивый град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудреный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи;
Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои,
Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сечь детей?

Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народности своей.
Мудреный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там Шевырев был поражен сугубо,
Там сам себя Чичерин поразил.
Там что ни муж — то жаркий друг
прогресса,
И лишь не вдруг могли уразуметь:
Что на пути к нему вернее — пресса
Или умно направленная плеть?
Разумный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град! Науку без обмана,
Без гаерства искусство любят там,
Там область празднословного романа
Мужчина передал в распоряжение дам.
И что роман? Там поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поют.
Там люди презирают балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают.
Серьезный град! — Туда, туда с тобой
Нам страшно показаться, милый мой!

НА ОБЕДЕ

В ЧЕСТЬ МАРТЫНОВА

Со славою прошел ты полдорогу,
Полпоприща ты доблестно свершил,
Мы молим одного: чтоб даровали
боги
Тебе на долго крепость сил!
Чтоб в старости, бывшее вспоминая,
Могли мы повторять, смелся:
«А помнишь ли, гурьба какая
На этот праздник собралась?

Тут не было ни почестей народных,
Ни громких хвал, — одним оп дорог
был:
Свободную семью людей свободных
Мартынов вокруг себя в тот день соединил.
И чем же, чем? Ни подкупа, ни лести
Тут и следа никто не мог бы отыскать!...»
Мы знаем все: ты стоишь большей чести,
Но мы даем, что можем дать!

1860

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

Как дядю моего, Ивана Ильича,
Нечаянно сразил удар паралича,
В его наследственном имении
Корсунском —
Я памятник ему воздвигнул сгоряча,
А души заложил в совете опекуном.

Мои домашние, особенно жена,
Пристали: «Жизнь для нас на родные
скучна!»
Кто: «ангел!», кто: «злодей! вези нас
за границу!»
Я крикнул старосту Ивана Кузьмина,
Именно сдал ему — и укатил в столицу.

В столице, получив немедленно паспорт,
Я сел на пароход и уронил за борт
Горячую слезу, невольный дар отчизне...
«Утешся», прошептал нас увлекавший
чорт:
«Отраду ты найдешь в немецкой
дешевизне», —

И я утешился... И тут уж не долга
Развязка мрачная: минули мы берега
Свиденной родины, минули Свинемюнде,
Приехали в Берлин — и обрели врага
В Лунзе-Августе-Фернанде-Кунгунде.

Так горничная тварь в гостинице звалась,
Но я предупредить обязан прежде вас,
Что Лидия — моя дражайшая супруга —
Ужасно горяча: как будто родилась
Под небом Африки; в ней дышат страсти
юга!

В отечестве она не знала ни узды:
Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок
(В сочельник крошки в рот не брал я
до звезды,
Хоть голоду терпеть не может мой
желудок),

И всяк за мною вслед во всем ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасения слез, трагических истерик...
В гостинице едва я умываться стал,
Вдруг слышу: Лидия бушует, словно Терек.

Я бросился туда. Вот что случилось
с ней...
О ужас! о позор! В небрежности своей
Лидия, Лидию с дороги раздевая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидия моя, не долго размышляя...

Но что тут говорить? Тут нужны не слова,
Тут громы нужны бы... Недвижна, чуть
жива,

Стояла Лидия в какой-то думе новой.
Растрёпана коса, поникла голова.
«На натиск пламенный ей был отпор
суровый!..»

Слова моей жены: «о друг Иван Ильич!»
Мне вспомнились тогда: «здесь грубость,
мрак и дичь,
Здесь жить я не могу — вези меня
в Европу!»

Ах, лучше б, душечка, в деревне девок
стричь
Да надирать виски безгласному холопу!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ,

ИЛИ «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»

... О светские забавы!
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.

Не долго думал думу,
Достал два автографа,
И вышел не без шуму
На путь библиографа,

Шекспировых творений
Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших опусок.

Всего-то две ошибки
Открыл журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

Какую-то Запру
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру
Да пропустил Гамлета.

Посыпался нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало.

Тогда я хватя брошюру!
И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

Открыл перестрелку,
В своих мансардах спя,
Попал я в переделку!
Так залц, пса увля,

Потерянный метнется
К тому, к другому краю
И разом попадется
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращал
Журнальной адской банн.
И даже тех ругал,
Кто мало сынал брани!

Увы! в родную сферу
С стыдом я возвратился;
Испортил я карьеру,
А славы не добился!..

1 8 6 3

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА

ФЕДОРА ИЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТА 2-го,

уволенного в числе прочих в 1857 году

«Убил ты, точно, на веку
Сто сорок два медведя,
Но прочитал ли хоть строку
Ты в жизни, милый Федя?»

— О нет! за множеством хлопот,
Разводов и парадов,

По милости игры, охот,
Балов и маскарадов
Я книги в руки не брал,
Но близок с просвещеньем:
Я очень долго управлял
Учебным учрежденьем.
В те времена всего важней

Порядок был — до книг ли? —
 Мы брили молодых людей
 И, как баранов, стригли!
 Зато студент не бунтовал,
 Хоть был с осанкой хватской,
 Тогда закон не разбирал —
 Военный или статский:
 Дабы соединить с умом
 Проворство и споровку,
 Пофилософствуй, а потом
 Иди на маршировку!

Случилось также мне попасть
 В начальнишки цензуры,
 Конечно, не за тем, чтоб красть:
 Что взять с литературы?
 А так, порядок водворить...
 Довольно было писку;
 Умел я разом сократить
 Журнальную подписку.

Пятнадцать цензоров сменил
 (Всё были либералы),
 Лицеям, школам воспретил
 Выписывать журналы.
 «Не успокоюсь, не поправ
 Писателей свирепость!
 Узнайте мой ужасный прав,
 И мощь мою — и крепость!»
 Я восклицал. Я их застиг,
 Как ураган в пустыне,
 И гибли, гибли сотни книг,
 Как мухи в керосине!
 Мать не встречала пропсеей
 Для дочери-девчонки,
 И лопнул в пятнадцать дней
 Все книжные лавчонки!..
 Потом, когда обширный край
 Мне верили по праву,
 Девиз: «Блюда — и усмирай!»
 Я оправдал наславу...

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

Я полагал, с либерального
 Есть направленья барыш —
 Больше, чем с места квартального.
 Что ж оказалось — шип!
 Бог меня свел с нигилистамп, —
 Самп ленятся писать,
 Платят всё деньгамп чистымп.
 Пробовал я убеждать:
 «Мне бы хоть десять копеечек
 С препумеранта извлечь:
 Ведь даровых-то статейчек
 Много... куда их беречь?
 Нужно во всем беспристрастие:
 Вы их смешайте, друзья,
 Да и берите па счастье...
 Верьте, любая статья
 Встретит горячих хвалителей,
 Каждую будут бранить...»
 Тщетно! моих разорителей
 Я не успел убедить!
 Часто, взбравшись на лесенку,
 Где мой редактор жпвет,
 Слышал я грозную песенку,
 Вот вам ее перевод:
 «Из уваженья к читателю,

Из уваженья к себе,
 Нет списхожденья к издателю —
 Гибель, несчастный, тебе!..
 — Но не хочу я погибели!
 (Я ему:) друг-нигилист!
 Лучше хотел бы я прибыли. —
 Он же пускается в свист.

Выслушав эти нелепости,
 Я от него убегал,
 И по мосткам против крепости
 Обыкновенно гулял.
 Там я бродил в меланхолии.
 Там я любил размышлять,
 Что не могу уже более
 «Аргуса» я издавать.
 Чин мой оставя в забвении
 И не щадя седины,
 Эти великие гении
 Снять с меня рады штаны!
 Лучше идти в переписчики,
 Чем убиваться в наклад.
 Бросишь издание — подписчики
 Скажут: дай деньги назад!
 Что же мне делать, несчастному?

Благо, хоть совесть чиста.
 Либерализму опасному
 В сети попал я проста...
 Так по мосткам против крепости
 Я в размышленьи гулял.
 Полный нежданной свирепости
 Лед на мостки пабежал.
 С треском опи расскочился,
 Нас по Неве понесло;
 Все пешеходы смутился,
 Каждому плохо пришло!
 Слово близ дома интеллигентного
 Крик носился кругом.
 Смотрим — пет моста Литейного!
 Весь разнесло его льдом.
 Вот, погоняемый льдинами,
 Мчится на нас планкоут,
 Ропот прошел меж мужчинами,
 Женщины волосы рвут!
 Тут человек либерального
 Образа мысли, и тот
 Звал на защиту квартального...
 Я лишь был хладен, как лед!
 Что тут борьба со стихиею,
 Если подорван кредит,
 Если над собственной высяю
 Меч Дамоклесов висит?..
 Общее было смятение,
 Я же на льдине стоял
 И умолял провидение,
 Чтоб запретил журнал...
 Вышло б судеб покровительство!
 Честь бы и деньги я спас,
 Но не умсет правительство
 В пору быть строгим у нас...
 Нет, не оттуда желанное
 Мне избавленье пришло —
 Чудо свершилось нежданное:
 На небе стало светло,
 Вижу, на льдине сверкающей,
 Вижу, является вдруг
 Мертвые души скупающий
 Члчиков! — *Здравствуй, мой друг!*
Ты приходи покупателя! —
 Он прокричал — и исчез!..
 Благословляя создателя,
 Мокрый я на берег влез...

Всю эту бурю ужасную
 Век сохраняю я в душе —
 Мысль получивши прекрасную,
 Я же теперь в барыше!
 Пет рокового издания!

Самая мысль о нем — прочь!..
 Поздно в тракторе «Германия»,
 В ту же ужасную ночь,
 Греясь, сушась за бутылкою
 Сбыл я подписчиков, сбыл,
 Сбыл их совсем — с пересылкою,
 Сбыл — и барыш получил!..
 словно эмсею укушенный,
 Впрочем, легок и счастлив,
 Я убежал из Конюшенной,
 Этот пассаж совершив.
 Чудилось мне, что нахальные
 Мчатся подписчики вслед,
 «Дай нам статьи либеральные!»
 Хором кричат: «дармоед!»
 И ведь какие подписчики!
 Их и продать-то не жаль.
 Аптекаря, переписчики —
 Словом, ужасная шваль!
 Знай, что такая компания
 Будет (и все в кураже!..),
 Не начинал бы издания:
 Аристократ я в душе.
 Впрочем, средь бабьих передников
 И неуклюжих лаптей —
 Трое действительных статских советников,
 Двое армянских князей!
 Публика всё чрезвычайная,
 Даже чиновников нет.
 Охтенка — чтида случайная
 (Втёр ей за сливки билет),
 Дьякон какой-то, с рассрочкою
 (Басом, разбойник, кричит),
 Страж департаментский с дочкою —
 Всё догоняет, шумит!
 С хохотом, с грохотом, с гиканьем
 Мчатся густою толпой;
 Взбегам, свистом и шиканьем
 Слух падывается мой.
 Верите ль? даже квартальные,
 Взвизгнув даром билет,
 «Дай нам статьи либеральные!»
 Хором кричат. Я в ответ:
 «Полноте, други любезные,
 Либерализм вам не в прок!»
 Сам же в ворота железные
 Прыг, — и зашелкнул замок!
 — Ну! отвязался, ракални!..
 Тут я в квартиру нырнул
 И, покуривши регалии,
 Благополучно заснул.

Жаль мне редактора бедного!
 Долго он будет грустить,
 Что направления вредного
 Негде ему проводить.

Встретился мы: я почтительно
 Шляпу ему приподнял,
 Он улыбнулся язвительно
 И засвистал, засвистал!

1865

. . .

Явно родственны с землей,
 В тайном браке с «Вестью»,
 Земства молною броней
 Прикрывалась с честью,
 Снова ловят мужиков
 В крепостные сети
 Николаевских орлов
 Доблестные дети...

1867

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

Жил-был за тридевять земель,
 В каком-то царстве тридесятом,
 И просвещенном и богатым,
 Вельможа, пшеница — Кисель.
 За книгой с детства, кроме скуки,
 Он ничего не ощущал,
 Китайской грамотой — науки,
 Искусство — бреднями считал;
 Зато в войне, на поле брани
 Подобных не было ему:
 Он нес с народов диких дань
 Царю — владыке своему.
 Сломив рога крамоле внешней
 Пожаром, казнями, мечом,
 Он действовал еще успешней
 В борьбе со внутренним врагом:
 Не только чуждые народы,
 Свои дрожали перед ним!
 Но изменили старцу годы —

Заботы, дальние походы,
 Военной славы гром и дым
 Израненному мужу в тягость:
 Сложил он бранные дела,
 И императорская благодать
 Гражданский пост ему дала.
 Под солнцем севера и юга,
 Устав от крови и побед,
 Кисель любил в часы досуга
 Театр, особенно балет.
 Чего же лучше? Свеж он чувством,
 Он только удручен войной —
 Итак, да правит он искусством,
 Вкусная в старости покой!

С обычной стойкостью и рвением
 Кисель вступил на новый пост:
 Приглядывал за поведением,
 Гоним гонимых актеров в пост.

Высокомерным задал гонку,
 Покорных, тихих отличил,
 Остриг актёров под гребенку,
 Актрисам стричься воспретил;
 Стал роли раздавать по чину,
 И — как он был благочестив,
 То женщине играть мужчине
 Не позволял, сообразив,
 Что это вовсе неприлично:
 — Еще начать бы позволять,
 Чтобы роль женщины публично
 Мужчине начал исполнять!

Чтобы актёры были гибки,
 Он их учил маршировать;
 Чтоб знали роли без ошибки,
 Затеял экзаменовать;
 Иной придет поздненько с пира,
 К нему экзаменатор шастъ,
 Разбудит: «Монолог из Лира
 Читай!»... Досада — и напасть!

Прпехал раз в театр вельможа
 И видит: зала вся пуста,
 Одна директорская ложа
 Его особой занята.
 Еще случилось то же дважды —
 И понял наш Кисель тогда,
 Что в публичке к театру жажды
 Не остается и следа.
 Сам дарь шутя сказал однажды:
 «Театр не годен никуда!
 В оркестре врут и врут на сцене,
 Совсем меня не веселя,
 С тех пор, как дал я Мельпомене
 И Терпсихоре — *Киселя!*»

Кисель глубоко огорчился,
 Удвоил труд — не ел, не спал;
 Но как начальник ни трудился,
 Театр ни к чорту не годился!
 Тогда он истину сознал:
 «Справлялся я с военной бурей,
 Но мне театр не по плечу,
 За красоту балетных гурпий
 Продать я совесть не хочу!
 Мне о душе подумать надо,
 И так довольны я грешил!»
 (Кисель побавлялся ада,
 И в рай, конечно, норовил).
 Мысль эту пзложив круглее,
 Передает секретарю:
 Дабы переписал крупнее

Для поднесения дарю.
 Заплакал секретарь; печалп
 Не мог, бедняга, превозмочь!
 Бежит к кассиру: «Мы пропали!»
 (Они с кассиром вместе крали)
 И с ним беседует всю ночь.
 Наутро в трупне гул раздался,
 Что депутацпя пужна
 Просить, чтобы Кисель остался,
 Что уж сбирается опа.
 «Да кто ж пдет? с какой же стати?»
 Кричат строптивые: «Давно
 Мы жаждем этой благодати!»
 — Тесс! тесс!.. упроят неравно! —
 И всё пошло путем пвестным:
 Начнет дурак или подлец,
 А вслед за глупым п бесчестным
 Пойдет п честный наконец.
 Тот говорит: до пенсiona
 Мне остается семь педель,
 Тот говорит: во время оно
 Мою сестру крестил Кисель,
 Тот говорит: жена больная,
 Тот говорит: семья большая, —
 Так друг по дружке вся артель,
 Благословив сначала небо,
 Что он уходит наконец,
 Пошла с дарами солп-хлеба
 Просить: «Останься, наш отец!»...

Впередп шли вдовпды преклонные,
 Прослужившие лета законные,
 Седовласые, еле ползущие,
 Пенсионом полвека живущие;
 Дальше причет трагедии: вестники,
 Щитоносцы, тпраны, кудесники,
 Двадцать шесть благородных отцов,
 Девять первых любовников;
 Восемьсот театральных чиновников
 По труп в ряд выступали с боков
 С многочисленным штабом:
 С спротами беспечными,
 С бедняками увечными,
 Придемленными трапом.

Пели гимн представители пенпя,
 Стройно шествовал кор-де-балет;
 В белых платьпцах, с крыльями генпя
 Корифейки младенческих лет,
 Довершая эффект депутацпи,
 Преклонялись с простертой рукой
 И, исполнены женственной грации,
 В очп старда глядели с мольбой...

Кто устоит перед слезами
 Детей, теряющих отца?
 Кисель растрогался мольбам:
 «Я ваш, о дети! до конца!
 Я полагал, что я ненужен,
 Я мнил, что даже вреден я,
 Но вамп я обезоружен!
 Идем же, милые друзья,
 Идем до гробового часу
 Путем прогресса и добра...»
 Актёры скорчили гримасы,
 Но тут же крикнули: ура!
 «Противустать возможно ядрам,
 Но вашим просьбам — никогда!»
 И снова правит он театром
 И мечется туда-сюда:
 То острижет до кожи трупку,
 То космы разрешит носить.
 А сам не ест ни щей, ни супу,
 Не может выпить заморских пить.
 В пьесах, ради высших целей,
 Вне брака допустил любовь
 И капельдпнерам с шпнелей
 Доходы предоставил вновь;
 Смирившись, с автором «Гамлета»
 Завесть знакомство пожелал,
 Но бог британского поэта
 К нему откушать не прислал.
 Укоротил балету платья,
 Мужичной женщину одел,
 Но поздние мероприятия
 Не помогли — театр пустел!
 Спидлись таланты при Ликурге,
 Им было нечего играть:
 Ни в компке, ни в драматурге
 Охоты не было писать;

Танцорки как ни горячились,
 Не получали похвалы,
 Они не то чтобы ленлись,
 Но вечно были тяжелы.
 В партере лвно негодуют,
 Свет божий Киселю не мил,
 Грустит: «Чпновники воруют,
 И с трупой справиться нет сил!
 Вчера статуя командора
 Ни с места! Только мелеет вздор —
 Мертвецки пьяного актёра
 В нее поставил режиссер!
 Зато случился факт печальный
 Назад тому четыре дня:
 С фронтона крыши театральной
 Ушло три бронзовых коня!»
 Кисель до гроба с пеной правил,
 Сгубил театр — хоть закрывай! —
 Свои седины обесславил,
 Да не попасть ему и в рай.
 Искусство в государстве пало
 К великой горести царя,
 И только денег прибывало
 У молодца-секретаря:
 Изрядный капитал составил,
 Дом нажил в восемь этажей,
 И на воротах львов поставил,
 Сбежавших перелпил коней...
 Мораль: хоть крепостные стены
 И очень трудно разрушать,
 Однако храмом Мельпомены
 Трудней без знания управлять.
 Есть и другому поученью
 Тут место: если хочешь в рай,
 Путеводителем к спасенью
 Секретаря не избирать.

1870

. . .

Сыны «народного бича»,
 С тех пор как мы себя сознали,
 Жизнь, как изгнаннички, влача,
 По свету долго мы блуждали;
 Не раз горячею слезой
 И потом оросив дорогу,

На рубеже земли родной
 Мы робко становили ногу;
 Уж виден был домашний кров,
 Мы сладкий отдых предвкушали,
 Но снова нас грехи отцов
 От милых мест нещадно гнали,

*И. А. Некрасов в конце 1860-х годов.
Фотография.*

И, зарывав, мы дале шли
В пыли, в крови; скитались годы
И дань посильную несли
С надеждой на алтарь свободы.
И вот настал желанный час,
Свободу громко возвестивший,
И показалось нам, что с нас
Проклятье снял народ оживший;

И мы на родину пришли,
Где был весь род наш ненавидим,
Но там всё то же мы нашли —
Как прежде мрак и голод видим.
Смутясь, потупили мы взор —
«Нет! час не пробил примиренья!»
И снова бродим мы с тех пор
Без родины и без прощенья!..

1874

БУКИНИСТ И БИБЛИОГРАФ

Отрывок

(из «записной книжки»)

Б у к и н и с т

А вот еще пзданье. Страсть
Как грязно! Впрочем, ваша власть —
Взять пль не взять. Мне всё равно!
Найти купца немудрено.
Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно
Немой свпдетель о заслуге.

Б и б л и о г р а ф

Ай, Гумбольт! сказано умно.

Б у к и н и с т

А публика, небось, не ценит!
Она тогда свой суд изменит,
Когда поймет, что из огня
Попало ей через меня
Две-три хороших книги в руки.

Б и б л и о г р а ф

Цена?..

1876

ПЕСНЯ

(из «записной книжки»)

ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК

Всюду с музой проникающий,
В дом заброшенный, пустой
Я попал. Как зверь рыкающий,
Кто-то пел там за стеной:

Сборщик, надсмотрщик, подрядчик,
.....
Я подлецам не потатчик:
Выпить, так выпью один.

Следственный пристав и слатчик!..
Феденька, откупа сын!..
Я подлецам не потатчик:
Выпить, так выпью один.

Прасол, помещик, закладчик!..
Фуксы — родитель и сын!
Я подлецам не потатчик:
Выпить, так выпью один!..

С ними не пить, не дружить!..
С ними честной гражданин
Должен бороться и биться!..
Выпить, так выпью один!..

Или негоден я к бою?
Сбил я с толку с собой:
Горе мое от запою,
Или от горя запой?!.

.....
[ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК]

Не за Якова Ростовцева
Ты молись, не за Милюткина,
.....
Ты молись
Обо всех в казематах сгноенных,
О солдатах, в полках засеченных,
О повешенных ты помолись...

1877

ЗАТВОРИЩА

СОП

Я посетил заброшенный наш сад:
Он всё темней, прохладней с каждым годом,
В нем семь ключей сверкают и гремят,

Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленым сводом
Тиха, как ночь, и легка, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

II

Я был тогда ребенком; долго, долго
 Не думал я, родная, ни о чем.
 Не ты, не сад, — меня манила Волга,
 Я с кручи там катался кубарем.
 И лишь зимой в морозы и метели,
 Я помню, мы безвыходно сидели
 Сам-друг с тобой в разрушенном дому
 (Угрюмый дом, похожий на тюрьму).

III

Я проклинал докучные морозы,
 Я проклинал томительные дни,
 А ты лила неведомые слезы —
 Я лишь позднее узнал, о чем они.
 Плачь, громко плачь!.. Хоть слезом
 укоризны
 Бессменный гнет страдания разреши,
 Изгнанница, лишенная отчизны!
 Затворница, забытая в глуши!

IV

В другом краю, не менее несчастном,
 Но менее суровом, рождена,
 На севере угрюмом и ненастном
 В восемнадцать лет уж ты была одна.
 Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
 С кем в чуждый край доверчиво пошла,
 Уж он не твой, но ты не разлюбила.
 Ты разлюбить до гроба не могла...

V

Зовет семья: «Твоей ли вынести груз
 Суровый гнет пелов и зимы,
 Где заодно с природой стонут люди?
 Вернись скорей — давно простили мы».
 Грозит отец: «На горе ты бежала!
 Припомнишь нас!..» Ты гордо замолчала,
 И у тебя — ни друга с той поры,
 Ни родины, ни брата, ни сестры.

VI

А новый край? Ты, чистая, святая,
 Ты, кроткая, с мечтательным умом,
 О, что кругом ты видела, родная...
 Как ты была подавлена!.. Как гром
 Гремел рожь — и голос твой печальный
 Звучал, как вопль души многострадальной,
 Твой первенец наследовал потом.

VII

«Несчастлива я, обманутая другом,
 Но пред тобой, о женщина-раба!
 Перед рабом, согнувшимся над плугом,
 Моя судьба — завидная судьба.
 Несчастлива ты, о родина! я знаю —
 Весь край в плену, весь трепетом объят,
 Но край, где я люблю и умираю,
 Тот бедный край — несчастней во сто
 крат».

VIII

Так пела ты, так плакала, родная,
 В своей тюрьме, судьбе не уступая,
 Чужим скорбям бессильная помочь,
 А над тобой уже висела почь.
 И ничего судьба не уступила —
 Ты палача покорством не смилчала,
 Ты в сыновьях опоры и друзей
 Не дождалась... Мир памяти твоей!

ЭПИЛОГ

Ты умерла — тюрьма освободилась,
 И сплось мне — я поселился в ней,
 В груди моей чуть слышно сердце бплось,
 Я разомкнуть не в силах был очей,
 Но ум кипел: с неведомою силой
 И не вотще я звал твой образ милый:
 Незримо ты витаешь надо мной
 И мне поешь с любовью несканной:
 «То не тюрьма, а рай обетованный —
 Забвение, желанное тобой».

ОТРЫВОК ИЗ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ

«БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ»

(из «записной книжки»)

Имени п роду
Богу не скажу.
Надо — восведу
Словом ублажу.

«Кто ты?» — Я-то житель! —
Опустил кулак:
«Кто ты?» — Сочинитель!
«Подлинно, что так».

Меткое, как пуля,
Слово под конец:
«Кто ты?» — Бородуля! —
Прыснул: «Молодец!»

Я давай бог ногп...
«С богом! ничего!»

Наберем в остроге
Помнящих родство».

Третий год на воле,
Третий год в пути,
Сбился в снежном поле —
Некуда идти!

Ночи дольше-дольше,
Незаметно дней;
Снегу больше-больше,
Не видать людей, —

Степью рыщут волки,
С голоду легки,
Сонут, как на Волге
Летом бурлаки.

.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к первой части

1845

В ДОРОГЕ

Когда Некрасов прочитал это стихотворение Белинскому, Белинский обнял его и сказал: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» Герцен, прочитав эти стихи, приветствовал Некрасова горячим письмом. Белинский писал Герцену: «Ты прав, что пьеса Некрасова «В дороге» превосходна».

Эти хвалебные отзывы объясняются главным образом тем, что стихотворение «В дороге» явилось одним из первых произведений русской литературы, где так отчетливо выражено участие отношение к порабощенным крестьянам.

ОТРАДНО ВИДЕТЬ, ЧТО НАХОДИТ

Цензура вычеркнула непочтительную строку о важном чиновнике:

Ты лоб, как говорится, медный,
и Некрасов, печатая это стихотворение в одном альманахе, придал ей прямо противоположный характер:

Ты тонкий плут, и лоб не медный.

В «Петербургском сборнике» и в первом издании самые энергичные строки:

Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь руки подлецу —

были зачеркнуты цензором и заменены точками.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Пародия на «Казачью колыбельную песню» Лермонтова, направленная против крупных чиновников. При первом появлении в печати стихи Некрасова вызвали единодушное возмущение реакционных критиков. «Мы желали бы знать, — негодовал один из них, — для кого все это печатается? Ужели есть жалкие читатели, которым понравится собрание столь грязных нечистый праздности?»

Продажный журналист Фаддей Булгарин, прислужник жандармов, писавший в свое время злобные доносы на Пушкина, доносил: «Некрасов самый отчаянный коммунист: стоит прочесть его стихи, т. е. «Колыбельную песню», и его

прозу в С.-Петербургском альманахе, чтобы удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции».

В первый раз «Колыбельная песня» была напечатана исключительно благодаря оплошности цензора. В следующих изданиях «Стихотворений Некрасова» она уже не печаталась и только через 22 года могла снова появиться в печати.

1846

ОГОРОДНИК

Из шести членов Главного управления цензуры, рассматривавших книгу стихотворений Некрасова, четверо высказались за исключение из нее «Огородника».

Особенно смущал цензуру заключительный стих о сословной розни «вахлаков» и дворян:

... Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ТРОЙКА

К о р н е т — младший офицер в кавалерии.

Стихотворение «Тройка», изображавшее горькую долю крепостной крестьянки, пользовалось большой популярностью среди передовой молодежи сороковых и пятидесятых годов.

«Крестьянская женщина должна быть вполне довольна своим положением», написал один московский цензор, запрещая печатать лубочную картинку, где изображалась героиня Некрасовской «Тройки».

ТАК, СЛУЖБА! САМ ТЫ В ТОЙ ВОЙНЕ

С л у ж б а — протонародное прозвище солдата, «служивого».

Ф у з ё л — военное ружье.

Это — разговор крестьянина с солдатом, участвовавшим в войне 1812 года.

Реакционные поэты в эпоху Некрасова восхищались незлобностью и кротостью крепостного крестьянства. В этих рабских чувствах они видели особую духовную красоту, будто бы отличавшую русский народ от всех прочих народов. Чувства эти, по мнению реакционеров, доказы-

вали, что крестьянство ни при каких обстоятельствах не вступит на путь революционной борьбы.

Считая такую веру в мягкосердечие народа лживой и вредной, Некрасов напомнил в стихотворении «Так, служба», что «вспрошающий», «смирный» и «долготерпеливый» народ умеет быть жестоким со своими врагами.

Он воспроизвел один из подлинных эпизодов великой Отечественной войны 1812 года, свидетельствующий, что «кроткие» русские крестьяне способны беспощадно расправляться со своими врагами.

РОДИНА

Га е р — шут.

Слово «родина» не следует здесь понимать в смысле «родная страна» или «отечество». Некрасов, говоря о родине, имеет в виду лишь ту барскую усадьбу, в которой он родился.

У нас есть немало свидетельств, что здесь Некрасов изображает свое собственное детство. «Угрюмый невежда» — это его родной отец. «Безгласная страдальца» — его мать. В первом издании книги Некрасова упоминание о крепостных рабах было невозможно по цензурным условиям, и потому Некрасов пятую и шестую строки печатал так:

Где рой подавленных и трепетных людей
Завидовал житию собак и лошадей.

Та ненависть к помещицкому деспотизму, которая сказалась в этих стихах, привела в восторг В. Г. Белинского. Он выучил их наизусть и послал в Москву своим приятелям.

«А каков Некрасов-то! Ведь он начинает обнаруживать глубокий поэтический талант. Сколько скорби и желчи в его стихе!» восклицал он.

В НЕВЕДОМОЙ ГЛУШИ, В ДЕРЕВНЕ ПОЛУДНКОЙ

Перед смертью Некрасов написал на полях этого стихотворения: «Подражание Лермонтову. Сравни: Арбенин (в драме «Маскарад»). Не желаю, чтобы эту подделку ранних лет считали как черту моей личности. Был влюблен и козырнул».

Эти стихи действительно близки к монологу Арбенина:

На жизни я своей узнал печать проклятья,
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастья земн.

(«Маскарад», д. I, сцена III.)

НСОВАЯ ОХОТА

Венгерка — куртка, расшитая пинурями.
Арапник — длинная ремешная плеть.
Змейка, Пабат, Сокол, Хандра,
Пахал — клочки собак.
Очеп — деревянный рычаг, с помощью которого в деревнях доставали воду из колодца.

Банники — название леска.

Набрасывать — выпускать гончих в лес за зверем.

Остров — обособленная группа деревьев в чаще большого леса.

Доезжачий — старший псарь, который водит стаю гончих собак, «набрасывает», т. е. выпускает собак в лес за зверем и потом гонит их по следу криками, ударами арапника и звуками рога.

Борзовщик — псарь, подстерегающий зверя у опушки леса с борзыми собаками.

Варом-варит — сталая собака несет за зверем с неумолкаемым лаем.

Опекунский совет — учреждение, в котором помещики получали денежные ссуды под залог имения.

Русак-материк — старый заяц.

Поркать — криками гнать собак по следу.

Крез — богач.

Зверь отседает — обманув собак, оставляет их далеко позади себя.

Отпазончить — отрезать задние лапы в среднем суставе.

Торочить — привлывать к седлу (особыми ремешками — тороками).

Тявкуна — гончая.

Выжлятник — то же, что доезжачий.

«Нсовая охота» была первой сатирой Некрасова. Под видом восторженных восхвалений помещицкой «ратной потехи» поэт обличает породивший ее крепостнический быт и показывает, что в условиях крепостной неволи эта потеха является издевательством над бесправным и голодным крестьянином.

Цензура вычеркнула из «Нсовой охоты» ругань побитого пария:

Мы-ста тебя взбутетнем дубьем
Вместе с горластым твоим холуем!

Эти строки были заменены точками и появились в печати полностью только через 27 лет, в предсмертном издании 1873 года.

1847

ЕДУ ЛИ НОЧЬЮ ПО УЛИЦЕ ТЕМНОЙ

Когда Некрасов в первый раз прочитал «Еду ли ночью» в кружке Белинского, то — по словам одного современника — «все были так потрясены, что со слезами на глазах принялись обнимать поэта».

Тургенев, прочтя это стихотворение, писал Белинскому: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение меня совершенно с ума свело; денно и нощно твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил».

Иначе отнесся к стихотворению цензор, который доносил министру народного просвещения: «Нельзя без содрогания и отвращения читать этой ужасной повести. В ней так много безправственного, так много ужасающей ни-

щеты!... И нет ни одной отрадной мысли!.. Нет и тени того упования на благость провидения, которое всегда, постоянно подкрепляет злополучного пищею и удерживает его от преступления... Жаль, что муза г. Некрасова одна из самых мрачных и что он все видит в черном цвете... Как будто уж нет более светлой стороны?»

Сюжет этого стихотворения почти буквально воспроизведен Салтыковым в повести «Запутанное дело». Молодому бедняку-провинциалу, приехавшему в Петербург, снится сон, будто он возвратился в свою нетопленную комнату и застал истощенную жену с больным ребенком.

«В комнате все холоднее и холоднее... ребенок все так же стонет...» Наденька одевается и уходит. Она идет к дряхлому волоките и получает от него деньги.

«Ешьте, — говоришь ты мужу и сыну, бросая на стол купленный ужин, а сама садишься в угол...»

«Иван Самойлович ест свою долю ужина и не осмеливается взглянуть на тебя... глухое рыдание заливают грудь его».

1852

БЛАЖЕН НЕЗЛОБИВЫЙ ПОЭТ

Написано на смерть Гоголя (Гоголь умер 21 февраля 1852 года).

Некрасов высоко ценил творчество Гоголя — «честного сына своей земли», который «писал не то, что могло бы более правиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества».

Творчество Гоголя-сатирика было знаменем новой, реалистической литературы: сторонники «гоголевского направления» (в том числе и Некрасов) ратовали за правдивое искусство, требовали от писателя активной борьбы против общественных зол. Писателями реакционного лагеря в противовес «гоголевскому направлению» была создана теория «искусства для искусства», оторванного от каких бы то ни было социальных идей и стремлений.

Против этого реакционного искусства направлено стихотворение Некрасова.

Лежащее в его основе противопоставление «незлобивого» поэта писателю-сатирику было дано самим Гоголем. В «Мертвых душах» Гоголь говорит: «Счастливы писатели, который... из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратям и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко оторванные от нее и возвышенные образы... далеко и громко разносится его слава... Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами, и чего не зрят равнодушные очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь,

всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого реза дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всепародные очи! Ему не собрать народных рукоилесканий, ему не зреть признательных слез и единодушного восторга взволнованных им душ...» Ему не избежать «лицемерно бесчувственного» суда толпы, «который назовет ничтожными и низкими им лелеянные создания, отведет ему презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих человечество», и т. д.

1853

ПАМЯТИ АСЕНКОВОЙ

Варвара Николаевна Асенкова, талантливая водевильная артистка, умерла от скоротечной чахотки двадцати трех лет отроду в 1841 году. Ее ранняя смерть произвела большое впечатление на тогдашнее петербургское общество. Юноша Некрасов, вращавшийся в ту пору в театральных кругах, был лично знаком с Варварой Николаевной.

В стихотворении Некрасова говорится, что отвергнутые Асенковой «старые богачи» и «молодые пахалы» решились отомстить ей клеветой. Поэт, несомненно, разумеет распространенную в то время молву, будто Николай I хотел сделать ее своей любовницей; она, единственная из всех актрис императорской сцены, уклонилась от этой «чести». Царь не простил ей обиды, и его приближенные подвергли ее яростной травле:

Переходя из уст в уста,
Коварна и бесчестна,
Крылатым змеем клевета
Носилась повсеместно.

Эта клевета тяжело отразилась на слабом здоровье Асенковой, и, когда Асенкова умерла, стали говорить, будто виновник ее смерти — Николай. Ее похороны были своего рода демонстрацией протеста.

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

Имя Белинского было настолько ненавистно властям, что после смерти критика цензура запретила упоминать его в печати. Об этом говорит Некрасов в своем стихотворении:

И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...

Стихотворение «Памяти Белинского» появилось под заглавием «Памяти приятеля» в журнале «Современник» тотчас же после смерти Николая I, т. е. при первом облегчении цензурного гнета.

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

В этом стихотворении Некрасов высмеивает тех либералов, которые судили о положении крепостного крестьянина на основании беглых

наблюдений, сделанных с барского крыльца или из окна кареты.

Французский подзаголовок, написанный Чернышевским в переводе на русский язык, означает: «Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, с присовокуплением рассуждения о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского Государства. Сочинение одного Россиянина, графа де-Гарайского. Восемь томов. Париж. 1836.»

1854

ВЛАС

Вериги — тяжелые цепи, оковы, которые носили на голом теле религиозные фанатики, желавшие таким самоистязанием угодить богу.

Света преставление — конец мира.

Хартии — списки, грамоты.

В этом стихотворении сказалось отрицательное отношение Некрасова к деревенским миродам. Он придал своему «великому грешнику» черты кулака:

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего дерет!

Изображение загробной жизни, адских мучений грешников заимствовано из фантастических народных легенд, в которых повествовалось и о страшных крылатых чудовищах и о грешниках, лижущих раскаленные плиты. В этих наивных легендах традиционные образы церковных книг путались с рассказами странников о дальних «жарких странах»: ад населялся эфиопами, крокодилами, змеями, скорпионами.

1855

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

При жизни Некрасова эта поэма не могла появиться в печати. Цензура запретила ее. Она увидела свет лишь через 26 лет после того, как Некрасов написал ее. Биография Белинского в общем изображена в поэме верно. Отец Белинского действительно был пьяница, и сам Белинский вспоминал: «Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно...» (Белинский, Письма, II, 1914, II, стр. 112).

Но есть у Некрасова и отступления от исторической правды: со смертью лекаря Белинский не «остался мал»: ему было 25 лет, когда умер его отец. Точно так же неверно, будто Белинский был выгнан из университета,

... не доказав

Каких-то о рождении прав.

Белинский был выгнан за неблагонамеренность, проявленную им в его трагедии. (Официаль-

ный предлог исключения — неуспешность в занятиях.) «Доказывать права о рождении» Белинскому пришлось гораздо позже — в 1843 и в 1844 годах (Белинский, Письма, II, 1914, II, стр. 25, 53, 81).

«И оставался целый век не доучившимся студентом. Один ученый человек колол его неоднократно таким прозвищем печатно...» Историк профессор М. П. Погодин писал в «Москвитяине», что Белинский не имеет никакого образования, что «это гений-самоучка», которые у нас растут, как грибы, ежегодно между студентами, не оканчивающими курса, и проч. (Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», II, 1894, VIII, стр. 495).

«Прожектор» — А. А. Краевский, издатель журнала «Отечественные Записки», в которых Белинский принимал ближайшее участие с 1839 по 1847 год.

«Два задорных поляка» — Фаддей Булгарин, редактор «Северной Пчелы», и О. И. Сенковский (барон Брамбеус), редактор «Библиотеки для чтения».

«Палач науки Бутурлин». — Военный историк Д. Н. Бутурлин состоял председателем секретного комитета, учрежденного Николаем I в 1848 году для высшего надзора за деятелями цензуры. Пользуясь диктаторской властью, Бутурлин жестоко душил русскую печать и главным образом «Современник» Некрасова. Мы воспроизводим эту строку по черновому автографу; во всех печатных текстах «Белинского» было гораздо мягче:

Фанатик ярый Бутурлин.

«Закройте университеты!» — После февральской революции в Париже Николай I принял крутые меры, чтобы революционные идеи не перекинулись из Европы в Россию. В числе этих мер намечалось закрытие университетов. Поэтому всякая статья, восхваляющая университеты, воспринималась Бутурлиным как неповиновение властям. В «Современнике» 1849 года (№ 3) появилась именно такая статья, и, когда Бутурлин донес о ней Николаю, она вызвала гнев царя (Мих. Лемке, «Очерки по истории русской цензуры», II, 1904, стр. 225).

«Том истории твоей». — «Военная история походов России в XVIII столетии», сочинена Д. Бутурлиным, флигель-адъютантом е. и. в., а с французского переведена квартирмейстерской части генерал-майором А. Хатовым. В Санкт-Петербурге. 1819—1820.

САША

Нива поёмная — луга, заливаемые во время весеннего половодья.

Изображал «современного героя» Агарина, Некрасов хотел дать оценку дворянскому либерализму той эпохи. Агарин способен стать активным борцом за коренное переустройство общественной жизни. Его убеждения, вычитан-

ные им из книг, поверхностны и шатки: он сочувствует передовым идеям, но боится практической деятельности и презирает малые дела. В результате, не находя применения своим недюжинным силам, Агарин становится «лишним человеком», разочарованным скептиком.

Критическое отношение к Агарину воспитывало передовую молодежь шестидесятых и семидесятых годов. Вера Фигнер вспоминает о «Саше»: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. *Согласовать слово с делом* — вот чему учила поэма: требовать этого согласования от себя и других — учила она. И это стало девизом моей жизни».

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ — МОЛОДОСТИ ГОДЫ

Чернышевский, прочтя эти стихи, написал Некрасову: «Вы говорите:

Нет в тебе поэзии свободной,
Мой тяжелый, неуклюжий стих!

Вам известно, что я с этим не согласен. Свобода поэзии... в том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа... Теперь: тяжелый и неуклюжий стих. Тяжестью часто кажется энергия, поэтому говорят, что стих Лермонтова тяжелее стиха Пушкина. В чем состоит тяжесть вашего стиха, я решительно не понимаю.

В БОЛЬНИЦЕ

В то время больница считалась слишком низменной темой, недостойной вдохновения поэта. Когда стихотворение Некрасова появилось в печати, литературные староверы, писатели реакционного лагеря, возмущались таким унижением поэзии. Один из них выразил свое возмущение так: «Господин Некрасов ведет нас в больницу. — Зачем? — спрашиваете вы. — Мы, читатели, здоровы. Лечите лучше своих поэтов... Современная поэзия становится великодушной. Она спускается в больницы: ищет больных сочинителей, попрекает им, зачем они не дают о себе знать. Кому? Не редакции ли? Поэт посещает больного сочинителя и потом воспекает свой благородный поступок:

Вот и больница. Светя, показал
и т. д.

Именно те строки, которые так возмущали критика, впоследствии вошли в обиход, как популярная крылатая фраза:

Братья писатели, в нашей судьбе
Что-то лежит роковое!

НА РОДИНЕ

Некрасов позднее писал в своих автобиографических заметках: «Судьбе угодно было, чтобы я пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее я не только не владел крепостными,

но, будучи наследником своих отцов, имевших родовые поместья, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли... Я когда-то писал:

...хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне в прок.

Написав этот стих еще в детстве, может быть, я желал оправдать его на деле.

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

«Забятая деревня» вызвала негодование властей. Цензор Бекетов, разрешивший стихотворение, подвергся строгому взысканию. Так как «Забятая деревня» появилась после разгрома русской армии под Севастополем и смерти Николая I, она воспринималась читателями как аллегорическое изображение тогдашней России.

Цензор доносил министру народного просвещения: «Видимая цель этого стихотворения показать публике, что помещики наши не вникают вовсе в нужды крестьян своих, даже не знают оных и вообще не пекутся о благосостоянии крестьян. Некоторые же из читателей под словами «забытая деревня» понимают совсем другое. Они видят здесь какой-то тайный намек на Россию».

1856

ШКОЛЬНИК

Архангельским мужиком Некрасов называет знаменитого русского ученого и писателя Ломоносова, вышедшего из крестьян Архангельской губернии.

Прочитав «Школьника», цензор «долгом поставил обратить внимание его высокопревосходительства» (министра народного просвещения) «на стихотворение «Школьник», так как, по его мнению, здесь «автор хочет доказать, что великие и гениальные люди преимущественно могут выходить только из простого народа».

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Ка д е т ы — ученики дворянских военных училищ.

П е н и — жалобы.

В этом стихотворении Некрасов выразил свои взгляды на общественную роль поэта; оно стало манифестом нового революционно-демократического искусства.

Некрасов отвергал реакционное представление о поэте-жреце, считая, что новому русскому обществу нужнее всего поэт-гражданин. Он хотел, чтобы поэт сочувствовал общественному движению, чтобы темы его были связаны с политической жизнью страны.

Некрасов напечатал «Поэта и гражданина» в самом начале книги своих стихов, выделив его более крупным шрифтом, — как программу всей книги.

Стихотворение было тогда же перепечатано в журнале «Современник» и вызвало бурю в придворных кругах.

Цензору, разрешившему печатать эти стихи, был объявлен строжайший выговор, а редактора, перепечатавшего стихи в журнале, предупредили, что «первая подобная выходка подвергнет его журнал совершенному прекращению».

САМОВОЛЬНЫХ БОЛТУНОВ

В этом стихотворении та же идея, что и в поэме «Саша»: обличение лживости и бессилия русских либеральных дворян. Покуда у либерала нет денег, он «озолотил бы бедняка» — на словах, конечно, но чуть только он получает средства к тому, чтобы озолотить бедняка, он мгновенно забывает о своих благородных порывах.

«НЕСЧАСТНЫЕ»

Плевелы — сорные травы; обычно плевелами называют вредные идеи.

Расшива — деревянное парусное судно, вроде большой барки.

Фельдъегерь — военный курьер.

«...идет солдат за фурой вроде погребальной» — везут арестованного в полицейской карете.

Некрасов писал «Несчастных» главным образом в Риме, вскоре после того, как Александр II дал амнистию политическим ссыльным (август 1857 года). До той поры цензура не разрешала никаких упоминаний о жизни ссыльных.

Перед отъездом за границу поэт успел написать только небольшой отрывок поэмы («Петербургское утро»), который и был напечатан в майском номере «Современника». Зимой 1856 года, поселившись в Риме, он с необыкновенным увлечением принялся за работу: «24 дня ни о чем не думал я, кроме того, что писал, — сообщал он Тургеневу, прося его отзыв. — Скажи мне, пожалуйста, правду. Это для меня важно. Право, для меня прошло время писать из любви к процессу писания — хочу знать, надо ли и стоит ли продолжать? — потому что впереди еще очень много труда... То, что я тебе пошлю (отрывок о Кроте), — только шестая доля всей поэмы».

Очевидно, поэма была задумана очень большая. Некрасов сам говорил, что в эту работу он думал «вылить всю свою душу».

Но тут до Некрасова дошли из Петербурга тревожные вестки: книжка его стихов вызвала цензурную бурю. Разнесся слух, что правительство хочет закрыть журнал Некрасова «Современник», а его самого посадить в Петропавловскую крепость (см. примечание к «Поэту и гражданину»). Встревоженный этим известием, которое застигло его «в самом разгаре работы и как варом обдало», Некрасов уже не мог осуществить свой замысел во всей полноте: «поэма моя засела, — писал он Тургеневу: — то есть

я ее кончил, скомкав и не сделав половины того, что думал».

Кончив поэму, Некрасов, по собственным его словам, начал ее «портить»: изменять выражения, вычеркивать фразы, которые могли вызвать гнев цензуры. В таком искаженном виде «Несчастные» были напечатаны в «Современнике» (под заглавием «Эпизод незаконченной поэмы»).

Сохранился экземпляр «Несчастных», в котором Некрасов собственноручно заполнил все цензурные пропуски. Их было немало.

Двустинье о том, что в стенах Петербурга —

И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы, —

было смягчено таким образом:

И есть и встарину бывали
Сердца из золота и стали.

Стихи о сорванце-ветре, который «смеется над столицей» и непочтительно играет «флагом гордого двора», были заменены такими стихами:

Но внемля ропоту людей,
Он стоном-стонет над столицей,
И флагом гордых кораблей
Играет как простой трюфлей.

Цензура заставила вычеркнуть даже намек на то, что Крот — политический ссыльный.

Но даже и в урезанном виде эта поэма не могла не вызвать неудовольствия власти: цензор рапортовал министру, что восхваление «безымянного колодника» имеет своей целью «общественный протест»; предсмертное видение Крота —

На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил.

он называл «пророчески-двусмысленным», то есть вполне справедливо видел здесь намек на будущее народное восстание. И Главное управление цензуры поспешило сделать выговор цензору, который пропустил эти стихи.

Поэма «Несчастные» создавалась под сильным влиянием поэм Пушкина, особенно «Медного всадника» и «Цыган».

В одной рукописи Некрасов сам назвал первый отрывок поэмы — описание Петербурга — «описание Петербурга».

В тексте он упоминает о Пушкине, обращаясь к Петербургу:

С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
И плененный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвии полночи безлунной,
В движении гордой суеты!

В этих строках пересказано известное описание Петербурга в «Медном всаднике» (Вступление).

Пушкинскому образу блестящей столицы Некрасов противопоставляет другие, мрачные, стороны великого города.

Желая изобразить политического изгнанника, Некрасов наделил «вестника добра», Крога, чертами известных ему революционных борцов — своего учителя Белинского, декабристов, петрашевцев.

1857

ТИПИЧНА

Критик В. Я. Кирпотип по поводу «Типичны» говорит: «Некрасов не был политическим мыслителем, — он был поэтом крестьянской демократии. Крестьянство шестидесятых годов уже явно обнаруживало признаки грозного революционного протеста, но в большинстве своем оно было еще забито вековым рабством и христианской религией. Забитость эта талла весьма заметно. Однако Некрасов, как поэт, очень чутко воспринимавший народную душу, то есть характер крестьянства, не мог не поддаваться время от времени этой стороне того класса, чьим выразителем он выступал в литературе».

«Смирненное умиление — это была только кратковременная минута в настроениях Некрасова».

1858

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Проектёр — составитель вздорных и несущественных проектов.

Иди́г рим — странник.

Щелкопёр — писака.

Аркадская иди́г рия — безмятежная жизнь на лоне природы в счастливой стране.

По словам жены Некрасова, Авдотьи Панаевой, это стихотворение возникло так. Против того дома, где жил поэт, находилась квартира министра государственных имуществ. Однажды осенью, в холодное дождливое утро Некрасов увидел из окна, как дворник и городской гнали от министерского подъезда иззябших и промокших крестьян, спозаранку явившихся с каким-то прошением. «Поэт, — рассказывает Панаева, — сжал губы и нервно пощипывал усы, потом быстро отошел от окна... Часа через два он прочел мне стихотворение «У парадного подъезда».

В легальной печати стихотворение появилось лишь через пять лет после того, как было написано. В течение этого времени оно ходило по рукам в различных списках и было напечатано в «Колоколе», «Колокол» — выходившая в Лондоне «вольная» (то есть бесцензурная) газета, созданная Герценом в эмиграции, разоблачавшая беззакония русских чиновников и помещиков-крепостников.

Герцен снабдил стихотворение следующим примечанием: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нельзя не поместить».

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

Эта песня, появившаяся в самый разгар шестидесятых годов, стала боевым гимном молодого поколения.

Добролюбов, писал своему другу: «Выучи паизустъ и вели вссм, кого знаешь, выучить «Песню Еремушке» Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике»... помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в типе пошлости. Боже мой, сколько великодушных вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!»

Одна тогдашняя гимназистка рассказывает: «Песня Еремушке» оглашала то и дело рекреационные залы повой женской школы; это стихотворение заключало в такой доступной форме правила повой житейской мудрости. «Жизни вольным впечатлениям душу вольную отдай», начинала бывало одна, самая бойкая из нас, и тотчас находились другие, которые продолжали: «Человеческим стремлениям в ней проснуться не мешай»... И вскоре собиралась целая толпа девочек, соединенная «Песней Еремушке», которая была в полном смысле слова паией ходячей песней! Когда старшие заставляли нас подчиняться старшине освященным обычаям, которые приходились нам не по вкусу, мы отвечали словами из «Песни Еремушке»: «Будь он проклят, растлевающий пошлый опыт — ум глупцов!» и говорили самим себе: «Силу новую благодородных юных дней в форму старую, готовую неудобуманно не лей!»

По словам автора воспоминаний, эта песня служила первым воплощением возникшей тогда розни между поколениями отцов и детей.

Н. Ф. КРУЗЕ

Московский цензор Николай Федорович Фоп Крузе был сторонником свободы печати и паотрез отказался вычеркивать резкие строки в представленных ему рукописях. Это вызвало гнев Александра II. В начале 1858 года Крузе был уволен от занимаемой должности. Все передовые писатели — Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Некрасов и др. — поднесли ему приветственный адрес. 8 апреля того же года па квартире Некрасова состоялось чествование Крузе. Тут Некрасов и сказал свои стихи «неустрашимому бойцу».

БУНТ

В июне 1857 года в селе Мурмине Рязанской губернии крепостные крестьяне отказались повиноваться помещику.

Рязанский губернатор привел войска и «усмирл» крестьян. Его жестокие подвиги были тогда же описаны в Герценовском «Колоколе».

Стихи Некрасова являются откликом па эту статью. Они не были пропущены цензурой и появились в печати лишь в 1913 году.

1860

ЧТО ТЫ, СЕРДЦЕ МОЕ, РАСХОДИЛОСЯ

Политические враги Некрасова — реакционеры и дворяне-либералы — распространяли о нем всевозможные сплетни, стараясь изобразить его беззащитным дельцом, эгоистом и циником, который в своих стихах только спекулирует «братством, равенством, свободою».

Один очевидец описывает, как читатели, поверившие таким сплетням, встретили Некрасова, выступавшего на литературном вечере:

«Большой зал Дворянского собрания был битком набит. С благотворительной целью давался вечер при участии известных писателей. Появление каждого из них восторженно приветствовалось публикой. И только, когда на эстраду вышел Николай Алексеевич Некрасов, его встретило гробовое молчание. Возмутительная клевета, обвинявшая вокруг славного имени Некрасова, очевидно, делала свое дело. И раздался слегка вздрагивающий и хриплый голос «мести и печали»:

Что ты, сердце мое, расходилося?

и т. д.

Что произошло вслед за чтением этого стихотворения, говорят, не поддается никакому описанию. Вся публика, как один человек, встала и начала бешено аплодировать. Но Некрасов ни разу не вышел на эти поздние овации...»

НА ВОЛГЕ (ДЕТСТВО ВАЛЕЖНИКОВА)

Ры ба л ки — водяные птицы, чайки.

Начало большой поэмы «Рыцарь на час», которую Некрасов не закончил.

По поводу тех строк, где изображается разговор бурлаков, Чернышевский писал в своих воспоминаниях: «Однажды, рассказывая мне о своем детстве, Некрасов припомнил разговор бурлаков, слышанный им ребенком, и передал; пересказав, прибавил, что он думает воспользоваться этим воспоминанием в одном из стихотворений, которые хочет написать. Прочитав через несколько времени пьесу «На Волге», я увидел, что рассказанный мне разговор бурлаков передан в ней с совершенной точностью, без всяких прибавлений и убавлений; перемены в словах сделаны лишь такие, которые были необходимы для подведения их под размер стиха... Вместо «А кабы умереть к утру, так было б еще лучше» — в пьесе сказано:

А кабы к утру умереть,
Так лучше было бы еще.

Только такими пятью-шестью переменами отличается передача разговора в пьесе от воспоминаний об этом разговоре, рассказанного Некрасовым мне.

РЫЦАРЬ НА ЧАС

В 1860 году Некрасов затеял большую поэму «Рыцарь на час». Героем этой поэмы должен был явиться он сам под вымышленной фамилией Валежников. Замысел не был приведен в исполнение; в печати появились только два отрывка: первая часть поэмы под заглавием «На Волге (Детство Валежникова)» и то стихотворение, которое ныне известно под заглавием «Рыцарь на час». По первоначальному плану оно составляло четвертую главу задуманной поэмы и называлось «Бессонница». Так оно и названо в «Современнике», где напечатано до слов: «что умел он любить», после чего следовало три ряда точек.

Сохранился отрывок «Рыцаря на час», написанный рукою Некрасова, в котором есть несколько строк, ярко выразивших революционные убеждения поэта. После слов: «Где лежит моя бедная мать», было написано:

.....
В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою...
И трудящийся, бедный народ
Предо мною с упреком идет,
И на лицах его я читаю грозу,
И в душе подавить я стараюсь слезу...

.....
.....

Да! теперь я к тебе бы воззвал,
Бедный брат, угнетенный, скорбящий!
И такую бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий,
В нем такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла.

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Подготавливая незадолго до смерти новое издание своих стихов, Некрасов сделал такое примечание к «Плачу детей»:

«Это стихотворение принадлежит в подлиннике одной английской писательнице и пользуется там известностью, вроде как «Песня о рубашке» Т. Гуда, — конечно, гораздо меньшею... Все остальное, что она писала, плохо. Я имел подстрочный перевод в прозе и очень мало держался подлинника: у меня оно наполовину короче. Я им очень дорожу».

Английская писательница, о которой пишет Некрасов, — Елизавета Браунинг.

В подлиннике — 156 строк, в переложении Некрасова — 40. Он сократил эту поэму не вдвое, как показалось ему, но вчетверо.

«Плач детей» был написан Елизаветой Браунинг под впечатлением одного официального отчета, где изображалась эксплуатация детей на английских заводах и шахтах.

Некрасов, переведя это стихотворение, знал, что оно целиком применимо к русской жизни. В царской России на фабриках широко применялся детский труд.

1861

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКА

Тарас Григорьевич Шевченко, великий украинский поэт, скончался в Петербурге вскоре по возвращении из ссылки (26 февраля 1861 года).

Подробности трагической биографии Шевченко переданы Некрасовым верно. Шевченко был пламенным врагом царизма и в своих ранних стихах страстно протестовал против крепостного рабства. В 1847 году он был сослан рядовым в Орскую крепость. Там его бесчеловечно муштровали, издевались над ним, запрещали ему заниматься любимым искусством, и десять лет он жил единственной мечтой — вернуться на волю. Наконец его освободили. Замученный вернулся он в столицу, поселился в Академии художеств, занялся любимой живописью, надеясь в ближайшее время уехать к себе на Украину, — и скоропостижно скончался, не дожив всего несколько дней до «раскрепощения» крестьян.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Лава — мостки для стирки белья, стоящие на берегу пруда или озера.

Дупель — болотная птица.

Все, что здесь описывает Некрасов, происходило в действительности.

Гаврила — живое лицо, знакомый Некрасову крестьянин-охотник, Гаврила Яковлевич Захаров, тот самый, которому посвящены «Коробейники» (см. стр. 125).

«Большая дорога» — многолюдный, бойкий тракт, соединявший Кострому с Ярославлем и проходивший неподалеку от Некрасовского имения Гершенево.

ПОХОРОНЫ

Порошок — порох.

«Суд приехал... допросы... тошненько!» — Судебные власти, приезжая в деревню для следствия о «мертвом теле», обычно привлекали к ответственности ни в чем неповинных крестьян, и тем приходилось откупаться взятками.

«Без церковного пенья, без лада...» — Священники отказывались хоронить самоубийцу, считая самоубийство грехом, которому нет прощенья.

ТУРГЕНЕВУ

Хотя в автографе это стихотворение озаглавлено «Тургеневу», но есть основания думать, что заглавие дано Некрасовым из цензурных соображений, а на самом деле стихотворение адресовано Герцену.

Вряд ли могут относиться к умеренному либералу Тургеневу хотя бы следующие строки Некрасова:

Врагу дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодяя.

Тургенев в течение всей своей деятельности никого не «клеял», не «проклинал» и ни с кого не «срывал» никаких масок. Все это характерно для Герцена. Именно о Герцене Некрасов имел право сказать, что он

... на смерть был готов идти
За страждущего брата.

КОРОБЕЙНИКИ

Кумач и китайка — дешевые бумажные материи, кумач — красного цвета, китайка — желтого.

Важеватый — степенный, осанистый, Любчики. — В то время крестьяне верили, что бывают волшебные предметы, помогающие человеку быть здоровым, привлекательным и т. п. Любчик должен был помочь девушке привлечь любимого.

Кутейники — попы и другие служители церкви.

Целовальник — продавец вина в кабаке.

Подоконник — нищий.

Кочажник — болото.

Бычки — небольшие тучки перед грозой.

Ухалица — филин.

Зерцало — знак царского суда, небольшая пирамида с указами Петра I, стоявшая на столе судьи.

Кто вас спутал? — насмешка над бурлаками, которые были соединены общей лямкой.

Кашпирята с Зюзенятами — крестьяне помещиков Кашпировых и Зюзинных.

«Встрелось нам лицо духовное...» — суеверная примета: встретить попа — не к добру.

Крестьянин Гаврила Яковлевич Захаров, которому посвящены «Коробейники», был товарищем Некрасова по охоте; отношения у них были приятельские.

Сын Гаврилы рассказывал, что сюжет «Коробейников» дан Некрасову Гаврилой.

Однажды на охоте с Гаврилой Некрасов убил бекаса, а Гаврила в тот же момент — другого, так что Некрасов не слышал выстрела. Собака, к его удивлению, принесла ему обоих бекасов. «Как — спрашивает он Гаврилу, — стрелял явного, а убил двух?» По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других «бекасах», которые попали одному охотнику под заряд. Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости:

Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд.

Другие подробности, например, о Катериночке, которой приходилось

Парня ждаль до Покрова,

основаны на рассказах Матрены, жены Гаврилы, которая также сидела в одиночестве, как и «Катериниушка».

Некрасов дарил Гавриле деньги, его детям и жене гостинцы, позднее дал ему книгу своих стихов с надписью.

В третьей главе Некрасов говорит о Крымской войне 1854—1855 годов, которая очень тяжело отозвалась на хозяйстве страны. Слова, обвинявшие царя в бедствиях войны: «Царь дурил — народу горячко!» — конечно, не могли быть пропущены царской цензурой, и потому при жизни Некрасова во всех изданиях вместо этой строки печаталось: «Враг дурил — народу горячко».

Когда «Коробейники» были напечатаны, Чернышевский воспользовался включенной в их текст «Песней убогого странника» для пропаганды революционных идей о переустройстве крестьянского быта: процитировав знаменитые строки:

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь? —

Чернышевский объясняет, что такими жалобами горю не можешь: крестьянин должен сам взяться за переделку своей жизни. Он пишет: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. «Я живу холодно, холодно». — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть изне теплою? — «Я живу голодно, голодно». — Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, чего же ты смотришь? — «Жену я бью, потому что рассержен холодом». — Да разве жена в этом виновата? — «Я в кабаке иду с голоду». — Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Но не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп».

Напечатанную свою поэму в журнале, Некрасов потом издал ее отдельно, дешевым изданием для народа, под заглавием: «Красные книжки. Книжка первая: Коробейники. Сочинил и издал Некрасов».

Поэт хотел дать крестьянину дешевое и хорошее чтение, он не только отказался от всякого дохода с этих народных книжек, но и весь расход по их печатанию принял на себя.

Некрасов хорошо угадал вкусы своего низового читателя — уже через несколько лет после появления «Коробейников» первые двадцать четыре строки поэмы вошли во все народные песенники, под заглавием «Коробушка» (или «Коробочка») чаще без имени автора. «Коробушка» поныне распевадается, как одна из любимых народных песен.

СВОБОДА

Написана вскоре после «раскрепощения» крестьян.

Чернышевский вспоминал впоследствии, как встретил Некрасов дарский манифест.

«В тот день, когда было обнародовано решение дела, я захожу утром в спальню Некрасова... Он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него. Рука лежит вдоль тела. В правой руке — тот печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице — выражение печали, глаза потуплены в грудь... При моем входе он встрепенулся, поднялся с постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил:

«— Так вот что такое эта «воля»! Вот что такое она!

«Он продолжал говорить в таком тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал:

«— А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это.

«— Нет, этого я не ожидал, — отвечал он и стал говорить, что, разумеется, ничего особенного он не ждал, но такое решение дела далеко превзошло его предположения».

Но словам Панителева, Некрасов говорил еще резче:

«Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами».

ДВАДЦАТОЕ НОЯБРЯ 1861 ГОДА

Двадцатого ноября 1861 года был похоронен Добролюбов.

Через два месяца, в январе 1862 года, когда петербургские студенты устроили вечер памяти Добролюбова, Некрасов произнес речь, в которой сказал:

«Мы во всю нашу жизнь не встречали русского юноши, столь чистого, бесстрашного духом, самоотверженного! Наше сожаление о нем не имеет границ, и едва ли когда изгладится. Еще не было дня с его смерти, чтоб он не являлся нашему воображению, то умирающий, то уже мертвый, опускаемый в могилу нашими собственными руками. Мы ушли с этой могилы, но мысль наша осталась там и поминутно зовет нас туда и поминутно рисует нам один и тот же неотразимый образ».

Потом поэт прочитал стихотворение «Двадцатое ноября 1861 года».

См. ниже примечание к стихотворению «Памяти Добролюбова».

1862

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

Верховой ветер — ветер с берега.

Некрасов прочитал в одном журнале хорошую песню украинских девушек, которая начиналась словами:

Ой нумо ж мы, нумо
В зеленого шума!

А в нашего шума
Зеленая шуба.

На образе зеленого шума Некрасов построил свою картину весны. Интересно, что в этих стихах он использовал не песню, а те прозаические примечания ученого этнографа, которые были к ней приложены.

1863

ПОЖАРИЩЕ

Блюхер — знаменитый прусский генерал, командовавший союзными армиями Пруссии и России, когда они в 1813 году выступили против Наполеона. Его лубочные портреты были распространены в России.

Забалканский — русский генерал-фельд-маршал Дибич.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

Преставился — умер.

Скрутское присутствие — комиссия по приему рекрут (новобранцев) в армию.

Артикул — ружейные приемы («на плечо», «на караул» и т. п.).

В русской армии при Николае I дисциплина поддерживалась бесчеловечными карами: виновных в нарушении устава засекали передко насмерть. То же произошло и с Иванушкой, сыном Орины. Перенес жестокое наказание, он имел силы вернуться домой, но через десять дней умер.

Удивительно мастерство, с которым Некрасов провел в печать эту цензурную тему: он умудрился рассказать об истязании, при едином словом не изображал его, при помощи одних недомолвок и намеков.

По поводу «Орины» Некрасов незадолго до смерти продиктовал своей сестре:

«Орина, мать солдатская, сама рассказывала мне свою ужасную жизнь. Я несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшивить».

МОРОЗ КРАСНЫЙ ПОС

Подклеть — нижний ярус избы, на зиму обрабатываемый в хлев для скота.

Ходобщик — торговец-разносчик.

Пени — жалобы.

Схимидца — монахиня.

«Видишь — зерно потекло...» — зрелое зерно стало само высыпаться из колоса.

Новины — штуки холста.

Мирской приговор — постановление крестьянской общины.

1864

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Добролюбов говорит в своих стихах от имени борца за свободу:

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою
И тебя благословляю:
Шестую тою же стезею —

то есть умирай, подобно мне, за будущее счастье людей. Этот призыв Добролюбова к героической смерти за идеалы социализма вынудил Некрасову знаменитые строки:

Учил ты жить ты славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Добролюбов умер на руках у Некрасова от скоротечной чахотки. Некрасов горячо любил его. Смерть Добролюбова была для него тяжелым ударом: «случилось со мною большое несчастье», писал он одному знакомому через десять дней после смерти знаменитого критика.

Один из сотрудников журнала «Современник» в своих воспоминаниях рассказывает, что за несколько минут до смерти Добролюбова он «увидел, что Некрасов плакал». В тот же день он сказал об умершем Добролюбове: «Какой светилышник разума угас!» И эти слова повторены в стихотворении «Памяти Добролюбова».

Первые 16 стихов были напечатаны в «Современнике», без заглавия и без подписи Некрасова.

В третьей строке цензура вычеркнула слова «для свободы», поэтому Некрасову пришлось написать «для отчизны». Вследствие чего первая строка была переделана так:

Суров ты был, ты на расвете жизни...

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ватикан — великолепный дворец римского папы, где собрано много произведений искусства. Коллизей — развалины древнего цирка в Риме.

Св. Стефан — старинный собор в Вене, ценный памятник средневековой архитектуры.

Аполлон Бельведерский — одна из красивейших статуй древности.

Здесь описывается постройка железнодорожного пути из Петербурга в Москву. Строили его, не щадя ни здоровья, ни жизни рабочих: рабочие мерли тысячами в сырых и холодных землянках. За каторжную земляную работу им платили по три рубля в месяц, у них не было ни одежды, ни обуви. Пользуясь их темнотой, приказчики обчитывали их на каждом шагу, а когда они выражали недовольство голодным казенным пайком, их наказывали плетью. Однажды жандармы выпороли 80 рабочих из партии в 700 человек. Доведенные до крайнего отчаяния, ра-

бочие то и дело убегали на родину, по их ловили и приводили назад.

Стихотворение Некрасова показывало всю эксплуататорскую сущность этого каторжного строительства и обнажало беспощадные силы экономической необходимости, гнавшие людей на эту каторгу.

Понятно, что такое стихотворение не могло быть одобрено царской цензурой. Возмущенный цензор писал: «Пельзя без содрогания читать эту страшную клевету на первое благотворительное предприятие нашего правительства... Автор утверждает, что люди, употребленные на работах, «гробы обрели здесь себе», что рельсы дороги, вместо подушек (шпал), укрепляемы чуть ли не на «косточках русских», что «начальство секло народ», предоставлял ему «мерзнуть и гибнуть от цынг в землянках». Не удовлетворяясь общими выражениями наглай клеветы, автор позволяет себе даже сделать произвольное исчисление мучеников, потерпевших смерть за железную дорогу, утверждая, что таковых пять тысяч... Вообще, стихотворение... представляет сооружение этого пути результатом притеснения народа со стороны правительства, с возбуждением негодования против высшего правительства».

На основании этого отзыва журнал «Современник», напечатавший «Железную дорогу», получил второе предостережение: ему угрожало закрытие.

Для Некрасова это было тяжелым ударом, но он посмеялся над распоряжением министра:

Всё пошатнулось! О, где ты,
Время без бурь и тревог?
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог...

О ПОГОДЕ

«Самоед на Неве удивляется...» — В тогдашних газетах появилось такое известие: «В Петербург приехали самоеды из Архангельска с оленями показывать себя и прокатывать на оленях петербургских жителей. Они устроили на Неве юрту и покрыли ее оленьими шкурами. Олени запряжены по четверке в маленькие санки».

«Вспомним Боззо...» — итальянская певица, гастролировавшая в России; умерла от простуды.

«Никакие известия из Вильно, никакие статьи из Москвы...» — В то время происходило подавление польского восстания, и известия из Вильно очень волновали общество. Тогда же реакционная московская печать (Катков) вела ожесточенную травлю поляков.

«...над Думой показались два красных шара...» — Эти деревянные шары были сигналом пожара; они вывешивались на высокой башне городской думы и на других пожарных каланчах.

«И на окнах аптек, в разноцветных шарах, вверх ногами на миг

отразилась...» — В то время отличительным признаком аптек были большие стеклянные шары, которые выставлялись на окнах.

ГАЗЕТНАЯ

Газетной называлась читальня аристократического Английского клуба. Тотчас же после того, как это стихотворение появилось в журнале, Совет по делам печати с негодованием отметил, что здесь «изображено в крайне оскорбительном виде звание цензора».

«Прав доньне старик Грибоедов...» — намек на слова Фамусова в «Горе от ума»:

Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно снится.

«Просто Толстой» — Феофил Матвеевич Толстой (1809—1881), цензор, музыкант и романист, автор «Болезней воли».

«До того расходилась печать, что явилась потребность субсидий...» — В 1865 году газеты «Голос» и «Московские Ведомости» упрекали одна другую в получении казенных субсидий. И обе получали.

«Нам Катков предостит великаном, мы Тургенева кушать зовем...» — Сопоставление Тургенева с реакционером Катковым должно было восприниматься тогдашним читателем как резкий выпад против Тургенева.

«Вральня» — шуточное название одной из комнат московского Английского клуба.

«И инвалид» — официальная газета военного министерства («Русский Инвалид»), в которой печатались приказы о служебных перемещениях, назначениях и наградах.

Цензор в «Газетной» упоминает ряд умеренных либералов, реакционная роль которых была видна и тогда. Но в отсталой России даже эти реакционеры-парламентарии казались охранителям «красными». Поэтому и реформист Маколей и Гизо, проводивший во Франции крайне консервативную политику в угоду дворянской олигархии, оказываются в одном ряду с «кровопийцей» Прудоном, запальчивым пропагандистом мелкобуржуазного анархизма.

Тьер, ныне известный как палач Коммуны 1871 года, в те времена заявлял о своей принадлежности к «партии революции» и мог быть причислен русскими регрессами к «злодеям» (то есть к борцам за свободу).

Кануиер — ядовитое растение.

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

6 апреля 1865 года Александр II даровал литераторам весьма своеобразную «свободу», издав закон о предоставлении «некоторых облегчений и удобств отечественной печати». По этому закону все газеты и журналы освобождались от предварительной цензуры. Но на деле «свобода печати» оказалась хуже цензурных тисков, потому что за малейшее злоупотребление этой «свободой» были назначены тяжелые кары. Прежде за содержание статей отвечал главным

образом цензор, теперь вся тяжесть ответственности падала на автора и редактора-издателя.

Вот какова была та «свобода слова», которая прощически воспевалась Некрасовым в «Песнях», причем недоверие к ней, сказавшееся в первых стихах, сменилось в стихотворении «Публика» явным презрением.

«Всё лишь подобье...» — В передовице Аксаковского «Дня» по поводу уничтожения предварительной цензуры были такие строки: «Всмотритесь пристально вокруг себя — что вы увидите? Толпу призраков, теней или, вернее сказать, подобий, вы окружены подобием всего» («День», 1865, стр. 313).

«Ясно-премудрый Аксаков, автор премудрого «Дня!» — Ив. Аксаков, славянофил, редактор газеты «День».

«Мы же долги мужикам!» — Один из подзаголовков статьи Ю. Жуковского, напечатанной в журнале Некрасова, был таков: «Как измерить примерно долг народу цивилизованных классов?» В ней доказывалось, что, судя по налогам, которые государство взимает с крестьян, так называемые культурные классы (то есть дворяне) должны крестьянам около шести миллиардов («Современник», 1865, № 9, стр. 92).

«И отрицают поэты пользу железных дорог!» — насмешка над министром Валуевым, который дал второе предостережение «Современнику» за напечатание Некрасовской «Железной дороги».

«Он положеньем Ташкента разволновался, как лев...» — 30 ноября 1866 года совет Главного управления по делам печати нашел, что в газете «Голос», в статье по поводу принятия Ташкента под покровительство России (№ 325), заключаются «резкие порицания и неприличные суждения о правительственных мероприятиях», и постановил объявить первое предостережение газете «Голос».

«Даже коснулся министра неустрашимый Катков...» — В газете «Московские Ведомости» ее редактор Катков изобличил министра народного просвещения А. В. Головнина в том, что он действовал на два фронта, одновременно заискивал перед Катковым и поощрял его врагов (М. Лемке, «Эпоха цензурных реформ», 1904, стр. 352—357).

Стихотворение «Осторожность» изображает тот мучительный страх, который вселила в издателей и журнальных работников мнимая «свобода печати». Так как в последнем отрывке (о пожаре в селе Остожье) было задето духовное ведомство, он мог быть напечатан лишь в 1869 году, в новом издании стихотворений Некрасова.

1867

НЕИЗВЕСТНОМУ ДРУГУ,

ПРИСЛАВШЕМУ МНЕ СТИХОТВОРЕНИЕ «НЕ МОЖЕТ БЫТЬ».

В. И. Ленин цитировал стихи «Неизвестному другу», чтобы показать, что либералы-кадеты напрасно «хватаются за фалды Некрасова».

31 Н. А. Некрасов — 18

«Некрасов, — говорил Ленин, — по... личной слабости грешил потками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них:

Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...

.....

«Неверный звук» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи» (В. И. Ленин, Сочинения. 2-е изд., т. XVI, стр. 132—133).

4 марта 1866 года им было получено укоризненное стихотворное послание, подписанное «Неизвестный друг». Оно отчетливо выражало сомнения, которые испытывала по отношению к Некрасову тогдашняя демократическая молодежь, смущенная преувеличенными слухами о той «личной слабости» Некрасова, которая порою вводила его от прямого революционного пути. Ответ Некрасова «Неизвестному другу» был написан приблизительно через год после каракозовских дней, как раз в то время, когда Некрасов получал от читателей множество ругательных писем.

Незадолго перед смертью поэт, подготавливая новое издание своих стихотворений, написал на полях возле слов «Неизвестному другу»: «Не выдуманный друг, но точно неизвестный мне... Где-нибудь в бумагах найдете эту пьесу, превосходящую по стилю. Ее следует поместить в приложении» («Стихотворения Н. Некрасова», П., 1879, ч. IV, стр. XXIII).

Вот эти стихи:

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Н. А. Некрасову

Мне говорят — твой чудный голос — ложь,
Прельщаешь ты притворною слезою,
И словом лишь толпу к добру влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою,

Но их речам меня не убедить;
Иное мне твой взгляд сказал невольно;
Поверить им мне было б горько, больно...
Не может быть!

Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламень,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень!

Но отчего ж весь мир сильнее любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая?!
Не может быть!

Но если прав ужасный приговор?...
Скажи же мне, наш гений, гордость паша,
Ужель сулит потомства строгий взор
За дело здесь тебе проклятья чашу?

Ужель толпе дано тебя лязвить,
Когда весь свет твоей дивится славе,
И мы сказать в лицо молве не в праве —
Не может быть!?

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положил над жизнью мою?
Твои слова и я приму тогда
И с верою расстануся моею.

Но нет! И им ее не истребить!
В твои глаза смотря с немым волненьем.
Я повторю с глубоким убежденьем:
Не может быть!

«МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

В «Медвежьей охоте» Некрасов продолжает борьбу с ненавистными ему либералами, от лица которых здесь выступает персонаж, именуемый Мишей. Это, так сказать, либерал на казенной подкладке, чрезвычайно довольный тем жалким «прогрессом», который установился при Александре II. Спорящий с Мишей Пальцов, хотя и не является двойником Некрасова, высказывает многие из его убеждений.

«Медвежья охота» написана вскоре после того разгрома, которому подверглась революционная «партия» в середине шестидесятых годов. При этом разгроме обнаружилась вся эфемерность и слабость либерального «общественного мнения», которое на первых порах всячески поддерживало революционно настроенную разночинную молодежь, а после первых ее неудач изменило ей и жестоко ополчилось на нее.

Вторая половина «Медвежьей охоты» посвящена оценке дворянского либерализма сороковых годов. Здесь Миша становится выразителем убеждений Некрасова. Поэт вкладывает ему в уста свои поэтические характеристики Белинского, Грановского и «либерала-идеалиста», принадлежащего к их поколению. Есть основания думать, что эти три отрывка были вначале написаны Некрасовым отдельно в виде самостоятельных стихотворений и лишь впоследствии связаны между собой в «Медвежьей охоте». Как выяснилось недавно, стихи о Грановском написаны еще в 1855 году. Восьмистишие, начинающееся словами: «Бог на помощь! бросайся прямо в пламя!» — написано в 1861 году и в рукописи озаглавлено: «Молодому поколению».

Когда цензор Лебедев делал доклад о направлении «Отечественных Записок», он обратил внимание на «Медвежью охоту». «В этой пьесе, — писал он, — преданы осмеянию молодые бюрократы, представленные людьми формы и слова, а не дела, в ней весьма неуместно между прочим описание времени 40-х годов, в которые будто приходилось всякому мыслящему человеку задыхаться от невыносимого гнета».

СУД

В третьей книжке Некрасовского «Современника» за 1866 год была напечатана статья Ю. Жуковского «Вопрос молодого поколения». Статья

была направлена против помещиков, которым автор предсказывал неминуемое обнищание. «Когда разовьется новое царство кулаков-промышленников, тогда дворяне либо покумются с кулаками, либо пойдут к ним в лакейскую службу», — такова была главная мысль статьи. За эту статью Жуковский был привлечен к суду вместе с ответственным редактором «Современника», историком литературы А. И. Пыпиным.

Дело слушалось 25 августа 1866 года в Петербургском окружном суде, без присяжных заседателей, при огромном стечении публики. Суд вынес оправдательный приговор, но товарищ прокурора обжаловал это решение окружного суда, и дело было перенесено в Петербургскую судебную палату, где слушалось 4 октября 1866 года. Судебная палата приговорила Пыпина и Жуковского к денежному штрафу по сто рублей и аресту на военной гауптвахте в течение трех недель каждого.

Под впечатлением этого судебного дела Некрасов и написал свою «Современную повесть».

«Суд» предназначался для первой книжки возобновленных «Отечественных Записок», но после напечатания был вырезан оттуда цензурой.

Граф А. Ф. Орлов (впоследствии князь) — шеф корпуса жандармов, главный начальник III отделения. Та «мораль», которую читал он Некрасову, приводится в стихотворении «Недавнее время».

«Модный магазин» — иллюстрированный журнал (редактор — София Меи, жена известного поэта). Программа журнала: «Распространять между нашими женщинами умение хорошо одеваться с соблюдением наибольшей экономии». В рукописи «Модный магазин» был сначала прописан как «преступный».

ЭЙ, ИВАН!

Корчемник — хозяин корчмы (кабака).

Ерофеев — горькая настойка.

«Линь бы лоб ему забрил — вешайся потом!» — Помещики были обязаны поставлять в царскую армию определенное число солдат из своих крепостных; при этом они старались сбывать в армию ненужных им или провинившихся людей, лишь бы выполнить разверстку.

Цензор был крайне недоволен содержанием этого стихотворения: «Здесь в самом возмутительном виде, — писал он, — представлено положение бывшего крепостного человека, употреблявшегося на всевозможные работы и получавшего в награду один побой».

1868

МАТЬ

У Некрасова терновый венок — суровая судьба революционера. Поясняя это стихотворение, Некрасов написал незадолго до смерти на полях своей книги: «Думаю — понятно: жена солдата или казенного».

НЕ РЫДАЙ ТАК БЕЗУМНО НАД НИМ

Стихотворение вызвано смертью критика Д. П. Писарева, утонувшего в возрасте 28 лет.

ДУШНО! БЕЗ СЧАСТЬЯ И ВОЛИ

Страстный призыв к революции, которому Некрасов с замечательным искусством придал «цензурную» форму. Чтобы обмануть цензоров, он озаглавил свое стихотворение: «Из Гейне». Но перед смертью зачеркнул заглавие и написал карандашом на полях: «собственное».

В революционной среде семидесятых годов это стихотворение было весьма популярно. Им начинается известная студенческая прокламация «Союза объединенных землячеств».

1870

ДЕДУШКА

Компессары — так в России XVIII века назывались сборщики податей.

К о с у л я — соха.

П о д ъ я ч и е — царские чиповники.

Ч и т а — село в Сибири, где в 1827 году был выстроен острог для декабристов. Там они находились до осени 1830 года. Ныне большой город.

Николай I, сослав декабристов в Сибирь, смотрел на них как на покойников. Тридцать лет продержал оп их в «снежных гробах», запрещаая какие бы то ни было паноминания о них. Но когда он умер, его наследнику пришлось подписать манифест об их возвращении в Россию.

Это возвращение изгнанников явилось огромным событием в жизни тогдашнего либерального общества. Особенно горячо встречали в Москве знаменитого декабриста С. Г. Волконского, который, по словам одного славянофила, возвратился в Москву «умудренным, примиренным, полным горячего и радостного сочувствия к реформам нынешнего царствования, преимушественно к крестьянскому делу, полным незыблемой веры в Россию и любви к ней и высокой внутренней простоты» («День», 1865, № 51 и 52).

Таким и изобразил своего декабриста Некрасов:

Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку.

Но, конечно, это христианское примирение старика-декабриста со своими мучителями было Некрасову чуждо, и вначале, в черновом автографе, он попытался, наперекор исторической правде, наделить его чертами революционного мстителя:

Взрослые люди — не дети,
Трус — кто сторицей не мстит!
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид.

Этот призыв «мстить сторицей» находится в резком противоречии с тем иконописным образом примиренного праведника, который Некрасов

сову пришлось воссоздать под давлением цензуры в окончательном тексте поэмы.

Многие черты «дедушки» Некрасов списал с натуры. Сергей Волконский тоже любил крестьян, дружески разговаривал с ними, сам занимался сельскохозяйственными работами и проч.

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

Дупель — болотная птица.

Пуделять — давать промахи из ружья.

Деревня Малые Вежи находится в той же Мисковской волости Костромской губернии, где Некрасов охотился с Гаврилой (о Гавриле см. примечание к «Коробейникам»). Малые Вежи действительно заросли хмелем, так как почти вся Мисковская волость занималась хмелеводством. Но избы этой деревни не стоят на высоких столбах, как описано у Некрасова. На столбах стоят только бани. Весенние воды, заливая окрестности и превращая каждое селение в остров, все же не доходят до изб.

1871

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

Первого марта 1870 года в Петербурге и в Москве был торжественно отпразднован столетний юбилей аристократического Английского клуба.

Некрасов воспользовался этим юбилеем, чтобы изобразить тех «тунеядцев», «казнокрадов», «народных воров», «трусов», «угнетателей», «обжор», «самодуров», которые в качестве выдающихся представителей правящих классов были наиболее почетными членами этого клуба.

«Старый дедушка был у нас членом...» — Баснописец П. А. Крылов сделался членом Английского клуба в 1817 году. В клубе была особая комната, которая называлась Крыловская; в этой комнате находились бюст баснописца, установленный над тем диваном, на котором он обычно сидел («Столетие СПб. Английского собрания», II, 1870, стр. 27, 92).

«Привезли из Москвы Полевого...» — В 1834 году знаменитый журналист Н. А. Полевой напечатал в своем «Московском Телеграфе» неодобрительный отзыв о патристической драме Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». За это Николай I закрыл журнал и приказал привезти Полевого в Петербург на перекладных в сопровождении жандарма.

У Цепного моста через реку Мойку в Петербурге помещалась охранка.

«Помню я Петрашевского дело...» — М. В. Петрашевский (1824—1866), стоявший во главе небольшого кружка, посвятившего себя разработке идей французского утопического социализма, был осужден на пожизненную каторгу в 1849 году. Вместе с ним суровым карам подверглись пятьдесят петрашевцев.

«И декабрьским террором пахнуло...» — Некрасов разумеет террор, который свирепствовал в России после подавления Николаем I декабрьского восстания.

Фокс и Роберт Пиль — известные английские общественные деятели.

«Подкосила их ликантропия...» — Ликантропия — помешательство, превращающее людей в бешеных животных. В данном случае Некрасов имел в виду знаменитого шефа жандармов князя А. Ф. Орлова, который к концу жизни заболел этим видом сумасшествия: «ползал на четвереньках и не хотел есть иначе как из корыта» (А. И. Вольф, «Хроника русского театра», П., 1882, III, стр. 112).

Кайен — денившийся гастрономами дорогой перец, который привозился из Кайены, французской колонии в Гвиане.

«Да поэму «Монго» изучить (эту шалость поэта-улана)...» — Скабрзная поэма «Монго» принадлежит Лермонтову. Лермонтов не был уланом.

«Взволновался Париж беспокойный...» — Революция 1848 года.

Донощик Авдей — Фаддей Булгарин, писавший доносы жандармам на всех неугодных ему литераторов, в том числе и на Некрасова (см. примечание к «Колыбельной песне»).

Колоссальный ворюге — А. Г. Политковский, тайный советник, близкий к Николаю I, растративший в пятидесятых годах три с половиной миллиона казенных денег. Состоял членом Английского клуба.

«Князь NN славянофил-католик...» — несомненно, князь Николай Иванович Трубецкой (1807—1874), придурковатый старик, перешедший в католичество. Он постоянно жил в Париже и в то же время искренне считал себя славянофилом.

«Чу! наш друг, путешественник славный...» — генерал-майор Егор Петрович Ковалевский, у которого был слуга-негр, вывезенный им из Абиссинии (А. А. Фет, «Мои воспоминания», М., 1890, I, стр. 129).

Юноша-гений — Добролюбов, постоянно смеявшийся над наивными восторгами и надеждами, которые возбуждали в либеральных кругах «реформы» шестидесятых годов.

«Бессмертную фразу: в настоящее время, когда...» — Добролюбов впервые сказал в рецензии 1858 г., пародируя восторженную риторику публицистов либерально-дворянского лагеря (Собрание сочинений, Л., 1934, т. I, стр. 474).

Ключ камергерский — знак почетного придворного звания.

жет...» — Трубецкая вспоминает о придворном бале в Зимнем дворце, где ей пришлось танцевать с Николаем I.

Плюмаж — перья на шляпах.

Зонтообразные пинны — порода сосец, растущих в Италии.

Куранты — часы с музыкой.

«Песком посыпанный листок...» — В прежнее время вместо промокательной бумаги употребляли песок.

Куафёр — парикмахер.

«Там люди редки без клейма...» — В царской России каторжников клеймили (раскаленным железом выжигали на лице особый знак). Это варварство было отменено только в 1863 году.

Варнак — каторжник.

Витии — ораторы.

При главной квартире — при штабе армии.

«Герой, выводивший своих сыновей туда, где смертельной сраженьем...» — Про генерала Н. Н. Раевского рассказывали, будто во время войны 1812 года он, желая воодушевить армию, взял своих малолетних сыновей и впереди всего войска повел их в атаку против французов. Многочисленные гравюры, картины и лубочные картинки изображали этот патристический подвиг; Жуковский прославил его в своем «Певде во стане русских воинов».

«Цвет южного неба в очах принесла...» — Здесь Некрасов пересказывает следующие строки из элегии Д. В. Вeneвитинова, посвященной З. Н. Волконской:

На цвет небес ты долго нагляделась,
И цвет небес в очах нам принесла.

Коринна — греческая поэтесса.

«Одна ростопчинская шутка...» — Граф Ф. А. Ростопчин — крупный вельможа, член Государственного совета, известный остряк.

«Поэт вдохновенный и милый, поклонник кузины, что рано почил, безвременно взятый могилой...» — Д. В. Вeneвитинов, умерший в 1827 г., в возрасте 21 года.

«В «Онегине» чудные строки...» — В первой главе «Евгения Онегина» Пушкина:

Я помню море пред грозой:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам...

В 1826 году декабристы были сосланы в Сибирь, на каторжные работы. Вскоре к ним поехали их жены: Муравьева, Ивашева, Трубецкая, Нарышкина, Розен, Волконская, Анненкова, Ентальцева, Юшневская. Избалованные светские женщины, привыкшие к блестящему светскому обществу, добровольно отреклись от богатств и почестей, чтобы разделить со своими мужьями унижительную жизнь на каторге, хотя закон освобождал их от брака с «преступниками». Николай I, опасаясь, что их подвиг усилит в русском обществе сочувствие к сосланным, принял жесткие меры, дабы помешать их намерению. В пути их

1871—1872

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

(Декабристки)

«А ты будь проклят, мрачный дом, где первую кадрили я танцевала... Та рука досель мне руку

обыскивали, на станциях им не давали лошадей, угрожали им всякими ужасами, в Иркутске заставили их подписать отречение от всех дворянских прав.

Но «декабристки» не испугались угроз: на всю жизнь поселились они в Сибири и вернулись оттуда старухами.

Поэма «Трубецкая» написана Некрасовым тотчас же вслед за «Дедушкой».

Всю зиму 1871 года Некрасов собирал материалы о декабристах: главным источником ему послужили «Записки декабриста» барона А. Е. Розена. Пользуясь ими, он изобразил сцену декабрьского восстания.

Напечатать «Трубецкую» в подлинном виде было немислимо, потому что Некрасов во время ее написания словно забыл о цензуре и включил в нее такие резкие строки, каких еще никогда не писал. Закончив поэму, он тотчас же начал «смягчать» ее, выбрасывая из нее нецензурные строки, которых оказалось очень много. «Думаю, что в таком испоконечном виде цензура к ней придраться не может», писал Некрасов, посылая поэму в журнал. Действительно, «Трубецкая» была очень «испокошена»: от шестой строфы остались только первые два стиха; после строки «Живого деревца» — шли 12 строк точек, и т. п.

«Трубецкая» была напечатана в 1872 г. В широких читательских массах она имела большой успех, хотя критика правого лагеря порицала ее за искажение исторической правды. Искажение заключалось в том, что Некрасов придал аристократу двадцатых годов идеологию революционерки позднейшего времени. Но он сделал это намеренно, так как под видом исторической повести ему хотелось провести в печать боевой памфлет о мучениках самодержавного строя, обращенный к молодому демократическому поколению семидесятых годов. Он писал эту поэму не как историк, а как публицист.

Напечатав «Трубецкую», Некрасов узнал, что у сына декабриста Волконского хранятся подлинные записки его матери Марии Волконской, и выразил желание познакомиться с ними. Так как Некрасов плохо понимал по-французски, Волконский переводил записки на русский язык, а поэт быстро записывал перевод на клочках бумаги.

«Вспоминаю, — сообщает Волконский, — как при этом Николай Алексеевич по несколько раз в вечер вскакивал и со словами: «довольно, не могу», бежал к камину, садился к нему и, хватаясь руками за голову, плакал, как ребенок. Гут я видел, насколько наш поэт жил нервами и какое место они должны были занимать в его творчестве».

После ознакомления с этими материалами Некрасов принялся за вторую поэму — о «декабристке» Волконской. Поэма была написана в течение лета 1872 года.

Демократический читатель был от нее в восторге, так как услышал в ней отзвуки своих собственных идей и стремлений: ею поэт устанавливал живую связь между подвигом декабристов и тем революционным движением, которое охватило широкие массы в семидесятых годах.

«Моя поэма, — писал Некрасов своему брату, — имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний... Литературные шавки меня шиплют, а публика читает и раскупает».

«Литературные шавки» — реакционные газетные критики — указывали, что в «Княгине Волконской» сказалось «оскудение таланта» Некрасова, что стих в этой поэме «вялый, пошловатый, банальный», что вся она «деревянна, першлава и антипоэтична».

В одной из рукописей Некрасова «Русские женщины» названы «Декабристками».

1874

УНЫНИЕ

О тава — трава.

«Тот не герой, кто лавром не увит иль на щите не вынесен из боя...» — В древнем Риме ветками лавра венчали победителей, а на щитах выносили из боя убитых воинов.

С то ж а р — шест, который втыкают в землю посреди стога, чтобы стог не клонился.

Некрасов всю жизнь относился к себе с чрезмерной суровостью и часто обвинял себя в таких грехах, в которых нисколько не был повинен.

Его поэтическое творчество было бессмертной революционной заслугой, а он укорял себя в том, будто он ничего не сделал для революции, будто жизнь его пропала зря:

Я даром жил...

Бесплоден труд, напрасен голос мой...

Плохой я гражданин...

Такими несправедливыми упреками Некрасов терзал себя постоянно. В элегии «Уныние» эти терзания выразились с особенной силой.

ПРОРОК

Полагают, что это стихотворение Некрасов посвятил Чернышевскому. При жизни поэта оно печаталось с подзаголовком: «Из Барбье».

Не желая, чтобы цензура связывала это стихотворение с русской действительностью, Некрасов решил выдать его за перевод и долго колебался, выбирая фиктивного автора. Сперва он думал приписать его Байрону, потом испанскому сатирику Ларре и наконец остановился на французском сатирическом поэте Барбье.

1875

СОВРЕМЕННОСТИ

Тотчас после «раскрепощения» крестьян (1861 год) в России ускоренными темпами стали строиться железные дороги — в интересах буржуазного хозяйства. Но так как устаревший дворянско-чиновничий строй был плохо приспособлен для организации таких крупных капиталистических предприятий, новые железные дороги оказались очень низкого качества, а стояли госу-

дарству чуть не вдвое дороже, чем лучшие дороги в Европе.

Правительство Александра II строило эти дороги якобы на европейский лад, с помощью концессий и акционерных компаний. Но в условиях феодально-бюрократических отношений буржуазная «свобода» частной инициативы привела к разнузданному хищничеству. Казна ежегодно терпела многомиллионный убыток, а учредители и участники железнодорожных компаний, ничем не рискуя, наживали огромные деньги, так как правительство гарантировало этим компаниям определенный (очень высокий) доход.

Потому-то Некрасов и рекомендует скульптору Антокольскому извлекать в виде статуй Гарантию и Субсидию — два «идеала», к которым стремились тогдашние железнодорожные деятели.

Началась небывалая в России биржевая спекуляция. Выдвинулся ряд «плутократов» (так называли тогда разбогатевших биржевых и железнодорожных дельцов). «Плутократы» привлекали к себе на службу инженеров, чиновников, адвокатов, профессоров, журналистов. Эти купленные интеллигенты получали от своих новых хозяев огромные куши и подобно им швыряли десятки тысяч на кутежи, на азартные игры, на женщин.

Некрасову эта вакханалия была омерзительна, так как она вела к разорению крестьян. Он для того и написал сатиру «Современники», чтобы обличить этих поощряемых государством грабителей.

Сатира написана с натуры. В ней выведены живые люди, иные под своими именами, иные — под вымышленными. Приводим полный перечень тех и других.

Магницкий — ханжа и доносчик времен Александра I; в качестве попечителя Казанского учебного округа разгромил Казанский университет.

Мадам Жюдик — парижская опереточная актриса, выступавшая в петербургском театре «Буфф».

Миша — Михаил Николаевич Лопгинов, известный библиограф, знаток старинной русской литературы.

Бартеков Петр Иванович — литературовед, редактор сочинений Пушкина, Лермонтова, Полежаева и др.

Давыдов — граф В. П. Орлов-Давыдов и Лобанов — князь Н. Б. Лобанов-Ростовский — представители многоземельного реакционного дворянства, требовавшего на съезде петербургских дворян реставрации дореформенных порядков.

Утин, Евгений Исаакович — адвокат и публицист.

Игуменья Митрофанья — монахиня-аферистка, судившаяся за подделку векселей и растрату.

Тиблен, Николай — издатель и книгопродавец, убежавший за границу с чужими деньгами.

Геккель, Гоппе — издатели.

Плотицын — скопец-миллионер, глава секты.

Антокольский, Марк Матвеевич — знаменитый скульптор.

Мишле Жюль, Кине Эдгар — французские писатели либерального направления.

Давыдов, Денис — известный партизан 1812 года, поэт.

Вымышленных имен меньше. Почти все они прикрывают собою подлинные имена тогдашних «героев времени» и легко поддаются расшифровке:

Засим Ветхозаветный — редактор «Русской Старины» М. Ив. Семецкий.

Федор Шкурин — железнодорожный делец, миллионер Петр Губонин.

Савва Антихристов — бывший откупщик В. А. Кокорев, беззастенчивый эксплуататор рабочих, прикрывавший свои темные аферы либеральными спичами.

«Леонид»... — биржевой делец И. А. Вышнеградский, директор Технологического института, автор ученых трудов по механике.

Барон фон Клоппенгорст — остзейский барон Герстдорф, начальник Ревельской железной дороги.

Ладьип — Н. И. Путилов, основатель Путиловского (ныне Кировского) завода в Петербурге.

Швабс — проф. Н. К. Бабст, директор Московского купеческого банка, в молодости большой либерал, сотрудник радикальных журналов.

Братя Примы — Гриммы; Гасфер — Гинзбург.

Фон Руге — строитель Московско-Казанской и Козловской железных дорог фон Дервиз.

Некоторое число «героев времени» обозначено не именами, а прозвищами:

Государственный неряха — адмирал Посет, назначенный в 1874 году министром путей сообщения.

Неотесанный болван — А. М. Варшавский, крупный железнодорожный делец.

«Нахал», испеченный «на французском масле», — Иван Варгунин, член правления в обществе взаимного кредита.

Авраам-изыскатель — Самуил Поляков, строитель нескольких железных дорог, учредитель Петербургско-Московского банка.

«Петух» — министр финансов Рейтерн.

Миллионер-мукомола — купец Овсянников, который в 1875 году из корыстных целей поджег арендуемую им паровую мельницу.

1863—1876

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Временно-обязанные — бывшие крепостные. Весною 1861 года крестьянам была «дарована воля», но тут же им было объявлено, что до весны 1863 года они должны попрежнему работать на своих бывших владельцев.

Воздухи — вышитые платки, употреблявшиеся в церковном богослужении.

Шлык — крестьянская шапка.

Подол на обручах — криолин, широкая юбка, растянутая на стальном каркасе, которая была в большой моде в шестидесятых годах.

Кимряки — жители села Кимры (в б. Тверской губернии), которые славились выделкой обуви.

Офени — мелкие торговцы, разносившие товар по деревням.

Блюхер — прусский генерал, командовавший союзными армиями Пруссии и России, когда они в 1813 году выступали против Наполеона. Его лубочный портрет был широко распространен в России.

Архимандрит Фотий — изувер и ханжа, один из вдохновителей реакционной политики Александра I.

«Шут Балакирев» — собрание анекдотов о Балакиреве, придворном шуте Петра I.

«Английский милорд» — лубочный роман XVIII века, выдержавший огромное количество изданий.

Хожалый — рассыльный при полиции.

Соцкий — сотский — выборный от крестьян, на которого возлагались мелкие полицейские обязанности.

Тать — вор.

Плетуха — большая корзина для сена.

Денник — сарай, хлев.

Земский исправник — начальник уездной полиции.

Посредники — мировые посредники, на которых возложено было упорядочение отношений между «освобожденными» крестьянами и помещиками.

Дормез — карета.

Наяп — наглец, нахал.

Шандал — подсвечник.

Фалетур — фрейтор, правящий передними лошадьми при запряжке дугом.

Быль Афонская — рассказ об афонских монахах, которые в 1821 году приняли участие в восстании Греции и были разбиты турками.

Пекур — плетеная корзина.

Раёк — ящик с передвижными картинками, папорома.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» начата Некрасовым вскоре после «освобождения» крестьян.

«Великая реформа», прославлявшаяся либералами, лишь в малой мере улучшила положение русского крестьянства.

«А на самом деле, — говорит В. И. Ленин, — это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех паделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены, — посажены на четвертной или нищенский падел. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их вла-

дении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены... крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми...» (В. И. Ленин, «Рабочая партия и крестьянство», Сочинения, т. IV, стр. 100).

Некрасов хорошо понимал действительную суть крестьянской «реформы» и постоянно указывал, что в сущности народ остается и при «свободе» несчастлив:

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.

Где же ты, тайна довольства
народного?

Ворон в ответ мне прокаркал: дурак!

Эта мысль явилась вначале главной темой поэмы Некрасова. Он решил сделать как бы ревизию всей пореформенной Руси и показать, что в новой, «раскрепощенной» стране все осталось попрежнему.

Таков был первый замысел поэмы. По мере того как она приближалась к концу, в уме у Некрасова сложилась новая тема — прославление революционеров, отдающих свою жизнь народу. Вот где истинное счастье: в революционном служении трудящимся массам. Дать этой идее воплощение стало предсмертным мечтою Некрасова. Судя по черновым наброскам, он намеревался в дальнейших частях поэмы сделать центральной фигурой юношу-революционера Григория Добролюбова.

Григорий и был, по мнению Некрасова, тот счастливцев, которого так долго искали странники. Он счастлив тем, что ему твердо известны пути к реальному воплощению «довольства народного».

Поэт писал «Кому на Руси жить хорошо» более десяти лет — с 1864 по 1876, — но поэма осталась незаконченной: по первоначальному замыслу странники должны были встретить помещика, попа, купца, чиновника, министра, наконец самого дая и «доподлинно доведать» про их счастье. Некрасов успел изобразить лишь встречу с попом и помещиком.

Главным источником поэмы Некрасова были народные великорусские песни, пословицы, поговорки, загадки.

Так, например, описание паружности Дёмушки:

Как писаный был Дёмушка —
Краса взята у солнышка,
У снега белизна —

взято из песни:

Как у этого млада сына отецкого
Красота взята от солнышка,
Белизна-то от бела снега.

А поговорка: «Матушка рожь кормит всех мужиков сплошь, а пшеница по выбору» — вошла в стихи:

Ишенида их не радует;
Ты тем перед крестьянином,
Ишенида, провинилася,
Что кормишь ты по выбору.
Зато не налюбуются
На рожь, что кормит всех.

Таким фольклором насыщена вся поэма. После смерти Некрасова Глеб Успенский сообщил с его слов, что в свою поэму поэт намеревался ввести «все сведения о русском крестьянстве, накопленные им по словечку в течение двадцати лет».

Последняя, наиболее революционная часть поэмы — «Пир — на весь мир» — была встречена цензурой крайне враждебно.

По словам цензора Лебедева, поэт выставил в своем произведении «в самых мрачных красках всевозможные страдания мужика, весь ужас прежнего рабского его положения и весь безграничный произвол помещичьего права...»

Цензор требовал, чтобы та книжка журнала, где печатался «Пир», была немедленно подвергнута аресту. Спасал журнал, издатель Краевский еще до выхода в свет этой книжки изъяс из нее «Пир — на весь мир». Для Некрасова это было страшным ударом. Он послал за цензором и «битых два часа убеждал его разрешить поэму, то подсмеиваясь над ним ядовито, то жестоко пробирая его и всю его клику». Но цензор «пытел, сопел, отпирал пот с лица, как после жаркой бани, и только по временам мычал отрывистые фразы: «Да успокойтесь, Николай Алексеевич», или: «Вот поправитесь, переделаете, тогда и пройдет».

Это было в ноябре 1876 года. Салтыков-Щедрин писал о поэте в ту пору: «... Этот человек, повитый и воспитанный цензурой, задумал и умереть под игом ее. Среди почти невозможных болей написал поэму, которую цензура и не замедлила вырезать из 11-го №. Можете представить себе, какое впечатление должен был произвести этот храбрый поступок на умирающего человека. К сожалению, и хлопотать почти совсем бесполезно: все так исполнено ненависти и угрозы, что трудно даже издали подступиться. А поэма замечательная, в большинстве довольно грубая, но с проблесками несомненной силы. Вот ежели бы был стыд, то этого бы не сделали хоть ради того, что человек 30 лет служил литературе и имеет имя...»

Доктор Белоголовый, лечивший в ту пору Некрасова, приводит в своих воспоминаниях следующие слова Некрасова о цензурных мытарствах «Пира»:

«Вот оно, наше ремесло литератора! Когда я начал свою литературную деятельность и написал первую свою вещь, то тотчас же встретился с пожилыми; прошло с тех пор 37 лет, и вот я, умирая, пишу свое последнее произведение и опять-таки сталкиваюсь с теми же пожилыми!»

«Как ни старались успокоить его друзья, но он горячился и несколько раз принимался за переделку поэмы, пользовался короткими промежутками между страшными болями и записывал стихи на отдельных листах бумаги».

Переделав «Пир» и устранив те места, против которых восставало цензурное ведомство, Некрасов сделал новую попытку напечатать поэму.

Цензура вырезала «Пир» из декабрьской книжки журнала. Этот новый удар не обескуражил Некрасова. Он снова вызвал к себе главного цензора и уговаривал его разрешить печатание «Пира». Но цензор, с своей стороны, умолял поэта пожалеть цензоров, которые пострадают на службе, если разрешат его стихи:

— Не лишайте нас куска хлеба, — говорил он поэту, — мы люди семейные. Не водружайте свои стихи на развалинах нашего существования. Завершите свое поприще добрым (?) делом: отложите печатание этих стихов.

«Пир» остался под цензурным запретом, и был напечатан только через три года после смерти поэта, и то в исковерканном виде: из текста поэмы были выброшены песни: «Веселал», «Барщинная», «Солдатская», «Колода есть дубовая» и др., причем в редакционном примечании указывалось, будто их выбросил сам поэт!

1876

ЗНАЕ (ТЫ ЕЩЕ НА ЖИЗНЬ ИМЕЕШЬ ПРАВО)

З и п а — жена поэта, которую он очень любил. Стихотворение написано во время предсмертной болезни Некрасова.

ЗНАЕ (ДВЕСТИ УЖ ДНЕЙ)

Жена поэта Зина так самоотверженно ухаживала за ним, когда он заболел, что, по свидетельству одного современника, «по истечении этих двухсот дней и ночей из молодой, беленькой и краснощеклой женщины превратилась в старуху с желтым лицом».

1877

ОСЕНЬ

Отклик умирающего Некрасова на русско-турецкую войну. Знаменательно, что это скорбное стихотворение об увечных и раненых написано им во время газетных ликований по поводу взятия Карса. Карс был взят 6 ноября; на следующий день «Новое Время» писало: «Весть о взятии Карса пронесется радостью по Руси!» (1877, № 609).

Поэт Голенищев-Кутузов еще накануне восклицал в той же газете:

Победа! На душе как будто легче стало!

В противовес этим ура-патриотическим радостям, Некрасов считал нужным напомнить о жертвах войны.

Стихотворение появилось в журнале без подписи автора. Это было последнее стихотворение, напечатанное при его жизни. Через месяц он скончался.

ВЕЛИКОЕ ЧУВСТВО! У КАЖДЫХ ДВЕРЕЙ

Дата стихотворения — 28 ноября 1877 г. — вполне объясняет восклицание Некрасова о «сокрушенном и плененном» враге. Именно в ту пору началась полоса русских военных удач: 6 ноября пал Карс, 28 ноября пала Плевна и был взят в плен Осман-Паша. В тогдашних русских газетах эти события были встречены шумною радостью:

«Карс пал! Честь и слава русскому солдату!»

В противовес этим бурным восторгам, Некрасов и теперь, как во время Севастопольской кампании, вспомнил раньше всего опротивевших матерей, которые тоскуют о своих детях в глухих деревнях, и дал, таким образом, новую версию знаменитого стихотворения «Внимая ужасам войны».

Но под этой темой скрывалась другая: о матерях революционных бойцов, заключенных в казематы и сосланных в Сибирь.

Примечания ко второй части

1842—1845

ГОВОРУН

«Говорун» напечатан в двух маленьких книжках, озаглавленных «Статьи в стихах без картинок». Кроме Некрасова, в этих альманахах участвовали В. Р. Зотов и Н. И. Куликов.

«И как — душа добрейшая — недорого берет!» — Намек на Фаддея Булгарина, известного журналиста тех дней, который славился своей бесстыдной продажностью.

«С тех пор, как шутка с «Нашими» пошла и удалась, тема кингс политипажами в столице развелась...» — В 1841—1842 годах в Петербурге были изданы литературные сборники под общим заглавием: «Наши, списанные с натуры русскими». Сборники были украшены политипажам, то есть рисунками, резанными на дереве.

«Историю которого сострепал Полевой...» — П. А. Полевой (1796—1846) — известный русский журналист и критик. В конце 1842 года в Петербурге вышел первый выпуск его «Истории Суворова» со 130 политипажам.

«Клот, Тимм и Нетельгорст». — Барон Константин Карлович Клотт (1807—1879) — первый русский гравёр на дереве в XIX веке. Барон О. Неттельгорст и В. Ф. Тимм — его ученики; они исполнили множество гравюр и рисунков для его изданий.

«А впрочем, Андреевская тут тоже хороша...» — В 1842 году в Петербурге на сцене Большого театра был поставлен фантастический балет Теодора Готье «Иккель». Сначала в нем выступала русская танцовщица

Андреевская, но с января 1843 года ее заменила французская знаменитость Люсьен Гран.

«Но самое печальное — либретто: уши рвет...» — Опера Гинки «Руслан и Людмила» была впервые поставлена 27 ноября 1842 года и выдержала за три месяца тридцать два представления. Либретто для нее было изготовлено литературным ремесленником К. Бахтуриным. Исполнил он эту работу «в четверть часа, под пьяную руку», как рассказывает в своих мемуарах М. Глинка.

«Рубини прискакала...» — Рубини — тогдашний «король теноров». Весною 1843 года он впервые посетил Петербург и дал несколько концертов в зале Дворянского собрания, после чего состоялось пятнадцать оперных спектаклей с его участием: поставлены были итальянские оперы «Отелло», «Лючия», «Сомнамбула», «Пуритане» и «Пират».

«О Листе книгу целую...» — Концерты знаменитого композитора Ф. Листа в Большом театре в июне 1843 года составили целую эпоху в тогдашней жизни петербургского общества. В стихах Некрасова игра слов: «целая книга» и Лист (бумаги).

«Сулье красив и прям...» — В воскресенье 23 мая 1843 года на плацу близ Александровской лавры состоялось под открытым небом большое конское ристалище, устроенное италмейстером турецкого султана, французом Луи Сулье.

«Прилежно я окидывал заморского кита...» — Подле Александринского театра в апреле 1843 года был построен балаган, в котором было выставлено для обозрения публички чучело кита длиною в 95 футов. Внутри чучела помещались двадцать четыре музыканта, а в голове была устроена гостиная, в которой посетители могли «покоиться на диване. Цена за вход по 1 рублю серебром и по 50 коп. сер. с персоны» («Северная Пчела», 1843, № 80).

«И гений Тюрин носился...» — Тюрин — знаменитый в тогдашних петербургских трактирах игрок на бильярде.

«Брамбеус сам с кометою за ум меня сравнил...» — В тогдашней петербургской прессе много было толков о комете, которая наблюдалась в Западной Европе в марте 1843 года. Когда в том же месяце того же года появилась маленькая книжка со стихами Некрасова о Белоляткине, О. И. Сенковский (барон Брамбеус) в шуточной статье сравнил эту книжку с кометою («Библиотека для чтения», 1843, 3, стр. 43).

«Что за красotka Боржил...» — «Лукреция Боржил» — опера Донизетти.

«Таких, как у Альбони, я...» — Мариетта Альбони — знаменитая итальянская певица, контраalto.

«Чтоб только петь, как Гарция...» — Артистка Полина Гарция (или Гарсия), по мужу Винардо (1821—1910), впервые появилась в Петербурге в 1843 году и вызвала своим пением всеобщий восторг. Она около сорока лет была близким другом И. С. Тургенева.

«Что даже у Фиглярина...» — Фиглярин — кличка Булгарина.

1859

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

«Петербургское стихотворение» есть пародия на «Песнь Миньоны» Гете. Первые четыре строки являются шуточным пересказом стихотворения Федора Глинка о Москве:

Город пышный, город древний,
Ты вмести в свои концы
И посады и деревни,
И хоромы и дворцы.

Стихотворная строка о Москве «России дочь любима» принадлежит П. И. Дмитриеву.

«Анафеме там предан Чернышевский...» — В Москве Чернышевского «предал анафеме» Аполлон Григорьев, который писал в «Москвитинине» 1855 года (№ 13—14), что Чернышевский проповедует в «Современнике» «тьму безвкусных и безобразных ересей».

«И Кокорева ум нашел себе приют...» — В. А. Кокорев — миллионер-откупщик, прикрывавший свои темные дела громкими либерально-патриотическими фразами. Писал по финансовым вопросам в московском «Русском вестнике» (1837, 24; 1858, 16 и др.).

«Ученый Бабст стихами Розенгейма там подкрепляет мнения свои...» — В московском журнале «Атеней» проф. И. К. Бабст поместил «Объяснение» (по поводу акциза на вино) и в последних строках статьи процитировал следующие стихи Розенгейма:

Пу, и напинешь: властям непокорны;
Этим, брат, всякого можно унять.

(1858, 46, стр. 207).

«Там в Хомякове чехи и мадьяры папили певца народности своей...» — Славянофил А. С. Хомяков в 1847 году написал:

О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываясь сном.

Мадьяров он не только не воспевал, но, напротив, считал злейшими врагами славянства.

«Там сомневается почтеннейший Киттары...» — Эти сомнения выразил на торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1858 года профессор технологии Модест Киттары. Он объявил себя врагом плетей и розог, но прибавил: «я прибегаю к ним очень редко, в самых крайних случаях... в минуты сомнения в непогрешимости моего взгляда» («Речи и отчет, читанные в торжественном заседании Московской практической академии», 1858). Киттары был инспектор этой академии.

«Там Павлов Соллогуба, Байборода Крылова обличил...» — В то время в Москве шумела лживая статья П. Ф. Павлова «Разбор комедии графа Соллогуба «Чиновник» (М. 1857). Никита Крылов, профессор римского права, был обличен Байбородой в са-

мом беспардонном невежестве («Русский вестник», 1857, 8, стр. 404, 406, 411). Байборода — журнальный псевдоним М. Н. Каткова, Ф. М. Дмитриева и П. М. Леонтьева.

«Там Шевырев был поражен сугубо...» — намек на избиение, которому подвергся профессор С. П. Шевырев 14 января 1857 г. на заседании совета московского художественного общества (Н. А. Добролюбов. Дневники. Под ред. Валерьяна Полянского. М. 1932).

«Там сам себя Чичерин порази...» — В 1858 году проф. Б. Н. Чичерин, представитель умеренного помещичьего либерализма, написал Герцену письмо в защиту русского правительства с указанием на вред революционной пропаганды Герцена. Это письмо вызвало в среде либералов горячие нападки на Чичерина. Когда целая группа лиц, в том числе Тургенев, Бабст и Анненков, выразила Чичерину письменный протест, он сам отправил их письмо Герцену и таким образом сам себя порази (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, II, 1919, IX, стр. 404—424, 440, 441; «Русская старина», 1890, 8, стр. 364; 9, стр. 627).

«Там область празднословного романа мужчина передал в распоряжение дам...» — В московском журнале «Русский вестник» участвовало много женщин: Евгения Тур, Кохановская, Жадовская, Каролина Павлова, Марко-Вовчок (М. А. Маркович) и др.

Устами Чаннингга о трезвости поют... — Уильям Чаннинг — американский священник. Его речь «О трезвости», произнесенная им в Бостоне в 1837 г., была напечатана в «Русском вестнике» (1839, XX). Подробная его биография была рассказана в том же журнале в статье Евгении Тур «Уильям Чаннинг» (1858, XIV).

«Там люди презирают балаганство...» — В «Московских ведомостях» «Свисток» назван «балаганным отделом «Современника», возобновленным, вероятно, по случаю недавних праздников» (1859, № 95).

1863

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

Пренумерант — подписчик.

В основе «Песни об «Аргусе» лежит подлинный случай. Важный чиновник, бывший цензор Очкин стал в 1863 году издавать в Петербурге газету «Очерки». Для привлечения подписчиков он хотел придать своей газете некоторый либеральный оттенок, но редактор, приглашенный им, слютил вокруг газеты левых радикалов и социалистов. Бывший цензор испугался и тайком от своих сотрудников прекратил издание газеты.

1877

ЗАТВОРНИЦА

Один из черновых вариантов поэмы «Мать», написанной Некрасовым на смертном одре. Боюсь, что уже не удастся написать давно задуманную

поэму, больной Некрасов хотел было напечатать этот черновой вариант и отдал набрать «Затворницу» для «Отечественных Записок».

«Затворница» не удовлетворила поэта. На обороте корректурного листа он начал набрасывать другую поэму о матери:

Но уж одно, что ты им не вредила...

.....

Как на небе ни много черных туч,
Но если ночь еще не наступила,
Все ж где-нибудь проглянет солнца луч.

.....

И если я не вышел на дорогу
С ножом в руке, тебе обязан я.

Эта новая поэма была закопчена через несколько дней и напечатана в «Отечественных Записках» под заглавием «Мать», а «Затворница» появилась лишь в 1879 году в первом посмертном издании его стихотворений, причем — неизвестно кем — слово п а л а ч в 8-й строфе было заменено более мягким д е с п о т. В авторской корректуре читаем:

Ты п а л а ч а покорством не смягчила.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

	<i>стр.</i>		<i>стр.</i>
Автору «Анны Карениной»	413	Двадцатое ноября 1861 года	138
Ах, были счастливые годы! (Из Гейне) . . .	33	Дедушка	219
Ах! что изгнание, заточенье! («Три элегии») .	272	Дедушка Мазай и зайцы («Стихотворения, посвященные русским детям»)	225
Бабуя притча («Кому на Руси жить хорошо») .	374	Декабристки (Русские женщины) . . . 237 и	250
Балет	188	Деловой разговор	447
Барщинная («Кому на Руси жить хорошо») .	394	Демону	103
Баюшки-баю	425	Дёмушка («Кому на Руси жить хорошо») .	361
Безвестен я. Я вами не стяжал	64	Деревенские новости	114
Белинский В. Г.	49	Детство	269
«Благодарение господу богу...»	144	Детство Балежникова (На Волге)	103
Блажен незлобивый поэт	31	Дешевая покупка	137
Буканист и библиограф	463	Дни идут... всё так же воздух душен . . .	417
Бунт	98	Доброе время — добрые песни («Кому на Руси жить хорошо»)	408
Бурлак («Кому на Руси жить хорошо») . . .	411	До замужества («Кому на Руси жить хорошо»)	351
Буря	45	Дома — лучше!	218
Бьется сердце беспокойное («Три элегии») .	273	До сумерек («О погоде»)	100
Вам, мой дар любившим и ценившим	420	Дружеская переписка Москвы с Петербургом	454
Ванька («На улице»)	28	Друзьям	419
В больнице	61	Дума	113
В гору! («Современники»)	306	Душно! без счастья и воли	219
В деревне	39	Дядюшка Яков («Стихотворения, посвященные русским детям»)	205
В дороге	4	Еврейская мелодия («Современники») . . .	310
Великое чувство! у каждой двери	429	Еду ли ночью по улице темной	19
Веселая («Кому на Руси жить хорошо») . .	334	Если, мучимый страстью мятежной	20
Вино	22	Есть и Руси чем гордиться	420
Влас	47	Еще тройка	217
Влюбленному	32	Железная дорога	169
В неведомой глуши, в деревне полудикой (Подражание Лермонтову)	14	Забитая деревня	66
Внимая ужасам войны	48	За городом	45
Возвращение	173	За желание свободы народу («Из Записной книжки»)	414
Волчица («Кому на Руси жить хорошо») .	365	Замолчки, Муза мести и печали!	67
Вор («На улице»)	28	Застенчивость	31
В полном разгаре страда деревенская . . .	142	Затворница	464
В столицах шум, гремят витии	87	Зачем меня на части рвете	216
Вступление к песням 1876—1877 годов . . .	416	Зеленый Шум	140
Вчерашний день, часу в шестом	24	Зине («Двести уж дней...»)	419
Выбор	195	Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!») .	425
Гадающей невесте	66	Зине («Ты еще на жизнь имеешь право») .	418
Газетная	178	Знахарка	104
Где твое личико смуглое	65	Из автобиографии генерал-лейтенанта Ф. И. Рудометова 2-го	457
Генерал Топтыгин («Стихотворения, посвященные русским детям»)	208	Извозчик	23
Герой времени («Современники»)	294	Из Гейне («Ах, были счастливые годы!») .	33
Гимн («Песни»)	194	Из Записной книжки	412
Гофору	439	Из поэмы «Мать»	421
Голодная («Кому на Руси жить хорошо») .	403	И старое и новое («Кому на Руси жить хорошо»)	402
Горе старого Наума	282	Как празднуют трус («Из Записной книжки») .	413
Горькое время — горькие песни («Кому на Руси жить хорошо»)	394	Как ты кратка, как ты послушна	70
Горящие письма	421		
Гробок («На улице»)	28		
Губернаторша («Кому на Руси жить хорошо») .	371		
Давно — отвергнутый тобою	48		
Да, наша жизнь текла мятежно	25		

	стр.		стр.
Калистрат	143	Ни стыда, ни сострадания! («Из Записной книжки»)	414
Кагерина («Песни»)	193	Ничего! гони во все лопатки	49
Княгиня	68	Новости	440
Княгиня М. Н. Волконская («Русские женщины»)	230	Новый год	39
Княгиня Трубецкая («Русские женщины»)	237	Но, любя, свое сердце готовь... («Из Записной книжки»)	414
Когда из мрака заблужденья	5	... Но первые шаги не в нашей власти!	276
Колыбельная песня	6	Ночлеги	277
Кому на Руси жить хорошо	312	Ночь. Успели мы всем насладиться	97
Кому холодно, кому жарко («О погоде»)	176	Нравственный человек	21
Коробейники	125	Огородник	8
К портрету («Развенчан нами сей кумир...») («Из Записной книжки»)	413	О двух великих грешниках («Кому на Руси жить хорошо»)	401
К портрету («Твои права на славу очень хрупки...») («Из Записной книжки»)	413	... Одиноким, потерянным	104
Крестьянка («Кому на Руси жить хорошо»)	346	О Муза! я у двери гроба!	429
Крестьянские дети	118	Он не был злобен и коварен («Из Записной книжки»)	414
Крестьянский грех («Кому на Руси жить хорошо»)	402	О письма женщины, нам милой!	33
Крещенские морозы («О погоде»)	174	О погоде. Часть первая	98
Крузе П. Ф.	97	О погоде. Часть вторая	174
Кузнец	269	Орина, мать солдатская	145
Кумушки	142	Осень	428
Ликует враг, молчит в недоумении	192	Осторожность («Песни о свободном слове»)	186
Литераторы («Песни о свободном слове»)	183	Отрадно видеть, что находит	5
Литература, с трескучими фразами	141	Отрывки из путевых записок графа Гаранского	42
Литературная травля, или «Не в свои сани не садись»	456	Отрывок из невакансионной поэмы «Без роду, без племени»	466
Мать	218	Отрывок («Родился я в губернии...»)	444
Маша	29	Отрывок («... Я сбросила мертвящие оковы...»)	426
«Медвежья охота»	196	Отъезжающему	280
Мое разочарование	416	Памяти Асенковой	37
Молбен	417	Памяти Белинского	40
Молодые («Песни»)	193	Памяти Добролюбова	168
Молодые лошади («Из Записной книжки»)	412	Первый шаг в Европу	456
Мороз Красный нос	148	Перед дождем	14
Московское стихотворение (Дружеская переписка Москвы с Петербургом)	454	Перед зеркалом	452
Муж и жена	427	Песни	192
Муза	29	Песни («Кому на Руси жить хорошо»)	353
Музе	419	Песни о свободном слове	181
Мы с тобой бестолковые люди	28	Песня («Всюду с музой проникающий...»)	464
Наборщики («Песни о свободном слове»)	182	Песня Еремюшке	96
На Волге (Детство Валежникова)	105	Песня («Из «Медвежьей охоты»)	203
Надрывается сердце от муки	141	Песня об «Аргусе»	458
Над чем мы смеемся	274	Песня об «орошении» («Современники»)	301
Накануне светлого праздника	271	Песня о труде («Из «Медвежьей охоты»)	204
Наконец, не горит уже лес	219	Песня преступников («Несчастные»)	85
На обеде в честь Мартынова	455	Песня убогого странника («Коробейники»)	134
На погорелом месте («Ночлеги»)	279	Петербургское послание («Дружеская переписка Москвы с Петербургом»)	454
На покое	281	Пир — на весь мир («Кому на Руси жить хорошо»)	391
На постоялом дворе («Ночлеги»)	277	Письма	64
На псарне	109	Плач детей	116
На родине	63	Подражание Лермонтову («В неведомой глуши, в деревне полудикой...»)	14
На смерть Шевченка	116	Подражание Шиллеру («Из Записной книжки»)	414
На улице	28	Пожарные	143
Начало поэмы	173	Помещик («Кому на Руси жить хорошо»)	340
Недавнее время	229	Поп («Кому на Руси жить хорошо»)	317
Не за Якова Ростовцева	464	Поражена потерей павозвратной	24
Неизвестному другу	195		
Не рыдай так безумно над ним	217		
Несжатая полоса	46		
«Несчастные»	77		

	стр.		стр.
Последние песни	416	Соловьи («Стихотворения, посвященные русским детям»)	228
Последние элегии	38	Сон	428
Последыш («Кому на Руси жить хорошо»)	376	Спрашивал я у людей («Из Записной книжки»)	414
Похороны	122	С работы	216
Поэт («Песни о свободном слове»)	183	Старики	446
Поэт и гражданин	73	Старость	427
Поэту («Любовь и Труд под горами развалин!»)	421	Стихи мои! Свидетели живые	92
Поэту (Памяти Шиллера)	286	Стихотворения, посвященные русским детям	205 и 225
Праздник жизни — молодости годы	60	Стишки! стишки! давно ль и я был гений?	445
Праздному («Из Записной книжки»)	413	Страшники и богомольды («Кому на Руси жить хорошо»)	399
Прекрасная партия	33	Страшный год	223
Приговор	419	Суд	210
Признания труженика	453	Сумерки («О погоде»)	102
Притча о Ермолае трудящемся	168	Счастливые («Кому на Руси жить хорошо»)	331
Притча о «Киселе»	460	Сыны «народного бича»	462
Проводы («На улице»)	28	— Так, служба! сам ты в той войне	10
Прошла книга («Песни о свободном слове»)	187	Так это шутка? Милая моя	26
Пророк	281	Тишина	87
Прости	76	Три элегии	272
Про холопа примерного — Якова верного («Кому на Руси жить хорошо»)	395	Тройка	9
Псовая охота	15	Трудный год («Кому на Руси жить хорошо»)	369
Публика («Песни о свободном слове»)	184	Тургеневу («Мы вышли вместе...»)	124
Пуškai мечтатели осмеяны давно	6	Тургеневу («Прощай! Завидую тебе...»)	72
Пуškai чуть слышен голос твой	426	Ты всегда хороша несравненно	21
Путешественник	277	Ты не забыта	427
Пчелы («Стихотворения, посвященные русским детям»)	207	Тяжелый год — сломил меня педуг	77
Пьяная ночь («Кому на Руси жить хорошо»)	326	Тяжелый крест достался ей на долю	70
Пьяница	5	Убогая и нарядная	90
Разбиты все привязанности, разум («Три элегии»)	273	У людей-то в дому — чистота, лепота («Песни»)	192
Размышления у парадного подъезда	92	Уныние	274
Рассыльный («Песни о свободном слове»)	181	Устал я, устал я	420
Родина	10	Утренняя прогулка («О погоде»)	98
Русские женщины (Декабристки)	237 и 250	Утро	273
Русь («Кому на Руси жить хорошо»)	411	У Трофима («Ночлеги»)	279
Рыцарь на час	110	Фельетонная букашка («Песни о свободном слове»)	183
Савелий, богатырь святорусский («Кому на Руси жить хорошо»)	356	Филантроп	40
Салтыкову М. Е. при отъезде за границу	287	Человек сороковых годов	204
«Самодовольных болтунов...»	76	Черный день! как нищий просит хлеба	426
Саша	52	Чинovníк	442
Свадьба	62	Что думает старуха, когда ей не спится	141
Сват и жених («Песни»)	193	Что ни год — уменьшаются силы	118
Свобода	137	Что нового? («Из Записной книжки»)	413
Секрет	13	Что ты, сердце мое, расходилось?	104
Сельская ярмонка («Кому на Руси жить хорошо»)	322	Чуть-чуть не говоря: «ты сушая ничтожество!»	70
Селителям	417	Школьник	71
Скоро — приметы мои хороши!	424	Элегия	286
Скоро стану добычею тлеция	418	Эпитафия («Из Записной книжки»)	414
Слезы и нервы («Из Записной книжки»)	124	Эй, Иван!	214
Смерть крестьянина («Мороз Красный нос»)	148	Юбиляры и триумфаторы («Современники»)	287
Смолкли честные, доблестно павшие	420	Явно родственны с землей	460
Современная ода	3	Я за то глубоко презираю себя	8
Современники	287	Я не люблю иронии твоей	25
Солдатская («Кому на Руси жить хорошо»)	406	Я посетил твоё кладбище	24
Соленая («Кому на Руси жить хорошо»)	409	Я сегодня так грустно настроен	47

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	<i>стр.</i>		<i>стр.</i>
Силуэт и автограф Ник. Некрасова . . .	V	Автограф Некрасова — «Колыбельная песня».	7
А. С. Некрасов, отец поэта	VI	Тройка. Литография А. П. Лебедева. 1877 . .	11
А. А. Буткевич, сестра Некрасова . . .	VII	Псовая охота. Рисунок Н. Каразина	15
Бывшая музыкантская в с. Грешневе.		Псовая охота. Акварель Петра Соколова . .	17
Фотография. 1927.	VIII	«Еду ли ночью по улице темной...». Рису-	
Обложка первого сборника стихотворе-		нок Н. Дмитриева-Оренбургского	19
ний Некрасова «Мечты и Звуки» . . .	IX	«Еду ли ночью по улице темной...». Лито-	
Русские писатели 1850-х и 1860-х годов:		графия А. П. Лебедева. 1865	20
И. С. Тургенев, В. А. Соллогуб, Л. Н.		Вор. Литография А. П. Лебедева. 1877 . . .	27
Толстой, П. А. Некрасов, Д. В. Гри-		Маша. Литография А. П. Лебедева. 1865 . .	29
горович, И. П. Папаев	XI	Александринский театр в Петербурге. Лито-	
Н. А. Некрасов. Фотография середины		графия 1850-х годов	35
1860-х годов	XII	Филантроп. Литография А. П. Лебедева. 1877.	43
Обложка журнала «Современник», вы-		Несжатая полоса. Рисунок Н. Папова	46
ходявшего в течение двадцати лет под		В. Г. Белинский. Рисунок К. Горбунова . . .	50
редакцией Некрасова	XIII	Саша. Рисунок Н. Дмитриева-Оренбургского.	53
Некрасов со своей любимой собакой		Саша. Литография Н. Невлева. 1863	59
Кадо. Фотография 1860-х годов	XIV	В больнице. Литография А. П. Лебедева. 1865.	62
Некрасов на охоте. Карикатура А. До-		Свадьба. Литография А. П. Лебедева. 1865.	63
лотова. 1869.	XV	Автограф стихотворения Некрасова «На ро-	
Дом Некрасова в с. Карабиха. Здесь Не-		дине»	65
красов написал поэму «Русские жен-		Забитая деревня. Картина Ф. Васильева.	
щины»	XVI	1869.	67
Похороны Некрасова. Рисунок А. Боль-		Княгиня. Литография А. П. Лебедева. 1863.	69
дингера (гравировал Крыжановский) .	XVII	Школьник. Рисунок А. Вахрамеева	71
Улица в селе Грешневе. Фотография.		И. С. Тургенев. Офорт Эд. Эдуэна. 1860-х го-	
1927.	XIX	дов	72
Некрасов в молодости. Акварель М. Заха-		Владимирка. Картина И. Левитана. 1892 . .	82
рова. 1847.	XX	Убогая и нарядная (Нарядная.) Литография	
Н. Г. Чернышевский	XXI	Н. Невлева. 1865.	91
Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского.		Авторская корректура последней части «Раз-	
Картина Н. И. Шестопалова	XXIII	мышлений у парадного подъезда»	93
Н. Г. Чернышевский. Фотография 1870-х		Размышления у парадного подъезда. Лито-	
годов	XXIV	графия А. П. Лебедева. 1865.	95
Острог в Вилкойске, где был заключен		На Волге. Литография А. П. Лебедева. 1865.	107
Н. Г. Чернышевский. Рисунок неиз-		Автограф Некрасова — отрывок из стихо-	
вестного художника	XXV	творения «Рыцарь на час». Вариант, не	
Автограф Некрасова: черновой отрывок		вошедший в печатный текст 1860 года . .	111
стихотворения «Страшный год»	XXIX	Автограф Некрасова — отрывок из стихо-	
Н. А. Некрасов. Бюст работы В. В. Коз-		творения «Рыцарь на час» (2-ая страни-	
лова. 1921.	XXXIII	ца)	113
Письменный стол и кресло Некрасова		Тарас Шевченко. С автопортрета 1860 года	117
в с. Карабихе	XXXIV	Крестьянские дети. Рисунок В. А. Серова.	
Некрасов со своей любимой собакой		1896.	121
Кадо. Фотография начала 1860-х годов.	XXXV	Похороны. Литография А. П. Лебедева. 1877.	123
А. И. Герцен	XXXVI	Коробейники. Литография Б. М. Кустодиева.	
Дом на Литейном проспекте (ныне про-		1922	126
спект Володарского, № 36), где жил и		Коробейники. Литография Б. М. Кустодиева.	
умер Некрасов.	XXXVII	1922	126
Большой Некрасов. Картина И. Н. Крам-		Коробейники. Акварель Б. М. Кустодиева.	
ского. 1877.	XXXIX	1921	127
Мемориальная доска на доме, где жил		Коробейники. Литография Б. М. Кустодиева.	
и умер Некрасов. Ленинград, пр. Воло-		1922	128
дарского (б. Литейный), д. № 36	XL	Коробейники. Литография Б. М. Кустодиева.	
Старый Петербург. Гравюра 1840-х годов	3	1922	130

	стр.		стр.
Коробейники. Литография Б. М. Кустодиева. 1922	130	Русские женщины. Акварель Д. Н. Кардовского. 1922.	245
Коробейники. Литография Б. М. Кустодиева. 1922	132	Русские женщины. Акварель Д. Н. Кардовского. 1937.	253
Коробейники. Акварель Б. М. Кустодиева. 1921	133	Русские женщины. Акварель Д. Н. Кардовского. 1937.	263
Коробейники. Акварель Б. М. Кустодиева. 1921	135	Группа декабристов в Чите, у ворот острога. Акварель неизвестного художника первой половины XIX века	265
Коробейники. Литография Б. М. Кустодиева. 1922	136	Русские женщины. Акварель Д. Н. Кардовского. 1937	267
Дешевая покупка. Литография А. И. Лебедева. 1877	139	М. Е. Салтыков-Щедрин. Фотография конца 1860-х годов	289
Орина, мать солдатская. Рисунок М. Кассира. 1922	145	Кому на Руси жить хорошо. Рисунки Б. М. Кустодиева. 1925	313
Орина, мать солдатская. Литография А. И. Лебедева 1877 года, запрещенная царской цензурой.	147	Кому на Руси жить хорошо. Акварель Петра Соколова. 1894	317
Автограф Некрасова — «Три тяжкие доли. . .» («Мороз Красный нос»)	149	Кому на Руси жить хорошо. Рисунок С. Герасимова (правая часть композиции). 1933	339
Мороз Красный нос. Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937	151	Автограф Некрасова. Отрывок из 3-ей части «Кому на Руси жить хорошо».	347
Мороз Красный нос. Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937	153	Кому на Руси жить хорошо. Литография А. И. Лебедева 1877 года, запрещенная царской цензурой (перечеркнута карандашом цензора)	357
Похороны крестьянина. Картина В. Г. Перова. 1865	155	Кому на Руси жить хорошо (Последыш). Рисунок А. И. Лебедева. 1892.	383
Мороз Красный нос. Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937	157	Кому на Руси жить хорошо. Рисунок С. Герасимова. 1933	383
Мороз Красный нос. Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937	161	Кому на Руси жить хорошо. Отрывок с поправками автора	393
Мороз Красный нос. Рисунок А. Ф. Пахомова. 1937	167	Про холопа примерного — Якова верного. Рисунок В. Д. Замирайло. 1931	397
Н. А. Добролюбов. Фотография 1840-х годов. Железная дорога. Рисунок И. Виндмана. 1902	168	Последнее из вышедших при жизни Некрасова изданий его стихотворений	415
Железная дорога. Рисунок И. Виндмана. 1902	169	Автограф Некрасова «Сейте разумное, доброе, вечное. . .»	416
Железная дорога. Рисунок И. Виндмана. 1902	171	З. Н. Некрасова, жена поэта. Фотография 1870-х годов	418
Железная дорога. Рисунок И. Виндмана. 1902	172	Н. А. Некрасов. Рисунок И. Петровского. 1852.	430
Петербургская зима. (К стихотворению «О погоде»). Рисунок К. Трутовского	175	Шарманщик. Рисунок М. Пикколо	433
Дядюшка Яков. Литография Б. М. Кустодиева. 1922	205	Концовки работы Ю. Сырнева.	
Дядюшка Яков. Акварель Б. М. Кустодиева. 1921	206		
Дядюшка Яков. Литография Б. М. Кустодиева. 1922	207		
Пчелы. Литография Б. М. Кустодиева. 1922.	207		
Вожак с медведем. Гравюра по рисунку И. Панова	208		
Генерал Топтыгин. Литография Б. М. Кустодиева. 1922	208		
Генерал Топтыгин. Акварель Петра Соколова. 1894	209		
Генерал Топтыгин. Литография Б. М. Кустодиева. 1922	210		
Дедушка Мазай и зайцы. Литография Б. М. Кустодиева. 1922.	226		
Дедушка Мазай и зайцы. Акварель Петра Соколова. 1894	227		
Дедушка Мазай и зайцы. Литография. 1922.	228		
Русские женщины. Акварель В. Кучумова. 1921	238		
Автограф Некрасова — начало первой части «Русских женщин».	241		

На отдельных листах (вклейках):

Н. А. Некрасов. Портрет работы И. Н. Крамского. 1877. (перед титулом).	
Н. А. Некрасов в 1850-х годах. Литография П. Бореля.	
А. Я. Панаева. Акварель неизвестного художника.	
Н. А. Некрасов в 1860-х годах. Литография П. Бореля.	
Некрасов и Панаев у умирающего Белинского. Картина А. А. Наумова.	
Н. А. Некрасов. Фотография 1860-х годов.	
Автограф Некрасова — черновой отрывок из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».	
Н. А. Некрасов в начале 1870-х годов. Фотография Левицкого.	
П. А. Некрасов в конце 1860-х годов. Фотография.	

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>стр.</i>		<i>стр.</i>
Жизнь Некрасова. <i>К. Чуковский</i>	V	Да, наша жизнь текла мятежно	25
Поэзия Некрасова. <i>В. Кирпотин</i>	XIX	Так это шутка? Милая моя	26
		На улице	28
Стихотворения			
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ			
1845			
Современная ода	3	Мы с тобой бестолковые люди	28
В дороге	4	Маша	29
Пьяница	5	Муза	—
Отрадно видеть, что находит	—	Новый год	30
Когда из мрака заблужденья	—	1852	
Пускай мечтатели осмелны давно	6	Блажен незлобивый поэт	31
Колыбельная песня (Подражание Лермон- тову)	—	Застенчивость	—
Я за то глубоко презираю себя	8	Влюбленному	32
		О письма женщины нам милой!	33
		Ах, были счастливые годы!.. (Из Гейне)	—
		Прекрасная партия	—
1846			
Огородник	8	1853	
Тройка	9	Памяти Асенковой	37
— Так, служба! сам ты в той войне	10	Последние элегии	38
Родина	—	В деревне	39
Секрет (Опыт современной баллады)	13	Памяти Белинского	40
В неведомой глуши, в деревне полудикой.. (Подражание Лермонтову)	14	Филантроп	—
Перед дождем	—	Отрывки из путевых записок графа Гараи- ского	42
Псовая охота	15	За городом	45
		Буря	—
1847			
Еду ли ночью по улице темной	19	1854	
Если, мучимый страстью мятежной	20	Несжатая полоса	46
Ты всегда хороша несравненно	21	Я сегодня так грустно настроен	47
Нравственный человек	—	Влас	—
1848		Внимая ужасам войны	48
Вино	22	Давно — отвергнутый тобою	—
Извозчик	23	Ничего! гони во все лопатки	49
Поражена потерей невозвратной	24	1855	
Вчерашний день, часу в шестом	—	В. Г. Белинский	49
1849		Саша	52
Я посетил твоё кладбище	24	Праздник жизни — молодости годы	60
1850		В больнице	61
Я не люблю иронии твоей	25	Свадьба	62
		Безвестен я. Я вами не стяжал	64
		Письма	—
		На родине	65
		Где твоё личико смуглое	—

	стр.		стр.
Гадающей невесте	66	Свобода	137
Забятая деревня	—	Дешевая покупка. Петербургская драма . . .	—
Замолчки, Муза мести и печали!	67	Двадцатое ноября 1861 года	138
1856		1862	
Княгиня	68	Зеленый Шум	140
Как ты кротка, как ты послушна	70	Литература, с трескучими фразами	141
Чуть-чуть не говоря: «ты сущая ничтож- ность!»	—	Надрывается сердце от муки	—
Тяжелый крест достался ей на долю	—	Что думает старуха, когда ей не спится . .	—
Школьник	71	1863	
Тургеневу («Прощай! Завидую тебе...») . . .	72	В полном разгаре страда деревенская	142
Поэт и гражданин	73	Кумушки	—
Прости	76	Калистрат	143
«Самодовольных болтунов...»	—	Пожарище	—
Тяжелый год — сломил меня недуг	77	Благодарение господу богу	144
«Несчастные» (Поэма)	—	Орина, мать солдатская	145
1857		Мороз Красный нос	148
В столицах шум, гремят витии	87	1864	
Тишина	90	Памяти Добролюбова	168
Убогая и парадная	90	Притча о Ермолае трудящемся	—
1858		Железная дорога	169
Стихи мои! Свидетели живые	92	Возвращение	173
Размышления у парадного подъезда	—	Начало поэмы	—
Песня Еремущке	96	1865	
Ночь. Успели мы всем насладиться (Отрывок)	97	О погоде. Часть вторая	174
Н. Ф. Крузе	—	I. Крещенские морозы	—
Бунт. Живая картина (Из «Записной книжки»)	98	II. Кому холодно, кому жарко	176
О погоде. Часть первая. Уличные впечатле- ния	—	Газетная	178
I. Утренняя прогулка	—	Песни о свободном слове	181
II. До сумерек	100	Рассыльный	—
1859		Наборщики	182
III. Сумерки	102	Поэт	183
1860		Литераторы	—
Демону	103	Фельетонная букашка	—
Что ты, сердце мое, расходилось?	104	Публика	184
... Одинокый, потерянный	—	Осторожность	186
Знахарка	—	Пропажа книга	187
На Волге (Детство Валежникова)	105	1866	
На псарне (Отрывок)	109	Балет	188
Рыцарь на час	110	Ликует враг, молчит в недоумении	192
Деревенские новости	114	Песни	—
Дума	115	У людей-то в дому — чистота, лепота . .	—
Плач детей	116	Катерина	193
1861		Молодые	—
На смерть Шевченка	116	Сват и жених	—
Что ни год — уменьшаются силы	118	Гимн	194
Крестьянские дети	—	1867	
Похороны	122	Неизвестному другу, приславшему мне сти- хотворение «Не может быть»	195
Слезы и нервы (Из «Записной книжки») . . .	124	Выбор	—
Тургеневу («Мы вышли вместе...»)	—	«Медвежья охота»	196
Коробейники	125	Песня (Из «Медвежьей охоты»)	203
		Песня о труде (Из «Медвежьей охоты») . .	204
		Человек сороковых годов (Из «Записной книжки»)	—

	<i>стр.</i>
Стихотворения, посвященные русским детям	205
Дядюшка Яков	—
Пчелы	207
Генерал Топтыгин	208
Суд (Современная повесть)	210
Эй, Иван! (Тип недавнего прошлого)	214
С работы	216
Зачем меня на части рвете	—
Еще тройка	217

1868

Не рыдай так безумно над ним	217
Мать («Она была исполнена печали...»)	218
Дома — лучше!	—
Душно! без счастья и воли	219
Наконец, не горит уже лес	—

1870

Дедушка	219
Страшный год	225
Стихотворения, посвященные русским детям	—
Дедушка Мазай и зайцы	—
Соловьи	228

1871

Недавнее время	229
Русские женщины (Декабристки)	237
Княгиня Трубецкая	—

1872

Княгиня М. Н. Волконская	250
Кузнец (Памяти Н. А. Милютина)	269

1873

Детство («В первые годы младенчества...»)	269
Накануне светлого праздника (Из стихотворений, посвященных русским детям)	271
Три элегии (А. Н. Плещееву)	272

1874

Утро	273
Над чем мы смеемся	274
Уныние	—
... Но первые шаги не в нашей власти!	276
Путешественник (Из «Записной книжки»)	277
Ночлеги	—
На постоялом дворе	—
На погорелом месте	279
У Трофима	—
Отъезжающему	280
На покое (Из «Записной книжки»)	281
Пророк	—
Горе старого Наума (Волжская быль)	282
Элегия	286
Поэту (Памяти Шиллера)	—

1875

М. Е. Салтыкову при отъезде за границу	287
Современники	—

	<i>стр.</i>
Часть I. Юбилеры и триумфаторы	287
Часть II. Герои времени	294

1863—1876

Кому на Руси жить хорошо	312
Пролог	—
Первая часть	317
Глава I. Поп	—
Глава II. Сельская ярмонка	322
Глава III. Пьяная почь	326
Глава IV. Счастливые	331
Глава V. Помещик	340
Крестьянка (Из третьей части)	346
Пролог	—
Глава I. До замужства	351
Глава II. Песни	353
Глава III. Савелий, богатырь свято-русский	356
Глава IV. Дёмушка	361
Глава V. Волчица	365
Глава VI. Трудный год	369
Глава VII. Губернаторша	371
Глава VIII. Бабы притча	374
Последыш (Из второй части)	376
Пир — на весь мир (Из второй части)	391
I. Горькое время — горькие песни	394
II. Странники и богомольцы	399
III. И старое и новое	402
IV. Доброе время — добрые песни	408

Разных годов

Из Записной книжки	412
Молодые лошади	—
Как празднуют тросу	413
К портрету («Твои права на славу очень хрупки...»)	—
Что нового?	—
Автору «Анны Карениной»	—
К портрету («Развенчан нами сей кумир...»)	—
Праздному	—
Эпитафия («Зимой играл в картишки...»)	414
Ни стыда, ни состраданья!	—
За желание свободы народу	—
Но, любя, свое сердце готовь	—
Он не был злобен и коварен	—
Спрашивал я у людей	—
Подражание Шиллеру	—

1876—1877

Последние песни

Вступление к песням 1876—1877 годов	416
Дни идут... все так же воздух душен	417
Сеятелям	—
Молебн	—
Скоро стану добычею тленья	418
Зине («Ты еще па жизнь имеешь право...»)	—
Друзьям	419
Музе	—
Зине («Двести уж дней...»)	—
Приговор	—

	<i>стр.</i>		<i>стр.</i>
Есть и Руси чем гордиться	420	1859	
Вам, мой дар любившим и ценившим	—	Дружеская переписка Москвы с Петербур-	
Смокли честные, доблестно павшие	—	гом	454
Устал я, устал я... мне время уснуть	—	1. Московское стихотворение	—
Поэту («Любовь и Труд — под горами раз-		2. Петербургское послание	—
вадин...»)	421	На обеде в честь Мартынова	455
Скоро — приметы мои хороши!	—	1860	
Горящие письма	—	Первый шаг в Европу	456
Из поэмы «Мать» (Отрывки)	—	Литературная травля, или «Не в свои сани	
Зине («Подовишь перо, бумагу, книги...»)	425	не сядишь»	—
Баюшки-баю	—	1863	
Пускай чуть слышен голос твой	426	Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора	
Черный день! как нищий просит хлеба	—	Иларионовича Рудометова 2-го	457
Отрывок («...Я сбросила мертвящие оковы...»)	—	Песня об «Аргусе»	458
Старость	427	1865	
Ты не забыта	—	Явно родственны с землей	460
Муж и жена	—	1867	
Осень	428	Притча о «Киселе»	460
Сон («Мне снилось: на утесе стоя...»)	—	1870	
Великое чувство! у каждой двери	429	Сыны «народного бича»	462
О Муза! я у двери гроба!	—	1874	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ		Букинист и библиограф (Из «Записной	
Стихотворения, не включенные автором в основ-		книжки»)	463
ной текст. Стихи на злобу дня. Юмористика. На-		1876	
броски, экспромты, отрывки		Песня (Из «Записной книжки»)	464
1842 — 1845		Не за Якова Ростовцева... (Черновой на-	
Говорун. Записки петербургского жителя		бросок)	—
А. Ф. Белопяткина	430	1877	
Новости (Газетный фельетон)	440	Затворница (Сон)	464
Чиновник	442	Отрывок из ненаписанной поэмы «Без роду,	
Отрывок («Родился я в губернии...»)	444	без племени» (Из «Записной книжки»)	466
Стишки! стишки! давно ль и я был гений?	445	Примечания	
1851		Примечания к первой части	469
Старики	446	Примечания ко второй части	489
Мое разочарование	—	Алфавитный указатель	492
Деловой разговор	447	Перечень иллюстраций	495
1853			
Перед зеркалом	452		
1854			
Признания труженика	453		

W104 - O gusto nro; no my suavia

1821

1877

